

ЭЙЛИН ТОРЕН

ПРИЗЫВ
ВЕДЬМЫ

ЧАСТЬ IV

Заключительная часть истории о двух наших современницах, попавших в другой мир без возможности вернуться домой. Потерявшие привычную жизнь в современном и понятном нам мире, они стараются совладать с собой в суровой действительности мира, полного опасности и жестокости.

Они вроде смогли преодолеть выпавшие испытания и найти в этом мире счастье и любовь.

Найти просто, а удержать? Ведь вокруг плетутся интриги, а угроза их счастливому настоящему становится ощутимой и близкой как никогда.

Теперь главное — не сломаться, найти в себе силы и бороться до конца!

За любовь, за любимых, за право жить в этом мире.

Роар был в ярости. Всё это время с момента, когда понял, что Рэтар не даст Хэле снять заговор на это проклятое воздержание. Митар терпел, но в конечном итоге нервы сдали, он вышел из себя.

— Почему я должен терпеть? Почему мне нельзя быть с любимой женщиной? Потому что Хэле вздумалось проучить всех мужиков в городе за, как ей одной только кажется, плохое обращение со своими женщинами? — рычал он, сидя в кровати и сходя уже кажется с ума от того, что невозможно спокойно отдаваться близости с Миленой. — Я никогда не обижал намеренно ни одну женщину. Свою, чужую! Никогда не считал, что дочки это плохо, никогда не забывал, что меня родила женщина. И всегда уважал тех, которые меня воспитывали. Почему я должен расплачиваться за других? На каком основании? Чему это всё меня должно научить?

И он хотел прибить Хэлу, несмотря на то, что любил её, ценил, но как же изводила злость на неё.

И Рэтару хотелось высказать всё, что Роар о нём думал — тан боялся, что если менять всё и делать как было, то Хэле станет плохо от такого сильного колдовства. Так пусть снимает заговор только с них, пусть на Шерга, например, оставляет, а Роар не при чём.

А ещё он был уверен, что уж с Рэтара она заговор сняла, да и вообще скорее всего не подействовало на него — он же феран, она не могла просто, без оснований на него наговаривать.

И Роар убеждался в этом каждый день, потому что Рэтар не менялся, он был таким, как всегда. Так спокойно терпел? Митар не верил. И вот та картинка, которая стояла перед глазами — Рэтар обнимает Хэлу, босую, растрёпанную, в рубаше цвета ранры, соблазнительную. И да, тан до умопомрачения любил эту женщину, и хотел так же сильно, хотя женщины никогда не были для него важны, но только не эта.

Но не выдержав, сорвавшись, начав рычать, Роар получил по носу, как глупый сирг, потому что Рэтар такого не простил бы никому, и надо было быть благодарным, что после такого выпада, остался цел, и даже не оказался запертым под башнями.

А потом рассказ Миты так отчаянно расстроил, но между тем и отрезвил.

Роар любил её, сильно. Она была той, кто всегда его успокаивал. Сколько раз мальчишкой он рыдал в неё, когда было обидно или больно. Мита утешала его, была добра и участлива, всегда на его стороне.

И никогда он и подумать не мог насколько ей самой плохо. Это осознание, что он сам того не зная, спас её от смерти, поразило до глубины души. Потому что представить как бы он жил без неё было невозможно. А уж то, что ради него она терпит издевательства и этот, пустой для него, но реальный для неё, страх быть выставленной на волю, если попросит развести её с этим тщедушным мужиком, являвшимся её супругом... и ведь Хэла только сейчас наговорила вот это благостное для женщины воздержание, а до того она заговором спасла Миту от побоев.

И Роар не замечал как его кормилица мучается, не замечал насколько ей тяжело живётся.

— Роар? — рука Милены легла ему на плечо. — Ты чего не спишь?

Митар обернулся на обеспокоенную ведьму.

— Думаю, — проговорил он.

— О чём?

— Ты меня избегаешь последнее время, — ответил митар, и хотя она мотнула головой, попыталась улыбнуться, сказать, что он ошибается, но он был прав. — Нет, избегаешь. Почему?

Глаза Милены наполнились слезами. Кажется он никогда к этому не привыкнет.

— Рэтар сказал, точнее, он попытался мне сказать, что я, — Роар нахмурился, не знал как сказать. — Что близость это больше, чем... а я... не важно.

Не было смысла говорить. Тан был прав, словно только животное осталось внутри, с низменными потребностями, словно вот этого тепла рядом не достаточно.

Может дело было в том, что Роар не привык спать с кем-то в одной кровати. Даже с Язой он толком и не был вместе. Когда был с ней, у них всегда была близость, потому что виделись редко, потому что служба, потому что война. А вот так, как сейчас, когда тихо спокойно, когда можно просто вдыхать запах кого-то дорогого, чувствовать — ведь Роар счастлив, что она просто рядом.

Он лёг, потянул за собой Милену.

— Спи, маленькая, — прошептал митар ей в макушку.

Она какое-то время лежала тихо, потом заёрзала и тихо спросила:

— А хочешь, — прошептала девушка, видно было, что страшно смущаясь, — ну... я могу же...

— Что? — не понял Роар.

Её рука осторожно погладила его грудь, потом продвинулась дальше, добралась до моментально оторвавшегося ласке мужского естества... ох, рваши, вот это зря!

— Светок, — прохрипел он.

Она глянула на него и его снесло, как у него с ней всегда бывало — не мог спокойно смотреть в это красивое и смущённое лицо, от взгляда становилось тяжело дышать. Было так странно тогда, когда она была пьяна и переступив через своё смущение стала смелой и сделала то, о чём он и мечтать не мог.

И сейчас побоялся спугнуть, дал ей возможность пойти до конца.

— Почему ты, — нахмурившись, спросил Роар, улыбаясь тому, как она в стеснении спрятала лицо, уткнувшись ему в грудь.

— Ты был так зол, и я просто... — проговорила Милена, запнувшись.

“И вот ты дурень!” — осознание было ярким и отвратительно болезненным. Теперь он понял, чему это всё, сотворённое Хэлой, должно было его научить.

Митар рыкнул, злясь на самого себя, потом перевернул её на спину, не давая договорить, подмял под себя и в долгу не остался, несмотря на все смущённые “не надо”. Но как же он сходил с ума от её тихих и робких стонов.

И только всё стало хорошо, только внутри унялось, как весть о приезде великого эла выбила твердыню из под ног.

Отдавая приказы о перераспределении стражи на основных башнях, Роар пытался держать себя в руках, но тревога скручивала, не давала вздохнуть.

Никто из них об этом не сказал, никто не озвучил тягостные мысли, но все искренне хотели верить, что это всего лишь полный самодурства визит, которые не займёт больше нескольких дней.

И как же хорошо, что обозы по ледяному тракту идут исправно и быстро, а потому

можно рассчитывать на то, что до того как весь этот вечно голодный и жаждущий развлечений двор великого эла доберётся до них, они смогут дать им то, что они хотят.

Когда Роар вернулся к себе и нашёл в комнате задремавшую в кресле Милену, скрутило так сильно, что вздохнуть не мог. Её захотелось не просто переместить в дом серых, как приказал феран, её захотелось спрятать где-то далеко, чтобы никто не добрался. За неё было страшно.

Роар присел перед ней и взгляделся в любимое лицо. Она будет недалеко, но не рядом. Он горько усмехнулся — столько дней он был вне себя, изводя её своим желанием и гневом, вместо того, чтобы наслаждаться каждым мгновением наедине. Она всё это время действительно была такой далёкой, такой напряжённой, а всё его вина. А теперь вообще нельзя будет даже видеть её. Невыносимо.

— Роар? Что-то не так? — прошептала Милена проснувшись и поймав его взгляд. — Прости, я уснула.

— Знаешь, светок, я очень тебя люблю, — проговорил он с трудом. — Что бы ни случилось, помни об этом, хорошо?

— Роар, ты меня пугаешь, — нахмурилась ведьма.

Он тяжело вздохнул.

— К нам едет великий эла, — сказал митар. — И его двор. Это хуже, чем торгоши в сезон после сбора урожая. Толпа из знатных, вечно голодных и бедных феранов с их дочерьми и сыновьями, наложницы, советники, даже слуги у него свои. И мы, пока он здесь, будем тоже не больше, чем просто прислугой и мальчишками для развлечения.

— А мы? — спросила Милена едва слышно, потому что конечно же переняла его настроение, уловила тревогу, чувство страха, которое никак не отпускало и душило-душило.

— Серым нельзя быть с великим эла в одном доме, — ответил Роар. — Да серые вообще редко, когда живут в хозяйском доме. Это Рэтар просто решил, что так лучше и удобнее. Но раньше серые жили не здесь, для них есть отдельный дом за стенами замка.

— И мы будем там? — догадалась она.

— Пока великий эла здесь — да, — кивнул Роар.

— А Хэла?

— И она тоже, — ответил митар. — Вам нельзя говорить с эла, нельзя на него смотреть. Нельзя творить заговоры пока он здесь. Мы не будем видеться.

— Совсем, — глухо и обречённо спросила Милена.

— Да, маленькая, совсем, — Роару было физически сложно говорить об этом, но на деле он молился богам, чтобы не случилось ничего такого, чтобы он с ней был вынужден увидеться за время пребывания великого эла в Зарне. — И я, я очень хочу тебя попросить — что бы ты не увидела... это... это неправда. Мне придётся быть услужливым, вежливым, любезным. Мне нужно будет улыбаться, даже тогда, когда мне этого не хочется.

Он вздохнул, взял её руку в свою, поцеловал ладонь.

— Я не хочу тебя обидеть, — Роар заглянул ей в глаза, — ты очень важна для меня, я люблю тебя, светок.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала Милена и обняла его. — Когда мне надо уйти?

— Завтра утром, — ответил он. — А сегодня побудь со мной, хорошо?

Утром, когда Элгор провожал серых в отдельный дом, сверху от Рэтара прибежал всклокоченный Гент.

— Там, у почтенного ферана великий эла, — отчеканил он Роару.

— Из портала, — уточнил митар.

— Да, пришёл только что. Достопочтенный феран распорядился мне вам сообщить.

— Догони Элгора и скажи ему тоже, — отдал приказ митар, Гент кивнул и убежал вслед за бронаром и серыми.

А Роар нашёл Эку и, предупредив её, поднялся наверх.

Великий эла сидел напротив Рэтара в книжной и что-то рассказывал. Вид у ферана при этом был не просто напряжённый, было видно, что он держит себя в руках, но с трудом получается делать лицо подходящее для обычной беседы. Тан глянул на вошедшего Роара и было видно, что благодарен за приход.

— О, достопочтенный митар Изарии Роар Горан, — воскликнул их гость, переводя разговор.

— Великий эла, — склонился мужчина в приветствии. — Процветания и благодати первому дому Кармии и тебе, правитель, здравия, стойкости и мудрости, — проговорил митар обычное приветствие правителю.

— Вы такие забавные, когда, после того как побреетесь на благословения Изара, и потом обрастаете все почти одинаково, — усмехнулся правитель.

— Главное, наши умения неизменны, — ответил митар.

— О, да. Девушки при дворе безумно скучают по тебе, Роар. И твоим умениям, — пошутил великий. — Не вздумай сказать мне, что ты тоже стал нелюдимым затворником, как твой тан.

Роар натянуто улыбнулся, надеясь, что получилось не слишком неестественно. В извинении склонил голову и подняв встретился со взглядом глаз грацитового цвета.

— Нет, великий эла, не стал, — ответил он. — И приношу свои извинения, если расстроил вас и прекрасных представительниц двора, но сейчас не могу позволить себе оставить своего ферана и фернат ради развлечения.

— Можно и не ради развлечения, — эла перевёл взгляд на Рэтара. — В совете феранов, который так любил твой отец, Рэтар, по Горанам тоже очень скучают.

— Неужели? — феран приподнял бровь.

— Конечно.

— Не уверен, великий, — ответил глава дома Горан, — что по людям, которых зовут только тогда, когда надо кого-то убить или с кем-то повоевать, скучают.

— Ты преувеличиваешь, Рэтар, — улыбнулся гость и махнул рукой. — Не так всё плохо. И тебе я при дворе тоже всегда рад. Вокруг меня слишком мало верных людей. А Гораны одних из самых верных.

И он одарил Рэтара таким многозначительным взглядом, что стало понятно — нет, он не прибыл, потому что ему захотелось их навестить.

Феран выдержал этот взгляд. Гораны никогда не давали повода усомниться в своей верности. Половина их людей была в армии Кармии, отряды служили элату верой и правдой, защищали границы, были в самых опасных местах. Этот визит был вызовом, но причина была не ясна.

Великий эла пришёл один, при нём не было советников, не было охраны. Двор должен был прибыть к ним из Хэжени не раньше, чем через три-четыре мирты. Присутствие правителя одного невообразимо напрягало и озадачивало.

— И что может быть приятнее, чем провести время в обществе старых добрых верных друзей. Но для начала я бы хотел отдохнуть, — эла встал, с ним встал и феран, а Роар сделал

шаг назад пропуская гостя вперёд, и в итоге занимая своё место за спиной своего ферана.

Они вышли из книжной, прошли в основную часть дома, там, а в гостевой части, по распоряжению митара, уже стояла стража.

— Кстати, — воскликнул эла и обернулся к Рэтару. — Мне помнится, что я тебе наложницу дарил, она у тебя? Не люблю спать один.

Роар видел, как Рэтар напрягся. Великий эла говорил о Шере. В Трите, узнав, что Рэтар её внезапно подарил, с одной стороны Роара удивило, но с другой — девица была назойлива, вспыльчива и глупа, а при том, что она натворила и какой скандал учинила, было понятно, что держать её при себе тан не станет. Да и Хэла...

— Она провинилась и я её подарил, — ответил феран спокойно.

— Подарил? — переспросил великий, глянув на хозяина дома через плечо. — Что она такого натворила?

— Врала, — пожал плечами тан.

— Врала? — на этот раз эла обернулся.

— Да.

— А вернуть ты её можешь, ради меня? — правитель подался корпусом вперёд и взгляд его стал едким и опасным. — Насколько я помню шикарная девица была.

— Не могу, она умерла, — ответил Рэтар так же спокойно и бесстрастно. Роар очень старался не удивиться услышанному, остаться безучастным.

— Так ты её подарил или она умерла, — уточнил эла.

— Я её подарил и она там умерла, — и митар не мог в очередной раз не подивиться выдержке своего тана, который сейчас держал удар. — У нас слишком холодно, великий — горячка никого не щадит.

Эла посмотрел в глаза ферана Изарии, пристально, склонив голову набок. Было понятно, что он что-то знал, что-то, что позволяло ему сомневаться в словах Рэтара. Роар напрягся. Это было плохо.

— Печально, хорошая была девка, — улыбнулся гость.

Рэтар небрежно пожал плечами, выдержав выжидательный взгляд правителя.

— Послать за какой твоей или других наших предложить? — спросил он так же спокойно.

— Не надо усложнять, достопочтенный феран, — великий махнул рукой и пошёл дальше. — Подойдут и ваши.

— Рады услужить, — склонил голову Рэтар и пошёл следом.

Они дошли до самой дорого обставленной комнаты гостевой части дома, той, что когда-то принадлежала Эргану Горану, когда хозяева здесь жили.

Зайдя внутрь великий эла издал восхищённый возглас:

— Твой отец несомненно знал толк в роскоши. Почему ты не живёшь здесь?

— Потому что для простого воина роскошь — это добротный меч и крепкая броня, кусок свежеприготовленного мяса и лепёшки, и выйти живым из боя, — ответил феран.

— Ты не меняешься, Рэтар, — ухмыльнулся правитель. — Столько тиров и всё такой же.

— Смею предположить, что это моё качество тебя всё же больше радует, чем удручает.

— Не сомневайся, — улыбнулся эла.

— Хорошего отдыха, великий, — Гораны поклонились и вышли.

Оказавшись в коридоре Рэтар повёл головой в раздражении, стал суровым и жёстким.

— У тебя есть наложницы, которые ему подойдут? — спросил феран у Роара, опережая

вопрос про Шеру, который хотел задать митар.

— Есть, — ответил он. — И у Элгора есть.

— Соберите ему всех, пусть выбирает, или, если надо, со всеми разом спит, — сказал Рэтар и направился к себе.

— Я сделаю, — митар догнал ферана. — Но объясни, что с Шерой. Что значит умерла? Когда? Куда ты её отдал?

Тан развернулся резко, так, что Роар чуть на него не налетел. Лицо его было жутким, глаза ледяными. Ткнув в его грудь пальцем Рэтар угрожающе прохрипел:

— Не смей лезть ко мне с этим, — каждое слово он забивал, словно молотом. — Делай, что нужно. И быстрее. Если возникнут трудности — я у себя.

С этим феран развернулся и ушёл, а митар осознал, что только что был очень близок от того, чтобы пожалеть, что умеет говорить.

Направляясь в харн, он столкнулся с Элгором. Тот был взвинчен и непривычно сильно нервничал.

— Ты знал, что Шера мертва, — спросил Роар у младшего брата, разобравшись с наложницами и отправив эла несколько из них.

— Что? — нахмурился Элгор.

— Рэтар сказал эла, что Шера мертва, — пояснил митар. — Что она захворала там, куда он её подарил и умерла. Ты знал?

— Нет, — ответил бронар, отводя взгляд.

— А куда отдал знал?

— Нет. И что за допрос вообще, Роар? — возмутился брат.

— Потому что тогда вы от меня что-то скрывали, Элгор, — ответил он брату.

— Нашёл время выяснить это, — взвился тот. — Давай заканчивай! А мне надо ещё с Митой поговорить о том, чем всю эту толпу паразитов кормить. И главное его сейчас.

Роар видел, что все эти пустые слова и недовольство показные, но младшего брата отпустил.

Внутри было тревожное предчувствие, что всё не так просто. Этот вопрос был задан не случайно. И Рэтар не был удивлён этому. Но задело тана по-настоящему.

Конечно, Элгор мог отвести взгляд и по причине того, что известие о смерти Шеры его расстроило. Но, нет, Роар не мог поверить во что-то такое. Он выругался про себя.

Мысли заполнили голову, бились одна о другую и это беспокойство всё никак не отпускало.

Великий эла спал до позднего вечера, ну или не спал, потому что ни одна из трёх, посланных к нему, наложниц митара и бронара обратно не вернулись.

Почти на пороге темени для него пришлось организовывать поздний ужин и конечно всем Горанам пришлось на нём присутствовать.

— Вообще не очень понимаю как вы тут без женщин обходитесь, серьёзно, — произнёс он, отпивая тёплой цнели. — Вот же был бы прекрасный стол, если бы сидели с нами девицы, красивые, вкусные.

— Нам хорошо и так, — отозвался Рэтар.

— Это тебе хорошо, — возразил эла. — Но вот то, что ты прячешь своих танов в этом вашем лесу непроходимом, это не хорошо. У меня при дворе девки извелись по твоему митару. Бронар у тебя, насколько мне память не изменяет, от брата тоже не отставал.

— У них тут забот хватает, — ответил феран. — На пирах пировать можно, когда дел

нет никаких.

— Рэтар, что у вас тут в холодную пору делать можно? — фыркнул правитель.

— Была бы эта пора обычной, может и нечего было бы делать, — заметил глава дома и от Роара не ускользнуло, что очень внимательно вцепился взглядом в гостя. — А так — скоро третий тир пойдёт, как холода не отступают.

— Тяжело? — спросил тот. — Может помощь нужна?

— Нет, блага, великий эла, мы справляемся, — склонил в благодарности голову Рэтар.

— Слышал, что вы призвали белую ведьму? — заметил правитель, и внутри Роара всё похолодело. Он перевёл взгляд на своего тана.

— Призвали, — ответил феран, на митара не посмотрев.

— Хм, но что-то не потеплело? — ухмыльнулся великий.

— Она ещё не может ничего, — спокойно отозвался на это Рэтар и отпил цнели.

— И долго ждать? — поинтересовался эла, но весь его вид был полон отвратительной мерзкой надменности. — Я в этом ничего не понимаю, отец мой разбирался в вопросе.

Роара передёрнуло, он почувствовал, как напрягся и Элгор, сидящий рядом.

Отчаяние заполнило митара, он хотел выйти вон. Отчётливо предстал перед глазами вот тот вечер, когда верховный эйол и фернита Эйорна Нарнея Лайнар решили посмотреть на диковинку Изарии — белую ведьму. И тогда он не смог отказать, точнее не почувствовал, что надо отказать. А надо было. И сейчас. Сейчас они не смогут отказать, если правитель захочет посмотреть. А если он увидит Милену...

Да, отец великого эла слишком хорошо “изучил” вопрос белого призыва. И сын был не лучше. А светок была именно такой, какие ему нравятся — маленькая, светлая, красивая. За неё Роар был готов удавить кого угодно, и великого эла в том числе. Он знал, что не сдержится, если владыка Кармии произнесёт эти страшные слова с просьбой посмотреть на белую ведьму.

— Да, слишком хорошо, — спокойно произнёс феран, отвечая великому на слова про отца правителя. — Только последствия были не очень.

И вот сейчас, после этих слов сдерживал себя уже не только митар, но и бронар. А вот эла внезапно рассмеялся.

— То есть не покажешь мне свою? — спросил он сквозь смех.

— Нет, — покачал головой Рэтар, оставаясь серьёзным. — Сначала она сделает то, ради чего её призвали. Тем более её призыв оплатили мои люди.

— Но связана она с тобой, — и было непонятно вопрос это или утверждение. Слишком много яда, слишком неоднозначен был сейчас взгляд из гостя.

— Со словом ферана, но он — это фернат, — ответил глава Горанов. — Ведьма всегда связана с фернатом.

— Фернат принадлежит элату, — заметил эла и Роар с ужасом понял к чему всё это идёт.

— А элат принадлежит тебе, и никто с этим не спорит, — и Рэтар оставался внешне спокойным и непоколебимым. Хотя скорее всего вся эта словесная игра уже его порядком выводила из себя.

Митар знал, что тан сделает всё, чтобы Милену великому эла не показывать. Наверняка он и Хэлу показывать ему не хотел. Но тревога не отпускала, держала ледяными пальцами горло, всё это напрягало и раздражало. Роар был в одном шаге от того, чтобы не выйти из себя и не навлечь на всех них беду. Захотелось выпить, но этого было нельзя делать. Надо

быть трезвым.

Эла ещё какое-то время пошутил на тему женщин и теперь присмотревшись к тану митар видел, что эта тема тоже напрягала, не меньше, чем разговор о ведьмах. Значит было много чего, о чём Роар понятия не имел, и это его удручало, потому что не понимая, мог навредить. А Рэтар всё хладнокровно поддерживал своё спокойствие, не ведясь на вызов гостя. Хотя понимая своего тана, Роар видел — феран на грани.

Поев, великий эла решил продолжить свой “сон”. Пошутил, что наложницы заморозятся до смерти в этом холоде, и удалился. Рэтар молча встал за ним, как положено проводил до дверей покоев, и направился к себе.

Элгор и Роар посидели за столом. Оба брата не говорили и были погружены в свои мысли.

Это время, пока эла будет здесь станет для всех них ещё бóльшим испытанием, чем митар предполагал.

— Я хочу знать, что происходит, Рэтар, — Роар был взвинчен и уже места себе не находил.

В ожидании прибытия двора, великий эла много ел, пил, говорил, спал и предавался похоти. Один раз ему захотелось погулять по Зарне, ещё раз он решил порыбачить “как в детстве”. Дважды тренировался — один раз с Элгором, второй с Роаром.

Ещё он пытался погладить алагана, который к нему даже не подошёл. И, что не удивило, знал про хараг, пожелал пообщаться и с ними. Правда Рэтар к ним эла не пустил. Сам же феран исправно выгуливал зверей Хэлы каждое утро, ещё до восхода Изара.

И он снова перестал спать.

Сейчас, когда пришло известие, что двор к вечеру прибует в замок, у митара Изарии окончательно сдали нервы и, решив видимо наплевать на последствия, он пришёл к ферану в желании получить ответы на мучавшие его вопросы.

Рэтар его понимал. Он приподнял бровь и испытывающе уставился на тана, который кажется тоже потерял сон. Тяжёлый взгляд Роар выдержал.

— У нас в гостях великий эла, — бесцветно произнёс феран, — а к вечеру здесь будет весь его пышный, благородный, бесполезный двор. Вот что происходит, достопочтенный митар.

Тан повёл головой, давая понять, что на выпад не поддастся.

— Он постоянно говорит о женщинах, а ты напрягаешься, — заметил Роар. — Что случилось с Шерой? Что ещё он знает, что не должен? И почему не знаю я? Ответь мне, я же чувствую. Я не дурак, Рэтар.

Феран вздохнул, нахмурился. Прислушался к себе.

— Кто-то рассказал ему обо всех наших делах, — ответил он. — Чтобы тебе было понятно — он знает всё. Он знает, что Хэла спит у меня в покоях, он знает о нападениях, знает о казни главы корты скотоводов, знает о наговорах, скорее всего знает о тебе и белой ведьме, хотя пока молчал об этом, но может приберёт на потом.

И Рэтар видел как взвился тан, сделживая гнев, смешанный со страхом за Милену. И это тоже было понятно.

— Сейчас я не могу сказать, кто именно всё ему докладывает, но это или Зеур, или Элгор, — Рэтар напрягся, — или Тёрк.

— Элгор? Тёрк? — переспросил Роар не веря в услышанное. — Тёрк? Ты подозреваешь Тёрка? Он тебе больше тебя самого верен, разве нет?

— Пока так, — заключил феран.

— Почему так? — не унимался тан. — В чём причина?

Рэтар вздохнул:

— В наложнице. В Шере.

— Она умерла не так, как ты сказал великому эла, — озвучил догадку митар.

— Да.

— В Трите? Когда от меня что-то скрывали. После того случая с камнем и Найтой?

— Да, — подтвердил все его предположения феран.

— Хэла? Её убила Хэла? — нахмурился митар и Рэтара вывернуло наизнанку.

Он отвёл взгляд от тана, стиснул себя, потому что знал, знал, что такое возможно. Когда

скрывал смерть наложницы, причиной было не только желание попробовать прижать Шерга, но и защитить Хэлу от несправедливого осуждения, которое вот оно, сразу вылезло наружу, да и от кого — от человека, который чёрную ведьму ценил и уважал, казалось, знал очень хорошо, но тем не менее всё равно обвинил. Что говорить о простых людях?

— Ей свернули шею, Роар. И Хэла здесь не при чём, — спокойно ответил феран. — О её смерти знали я, Элгор, Тёрк... Хэла, из-за зова теней. Зеур, потому что ему отнесли тело. И тот кто убил.

Тан явно устыдился своего предположения о вине чёрной ведьмы, задумался.

— Кто её убил?

— А вот этого я не знаю, — ответил Рэтар. — Точнее у меня нет доказательств, кроме пустых ничем не подкреплённых слов.

— Но ты знаешь кто? — вскинулся, не унимаясь, Роар.

— Скорее всего.

— Почему мне не сказали? — спросил митар и этот вопрос вывел ферана из себя.

— Потому что сейчас я бы и тебя подозревал, — прорычал Рэтар. — Потому что тебе не надо, потому что был сам не свой.

Митар с силой вобрал воздух, Рэтар видел, как тан пытается сдержаться, отчаянно и изо всех сил, оценил, что Роар всё-таки справился с гневом и обидой, унял себя. Несколько раз тяжело вздохнув, он посмотрел на ферана.

— Как ты хочешь выяснить, кто ему всё рассказал? — а Рэтару показалось, что вопросы кончились. — И всё остальное. Что со всем остальным и с этими разговорами про женщин?

— Жду новых вопросов, — отозвался он, горестно ухмыляясь про себя. — Про Хэлу сказал, что она заговаривает мою голову. Про наговоры — что всё с моего разрешения. Эйол подтвердил.

— Наш эйол? — удивился Роар. — Подтвердил? Солгал великому эла?

— Он у Хэлы в долгу, — пояснил феран. — Был. Отдал долг.

— А? — митар ушам своим явно не верил.

— Не важно. Это сейчас не важно, — устало вздохнул Рэтар. — А про женщин... дело идёт к браку.

— Что? — тан поперхнулся возгласом.

— Он будет настаивать на браке, — ответил глава дома. — Твоём, Элгора. Не знаю. Может моём. Пока только, видишь, говорит, что нам тут без женщин плохо.

— Рэтар, — и он упрямо повёл головой, нахмурился.

— Не сейчас, Роар, не сейчас, тан, — и Рэтар действительно очень устал. — Если есть ещё вопросы — задавай, если нет — иди.

Тот ничего больше не спросил, склонил в почтении голову и вышел.

Рэтар знал, что люди эла уже были в городе. И хотя внутри Зарны их не было, это было и ни к чему, потому что в доме была та тварь, которая писала докладные, отчитывалась за происходящее в Изарии и возле Горанов.

Об этом Рэтар знал задолго до начала всего этого действия и у него были ответы на предположительные вопросы, и даже если не было — он умел их быстро находить. Этому научил отец. Эарган всегда держал сыновей в состоянии готовности к тому, что прижмёт, что уколёт, напрягал и изводил. Рэтара особенно, потому что будущий феран должен уметь это лучше, чем кто бы то ни было.

Нынешний великий эла был подозрительным, во всех вокруг сомневающимся,

правителем, имеющим вздорный и беспокойный нрав. При этом был умным, начитанным, расчётливым человеком. Был неплохим заговорщиком и интриганом — в его лице перед Рэтаром предстал очень достойный противник.

Свои планы великий не раскрывал, что именно знал до конца не говорил, растягивая удовольствие от созерцания реакции на очередной неожиданно заданный вопрос с подвохом. И сейчас у эла было больше возможности прижать оппонента, которым в данном момент стал феран Изарии.

Причина была в том, что, пока Рэтар последние три тира рвался на части в своём фернате, действительно забросил двор и понятия не имел, что там происходит. Это было его ошибкой. Он всегда считал, что его воинов, находящихся в самых опасных и сложных местах Кармии, того что он защищает границу и оплоты с доступам к одним из самых дорогих выработок в Сцирце, достаточно, чтобы его считали верным слугой. Просчитался. Его решили проверить. Или стал действительно неуютен. Вот чего Рэтар пока не мог понять.

Это было похоже на поединок на мечах, только оружием были слова. И если бы вот эта схватка с великим эла касалась только одного ферана... если бы в итоге, проиграв, можно было бы потерять только собственную жизнь, Рэтар бы не оборачивался, играл, сражался во всю, в удовольствие, ни о чём другом не думая. Но дело было не только в его жизни, дело было в жизнях очень большого количества людей. И люди эти были не просто не безразличны — они были дороги ему.

Конечно Тёрка он предателем не считал. Роар был прав в том, что Рэтар верил старшему брату больше, чем себе. Но это знали очень многие. И на фоне происходящего, попытка втянуть Тёрка во всё это была понятной и естественной. Надо было вбить клин в их с братом связку через заговоренное письмо, через то, что он знал о смерти наложницы, через осведомлённость про отношения Рэтара и Хэлы.

О последнем конечно могли наговорить многие, но феран чётко знал, что прилюдно они были всего лишь хозяином и его ведьмой. Понимание и предположение — не доказательства. Слишком шатко и, в конечном итоге, даже великий эла это понимал.

Правитель лишь словно ненароком спросил, правда ли то, что Рэтар держит ведьму в своих покоях, обозначив, что интересуется этим лишь потому что хворь, которую чёрная ведьма может наслать на такого значимого для эла и элата человека, великого очень беспокоит. Рэтар ушёл от этого выпада, молясь лишь тому, чтобы великий не решил посмотреть на Хэлу. И не решил у неё самой спросить о том, что именно она делает в покоях своего ферана. Впрочем, зная её, можно было бы за правильность ответа не переживать. Но всё равно рисковать не хотелось. Ею рисковать феран просто не мог. Для великого эла жизнь ведьмы пустяк, и в его глазах для Рэтара всё должно было быть так же.

Двор прибыл в Зарну с полагающимся шумом и гамом. Советники, фераны и их дети, наложницы, слуги. В момент дом перестал принадлежать хозяевам и Рэтар был рад, что его покои находятся в той части в которую попасть нельзя. Всем остальным обитателям с этим не везло.

К приезду двора в главной зале замка были накрыты столы, было светло, как днём, благодаря огромному количеству магического света. В мгновение слуги эла заменили слуг Зарны, а стража элата сменила людей Горанов, среди охраны остались всего несколько человек, что не могло не раздражать.

Феран угрюмо наблюдал на то, как великий эла и стоящие за его спиной Роар и Элгор встречают двор. Рэтару можно было не изображать на лице невообразимое счастье, тёплое

гостеприимство и радушие, натягивая на лицо лживую улыбку. Все вокруг знали, что на это феран Изарии не способен, и ничего подобного не ждали.

А вот его танам пришлось всё это делать. И если Элгору это удавалось с трудом всегда, то Роару стало тяжело только сейчас. Раньше митара вся эта суета не беспокоила и он вполне себе отлично справлялся с этим лицемерным обществом. Теперь стало тяжело.

И Рэтар понимал, что дело в белой ведьме и чувствах, которые были у тана к девушке. Все эти лучезарные первые красавицы двора, которые обожали достопочтенного митара Изарии и почти все они побывали в его постели хотя бы раз, были ему сейчас не интересны. Сердце рвалось в дом к серым, да и у самого Рэтара было не лучше.

Тревога не отпускала ни на мгновение, отсутствие сна делало его уставшим и раздражительным, и он тосковал. Тосковал по Хэле. Ничего не мог поделать с собой. Эти четыре дня, пока приходилось развлекать великого эла и находясь в постоянном напряжении, безумно не хватало тепла этой женщины рядом.

Приходя к себе, Рэтар окунался в пустоту своих комнат, ставшую внезапно невыносимой щемящую тишину, которая сводила с ума. Сейчас даже запаха Хэлы уже не осталось и только аккуратно сложенные в стопку вещи ведьмы говорили, что она тут вообще была. Она оставила платья, оставила рубахи, оставила пустой переплёт со стопкой изрисованной и исписанной бумаги внутри, и оставила кулон с ирнитом.

Когда Рэтар заметил его, стало не по себе, несмотря на то, что он понимал почему Хэла сделала это. Но эта стопка вещей — словно её больше нет, а это всё, что от неё осталось. А убрать с глаз долой он не мог. И было тяжело убеждать себя, что эла здесь не навсегда, что ещё немного помучает их и уберётся, потому что ненавидит холода, потому что скоро праздник цветения, а значит всё снова станет, как было.

Только сон не шёл, тревога душила, а комната снова словно заполнялась водой и Рэтар начинал тонуть. А чутьё шептало ему — как было не станет.

— Достопочтенный феран Изарии, — заискивающе проговорил первый советник великого эла, сидящий перед Горанами за главным пиршественным столом. — А правду говорят, что ваша чёрная ведьма наслала вам тут всем немощь мужскую?

Великий спрашивал об этом, но вскользь, не делая упор.

— Хотите проверить, уважаемый советник? — спросил Рэтар, встречаясь взглядом с весьма раздражающим его человеком.

— Разве не наслала? — заинтересованно и очень неоднозначно спросил эла.

Кто бы сомневался, что они к этому разговору вернуться. Феран Изарии перевёл взгляд на правителя и криво ухмыльнулся.

— На ком хочешь проверить, великий? На своих девках или на наших? Или кого из благородных вытащим из-за стола? — Рэтар выдержал испытывающий взгляд правителя Кармии и почувствовал как напряглись сидящие по обе стороны от него Роар и Элгор. — Тут или в более располагающей обстановке?

— Рэтар, — покачал головой эла, усмехнувшись.

— Так мы не против, великий, — ответил он, — раз разговоры такие ходят, может оспорить. Просто вот прям тут, я не смогу, не молод уже, а вот бронар мой может, если так интересно на изарийскую мощь посмотреть.

— Значит наши сведения не верны? — уточнил эла, приподняв вопросительно бровь.

— Значит, — пожал плечами Рэтар.

— Хм, — и правитель снисходительно склонил голову набок. — А что до твоего “не

молод уже”, друг мой, то думаю дело не в этом. Может в верности? Поговаривают, что у тебя появилась женщина?

Вот оно...

— Женщина? — удивился феран.

— Может ты верен ей? — улыбнулся великий.

— Не могу знать, великий эла, о чём ты, — ответил феран. — Я верен только одной женщине и достаточно давно. Новой вроде не было.

— Вот как? Давно? — заинтересовался правитель. — Почему мы о ней не знаем? Может представишь нас?

— Ты знаешь её очень хорошо. Как и многие здесь. И в представлении она не нуждается, — ответил Рэтар и с радостью для себя заметил замешательство на лице правителя и советника. Они оба нахмурились и перебороли себя, чтобы не переглянуться в недоумении.

— И где она? — приподнял бровь эла.

— Думаю чем дальше, тем лучше для всех, — ответил Рэтар. — Ну, кроме меня. Это же моя женщина. Я по ней скучаю.

— Достопочтенный феран Изарии, я ведь и приказать могу, — ядовито улыбнулся великий. — Нам всем отчаянно интересно кто она.

— Война, — спокойно ответил феран.

И какое же было удовольствие смотреть, как советник чуть не поперхнулся, а эла удостоил Рэтара одной из самых своих мерзких и таких знакомых улыбок.

— Ну, конечно, — рассмеялся он. — Ей ты никогда не изменишь.

— Да, — подтвердил глава дома Горан. — Храню верность ей всю жизнь. И если позовёт — никогда ей не откажу.

— Она тебя погубит, Рэтар, — наклонился к нему эла, говоря это словно между ними двумя, но так, чтобы слышали все.

Феран Изарии тоже слегка наклонился навстречу:

— Знаю, великий. И я готов к этому, — ответил он, перенимая манеру повелителя.

Эла рассмеялся, за ним рассмеялся весь двор.

Кто-то пошутил про то, что женщина эта тоже верна достопочтенному ферану Изарии Рэтару Горану и никогда ему не изменяла, да и не изменит. Кто-то ответил, что причиной тому изарийская кровь, вспомнили про фигурки феранов, изображённые один за другим в линию под потолком. Почти все — воины.

— В дороге достопочтенный митар Дризы Олвай Сэйд, с которым я имел счастье ехать рядом, — улыбнувшись, заметил первый советник, — пожаловался, что из-за того, что Гораны последние несколько тиров игнорируют двор и столицу, не появляются на пирах и не участвуют в турнирах, никак нельзя оспорить звание первого мечника Кармии.

— О, действительно, Рэтар, — присоединился к разговору эла, — без войны тебе скучно, но и на турнирах тебя не видно.

— Мне кажется нет ничего более унылого, чем поединок с моим участием, — ответил хозяин дома.

— Неужели? — игриво нахмурился правитель и махнул рукой. — Не списывай себя.

— Ну, второго мечника Кармии мы тоже не видим, — возразил первый советник.

Роар решил промолчать и дать возможность ответить своему ферану, но великий эла заметил:

— Роар хорош, но у достопочтенного ферана Изарии есть брат, который так же хорош, как и он. Так, Рэтар?

— От отца мне досталось много братьев, великий, — отозвался он, ощущая во рту вкус боя. — И все они хорошие мечники.

— Тот, что всегда был с тобой, — пояснил эла. — Он нас всегда смешил. Тёрк Таагран? Где он?

Рэтар улыбнулся. Вот оно, вот, ну давай...

— Тёрк меня покинул, — ответил Рэтар.

— Что? — удивился правитель.

— Он устал от войны и службы, я полагаю, — слабо повёл плечами Рэтар. — Он захотел тишины и покоя. Вероятно осуществил то, о чём мечтал ещё в юности. Отправился жить в горы, или в предлесье. Или может решил исследовать Сцирцу.

Внутри Рэтара всё билось, грызло. Зверь вышел из себя, ревел, скалился. Кто? Зеур Элгор или...

— А разве он не в Тиере? — спросил невзначай эла.

...Шерга!

Феран Изарии улыбнулся.

— Великий, ты кажется знаешь о происходящем в Изарии больше, чем я. Но в этом вопросе, боюсь тебя снова ввели в заблуждение, — и надо было немедленно перевести тему разговора. — Что до выяснения, кто первый мечник, то на это я способен, где угодно и когда угодно. Турниры для этого не нужны. Хоть здесь и сейчас.

И Рэтар перевёл взгляд на сидящего за другим столом Олвая Сэйда. Тот был крепким молодым мужчиной, возрастом наверное чуть младше, чем Роар.

— Неужели? — восхитился эла. — Достопочтенный митар Дризы, примете вызов?

Тот явно опешил и был к такому повороту не готов, но ударить в грязь лицом и отказываться от слов, вполне возможно сказанных, чтобы просто поддержать беседу было уже нельзя. И парень с готовностью отчаявшегося и подначиваемый своим отцом-фераном, принял вызов:

— Только полагаю, что лучше сделать это завтра, — митар Дризы сделал слабую попытку уйти от поединка. — Достопочтенный феран Изарии нетрезв и...

Рэтар усмехнулся, а эла рассмеялся:

— Достопочтенный феран Изарии, давайте будем считать, что это пробный бой, учебный. Да и было бы странно сражаться с первым мечником, не одолев второго. Полагаю можно будет завтра посмотреть на поединки лучших мечников, которые здесь есть, — и правитель глянул на Роара.

— Как будет угодно великому эла, — отозвался тот покорно, стараясь не показать, как происходит его выворачивает.

Рэтар же поклонился:

— Пробный бой, — ухмыльнулся феран, а правитель довольно улыбнулся. — Всё для твоей радости, великий, тем более, что весёлости мои навыки не приобрели, но раз уж я оказывается пьян, может так получится, что придётся сделать больше, чем три выпада.

— Да и крови присутствующие женщины полагаю не оценят, — снисходительно прокомментировал слова Рэтара эла.

Задетый словами изарийского ферана и великого эла митар Дризы достаточно бодро вышел на середину залы.

Рэтар встал. Он не был пьян. Он всегда точно знал, сколько можно выпить, чтобы всегда быть готовым принять бой. Кажется он вообще за всю жизнь никогда толком и не напивался. Нет. Напивался.

Последний раз сидя с Хэлой в своих покоях. Она действительно его споила, но тогда было тихо, спокойно, было до безумия хорошо, тогда было можно отпустить себя, и она могла сделать его трезвым, если бы это понадобилось.

А ещё на кострах в честь Тэраф. Когда смотрел, как Хэла сидела на коленях у Тёрка, видел как брат на неё смотрит, слышал как они пели, шутили и смеялись, и не мог справиться с накатившей практически задушившей завистью и... ревностью.

Рэтар безумно ревновал Хэлу к Тёрку, а тогда, вот тогда, когда она всего пару луней была у них, когда безумию, которое он испытывал, глядя на неё, названия не находил. Он точно знал, что Тёрк как никто был близок к тому, чтобы эта женщина стала его.

Рэтар тогда не справился с собой, ушёл. Поднялся на башню, чтобы помахать мечом, успокоится, унять себя, но оттуда увидел как Хэла пошла в дом, а Тёрк ушёл за ней, и взвыло внутри необъяснимо скрутившей тоской. И, сидя наедине с собой, он напился. Даже толком не помнил сколько выпил этой хэлиной воды, пробирающей до жути. Но питьё было очень сильным и срубило его достаточно быстро. Только утром, увидев Тёрка, Рэтар понял, что ничего у брата с Хэлой не произошло. И внутри стало так отвратительно хорошо.

Паренёк сделал неуверенный выпад, Рэтар поддразнил. Сэйд взъелся, стал смелее. Но Рэтар видел сотни таких мальчишек, ради обучения которых владению мечом, отцы не жалеют ничего, а на деле — война смела бы мальчика и превратила в пыль.

Феран Изарии не ошибся, если не считать первого ответа на выпад, он сделал четыре движения мечом, чтобы митар Дризы остался безоружным. Под радостный возглас эла, он склонил голову и прошёл на своё место, похлопав Олвая по плечу, когда проходил мимо.

— Неплохо, — кивнул Рэтар.

— А говоришь, что твои бои унылы, — с укором покачал головой великий.

— Мой митар намного лучше меня, — ответил он, выпив ещё.

Шутки по поводу поединка ферана Изарии и митара Дризы были слышны почти всё застолье. К счастью, в дороге многие устали и сидеть за столами, пируя до утра, прибывшим было сложно. Кто-то не мог справиться с усталостью и выпив, спал на столах. Женщины держались, но только за счёт того, что почти не пили, хотя некоторые уже были не в себе — говорили громче положенного, нервно смеялись.

В конечном итоге, когда всё началось превращаться в невообразимое вязкое болото в одном месте и слишком неудержимый разгул в другом, великий эла решил всё же встать из-за стола и отправиться к себе.

— Я слышал, что феран Эйорна предлагал тебе, выкупить белую ведьму, — проговорил правитель Кармии, когда Рэтар провожал его в комнату, и перед ними почтенно склонили головы бывшие здесь Сэял Лайнар и его дочь.

— Не мне, а моему митару, великий, — ответил Рэтар. И с этой стороны прижали. — Но опережая твой вопрос, он отказал — равно я отказал.

— Жалко ведьмой поделиться? — правитель сделал знак головой и феран с фернитой Эйорна пошли за ними.

— Я говорил тебе, что она ещё пока не способна на колдовство, — ответил глава дома Горан. — Не способна сделать нам тепло, не способна сделать в Эйорне дождь.

Великий эла хмыкнул:

— Мог бы дать попользоваться, взять за это плату, а потом забрать обратно и не остаться в убытке, — возразил он.

— Во-первых, я может и отстал от жизни двора и элата, — проговорил Рэтар, — но что-то говорит мне, что дела в фернате достопочтенного Сэяла Лайнара обстоят так же плачевно, как и раньше, а значит у него нет средств, чтобы купить у меня белую ведьму, или взять её на время. А во-вторых, я человек принципов, потому не поступил бы так даже с более состоятельным фернатом.

— Столько тиров, достопочтенный Рэтар Горан, а ты всё такой же, — ухмыльнулся эла и кивнул ещё кому-то, кто его поприветствовал. — Не меняешься. Как изарийских горы.

— Кажется мою верность себе мы обозначили при встрече, — заметил феран Изарии. — И я правильно понял, что ты не считаешь это пороком и ценишь меня за это.

— Да, друг мой, всё верно — это одно из качеств, которые делают тебя одним из самых преданных моих слуг, — ответил правитель и на последнем слове он сделал упор, но Рэтар не поддался — лишь склонился в благодарности. — А насчёт средств... вдрут достопочтенный феран Эйорны теперь состоятелен, как никогда?

— И не рассчитывает на откуп, когда предлагает обвязать кого-то из моих танов и свою дочь? — спросил Рэтар спокойно, зная, что теперь уже совершенно точно вытащит из эла этот дрянной разговор о браке, на который тот намекал все эти четыре дня, но по какой-то причине так и не дошёл в нём до конца.

Правитель Кармии улыбнулся:

— А тебе и твоим танам не нравится достопочтенная фернита Эйорны Нарнея Лайнар?

— Не нравится? — переспросил Рэтар. — При чём тут это? Что я получу от этого брака? Варунов, которым придётся помогать по делу и без? Да и к сожалению достопочтенная фернита не сможет выжить рожая наших наследников.

— Ну, достопочтенный феран, — укоризненно цыкнул эла, — вы же не рните себе покупаете.

— Неужели? Мне это видится именно так, — бесцветно ответил на укор правителя хозяин дома. — Так было всегда, думаю порядок этот ещё сотни тиров не изменится.

Он чувствовал негодование Сэяла, стоящего за их спинами, и даже наверное понимал его, но чувства ферана Эйорны и отца Нарнеи Рэтара волновали в последнюю очередь, а если подумать, не волновали вовсе.

— Ну, что ж, — пожал плечами эла и сделав жест рукой отпустил Лайнара и его дочь. — Но тебе придётся решить этот вопрос.

— Правда? — феран Изарии проводил взглядом правителей ферната Эйорна, потом перевёл взгляд на эла.

— Да, Рэтар, это меня очень беспокоит, — ответил тот.

— Не очень понимаю твоё беспокойство, великий.

— Всё просто, друг мой, меня не устраивает, что сильнейший фернат моего элата может остаться без наследников.

— Это решаемо, — возразил Рэтар. — Мои таны ещё молоды, у них будут наследники.

— Судя по тому, как ты реагируешь на предложения о браках — не будет, — ответил на это правитель.

— Предложений мне приходит не так много, — они подошли к комнате, занимаемой великим эла. — Что до ферната Эйорны — мне не нужны голодные варуны в нагрузку к тому, что у меня есть. Гораны очень выгодный союз, я не пойду на то, чтобы он был

однобок.

— Слышу твоего отца, — улыбнулся эла, заходя в комнату, и рассчитывая этими словами Рэтара уколоть.

— Может быть, — он повёл плечами. — Потому что я считаю так же, как и он.

— Выбирай из того, что есть здесь, — правитель сел на один из диванов и одарил ферана испытывающим тяжёлым взглядом. — Хотя, ты прав в чём-то — тут сплошные бедные и голодающие прилипалы, девки у них очень может и неплохи, но вот толку твоему фернату от союза с ними точно не будет никакого.

Эла видимо ждал какой-то реакции, но Рэтар держал себя в руках, ожидая хода правителя.

— И я готов оправдаться перед тобой, принести, так сказать, извинения за прошлый твой неудачный брак, — его лицо озарила снисходительная улыбка. — Дам тебе возможность выбрать самому супругу не только митару, но и себе.

— А мне она тоже нужна? — и держать себя в руках стало невыносимо тяжело.

— Рэтар! — великий покачал головой.

— Лоаяс? — и он позволил себе назвать эла по имени.

— Мне нужно быть уверенным, что Изария будет неизменна, что Изария будет верна, что Изария будет на моей стороне, — жёстко ответил великий и наконец стало понятно, что происходит, хотя бы частично. — Война это прекрасно, Рэтар, но это смертельное увлечение, так что, если война заберёт тебя, мне надо быть уверенным, что после тебя Изария останется такой же, как и при тебе.

И правитель смягчился вздыхая и разводя руками.

— Не хочешь выбирать сейчас, — выражение его лица было полно снисходительности, — выбирай на празднике цветения. И тебе и Роару придётся там быть. Нравится тебе это или нет. Отказа не приму. Обещаю собрать для вас лучших невест Кармии.

— Рэтар? — таны пришли в библиотеку после того, как распорядились о размещении двора в доме.

— Идите спать, завтра ещё одно представление. И махать мечом — не девок мять или за столом разговоры говорить, — устало сказал им феран.

— Я хотел спросить про девок, — нахмурился Элгор. — Если бы эла согласился на проверку нашей мужской... мощи...

— Не справился бы? — горько ухмыльнулся Рэтар.

Но бронар недовольно мотнул головой:

— Я про колдовство Хэлы!

— Она сняла заговор, — вздохнул феран.

— Что? — таны спросили практически одновременно, чем вызвали усмешку.

— Когда стало известно про визит эла, — пояснил Рэтар, — с нас по крайней мере.

— То есть ты не уверен? — возмутился Роар.

— Я бы справился и так, — буркнул Элгор, глядя на взвившегося брата. — Только зрители были бы конечно проблемой.

— Лоаяс такое не любит, точнее, при таком количестве зрителей на это не пошёл бы, а вот при его отце пришлось бы устроить зрелище, — ответил Рэтар, поморщившись от мерзких воспоминаний. — Идите спать.

Они развернулись уходить.

— Роар, — окликнул феран, — спать! Элгор, проверяй снятие заговора не так активно,

как делал бы это в других условиях, будь любезен.

— Я не собирался проверять, — обиженно отозвался младший тан.

— Конечно, — ответил Рэтар.

Они ухмыльнулись все трое, митар и бронар вышли, оставив ферана одного.

Рэтар прикрыл глаза и попытался успокоить себя.

Внутри было столько всего мерзкого и отвратительного. Как же он это не любил — улыбайся и говори то, что хотят слышать. Но по-другому было нельзя. Он и так позволял себе лишнего. Но на деле — ему позволяли это лишнее. И сейчас он чувствовал это, как никогда.

Его выворачивало от всего этого действия. В других обстоятельствах он бы вёл себя иначе. Более жёстко и резко, но сейчас выгодность его позиции была под вопросом, положение было шатким и неясным.

Ему нужно было тащить из великого эла вопросы, на которые надо было находить ответы, а заодно понимать что на самом деле происходит. Но эла задавал вопросы неохотно, изворачивался, растягивал, чтобы попытаться достать Рэтара тогда, когда тот будет не готов.

Но всё же, несмотря ни на что, ответ на главный вопрос он сегодня получил. Предателем был Шерга.

Когда эла только появился и стало понятно, что рядом есть тот, кто ему докладывает о происходящем в доме, Рэтару пришлось извернуться и играть на опережение, а главное попытаться найти кто точно его подставляет. Все остальные проблемы ушли на задний план.

Обиднее всего было думать на Элгора, а оснований, увы, было достаточно. Выбирать между Зеуром и Шерга было просто и очевидно, а вот присутствие младшего тана среди тех, кого подозревал, выводило из себя. И сегодня, поняв, что Элгор не виноват, отлегло, и Рэтар признался себе, что стало легче.

План был прост. Каждый из них слышал разное и сейчас, когда эла, вспомнив Тёрка, упомянул Тиер, о котором слышал только Шерга, стало понятно откуда он получает свои сведения. Просто. Но это то, что работает безотказно.

Рэтар тяжело вздохнул и лёг на диван, идти к себе он не хотел, да и бессмысленно — всё равно не уснёт. Он прикрыл глаза и погрузился в поверхностный сон, который не приносит отдыха. Сон, который был с ним столько времени и вроде был привычен, но вдруг словно в другой жизни, в той, где у него не было рядом Хэлы.

Проснувшись с утра, Милена снова не сразу поняла, где она. Это раздражало. Она уже привыкла к комнате, которую делила с Лораной, а когда была в Трите, привыкла к комнате серых. Привыкла, и от кажущегося нереальным воспоминания навернулись слёзы, просыпаться в объятиях Роара. А тут просыпалась, открывала глаза и всё равно сначала не понимала, где она. И несмотря на то, что знала, что они в этом доме не навсегда, всё равно тоска изводила, а внутри билась паника. И конечно то, каким был Роар, перед расставанием, делало всё это беспокойство невыносимым.

Дом для серых был каменным строением с двумя этажами. На первом этаже когда-то видимо предполагалось свободное пространство для общей жизни, тут же были так называемые — грязные и чистые комнаты. Наверху, куда вела лестница посередине, было два помещения и там, судя по всему, серые раньше спали. Наверху было сухо и тепло. Но сейчас им пришлось спать внизу. Из-за спешности, в которой серых переместили, и из-за того, что этот их король, император или как там его, эла, прибыл намного раньше предполагаемого срока, пришлось устраивать всё кое-как, причём самим.

В первый день они двигали мебель, делили первый этаж, на своеобразные зоны — для отдыха и еды, для сна. Мели и мыли полы, усыпанные соломой или чем-то подобным, потому что здесь хранились корма для тоор, крытые загоны были чуть ли не за стенкой дома, в котором оказались сейчас серые.

Девушки так устали в первый день, что спали ночью, как убитые. Утро же началось с визга. Открыв глаза и не поняв спросонья, где она, Милена уставилась на девочек, которые стояли на своих кроватях и беззвучно визжали.

Эта картина была очень смешной, да и беззвучный визг — это что-то. Милена и подумать не могла, что такое возможно. Она села, пытаясь понять, что происходит. Аня, которая спала по одну от неё сторону ткнула куда-то в сторону противоположной стены и белая ведьма увидела что-то копошащееся в щелях, что были между полом и стенами. Она тоже вскочила на ноги, подобрала на себя одеяло и тоже сдержала визг.

— Да что за возня, куропатки? — проснулась Хэла.

Чёрная ведьма, приподняв бровь, уставилась на серых стоящих на своих кроватях, бледных от ужаса, с глазами нараспашку, кричащих без крика, потому что шуметь им было нельзя.

— Что за хрень? — нахмурилась женщина и тоже посмотрела в сторону пальца Аньи.

Проснулись все остальные девушки и почти все они тоже повскакивали в кроватях на ноги. Все, кроме Хэлы и Оань.

Ведьма ругнулась, потом встала и словно не испытывая вообще никакого страха пошла к щели. Оань пошла с ней.

— Вашу ж, — проворчала Хэла, а Оань рассмеялась.

— Это туняки, — сказала девушка. — Они тут под полом видно живут, потому что тут же корм был. Хорошо устроились.

Чёрная ведьма вздохнула, потом цыкнула и хлопнула в ладоши.

— Ну и что вы тут устроили? — спросила она, развернувшись и глядя на достаточно нелепую, как подумала Милена, картину — девять девиц стоят на кроватях и трясутся как осенние листья. — Слезайте, ей богу, успокоила я их.

— Может ты их прогонишь, Хэла? — всхлипнула Аня.

— Нельзя их выгнать — они к тоорам пойдут и совсем плохо будет, — развела руками чёрная ведьма. — Попросим кого-нибудь нам сюда пару фицерок принести, чтобы охраняли вас, горемычных, а то туняки под пол утащат вас, пока спите.

Обед им принёс Эрт и ещё один мальчик. Хэла попросила, чтобы мальчики поймали пару местных “кошек” и принесли к ним, пожить и погонять туняк. Мальчишки переглянулись, улыбнулись, но с ужином принесли двух животных, как и просила чёрная ведьма.

После того, как серые окончательно обустроились в доме, время потянулось медленно и уныло. Хэла откуда-то, хотя феран дал понятно, раздобыла книгу, в ней были собраны сказания и легенды местного мира. И Милена с удивлением обнаружила, что умеет читать эти странные символы, только смотреть нужно какое-то время.

Это было так странно — словно внутри был какой-то переводчик, который синхронизировал увиденное и делал так, чтобы было понятно, что написано. Ещё читать, кроме Хэлы и Милены, могли Лорана, Карлина, Оань и Маржи. Остальные девочки не были обучены грамоте в своих мирах.

Читали по очереди и это было очень здорово — узнавать о мире, в котором находились, интересно и увлекательно. Серые смеялись и обсуждали то, что прочли. Говорили как и что устроено в их мирах. Ну, а комментарии Хэлы были вообще чем-то невероятным и бесценным.

И вот в один из дней, чёрная ведьма с утра не встала. Серые сначала не обратили на это внимание, но, когда Хэла не поднялась позавтракать, забеспокоились.

Она тяжело дышала, была бледной, вроде не спала, но и в сознании словно не была. Лёгкость, в которой они провели эти несколько дней ушла.

Кто-то говорил о том, что надо сказать хозяевам, но в конечном итоге Хэла через силу запретила это делать и, если они только попробуют, она им всем наговорит. Женщина списала своё состояние на то, что что-то не то съела, и скоро пройдёт, выпила отвара из ягод и трав и снова легла.

А потом приехал двор. Началась страшная суета. Серые поднялись на второй этаж дома, стиснув страх встретить туняк, потому что из окон сверху было лучше видно как площадь перед кортами заполняется повозками, в которых были женщины и пожилые мужчины.

Те мужчины, что помоложе и покрепче приехали верхом, но не на привычных взгляду серых тоорах, а на животных, больше похожих на алагана, правда других цветов — пятнистых серо-чёрных и таких словно розовых.

С наступлением темени окна дома зажглись огнями. Милена никогда тут такого не видела и признавала, что это было невообразимо красиво.

Зарна была огромным и величественным замком. Внутри девушки было какое-то словно детское мечтание, попасть внутрь. И не только у белой ведьмы, но и у других серых. Кажется всё равно на происходящее было только Карлине, потому что “пфф, что в этом такого, не понимаю?”; Лоране, потому что она была знатной и побывала не на одном балу или пиру, уж как там это у неё называлось; и Хэле, потому что так и не встала за день ни разу, разве что только в туалет.

С утра случилось что-то похожее на турнир.

Девочки снова устроились на втором этаже, сели так, чтобы в окно выглядывали только их головы, потому что почему-то было понимание, что если их заметят прилипшими к

окнам, им придётся не сладко. Правда объяснить с чего они все, не стовариваясь, пришли к такому выводу, им не удалось. Но и сидя на тюфяках с зерном и порезанной мелко соломой, они прекрасно себя чувствовали, а главное отлично видели происходящее на тренировочной площадке.

— Глядите, вон тот мужик — это великий эла, — прошептала Куна.

— С чего ты взяла, — спросила у подруги Томика.

— Потому что смотри, ему достопочтенный феран поклонился, а значит он главный, а кто главнее нашего ферана?

— Да может это кто-то такой же знатный, как феран. Они всем кланяются тут, — возразила Грета.

— Нет, наш феран не кланяется, — отрезала Куна и сказала так, словно он ей отец родной. И вызвала этим хихиканье девушек.

Милена перевела взгляд на площадку и нашла в толпе мужчину, которого Куна уверенно обозначила, как великого эла.

Выглядел он действительно величаво, что-то неуловимое в жестах, манере себя держать. Одет он был в белые с красным одежды и этим тоже выделялся из толпы. Вроде был невысокого роста, впрочем это в сравнении со стоящими рядом достопочтенным фераном Изарии Рэтаром Гораном, Роаром и Элгором.

Вообще Милена была удивлена. Девушка, как-то незаметно для себя, стала воспринимать исполинский рост окружающих мужчин, как данность. По началу она сравнивала их с мужчинами из своего мира, но сейчас уже привыкла задирать голову при обращении или разговоре, хотя сама для своего мире маленькой не была. Её метр семьдесят шесть были вполне себе ростом выше среднего.

И образовавшееся предубеждение, что в этом мире все мужчины рослые, теперь сыграло с ней забавную шутку. Видя перед собой десятки самых разных мужчин, Милена поняла, что изарийцы невероятно огромные. Не только она, все задирала головы, чтобы поговорить с ними, а сами хозяева взирали на всех гостей с величины своего роста, да ещё эта их суровость в лицах — уже почти обросшие бородами и усами вечно хмурые лица. В некоторых случаях со стороны это выглядело очень комично.

В связи с этим оценивать рост гостей пришлось в отрыве от изарийцев. Эла был на голову ниже стоящего рядом, прямо за его спиной Элгора и на полторы головы ниже ферана Изарии. Но при этом этот их “царь” был на голову выше отталкивающего вида мужчины средних лет, стоящего от него по левую руку. Ну, то есть был достаточно высоким в сравнении с людьми вокруг и исключая изарийцев.

Правитель был худощавым, чёрные волосы до плеч обрамляли длинное, с острыми тонкими чертами лицо, словно скорбившее о чём-то. Глаза у него, Милена могла поклясться, были красные, словно кровь, или это было из-за падающего света и оттеняющих лицо одежд, да и расстояние было приличным, но это точно был не привычный для неё цвет глаз.

Мужчина улыбнулся чему-то и стал похож на хищную птицу, да и длинный, с горбинкой нос только усиливал это сравнение. Милена не сказала бы, что он красив, но почему-то притягивал к себе взгляд, а если долго смотреть то можно было бы сказать, что его облик завораживает и гипнотизирует. Делает его притягательным.

Вокруг него стояли не только Гораны, похожие сейчас на возвышающиеся каменные изваяния воинов, суровые, непоколебимые, но и другие люди — тот отталкивающего вида мужчина, постоянно что-то говорящий правителю на ухо, две женщины, похожие одна на

другую, словно две капли воды, но при этом явно не бывшие друг другу родственницами, да и одеты они были в бежевого цвета платья наложниц, красивые, расшитые драгоценными камнями и сверкающими нитями, с плащами на плечах, с белым и фиолетовым пушистым мехом по кромке. Красивые и статные, в их чертах было что-то неуловимо знакомое, но что Мила не поняла.

— Смотрите, а вот те наложницы на Шеру похожи, — заметила Донна.

— И на Милу, — отозвалась Анья.

— А? — белая ведьма оторвала взгляд от наложниц местного царя, нахмурилась и с непониманием уставилась на серых.

Что похожего? Не понятно. Она перевела взгляд обратно на наложниц. Разве что — рост и волосы тоже светлые. У одной такие словно золото, а у другой темнее, с отливом в розовый.

— Ничего я на них не похожа, — буркнула протест Милена.

— Похожа, — кивнула Анья, — словно дочь богини.

Ведьма знала, что так в мире Аньи делают комплимент, когда считают девушку очень красивой — называют её дочерью богини. Уж что там за богиня было не очень понятно, но это словосочетание в свой адрес Милена от худенькой девочки слышала очень часто. Смущалась и краснела.

— Да где там, — улыбнулась она, глядя на наложниц.

— Так говорят же, что великий эла Кармии выбирает себе в наложницы всё время одинаковых девиц, — проговорила Куна, которая больше других серых общалась с домашними и приносила всегда кучу всякой разной информации в основном состоящей из сплетен и досужих рассказов. — Они у него, как на подбор — светленькие все, ростом невелики, и ну там всё остальное, красивые. В общем нравятся ему такие, как Мила наша.

Белая ведьма хотела что-то возразить, но тут Куна добавила:

— И говорят, что супруга ферана тоже такая была, — с видом знатока шёпотом проговорила она. — Ему же её эла как раз выбирал. Вообще вот один в один.

— А я слышала, что не любила она ферана, — добавила Сола.

— Так и он её не любил. Ему такие не нравятся же, очевидно, — кивнула Куна. — Он и Шеру вообще к себе не подпускал.

— А вдруг всё наоборот? — возразила Грета.

— Что? — спросила Сола.

— Ну, а вдруг феран супругу любил, а она же погибла, да? — предположила круглолицая серая. — И вот он так страдал, что Шера ему её напоминала и оттого он её к себе и не подпускал.

— Да хватит вам, сплетницы, — шикнула на них Карлина. — Любил, не любил. Какая вам разница вообще? Разгалделись, вот Хэла вас услышит — устроит нагоняй.

— Надо бы ему сказать про неё, — грустно заметила Оань.

— Нельзя, — покачала головой Маржи.

— Почему? — спросила Куна.

— Потому что, посмотри на него — ему там и так тошно, стоит вон, кажись снова спать перестал. Я его таким с тех пор как он с Хэлой не видела. А вот раньше он всегда такой был. Суровый, жёсткий и уставший, — ответила Маржи. — Глаза такие ледяные, прям душу из тебя тянут. И он всегда такой, словно готовый к бою.

— Как думаете, а он будет сражаться? — спросила Сола, кивая на толпу из участников

поединков и смотрящих. — Как бы он не пострадал.

— Не пострадает, — сказала Донна. — Он из тех, кто и мёртвым сражаться может.

— Да и так — лучше него тут нет никого, — поддержала её Оань.

Все девочки знали, что Донна и Оань знали о чём говорят. Первая в своём мире была одной из, как она называла это, “ернора” — женщиной, которую учили убивать. А Оань не только смотрела за разного вида животными в месте, чем-то, как поняла Милена, напоминающем зоопарк, но и была там одной из охраны. Обе девушки, как прекрасно видела Милена, были крепкими и ловкими.

Серые умолкли и перевели взгляды на площадку. Там уже начались поединки.

Всё происходившее напоминало Милене кино со средневековыми турнирами. Разве что не было лошадей и копий, всадников в латах. А всё остальное — так же. Один воин выходил против другого. Все они были видимо знатными, были одеты в разного цвета одежды, выглядели достаточно богато.

Гораны были как всегда — феран в темно-синем, Роар в синем, Элгор в голубом. Милена видела, как все трое напряжены. Роар был таким далёким, словно не здесь вообще. Феран как и сказала Маржи был суровым, Элгор был внешне спокоен, но периодически посматривал на ферана, а когда не смотрел, то тоже словно уходил в себя и сейчас белая ведьма явно, как никогда, видела, как они с Роаром похожи друг на друга.

Эла что-то сказал, на это отреагировал мужчина рядом с ним, потом ещё один, стоявший немного позади, крепкий, такого же роста как и правитель, с соломенного цвета волосами, бровями и бородой, выправкой такой же как у ферана Изарии. Милена решила, что он тоже военный. Наложницы заулыбались, прикрыв лица руками, а “соломенный” мужчина покосился в сторону Горанов и белая ведьма увидела, как Роар ухмыльнулся, потом что-то ответил. Феран едва заметно одобрительно кивнул, Элгор спрятал лицо, кажется улыбаясь. Тот крепкий воин повёл недовольно головой и будто фыркнул, но она конечно могла ошибаться.

Поединки продолжались. Одни воины сменяли других и уже когда взошла Тэраф на площадку вышел Роар. Против него вышел воин, на вид которому было наверное столько же сколько и митару Изарии. Понятно, что он был меньше ростом, но был крепким, плотным, на лицо достаточно привлекательным. Они сошлись и у Милены замерло сердце.

— Что не говорите, но наши мужики самые красивые, — заявила Куна, не отрываясь от поединка.

— Шииниикаррррррные, — произнесла Маржи, подражая тому, как обычно говорила Хэла.

Серые захихикали.

— Сделает митар его, — прокомментировала Оань.

— Ага, — поддержала Донна. — Этот такой — спеси много, а дела мало. Он больше рисуется, красиво всё делает. Видно его учил какой мастер, который больше художник, а не вояка.

— Да, у него устанет сейчас всё, если так мечом махать будет. Достопочтенный митар специально поддаётся, играет с ним как с ребёнком, — кивнула Оань, улыбаясь.

— Если бы на его месте был достопочтенный феран, то уже всё закончилось бы.

— Ну, Донна, достопочтенный феран у нас воин насквозь, да и не любит он вот эти танцы, ему раз-два и пошли дальше. В бою не помашешь вот так мечом, не покрасуешься.

— Просто достопочтенный митар знает, что зрителям надо, оттого и играет. Сейчас

надоест и отлупит этого красавца, — улыбнулась Донна.

Их комментарии немного успокоили Милену, и конечно Роар победил, как и было сказано. Внутри белой ведьмы засияла какая-то гордость что ли. Воины склонились перед повелителем, тот что-то произнёс, вокруг засмеялись.

Достопочтенный феран так и не вышел, как предполагала Оань, против своего митара, поэтому все зрители рассыпались по площади.

Милена видела как к Роару подошли несколько девушек. Лишь одна из них была в красивом бежевом платье, другие были в платьях более богатых и разноцветных. Явно были благородными. Митар говорил с ними и улыбался, а её уколола ревность, девушка хотела бы быть там, но тут стало не по себе от того, как она выглядела бы в своём убогом сером платье на фоне всех этих ухоженных, статных, величавых, богатых, красивых женщин. В глазах защипало и Милена ушла со второго этажа, решив проверить как там Хэла, которая осталась внизу совсем одна.

Ну, или как одна — возле неё лежала фицра, растянувшись подобно царю зверей вдоль лежащей на кровати чёрной ведьмы.

— Хэла, — позвала Милена.

— Ммм?

— Как ты?

— Не померла ещё, — криво улыбнулась Хэла.

— Не говори так, — попросила её Мила, потому что подобные слова задевали. Она очень беспокоилась за женщину. — Тебе может нужно что?

— Не, нормально всё, — отозвалась чёрная ведьма, не открывая глаз. — Я ещё пока не настолько немощна, чтобы мне нужен был провожатый до туалета, или утку подать.

— Хэла-Хэла, — покачала головой Милена. — Вечно ты так.

— Не переживай, солнышко, — ответила ей чёрная ведьма, смягчая тон. — Полежу, посплю и буду, как новая. Что там?

И она повела головой в сторону площади.

— Типа турнир у них был, — ответила девушка.

— О, — Хэла приоткрыла один глаз. — И как? Показали наши красавцы кузькину мать всему свету?

Милена рассмеялась.

— Роар только, — ответила она, — остальные не участвовали.

Чёрная ведьма кивнула.

— А чего ты не вяжешь больше? — спросила вдруг Хэла.

— Так я одну пару вроде связала, точнее, у меня нитки кончились, — пожалала плечами Мила и развела руками, — и получилось, что один носок чуть короче другого.

— А далеко они? — поинтересовалась женщина.

— Нет, тут, — и Милена потянулась к мешочку, в котором у неё были спицы и криво связанные носки. Достала и показала Хэле.

— Ты же мне их вязала, если мне память не изменяет? — озорно повела бровью чёрная ведьма.

— Ну, да, — смущённо кивнула девушка.

— Отдавай тогда, а то у меня ноги вообще не могут тут согреться, хоть в сапогах спи, — ворчливо заявила Хэла, а потом улыбнулась.

— Они же страшные, — белая ведьма с сомнением покрутила в руках носки.

— Главное в них что? — ухмыльнулась женщина. — Правильно — они греют! А красота... не пойду я никого в них соблазнять.

Милена кивнула со смешком и отдала носки, Хэла с трудом села, умудрившись не побеспокоить спящую фицру, надела носки, побряхтела, нарочито изображая старушку и снова легла.

— Хэла, а можно я телефон возьму, музыку послушать? — решила спросить девушка, потому что на душе было тяжело и мерзко.

— Возьми, — разрешила чёрная ведьма. — И ты же понимаешь, что он по-другому не может, да?

— А? — Милена повела бровями, с непониманием уставилась на Хэлу.

— Аполлон твой, у него сейчас работа, вот как у Аполлона Бельведерского — радуй всех своими, — ведьма замолчала и посмотрела на Милу с озорством нашкодившего ребёнка, а девушка покраснела кажется как помидор, — красотой и совершенством! Мил, ну о чём ты там подумала, а?

Белая ведьма рассмеялась и уткнулась в руку Хэлы.

— Ужасно тебя люблю!

— И я тебя, детка.

После турнира какое-то время двор гудел, но потом все гости переместились в дом и снаружи всё стихло, однако через какое-то время разгуделось внутри главной залы. Были слышны смех, возгласы, звуки дудок, кто-то пел. И Милена вспомнила, что Хэла разрешила взять телефон.

Можно было заглушить эти звуки и тоску, послушав самую разную музыку, которая была у чёрной ведьмы на карте памяти. Сама она спала, а Мила вставила в уши наушники и прикоснулась к такому знакомому когда-то, но теперь далёкому и нереальному кажется уже, миру цифровых технологий.

Сначала девушка слушала музыку, а потом она стала бродить по приложениям и нажимала на иконки, чтобы посмотреть, а что будет. По инерции и не без стыда влезла в фотографии, но оказалось, что Хэла сказала правду — она удалила из памяти устройства все фото.

Милена действительно не могла понять как на такое можно пойти. Ей бы отчаянно хотелось увидеть сейчас лицо папы, Кольки, бабушки... даже Марины и мамы. А ведь у Хэлы были дети. Неужели она не скучала, неужели забыла?

Милена не верила, потому что видела с какой нежностью женщина общается с местными детьми. Да и со всеми — с серыми, Броком, Роаром, домашними, даже с Элгором. И с фераном наверное. Или может она полюбила и забыла свою семью? Но в это тоже не верилось.

В папке с видео было три файла. Милена мысленно надавала себе оплеух за любопытство, но сдержаться не могла.

Один файл был длинный. Мила открыла его и увидела плохого качества видеоряд. Дата в углу сказала, что девушке тогда было где-то пять лет. Сначала камера тряслась, потом её поставили на что-то твёрдое.

Хрипловатый голос за кадром возмущается, что он же тут есть, а потом заиграло пианино. Помещение плохо освещено, но похоже на какой-то не то клуб, не то ангар. Небольшая сцена, на ней инструменты, стойки с микрофонами, парень крутится на стуле

сидя за барабанами.

— Ну, Джокер, дай я посмотрю, — возмущается женский голос и камера ловит его хозяйку в объектив — платиновая блондинка, волосы забраны в тугий хвост, рубашка цвета хаки завязана в узел, серый топик под ней. — Илья, блин, хорош!

Она возмущается, потом дует губы, смотря поверх камеры.

— Ага-ага, — фыркает, а потом усмехается видимо этот самый Джокер или Илья?

А пианино играет на заднем фоне. Играет песню, которую Милена знала и в детстве очень любила. Странная песня, странной, невообразимо волшебной, как она считала, группы Флёр.

— Она не придет — её разорвали собаки,

Арматурой забили скинхеды, надломился предательский лёд.

Её руки подготовлены не были к драке,

И она не желала победы, я теперь буду вместо неё.

Она плавает в формалине, несовершенство линий,

Двигается постепенно.

У меня её лицо её имя, свитер такой же синий,

Никто не заметил подмены. [1]

И Милена поняла, что поёт Хэла. Сердце замерло, потому что голос женщины высокий глубокий, такой необыкновенный. Но манера...

И вот камера наконец поймала в фокус сидящую за пианино и поющую девушку. Милена успела только увидеть ярко-рыжие волосы забранные в хвост, как массивное мужское тело заслоняет девушку от камеры и присоединяется к ней, играя одной рукой, перебирая клавиши и Мила, которая мало что понимала в музыке, услышала, что играет он за флейту, которая была в оригинале песни и чьё звучание белой ведьме всегда очень нравилось.

Девочкой даже просила отдать её в музыкальную школу, чтобы научиться играть, но мама тогда сказала что-то колкое, едкое, обидное, отчего желание сразу прошло. Точнее желание осталось, но вот озвучивать его уже не хотелось.

Песня на записи кончается, потом кто-то роняет камеру. Та самая блондинка смачно ругается, запись встаёт на паузу, а когда возобновляется, то на сцене уже стоят люди. Тот самый мужчина, а на деле крепкий парень лет двадцати с небольшим с гитарой, возле микрофона, с ним рядом ещё один тоже с гитарой, высокий светловолосый взъерошенный, в отличии от очень коротко стриженного, почти бритого, первого. Тот за ударными уже не крутится в бездельи на стуле, а сидит ровно и готов начать играть.

— Давай, жги, — кричит где-то за кадром уже узнаваемый голос принадлежащий блондинке и высокий начинает играть.

За ним вступает ударник и второй гитарист. Потом он подходит к микрофону и рычит в него, вот как делают это солисты металл-групп. А потом... потом к микрофону подходит Хэла.

И Милена узнала бы её из сотен — она стройная, в джинсах и балетках, в майке голубого цвета. Рыжие волосы в хвосте, длинные, она такая же яркая, как и сейчас, только худая. Брови, ресницы, губы. Очень выделяются покрашенные глаза — тёмным, небрежно размазаны по веку, но Хэле это так идёт. Она невообразимая, она светится изнутри, а когда она начинает петь... голос у неё высокий, глубокий, такой чистый, что не по себе.

Она поёт на хорошем английском, словно это её родной, в припеве её высокий голос

соединяется с рычанием второго гитариста и это так невероятно, даже эта фигового качества запись передаёт то, насколько много в них драйва, как они кайфуют играя, нет, творя музыку.

Милена, как замороженная смотрела на экран не слыша и не замечая ничего вокруг.

— Ты чего там нашла? — спросила у неё Аня, вглядываясь то в телефон, то в лицо белой ведьмы.

— Тут Хэла, она поёт, — отозвалась Мила. — Ты правда не видишь?

— Неа, просто чёрное всё, — пожалала плечами серая, а белой ведьме стало досадно, что этого никто не видит кроме неё. — И Хэла всегда поёт, что такого?

— Тут она молодая, — пояснила Мила. — Как я сейчас, наверное.

— Правда? — спросила Сола, которая услышала их разговор. — А какая она была?

— Красивая. Очень.

— Она и сейчас красивая, — улыбнулась Аня.

— И рыжая, — добавила белая ведьма. — И волосы кажется ниже лопаток, такие длинные.

— Рыжая? — смутилась Сола. — Это какая?

— Ну это... это, — Милена осмотрелась, пытаясь найти цвет вокруг. — А, как одежда у эйола.

— Правда? — удивились девочки.

— Угу, — кивнула белая ведьма, снова возвращаясь к экрану.

Ребята допели песню, кто-то что-то сказал, пошутил. Милена смотрела в их лица и пыталась понять откуда она их знает. Почему они ей знакомы?

— Давай “я свободен”? — спрашивает высокий, светловолосый гитарист.

— Рыжая, ты первый поёшь, я третий хриплю, — ухмыляется коротко стриженный и делает жест плечами. — Лизка, давай, сыграй мне, лисичка-сестричка.

На сцену выходит блондинка, берёт скрипку. Настраивает её. Тоже самое делает Хэла.

Блондинка вступает мягко, потом Хэла подходит к микрофону и... “надо мною тишина, небо полное дождя”, но голос её не такой, каким Мила слышала его в предыдущей песне, он низкий, гулкий, вот такой каким она обычно поёт сейчас и каким она пела эту песню, когда напоила их всех.

Второй куплет поёт светловолосый гитарист. Поёт так классно, что перехватывает дыхание. Потом они с Хэлой поют вместе припев в два голоса. А потом две скрипки перекликаются между собой и третий куплет поёт второй гитарист. Поёт хрипло, низким голосом, нет, не рычит, как делал только что, в предыдущей песне, а поёт. Потом припев — все вместе, но голос его срывается. Хэла говорит ему, что-то, он зыркает на неё вроде зло, но на самом деле нет. И выдаёт соло на гитаре. Скрипки вторят ему. А потом он психует, снимает гитару и уходит.

— Джокер, твою мать! — кричит ему высокий светловолосый.

— Не трогай мою мать, — рычит откуда-то из-за кадра ушедший Джокер. — Лучше скажи где этого засранца нарика носит?

— Не знаю я, — отзывается высокий.

— Ну, чего вы, блин, — возмущается блондинка так смешно манерно. — И у меня репетиция в три.

Они какое-то время переговариваются, возмущаются, парни ругаются, Лизка хнычет.

А потом Хэла начинает играть на скрипке и Милена могла бы поклясться, что знает что

это такое. Размеренное и быстрое. Нет, это не Вивальди, она знает, знает. Но только кажется это должно звучать иначе. С оркестром? И тут, вторя скрипке, включается пианино. За ним на этот раз вот тот высокий гитарист. Они играют дуэтом, словно переговариваются, или перехватывают друг друга. Потом играет только он. Но Хэла подхватывает.

— Ускоряй её, Ллойд, — кричит из-за кадра, Мила уже стала узнавать его голос, Джокер. — Давай, ну, она же может быстрее, чего ты её тормозишь?

И они ускоряются и Хэла, и этот самый Ллойд...

Ллойд.

И Милена поняла — это тот парень, про которого Хэла ей говорила, тот кто спас от смерти. Боже... а этот второй... этот жест плечами и когда он разозлился. Она видела его в тех жутких воспоминаниях Хэлы, когда залезла к ней в голову. Это его держала за рукав Хэла, пытаюсь унять. И ударник и блондинка-скрипачка... они тоже там были. Стояли у стены, блондинка рыдала, а ударник так на себя не похожий, совсем другой, обнимал её, утешая.

Милена тряхнула головой, тоже пытаюсь не расплакаться.

А ребята на записи уже поют другую песню:

“Правосудию я верил,
Но теперь в нём нет мне места
Умерла моя подруга детства
Палача невеста” [2]

И этот проигрыш — Хэла со скрипкой с таким невообразимо воодушевлённым и полным скорби лицом.

Дальше всё прервалось, словно плёнку зажевало, а потом тишина, но вот Лиза за пианино наигрывает какую-то очень знакомую мелодию. Милена могла бы поклясться, что знает что это — что-то очень популярное, такое мелодичное... Хэла вступает поёт невероятным чистым голосом, высоким.

Белая ведьма была в восторге, голос даже на такой фиговой записи пробирал.

Джокер ухмыляется, они все разом вступают — гитары, ударные, Лиза за пианино уже не робко наигрывает вступительную мелодию... и Хэла... она резко меняет голос с высокого чистого на хрипящий и низкий, такой поразительно объёмный. У Милены захватывает дух. Неужели чёрная ведьма умеет так по-разному петь? И песня. Что это, Милена так и не смогла понять, но была уверена, что слышала много раз. Только не вот в таком потрясающем жёстком исполнении.

Но конца она не видела, потому что что-то скрипит, снова падает камера и запись кончается.

Мила ещё какое-то время сидела и смотрела на стрелочку медиапроигрывателя. В глазах стояли слёзы. Девочки спали.

Белая ведьма посмотрела на спящую Хэлу, бледную, уставшую. Магические сферы светили едва-едва. Девушка нажала на следующий файл и на неё сорвалась с экрана атмосфера выступления в каком-то клубе.

Запись велась откуда-то сбоку, направлена была на группу на сцене. Было много людей, они переговаривались с музыкантами. В сущности и сценой-то это сложно было назвать. Милена присмотрелась и поняла, что это то же самое место, что и в прошлом видео. И камера снимает, находясь на пианино. А вот с музыкантами всё было иначе.

Ударник был тот же, тут же у пианино и камеры стояла та блондинка, теперь

растрёпанная, в растянутой футболке с изображением какой-то рок-группы, такая хулиганка с ярким макияжем — ничего общего с той манерной девушкой на предыдущей записи. Высокий гитарист — тот самый Ллойд. А вот второй гитарист был другим. Это был тот невысокий парень, который впал в истерику на похоронах, которые увидела Милена. Это он открыл гроб.

И это воспоминание снова срубило её, потому что тот второй, тот, Ллойд — это его они тогда хоронили. Там же было фото. Почему-то сейчас чёрно-белая фотография открыто улыбающегося молодого человека, стоящая среди венков, всплыла у неё в голове, словно она была в воспоминаниях Хэлы не какое-то мгновение, а целую вечность и сейчас даже могла с точностью назвать количество присутствующих в помещении людей.

Белая ведьма мотнула головой.

Тот парень, крепкий, коротко стриженный, которого блондинка называла Джокером, сейчас между гитаристами, ближе к ударной установке. На нём гитара, но почему-то Милене показалось, что он не играет. За ним, под ногами футляры один со скрипкой, второй, кажется с трубой или чем-то похожим на флейту. И ещё один футляр пустой, наверное из-под скрипки, на которой играет блондинка.

Хэла у микрофона, в платье, с распущенными волосами, которые и вправду были ниже лопаток. Платье было воздушное, тёмного цвета, на ногах гольфы в тон платью и тяжёлые высокие ботинки. Глаза покрашены так же как на прошлом видео, только кажется ещё темнее, и на этот раз точно есть помада, такого же цвета, что и платье.

На этой записи поёт вот тот невысокий гитарист. Пара песен Короля и шута, потом ещё что-то совсем незнакомое Милене. И вот из зала кто-то просит какую-то песню. Ребята явно не в восторге, кроме солиста.

Он начинает петь, снова что-то очень схожее с КиШ, и Милена заметила, как к блондинке подходит какой-то парень, он садится на корточки и откровенно начинает пытаться смотреть ей и Хэле под юбки. Солист что-то фыркает в проигрыше в зал, Джокер снимает гитару, подлетает к этому, который пялится на девушек и кажется собирался схватить Хэлу за ногу...

И в этот момент на записи всё превращается в какую-то дикую потасовку.

Джокер резким движением прикладывает “приставалу” головой о сцену и конечно разбивает ему лицо. Потом что-то орёт в зал, дальше перемещается в толпу. Всё это быстро, безумно. Там в толпе начинается драка. Ллойд тоже снимает гитару и ныряет в зал, а солист продолжает горланить песню, ровно так же как играть продолжает ударник.

Мила во все глаза смотрела на это метание перед камерой. Потом Хэла нагибается, берёт с пола бутылку, кажется из под пива, что-то кричит в сторону, где были парни из группы, а теперь там просто куча-мала, после чего замахивается и кидает бутылку в толпу. Мила чётко видела, что Хэла попадает в голову какому-то парню, тот оседает и теперь видно, что за ним была спина Джокера.

Кто-то из дерущихся обращает внимание в сторону девушек из группы и на этот раз Хэла уверенным движением бьёт две бутылки и выставляет оставшиеся в руках осколки вперёд. В камере слышно, как она ругается. И всё это под пение и игру солиста, который даже не собирается никому помогать. Он орёт разудалую песню как раз в тему происходящего, пока его группа втянута в потасовку и ему явно это по кайфу.

Уже и ударник не играет — собирает инструменты. Потом хватает в охапку блондинку. — Сатана, я забыла камеру, твою ж, стой, — кричит ему девушка.

Последнее, что есть на записи — это Джокер выхватывающий со сцены Хэлу и Ллойд, который что-то оттуда берёт и рука, а потом темнота...

Милена была в шоке от увиденного. Она глянула на спящую Хэлу. Это было какое-то безумие. Серьёзно? С другой стороны не было удивления — Хэла могла сделать что-то такое, чтобы помочь другу. Кажется она всегда была бунтаркой.

Третья запись была лучшего качества. На ней тоже клуб, но что-то очень приличное. Столики покрытые скатертями, за ними хорошо одетые люди. Группа на сцене. Классические инструменты. Они начинают играть и Милена поняла, что это джаз, значит джаз-клуб.

Ведёт парень за роялем — инструмент занимает полсцены. И тут к нему присоединяется саксофон и девушка узнаёт Джокера. Он взрослее, чем на предыдущих записях, в чёрных брюках и чёрной классической рубашке.

Они играют так классно, что Милена поняла, что она начала кивать головой в ритм, и ноги наверное не стояли бы на месте, если бы она не лежала. Музыканты импровизируют, играют с таким драйвом. Парень за роялем заканчивает. Люди хлопают. Джокер отдаёт саксофон и спускается в зал.

Ему наверное лет тридцать, а он такой же как был вот на тех записях, такой же озорной и улыбка такая надменная, самоуверенная. Он идёт к камере, точнее к тому, кто снимает. Его останавливает девушка и просит, ого, дать автограф. Он делает такое офигенное лицо. За кадром смеются, камера трясётся и Милена понимает, что это Хэла снимала. Её смех не изменился, он такой же, как сейчас.

— Ну, прям звезда, — говорит она, когда он подходит.

Снимала она видимо на телефон, потому что камера перемещается и теперь направлена вверх. Мила видела Хэлу — в чёрном платье, волосы такого цвета как сейчас, но без седины, не понятно какой длины, потому что собраны в аккуратную причёску, закреплены на затылке. Она ещё худее, чем на прошлых записях, кожа бледная на фоне цвета платья. Джокер подошёл к ней и приобнял за талию.

— А то, — ухмыляется он. — Записала? Потом продашь за бешенные бабки.

Хэла заливается смехом.

— А мне автограф можно? — спрашивает она игриво.

— Чуть позднее, принцесса, столько хочешь и где хочешь, — отвечает он и нежно проводит пальцем по щеке, шее и ниже, потом нагибается и целует её, а запись обрывается.

Это было так неправильно. Так плохо. Нельзя было смотреть. А может этот самый Джокер был мужем Хэлы? Но видно, что на записи два человека, которые сильно увлечены друг другом. Можно ли такое забыть? Можно ли оторваться от этого легко и просто? Оставить всё позади. А дети?

Вопросы вились у Милены в голове как рой пчёл. Увиденное добавило столько переживаний, что стало совсем не по себе. А ещё это волнение за состояние чёрной ведьмы. Вот бы девушка могла ей помочь, полечить... и этими тягостными мыслями Мила провалилась в сон.

Весь следующий день она силилась не спросить у Хэлы о том, что увидела. Так хотелось задать все те вопросы, что мучили её при просмотре видео и после. Но почему-то казалось, что Хэла разозлится, расстроится любопытству Милены, её бесцеремонности. И она подавила в себе это желание.

К окнам белая ведьма больше не подходила. Хэла всё так же не вставала — только в

туалет, помыться и немного выпить отвара. Она была совсем бледной, почти зелёного цвета, глаза запавшие, потеряли привычный блеск. Ей явно было очень плохо, но она храбрилась и хорохорилась, запрещая серым “кипишивать” по этому поводу.

После захода Изара пришёл Элгор. Встав в небольшом помещении, похожим на прихожую он гаркнул имя Хэлы. К нему подскочила Куна, кажется даже шикнула, чем вызвала негодование.

— Что случилось, достопочтенный бронар? — тихо спросила Милена, делая к нему шаг.

— Хэла где? — нетерпеливо спросил он.

— Сейчас, — Милена пошла к чёрной ведьме.

Та с трудом, но встала.

— Что происходит? — недовольно прошипел бронар Куне, видимо устав ждать.

Потом он обернулся, и Милена, оставшаяся чуть в стороне от них, видела, как лицо Элгора изменилось при взгляде на Хэлу.

— Что с тобой? — спросил бронар.

— Ничего страшного, просто съела что-то не то. Переживу. С чем пожаловали, достопочтенный? — спросила Хэла, уставшим, глухим голосом. Даже её привычная небрежная речь сейчас была какой-то тяжёлой, трудной.

— Завтра будет охота, — сказал тихо Элгор, хмурясь сильнее обычного.

— А от меня что надо? — фыркнула чёрная ведьма. — Лес заговорить?

— Нет, великий эла хочет, чтобы вы участвовали в охоте, — бронару явно было не по себе.

— Мы? — уточнила женщина, нахмурившись.

— Ведьмы, — пояснил младший Горан.

— Не смешно, Элгор. Зачем ему ведьмы на охоте? Что за ересь вообще?

— Он считает, что вы принесёте охоте удачу, — ответил бронар и Милена видела, что сам он считает это вздором и бредом.

Хэла фыркнула.

— Пешком охота или верхом? — поинтересовалась она.

— Верхом, — был ответ.

— Она, — чёрная ведьма кивнула в сторону Милы, — в седле не умеет совсем.

— Да и ты выглядишь откровенно плохо, — произнёс Элгор.

— За меня не переживай, дорогой, — скривилась Хэла, словно кислое съела. — Я и мёртвая верхом смогу. На соревнования бывало с температурой в сорок работала и ничего. Даже награды получала. Это для меня вообще не проблема.

— Ты помнишь правила?

— За это тоже не переживай. Главное Милке найти смирную тоору. Ведь надеюсь про этих ваших рнитов речь не идёт?

Белая ведьма уже вообще не понимала о чём идёт речь. Страх сковал всё внутри.

— Нет, тооры, — ответил бронар. — Рниты в лесах не смогут. И я сделаю всё.

— И, Элгор, не смей говорить ферану, что я плохо себя чувствую, ясно? — проговорила Хэла угрожающим шёпотом.

— Это плохо, — взвился он.

— Элгор, не смей! — устало мотнула головой чёрная ведьма. — Не добавляй тану проблем. Всё будет со мной хорошо, ясно?

Бронар неуверенно кивнул. Хэла развернулась и ушла, снова легла.

— И давно она такая? — спросил Элгор у Куны.

— Почти всё время как мы тут, — ответила ему серая.

— Почему не сказали? — прошептал он, нависая над ней всей мощью своего роста.

— Потому что она запретила, потому что всем сейчас не до нас, — не заробела Куна, — потому что не шипи на меня, достопочтенный бронар!

— Её боитесь, а ферана нет? А и! — он махнул рукой и вышел, так и не получив ответа.

А вечером главный зал снова гудел. Сон на девушек на этот раз не шёл. Они смотрели на серое болезненное в сиянии магических сфер лицо чёрной ведьмы, поглядывали исподтишка на Милену, и было видно, что все были полны страха и паники.

Хэла не лежала, она сидела в постели, на руках у неё была фицра и кажется вот эту принесли именно для того, чтобы она была рядом с Хэлой, а не для того, чтобы пугала и ловила туняк.

— Спи, я завтра зайду за тобою после семи, — затынула Хэла. — Я — зимнее солнце, и я появляюсь всё реже и реже.

Мне так больно смотреть как красиво лежишь ты на теле реки.

Ты боишься меня, ведь мои поцелуи как нож тебя режут.

Э-эй, Земля,

Залей меня

Снегом талым.

Такая любовь убьёт мир. [3]

Хэла спела песню, вытягивая из себя душу.

Милена всхлипнула. Потом сжалась под одеялом — она не хотела, чтобы завтра наступило.

[1] Fleur "Формалин"[2] Король и шут "Невеста палача"[3] Маша и медведи "Земля"

Хэла с невероятным трудом встала с утра. Заговорить себя полностью не получалось. Хорошо, что до этого не пыталась, а просто валялась трупом. Иначе сейчас не было бы сил вообще ни на что. А так с горем пополам, но смогла сделать так, чтобы голова не раскалывалась, внутренности не болели и не тянуло блевать.

Злость подначивала. Она всегда её подначивала. Всегда заставляла делать больше, чем могла. А сейчас Хэла была невероятно зла.

Охота. Да чтоб... она уже кажется в сотый раз осадилась себя, потому что хотелось отчаянно наговорить чего-нибудь типа кровавого поноса этому царю-эмпяратору, властителю судеб, — сидел бы на вёдрах королевских с камнями драгоценными и не было бы желания тащиться в лес ловить невесть кого. Да ещё в сопровождении двух ведьм.

Хэла даже думать не хотела что там внутри у Роара твориться. Да и Рэтар наверное не в себе... надо было сделать всё возможное, чтобы он её не увидел. Хотя это конечно пустая надежда — увидит и, зная его, изойдёт на нет из-за беспокойства за неё. Ведь даже если Элгор заметил, что Хэле хреново и сделал при этом озабоченное лицо, то судя по всему выглядит она мега-паршиво.

Они шли за Гентом, который забрал их ранним утром из дома, куда поселили серых, когда ещё даже первые лучи Изара не показались над горами.

— Мне страшно, Хэла, — прошептала Милена, которая была жутко бледной и выглядела, судя по всему, почти так же хреново, как и чёрная ведьма.

— Не бойсь, солнышко, — криво улыбнулась ей женщина, хотя сама она чувствовала себя невыносимо напряжённо и отвратительно. — Я прикрою.

Хэла попросила Гента на минутку заглянуть к Деймосу и Фобосу. Оказалось, что эла захотел взять их на охоту тоже.

“Достопочтенный феран, — как объяснил Гент, — сначала отказал, но великий отдал приказ. Правда достопочтенный феран все равно настоял, что раз правитель желает взять хараг на охоту, то звери будут не с ним, а фераном, в начале охоты, а не позади, где будет находиться великий до того момента, пока зверя не найдут и не поднимут.”

Хэла разозлилась ещё больше. Вот же самодур, тьфу-ты, хараг ему подавай. Но с другой стороны — пусть рядом с Рэтаром будут её мальчики. Она знала, что придут на помощь, если будет нужно.

Чёрная ведьма погладила морды хараг и поцеловала их носы, попросила быть молодцами.

Сердце рыдало и унять себя Хэла не могла. Она предчувствовала плохое.

Во дворе замка ведьм встретил Элгор. Ещё вчера Хэла отчётливо видела, как внутри бронара клокочет с трудом сдерживаемые раздражение и ярость. И хотя потусить он любил, но происходящее сейчас тусовкой в расслабленной обстановке было сложно назвать. А “охота” видимо стала последней каплей. И даже представить себе было страшно что там тогда происходит внутри у Роара и Рэтара.

Бронар слегка повёл головой в приветствии:

— Выглядишь так же отвратительно, как вчера, — сказал младший Горан Хэле и внимательно их осмотрел. Одобрительно слегка кивнул внешнему виду ведьм.

Выглядели они обе как монашки. Волосы туго заплетены, спрятаны под платки, сверху

капюшон платья, закреплён так, чтобы не спадал. Хэла надела обычное платье серых, вместо подаренного Рэтаром, чтобы не вызывать лишних вопросов. Сверху плащи, снова капюшон. Короче, упаковались по полной.

— Я же сказала — не переживай, достопочтенный. Всё хорошо будет, — и это “типа волнение” уже тоже начинало раздражать, и ладно от кого там, но не от Элгора...

— Брок с вами будет, — добавил он. — Это не положено, но...

— Нет, — оборвала его Хэла, и взяла за руку в районе локтя. — Раз не положено, то не надо. Пусть будет там, где должен быть. Я так понимаю возле ферана?

Элгор нахмурился и снова кивнул.

— Вот. И отлично, — и ей и вправду так было намного спокойнее. — Я справлюсь. Не списывай меня со счетов, дорогой.

— Да это скорее будет напоминать прогулку по лесу.

— Не будет. Дело пахнет керосином, — она аккуратно оглядела двор и собирающихся в нём участников этого отдающего идиотизмом предприятия. Потом снова перевела взгляд на озадаченного Элгора. — Плохо пахнет, короче, — добавила пояснение на озадаченный взгляд младшего Горана.

— Хэла... — он повёл головой, перехватил её руку, в какой-то смеси внутреннего понимания надвигающейся бури, но всё равно в надежде на то, что сказал ранее, в надежде на просто прогулку.

Чёрная ведьма на это обречённо помотала головой:

— У меня в мире за его долгую историю, — тихо проговорила она, — много кто из знатных, богатых, правящих, с жизнью распрощался за этим делом, милый. Кого кабан задрал, кто с лошади упал неудачно, кто на кинжал собственный напоролся, а некоторые и не один раз. И уж не верю, что у вас тут не практикуют такое — охота, как средство устранить неудобных под шумок, с размахом.

— Хэла, это его идея, — сказал Элгор, а потом побледнел, глянул в сторону вышедших из дома великого эла и ферана с митаром.

— Вот и я о том же, — кивнула она, стараясь говорить спокойно, чтобы со стороны можно было подумать, что она просто получает указания от бронара. — Не смотри на них, дорогой. Глянь на меня.

Элгор стушевался, было видно, что она задела за живое.

— Я тебя очень прошу, будь внимательным и присматривай за таном и братом. Неизвестно насколько планы Шерга сходятся с планами этого вашего царя без царя в голове.

Бронар стал совсем суровым. Повёл головой едва заметно.

— Я тебя понял.

— Я ферана заговорила и не раз, — вздохнула Хэла. — Я всех вас заговорила. Но на мои разговоры могут и другие найтись, понимаешь?

— Да, — ответил Элгор.

И несмотря на то, что был суровым, в нём была благодарность к ней. Уж не понятно с чем это было связано — с заговорами, или с тем, что была на их стороне, несмотря ни на что. Но сейчас уж точно было нет смысла выяснять. Благодарен — хорошо, но если и нет — главное, чтобы Рэтара и Роара смог уберечь.

— Элгор, а можно мне воды? Попросить кого принести, раз мне в дом нельзя? — спросила Хэла.

— Ты сама можешь сходить, — отозвался он. — Он на улице, а значит тебе в дом зайти

разрешается.

Женщина нахмурилась.

— Уверен?

— Да, Хэла. Иди, там Мита, — успокоил её бронар. — Я побуду с Миленой.

Чёрная ведьма сжала его локоть и постаралась как можно аккуратнее пройти мимо всей этой толпы, главное, чтобы Рэтар её не заметил.

— Мита, — тихо позвала она, стараясь не ступить на порог кухни полной людей.

— Хэла, — всплеснула руками Мита и на глаза её навернулись слёзы.

— Можно мне воды попить? — попросила ведьма, не поднимая глаза, потому что знала, что это не положено.

— Можно, моя хорошая, можно, — после того их сидения на кухне и разговора про жизнь кухарки, она снова стала относиться к Хэле как раньше. Правда посиделок по-дружески не было, но может только пока — ведьма по ним скучала.

Мита подала ведьме кружку с водой и покосилась на с десяток всяких “помощников”, которые принадлежали великому эла и явно очень раздражали своим присутствием повариху Горанов.

— На тебе лица нет, милая, — прошептала она, оборачиваясь на явно решивших отойти подальше от серой слуг.

— Не переживай, Мита. Хорошо всё, — улыбнулась Хэла и отдала кружку. — Спасибо тебе.

Женщина кивнула и поймав руку ведьмы пожала пальцы.

Хэла отправилась наружу, но дойти не успела — её поймали за руку и затянули в одно из служебных помещений.

— Рэтар, — качнула она головой, стараясь не поднимать на него лица, чтобы не встретиться с обеспокоенным взглядом. — Увидят нас вместе и...

— Что случилось? — спросил он, перебивая. — Ты заболела?

Его голос, такой нужный, такой безумно любимый и полный этого невозможного беспокойства, вывел её из равновесия. А ведь она до сих пор так неплохо держалась.

— Всё хорошо, правда, — выдавила она из себя, смотря куда-то вниз.

— Не ври мне, — рыкнул он и взяв за подбородок, заставил посмотреть ему в лицо.

— Я не... — запнулась, хотела мотнуть головой... вот не надо было, не надо было, твою ж налево, вот этот взгляд тащил из неё душу, сейчас она разревётся, как маленькая.

— Родная, — почти простонал Рэтар и она запаниковала.

Потому что эта его “родная” её убивала и так, а сейчас. Было невыносимо. Это обращение, и переживание было нормально, правильно — так и должно быть. Но в обычной жизни простых людей, а не вот во всём этом бедламе. Они не могут позволить себе обычную жизнь. И сейчас эти их счастливые дни проведённые вместе стали иллюзорны и невероятно призрачны, как никогда до того.

— Рэтар, не надо, — выдавила она из себя, обняв ладонями его лицо. — Сейчас не надо думать обо мне, очень тебя прошу. Всё будет хорошо. Я справлюсь, родной, честно, я обещаю. Я сделаю всё, как нужно, пожалуйста. Думай только о себе сейчас.

Он прижал её к себе и тяжело вздохнул.

Надо было ему сказать, она знала, что нужно всё объяснить, но сейчас это бы уничтожило его, он бы не смог держать себя в руках. Как никогда. Внутри у Хэлы бил набат и у него было так же — она чувствовала, почти слышала. Его внутренний зверь был на

пределе, потому что Рэтар не спал, потому что эла этот дрянной тянул из него жилы, потому что теперь ещё и охота эта, и непонятно чего от этого ждать. Тревога изводила их обоих.

— Ещё немного, ещё немного, — прошептал он ей в макушку, целуя.

Она закивала, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, и он её отпустил. В коридоре никого не было и Хэла сотворила заговор, чтобы никто не появился до тех пор пока не выйдет феран.

Вышла наружу. Милена глянула на женщину совершенно обезумевшими от страха глазами. Хэла подошла к тоорам, на которых им надо было ехать, погладила, сказала несколько тёплых слов.

— Нам надо будет вести охоту, — обратился к ней Элгор, — а вам быть с великим. Помнишь правила?

— Да, достопочтенный бронар. Надо притворяться мёртвыми, пока палочкой не потыкают, — ответила Хэла и с радостью увидела, как юноша сначала нахмурился, а потом слегка ухмыльнулся её шутке.

— Хэла...

— Не переживай, мы обе помним правила, — она погладила его руку. — И хранят вас боги.

— Хорошо. Блага, Хэла, — парень и вправду был благодарен.

Он помог ей сесть в седло и чёрная ведьма была ему благодарна, потому что в седле могла сидеть, а вот забраться без помощи сегодня сил бы не хватило. Потом Элгор посадил Милену.

— Она смиренная, — сказал он белой ведьме. — И всё знает, так что не переживай — всё сделает, как надо. И если нужно, домой тебя доставит.

— Спасибо, Элгор, — шепнула она.

Он лишь едва заметно кивнул и ушёл.

Процессия потянулась через боковые ворота в лес. Первыми были феран и его люди. Они должны были найти и выгнать на основную массу охотников, а точнее на великого эла, хеяку, и, в идеале, правитель должен был убить зверя.

Хэла ехала на тооре в конце этой процессии и её выворачивало наизнанку. И нет, причиной была не её хворь.

Она охоту ненавидела. Всей своей душой презирала, несмотря на то, что муж её охотником одно время был. И ей приходилось запекать ему и его друзьям добытых уток, гусей и зайцев, но сама она не могла и малюсенький кусочек мяса в рот положить. Однако считала, что раз добыл, надо готовить, потому что пропасть зверю нельзя. Иначе всё это зря. Одно время охота была смыслом жизни мужа, а потом отпустило и от увлечения остались только ружьё в сейфе, от которого был утерян ключ, и злющий охотничий пёс.

Лес был тихим и мёртвым. В нём не было живности. Она ушла, остались только те звери, которые могли выжить в холода. Но Хэла знала, что даже при наличии в этом мире живности, которая уходила в спячку на холодное время тира, из-за того, что холод этот длился уже невыносимо долго, таких зверей находили в лесу мёртвыми или голодными и ошалелыми, из-за чего некоторых приходилось убивать.

Хотя смотрители лесов в Изарии часто спасали таких животных, делали для охраны зверя, что могли — тут были, например, организованы кормушки, которые никогда не пустовали.

После непродолжительного пути в глубь леса в сторону от ин-хана, потому что звери

обходили магическое место стороной и охотится рядом было бессмысленно, великий эла и его сопровождающие, два мужика, видимо советники и стража человек десять, остановились на поляне, откуда открывался очень красивый вид на реку и на лес в низине. Ещё отсюда можно было разглядеть основную группу охотников.

Но Хэла видела их всё время — она видела огни Рэтара, Роара, Элгора, Брока, Миргана Гири и даже Шерга. Видела, как рыщут в поисках зверя её хараги.

— Я слышал, что чёрную ведьму достойному ферану Изарии призвали какую-то совершенно необыкновенную, — заявил внезапно великий эла, поворачиваясь в сторону Хэлы и Милены. — Я думал они говорят про молодость и красоту, но вижу, что дело вероятно совсем в другом.

Чёрная ведьма молчала, хотя много чего хотелось сказать, но, проведя полжизни в желчи, реагировать на подобное перестала. Да и отвечать было нельзя, поэтому она смиренно смотрела на свои руки и молчала.

— А вот белая ведьма у Горанов действительно очаровательная, — отозвался плотный дядька, с мерзким слащавым выражением лизоблюда на роже.

— Дело не в очаровательности, — ответил ему эла. — Хотя ты прав, уважаемый Кейос, белая — очаровательная маленькая птичка.

Мужчины многозначительно переглянулись, а Хэле захотелось врезать и одному и другому по холёным мордам.

— Но мне интересно — если чёрная такая необыкновенная, то значит в чём-то другом, — продолжил эла и, подъехав совсем близко, заглянул Хэле в лицо. — Посмотри-ка на меня, ведьма.

Хэле пришлось исполнить приказ. Она подняла лицо, но взгляд был направлен в землю — серым смотреть в глаза великого эла было тоже категорически запрещено.

— Выглядит хворой, — отозвался другой мужик, такой светлый до невозможности, словно альбинос, крепкий, с выправкой воина.

— Она наверное привыкла в покоях ферана спать, — хохотнул тот, которого эла назвал Кейосом. — А сейчас вот страдает.

— Рэтар видно неплохо её обработал, раз сон потеряла, пока без него ночует, — пошутил вояка.

Эла хмыкнул и снисходительно улыбнулся.

— Что ты делаешь в покоях достойного ферана, ведьма? — спросил он и у Хэлы была сотня едких ответов на каждую их сальную шуточку, но она держалась.

Она снова склонила голову.

— Ну, одно приятно, что обучение ферана, пошло ей на пользу, — отозвался вояка.

— Можешь ответить, — сказал ей эла, не обращая внимания на шуточку своего альбиноса-советника.

— Я заговариваю ферану головную боль, — ответила Хэла, как можно спокойнее.

— Неужели? Не знал, что чёрные ведьмы на это способны, — правитель кивнул в сторону Милены, — думал это работа белых ведьм.

— Может этим я и необычная? — тихо ответила женщина, пытаясь не взорваться. — Потому что могу помочь своему хозяину не только убивая.

Великий эла снова хмыкнул.

Тот мерзкий мужик пошутил на тему помощи ферану, вояка поддержал. Великий спешился, что-то ещё спросил, потом сам же и ответил. Хэлу откровенно мутило от

происходящего.

— Надо вам, великий, тоже себе такую призвать, — сказал внезапно плотный.

— Зачем? Я могу и эту себе взять, — он сказал, они согласно закивали. — Интересно отдаст тебя достопочтенный Рэтар Горан, а чёрная?

И тут он гоготнул, громко, мерзко. Где-то совершенно в непонятном месте затрубил охотничий рог, а Хэла заметила в кустах под деревом взметнувшееся пламя души. Оттуда, из под вороха перегнивших листьев, припорошенных покрытым коркой снегом, вдруг встало что-то чёрное, огромное, страшное. Оно рыкнуло, фыркнуло, подаваясь на смех, идя на него, постепенно ускоряясь.

Эла обернулся, уставился на несущегося зверя. Никто из его окружения не пошевелился. Милена взвизгнула, её тоора дернулась под ней и девчушка сползла наземь. Всё это словно происходило медленно, как в замедленной съемке. Всего десяток шагов и зверь сметёт застывшего в ужасе вздорного правителя.

Хэла поддела своего тора и, выхватив прикрепленный к крупу тооры эла кинжал, метнула его в сторону нападающего зверя.

Этому учил папа. Она с пяти лет училась метать ножи. У него было хобби и наверное он был бы счастлив разделить его с сыном, но сын, который был у папы от первого брака, был далеко, а рядом была только бойкая дочка от второго. Мама была против, потому что "не девичье это дело — ножи метать". Но Хэле нравилось. У папы даже набор специальный был.

Правда Хэла последний раз делала это, когда папа был жив, а после его смерти... она хотела научить старшего сына, но ему было не интересно, а средний не мог. Младшему она даже не предлагала. И потому сейчас был первый раз за двадцать лет.

Но руки помнили, движения, отточенные в течении тринадцати с лишнем лет, всё ещё были точны и реакция была хорошей. Или это ведьмовское естество в ней отозвалось...

Зверь взметнулся, потом рыкнул, по инерции сделал ещё несколько шагов и осел на мёрзлую землю.

Хэлу затрясло, она слезла с тооры, мельком глянула на окружающих мужчин... они не собирались помогать правителю — кажется она только что спасла того, кто должен был умереть.

Ей стало не по себе. Мысли метнулись к Рэтару. Только бы не навредить, только бы не сделать хуже.

Великий эла развернулся в её сторону.

— Ты спасла меня, ведьма? — выдавил он из себя совершенно потерявшим силу голосом.

— Хэла, — к ней подползла Милена, обняла её, и из-за переживаний, и из-за страха. Вцепилась, потому что они тут были одни, а вокруг были враги.

Чёрная ведьма в бессилии опустилась на колени. По ней ударил гнев окружающих мужчин. Она не выдержала и её вырвало на землю.

— Хэла, Хэла, — шептала Милена, поглаживая спину женщины, и стараясь не расплакаться, потому что наверняка тоже чувствовала злость окружающих.

— Вы видели? Меня ведьма спасла, — а вот, в отличии от всех этих полных яростной ненависти мужиков, правитель был в восторге.

— Хэла, — шепнула Милена, пока вояка спешил и подходил к великому. — Я вижу огонь, Хэла.

— Очень вовремя, — буркнула женщина, вытирая рот рукавом.

— Это странно, — отозвалась девушка, словно в трансе. — Почему... в тебе их два. Почему их два, Хэла.

Чёрная схватила девушку за руку и сжала со всей силы:

— Не смей никому этого говорить, поняла, — прошипела она с угрозой.

— Но, — белая ведьма и так была в состоянии нестояния, а тут ещё Хэла её жала.

— Милена! — уже с мольбой обратилась к ней женщина.

— Схватите чёрную, — раздался над их головами приказ мерзкого мужика и в одно мгновение их обступила стража.

Теперь он тоже спешил. И когда ноги его коснулись земли Хэла поняла, что ей пришёл конец. Вот теперь уже точно и наверняка.

— Серые не имеют права держать оружие в руках, и уж тем более применять его, — отчеканил он.

— Но Кейос, — возразил правитель, впрочем без какого-то особого энтузиазма, его оттеснил и закрыл собой вояка.

— В башню, под замок, — проговорил мерзкий, словно молотом простучал.

Руки воинов подхватили Хэлу, бесцеремонно и жестоко, потащили за собой причиняя боль и в очередной раз напоминая, что на самом деле здесь она не человек, просто вещь. Можно отдать, можно взять, можно сломать, можно убить.

— Великий, вам надо обратно, срочно, — это сказал вояка.

Эла пролепетал что-то согласное.

— Но так же нельзя, она же спасла... — это была Милена.

Её заступающийся возглас, произнесённый в какой-то жутковатой тишине тонким и сорвавшимся голосом, был прерван звонким шлепком.

— Молчать, тварь! — прошипел угрожающе мерзкий мужик, после того как влепил девушке пощёчину. — Как ты смеешь подавать голос в присутствии великого? Плети захотела?

Хэла так отчаянно хотела всё это прекратить. Она видела все их огни. И от понимания, что она может всех их потушить, даже не прикладывая особых усилий, стало не по себе. Ведьма сдержалась, потому что это могло привести к непоправимым последствиям для Рэтара, а вот этого она не могла допустить. Его она была готова сберечь ценой своей жизни.

Где-то внизу, там в лесу, жалобно взывала одна из её хараг и Хэла из последних сил метнулась туда, к своим мальчикам и к Рэтару... огонь Фобоса стал слабым и неярким. Горе скрутило ведьму, она попыталась дотянуться до зверя силой, но это было слишком в её состоянии — сознание покинуло её, окутав тенями и тьмой.

Охота была бесполезной, откровенно вздорной идеей. Зверь ушёл стремясь к теплу вглубь земель, на границу Изарии с другими фернатами, или в горы, где местным было разрешено охотиться, но только при строгом согласовании с хранителями предлесья и надгорья.

Что до Зарны, то тут охоту не практиковали даже, когда зверь в лесу был, потому как город жил в достатке, а охота, как развлечение, Рэтара никогда не привлекала. А сейчас ловить в лесу было просто некого, но отказать великому эла в желании поохотиться Гораны не могли, поэтому они собрали охоту.

И тут новые желания — хараги, ведьмы.

Рэтар пытался просчитать, что происходит, чего можно ждать, но получалось скверно с какой стороны не посмотри. Это было какое-то действие, продуманное, не спонтанное, размеренное и направленное на что-то. Но на что? Против Горанов? Определённо, но было ещё что-то...

Шерга был тем, кто докладывал обо всём правителю. Он теперь уверен в том, что станет фераном.

Рэтар прекрасно понимал, что Хэла не стала бы так серьёзно угрожать жизни его брата, если бы не было на то веских оснований. И феран не раз уже отругал себя за несдержанность, которую проявил, когда она рассказала о том, что случилось между ней и Шерга, за то что не выяснил подробностей произошедшего. Рэтар просто разозлился, а теперь уже не было никакого смысла что-то выяснять. Но очевидным было то, что охота плохо кончится или для самого ферана, или для Горанов в целом.

Стивнув себя изо всех последних сил, он вышел утром во двор и... увидел Хэлу. Даже в предрассветное время было видно насколько она плохо выглядит.

Всё его хладнокровие обратилось в прах, сердце рвалось на части, его выворачивало наизнанку. Великий что-то спросил у него, а Рэтар не услышал, ответил невпопад. И это было плохо, потому что нельзя было так ослаблять внимание, но сил на всё это лицемерие в этот конкретный момент просто не осталось.

Хэла пошла в дом и Рэтар уже не смог сдержаться. Зайдя через главный вход, прошёл внутри дома и перехватил её у кладовых. Бледную, холодную, чудовищно уставшую, откровенно хворую. Он был готов положить свою голову на плаху, лишь бы всё это остановить. Потому что чутьё уже не просто шептало, оно выло, надсадно, беспощадно.

Он вывалил на неё всё это, знал, что нельзя, знал, что он почувствует, но боги, как он устал, как он просто хотел прижать её к себе, и чтобы всё было уже не важно. Кажется он сойдёт с ума, ожидая, пока всё это закончится.

И наверное только у неё получилось бы сейчас успокоить его. Эти её ледяные пальцы, этот хриплый шёпот... И когда она ушла, оставив его одного, нутро скрутил леденящий ужас.

И вот оно... выйдя на поиск в лес, они разделились. Рэтар повёл одну группу охотников, а Роар другую. Обходя ин-хан, надеялись найти зверя вдоль реки, впрочем прекрасно зная, что нет тут никакого хеяка — уже наверное с тир люди этих зверей вблизи Зарны не видели.

Хараги рыскали и в какой-то момент охотники растянулись в линию, но потом хищники остановились, начали припадать к мёрзлой земле.

Рэтар спешил, попытался понять, что происходит, присел. Переглянулся с

насторожившимся Элгором, в справа что-то было, но что было не понятно. С мгновение лес был тих и тут его оглушил зов рога. Рэтар нахмурился, потому что рог звал не с той стороны, где должен был быть Роар, а с противоположной.

Феран хотел встать, хараги всё это время беспокойно бегали вокруг. Глава Горанов и понять не успел как так вышло, что за его спиной оказался Деймос, а Фобос дёрнулся из низины, что была в паре шагов от них, вскинулся, оскалился и, сражённый стрелой, упал наземь.

Хараги завывали, снова протрубил рог, а Шерга в недоумении уставился на ферана, переводя взгляд с него на раненого хига, и обратно.

— Он хотел напасть, — нахмурился Шерга, объясняя свой выстрел, и сжимая лук.

Брок соскочил с тооры и кинулся к Фобосу, придавил под урчание зверя рану.

— В Зарну его живо, — отдал приказ Рэтар.

Фобоса доставили во двор на носках, кровь из раны остановилась, но зверь тяжело дышал, и моментально очень ослаб. Деймос плёлся сзади, иногда догоняя брата и тыкаясь в него носом.

Когда Рэтар отдал приказ срочно доставить раненую харагу в Зарну, пришла весть о том, что великий эла и сопровождающие его советники покинули охоту, вернувшись в замок.

Внутри похолодело. Тревога стала невыносимо давяще ощутимой и раздражение, протест, ярость, всё, с чем феран боролся последние дни, полезло наружу, сметая все преграды.

Поднимаясь к воротам боковой башни они соединились с группой охотников, которых вёл Роар.

— Ты зачем трубил? — спросил митар сходу.

— Что? — нахмурился Рэтар, не совсем понимая вопроса тана.

— Вы трубили, зачем? Что случилось? — Роар был взвинчен. — Где Элгор? Достопочтенный феран, что случилось?

— Да, — кивнул он, соглашаясь с ошибочным мнением тана, осознавая картину произошедшего. — Фобоса ранили. Элгор отправился на стоянку великого эла, потому что нам сообщили, что он и его... сопровождающие покинули охоту.

Один из его воинов подошёл и подтвердил, что великий вернулся некоторое время назад.

— Почему? Что произошло? — нервно спросил Роар, спешиваясь.

Рэтар тоже спешил, мотнул устало головой, а потом через плечо тана увидел Элгора, возвращающегося из леса.

И боги, пусть это всё будет кошмарным сном. Пусть его сознание сыграет с ним злую шутку, пусть он просто наконец уснул и всё это просто воспалённый болезненный бред, который создаёт его уставший мозг.

Бронар, аккуратно обняв за плечи, вёл к ним белую ведьму. Её трясло от истерики и холода, не помогал ни плащ серых, ни плащ Элгора, который он накинул ей на плечи.

— Какого? — рыкнул Роар, оборачиваясь.

— Стоять, — прохрипел феран, придержал его, успокаивая порыв броситься к Милене.

Митар взвился гневом, но видя совершенно видимо жуткое лицо своего тана, умерил себя.

— Я нашёл её в лесу, она за своей тоорой шла, — ответил на их немом вопрос Элгор.

— Великий вернулся, — ответил феран, стараясь не впасть в ярость.

— А? — нахмурился бронар.

— Роар, — перебил младшего тана Рэтар, — отведи Милену в дом к серым.

Девушка была бледной, испуганной, невменяемой. Одна щека была ярко красной, было понятно, что её ударили. И если феран заметил, то и митар заметил, а значит надо дать ему возможность позаботиться о ней, иначе натворит дел.

Роар забрал ведьму из рук младшего брата.

— Тан, — тихо позвал его Рэтар. — Помни, что за тобой очень пристально следят.

Митар понимающе кивнул и очень хотелось верить, что здравомыслие пересилит его порывистость и он сдержит себя от необдуманных поступков.

— Говори, — феран обернулся к Элгору, когда Роар и Милену ушли.

— Она была на дороге, одна, — младший тан, кажется тоже уже не очень сдерживал себя. — Они её бросили получается. У неё щека и...

— Я заметил, — ответил на это Рэтар. — Что-то сказала?

— Она редела, — юноша поморщился, — но я понял, что там, где они были с великим, там что-то случилось. Она сказала, что Хэла спасла его, а они её всё равно забрали.

И Рэтар дрогнул.

— Это самое внятное, что я смог вытащить из неё, — Элгор смотрел с сожалением, понимая тревогу тана.

— Иди к эла, — отдал приказ феран. — Скажи, что я ещё не вернулся из леса. Я доеду до стоянки и посмотрю, что там. И уйми брата, если будет надо.

— Да, достопочтенный феран, — кивнул младший тан.

Рэтар доехал до места, где должен был быть во время охоты великий эла и сопровождающие. В начале дороги, направляя его группу должны были быть воины из его обряда и, к своей досаде, сейчас он наблюдал пять человек, командиром которых был один из форов Шерга — и как Рэтар такое упустил...

— Достопочтенный феран, — склонились воины. — Мы хотели сообщить...

Но глава дома поднял руку, призывая к молчанию.

— Поднимались наверх? — спросил он, не желая слышать никаких оправданий и терять на них время, которого, как чувствовал, у него не было.

— Нет, достопочтенный, хотели сейчас, — и фор Шерга направил тоору в вверх по тропе.

— Я сам, — остановил его феран. — А вы возвращайтесь к своему командиру.

Воины склонили головы. Глядя на них мучило какое-то странное чувство, но, отложив раздумья на потом, Рэтар отправился на стоянку, изводя себя плохими предчувствиями.

На стоянку, судя по следам, воины из сопровождения всё же поднимались, по крайней мере двое. Они остановились у кромки, а потом по какой-то причине вернулись назад. Как они не заметили Милену? Или их просто не было на месте, где должны были быть?

Рэтар спешился, оглядываясь вокруг.

Следопытом он был достаточно хорошим. Хотя конечно всё, что он сейчас видел было лишь предположением, но унять страх не мог. Пройдя осторожно до убитого зверя, огромной тёмной глыбой возвышающегося посреди поляны, Рэтар с невообразимой радостью для себя обнаружил, что тот убит с помощью кинжала. Феран выдернул лезвие и изучил его.

Слова Элгора, что Хэла спасла эла, Рэтара практически уничтожили, потому что, если она спасла его, применив ведьмовскую силу, убережь её от законного суда со смертным

приговором по итогу, было бы невозможно. Но кинжал... кинжал, принадлежавший великому эла — это другое.

Удар был сильным, точным. Может на инстинкте, может потому что была ведьмой, но это она сделала идеально.

Метнула кинжал... чего ещё он о ней не знал, боги?

Тяжело вздохнув, Рэтар встал.

Дарланы были животными нервными, ненавидящими резкие звуки. Жили парами, обычно раз и навсегда. Если теряли вторую половину, то становились одиночками, потому это был редкий зверь. В холодное время они спали, выбирая кустистую местность в низине, устраиваясь в листве, обычно прибываясь спиной к спине друг друга. С тем пор как холода затянулись звери эти регулярно приходили кормиться к стоянкам хранителей, а потом снова уходили в свои лёжки.

Вокруг Зарны дерланов было не больше десятка и последний раз у стен или реки их видели больше полутора тира назад.

Убитый зверь был молод и был один, значит пару себе скорее всего пока не нашёл. То, что он устроился на лёжку в таком высоком месте было странно, но в целом можно было списать это на то, что зверь молод. Хотя феран, не верящий в совпадения, в эту глупость дарлана, противоречащую животным инстинктам, тоже поверить не мог.

Рэтар посмотрел на поляну со стороны зверя — вот следы великого эла. Прямо по движению дарлана. Он стоял, явно не в состоянии пошевелиться. За Лоаясом такое бывало ещё в детстве — от страха он застывал, словно каменел, не в силах двигаться. Рэтар дважды спасал жизнь элинина именно в таких ситуациях.

Вот следы тооры Милены и тооры Хэлы. Более лёгкие, следы менее глубокие, чем следы всех остальных тор, бывших здесь. Милена из седла явно упала, это было заметно по ней — грязь на платье, рукавах. Потом след от места падения вёл к суете на земле. Милена подползла. И тут была Хэла — на коленях, значит не падала, спешила сама.

Рэтар видел в грязи отпечаток руки чёрной ведьмы, он точно знал, что это её рука, он слишком хорошо знал её руку. Хэлу вырвало. Полукругом стояли стражники. Рэтар обернулся на следы великого эла. Он сделал назад несколько неуверенных шагов, потом обернулся, рядом были явно следы Джэлта Дэянга, военного советника, командующего войском Кармии, который был равен Рэтару в регалиях, но с той разницей, что Рэтар был командующим боевым, а этот скорее бумажным, хотя воин Дэянг был неплохой. Советник видимо принудительно увёл великого отсюда.

А вот второй стоял над Хэлой и Миленой.

И Рэтар видел следы волочения, было понятно, что волокли Хэлу, потому что видимо вот в этот момент Милена получила пощечину и была оставлена в лесу одна. А Хэлу забрали люди правителя.

Феран в гневе и отчаянии метнул кинжал эла в ближайшее дерево, он бы взвыл сейчас в голос, но кажется на это уже не было сил. Они забрали Хэлу. Великий эла её забрал. Или точнее Кэйос Яндэ забрал.

Рэтар в бессилии сел наземь. Он терял Хэлу, он терял свою ведьму, терял женщину, которую любил. Страх превратился в физическую боль.

Никто из окружения эла не пошевелился. Феран никогда не поверил бы в то, что реакция у чёрной ведьмы на происходящее была быстрее, чем реакция десятка опытных воинов из охраны великого эла или того же Дэялга.

Правитель должен был умереть. И обвинили бы в этом ведьм, и его, ферана Изарии Рэтара Горана. Значило ли это то, что эла не был заинтересован в том, чтобы Рэтар фераном быть перестал? Значило ли это, что во главе заговора стоял Кэйос или Джэлт? Или всё имеет намного больше граней?

— Что за? — Роар влетел на возвышенность совершенно безумным и взвинченным.

В недоумении уставился на Рэтара и на убитого дарлана.

— Чёрный зверь, — прошептал митар.

— Что? — нахмурился Рэтар, вставая.

— Милена сказала, что на них напал чёрный зверь, — пояснил митар. — Но я почему-то подумал, что она не в себе. На дарлана и подумать не мог. Откуда? И здесь?

Феран промолчал, он подошёл к тооре и сел в седло.

— Возвращаемся, — проговорил он и, проезжая мимо дерева, в которое метнул кинжал, забрал его.

— Как Хэла убила дарлана? — спросил Роар, никак не унимаясь.

— Кинжалом великого, — ответил Рэтар.

Отправив Роара в дом, феран заглянул в загон к харагам. С ними был Брок. Он взглянул на Рэтара и в сомнении повёл головой.

— Рана очень глубокая. — пояснил сын. — Кровь вроде остановилась. Лучше бы здесь была Хэла.

— Хэлы не будет, — проговорил Рэтар и сжал перекладину загона, чтобы унять невольную дрожь в руках.

— Я слышал что-то случилось, — шепнул юноша, но спрашивать ни о чём не стал. — Тёрк мне оставил немного мази своей, магической, помнишь? Дорогущей. Я ею рану обработал, но я не знаю, как оно на звере будет действовать или нет.

Брок спрятал взгляд и вздохнул, поморщившись. Рэтар понял, что сын силиться сдержаться, чтобы не показать слабину, тревогу.

— Побудь с ними, — попросил Рэтар сына. — Не доверяю никому. Да и они тоже. Я бы сам...

— Отец... я побуду, меня и просить не надо. Я бы их не оставил.

Рэтар благодарно моргнул.

— Я бы лучше здесь, чем там... — и он глянул в сторону замка.

— Хэла в башне, которую отдали страже великого, — тихо сказал сын. — Мне Гент сказал.

— Я понял. Блага тебе, сын, — ответил на это Рэтар и пожав плечо юноши, пошёл к дому.

Уже на входе к нему подскочил Шерга.

— Рэтар, — позвал он, но потом оправился. — Достопочтенный феран, прости меня, я правда думал, что зверь опасен и хочет напасть. Я же... тебя защищал.

Гнев мгновенно сдавил горло и кажется вышиб весь дух.

— Я понял, Шерга, — с трудом сохраняя спокойствие проговорил Рэтар, разрывая себя на части и уходя подальше от брата.

У дверей башни ему преградила путь стража великого эла. Воины были полна спеси и надменности, но встретившись с его взглядом, стушевались.

— Простите, достопочтенный феран Изарии, но вам нельзя, — проговорил один из двоих воинов, явно стараясь говорить ровно, не показывая страха.

— Нельзя? Мне? — холодно уточнил Рэтар.

— Не-нет, достопочтенный, приказ великого эла — никому нельзя входить, — ответил стражник сглотнув.

— Это часть моего дома, и там ведьма, которая принадлежит мне, — проговорил он как можно спокойнее, а получилось глухо, жутко.

— Мы по-по-понимаем, достопочтенный феран, но... но пустить можем только с разрешения в-великого эла, — они не устояли бы перед ним, если бы он настоял, они расступились бы и ничего не смогли сделать против него, но он сдержался. Слегка повёл головой и ушёл.

В дверях рабочей стороны дома стояла бледная и заплаканная Эка. Она посмотрела на него, но он лишь встретился с ней взглядом, надеясь, что она поймёт, что разговаривать сейчас не намерен. Из дверей вышел Мирган.

— Тебя не пустили? — спросил он.

— Нет, — ответил Рэтар брату.

За его спиной всхлипнула Эка, Мирган сделал к ней шаг.

— Тихо, тихо, нельзя, ну, — ласково прошептал он женщине. — Ты же понимаешь, что нельзя...

Кажется в доме были взвинчены все домашние. Хэлу любили, Хэлой дорожили.

Рэтар прошёл внутренним коридором и стал подниматься к себе по боковой лестнице.

И он... он любил Хэлу.

Дышать стало невыносимо тяжело. Ужас происходящего накрыл с головой. Вот вода и заполнила всё вокруг и Рэтару больше нечем дышать, он может только тонуть. Но он не мог, потому что нельзя, сдаваться нельзя, потому что надо было спасти её, надо было сделать всё, чтобы спасти.

Поднявшись наверх, столкнулся с Сейка:

— Достопочтенный феран, вас искали, — проговорил воин. — Зовут к великому эла.

В покоях великого был Элгор и Роар. Последний почти рычал и скалился. Видимо узнал, кто ударил Милену. Элгор же был тих и хмур.

— Рэтар, — воскликнул успевший переодеться правитель.

— Великий? — склонил перед ним голову феран Изарии.

— Ты знаешь, что случилось? — спросил эла, а Рэтар согласно повёл головой. — Твоя ведьма спасла мне жизнь!

— И ты её запер, — ответил феран. — Собираешься наказать за спасение?

И он видел, что на лице правителя появилось недоумение, значит случившееся его поразило, он не понял произошедшего, не осознал и того, что случилось потом. Но опешил он всего на пару мгновений, потом исправился, нахмурился и воскликнул:

— Пока непонятно, что случилось, — ответил он. — Если она не виновата... Я же справедлив. Всегда.

И сколько испытания было в этом взгляде, обращённом на Рэтара.

— Конечно, великий, — кивнул хозяин дома.

— Но по крайней мере охота удалась, да? — и эла просиял. — Напомни мне, этого зверя...

— Дарлана, — подсказал Рэтар.

— Да. Дарлана. Его можно есть?

— Да, — ответил феран. — Но мясо надо держать в хлито́й воде мирту.

— Тогда оставляем приготовление на вас. Для прощального пира самое то. Хотелось вцепиться в глотку, но пришлось лишь услужливо склониться.

— А шкура?

— Мы подготовим, — ответил Рэтар.

— Прекрасно, — и правитель потёр руки. — А сейчас мне надо отдохнуть. И я решу, что делать с ведьмой, раз ты так переживаешь за неё.

Рэтар сдержал удар. Склонился в очередном почтённом поклоне:

— Отдыхай, великий.

Выходя, Гораны столкнулись с первым советником.

— Достопочтенный феран, — лицо Кейоса перекосило отвратительной улыбкой. — Вам повезло, что всё обошлось.

Спиной Рэтар ощутил гнев Роара.

— Нам всем, — поправил его старший Горан, пристально всматриваясь в глаза и видел там страх, хотя улыбка с мерзкой рожи первого советника не слезла. — Невероятно, да. Даже не представляю, что бы мы все делали, если бы великий пострадал. Хорошо, что рядом была ведьма, которая оказалось проворнее лучшей стражи элата.

— Напомню тебе, — ошетинился советник, задетый за живое последними словами ферана, — что оружие в руки ведьме брать запрещено!

— Благо, что она переступила через запрет, не так ли, достопочтенный Кейос Яндэ? — поинтересовался хозяин дома. — Наш благодетельный правитель жив и все мы очень этому рады.

Мужчина повёл головой, делая незначительный поклон.

— Весьма, достопочтенный феран Изарии Рэтар Горан, — отозвался он, находя в себе силы, чтобы продолжать говорить, как обычно.

После он зашёл в покои великого эла.

— Мне надо подумать, — обернулся Рэтар к танам. — Оставайтесь здесь. Я хотел бы узнать о его решении относительно Хэлы до того, как он заявит об этом во всеуслышание.

Элгор кивнул.

— Рэтар, — Роар был очень зол. — Я не смогу сейчас делать всё это.

— Можешь, — отрезал феран. — У нас нет выбора, Роар.

Митар хотел что-то возразить, но Рэтар не дал, сделав шаг вперёд и сохраняя обычное выражение лица он произнёс так тихо, как мог, чтобы слышали его только таны:

— Не смей мне говорить, что ты не понял, что сейчас произошло, — прохрипел он. — Не думаю, что я, да и все мы, упустили тот факт, что понимание ситуации Хэлой, быстрее понимания Джэлта Дэялга или десяти личных форов великого эла и лучших воинов ферната Каянты. Он должен был умереть, Роар. Милена и Хэла, должны были лишиться своих голов. А мы своих регалий, прав и достоинства дома. А может и жизнью заодно.

Митар пытался унять себя, смотрел в пол и было видно, что его скручивает от злости.

— Мне плевать сейчас на твои можешь или нет — иди и делай, что должен, — отрезал феран.

Роар кивнул.

— И Элгор, распорядись насчёт дарлана.

— Да, достопочтенный феран, — отозвался бронар.

Время тянулось невыносимо медленно. Сначала Рэтар мерил шагами библиотеку.

Потом понял, что это занятие ещё больше раздражает его, но внутри была буря. Она взвивалась, изводила его, терзала.

Великий должен был умереть.

Рэтара беспокоил охотничий рог. Сигналом к чему он был? Почему Шерга стрелял в харагу? Впрочем, кого он обманывает — брат стрелял в него, в Рэтара, а хараги просто попали под выстрел. Или может прикрыли его собой. Феран бы не удивился, если бы защитили. Но... как бы это выглядело?

С Рэтаром был Элгор, был Брок, были лучшие его люди. Были придворные. Что Шерга собирался делать с ними? И кому трубили сигнал?

Но великий хотел прижать Рэтара, всё было не просто так. Всё это, что происходило последние несколько дней. Что-то не сходилось. Что-то было не так и Рэтар всё не мог понять, что именно.

— Рэтар? — в библиотеку зашёл Элгор.

— Что? — вскинулся феран, а нутро стало леденеть, в ожидании известий.

— Пока ничего, — виновато мотнул головой тан. — Я распорядился насчёт зверя.

— Хорошо, — одобрительно отозвался Рэтар. — Иди, помоги брату.

— С ним всё хорошо, — бронар нахмурился, отвёл взгляд. — Я хотел... тан...

— Элгор, — устало вздохнул феран.

— Нет, — заупрямился Элгор. — Я знаю, что ты меня подозреваешь. Но я не виноват, Рэтар. Я не предавал тебя. Я клянусь. Я не докладывал великому. Мне так жаль. Я виноват. Я видел какая была Хэла вчера, но она запретила мне тебе говорить, а я... я подумал, что она права, что тебе и без того тяжело. И я не ожидал, что Шерга выстрелит. Я ждал чего-то плохого, но не такого. Я думал, что раз он хочет, чтобы ты был жив, то не станет пытаться тебя убивать... и...

— Что? — остановил поток извинений феран, хмурясь и поднимая руку в останавливающем жесте.

Уже на словах о состоянии Хэлы его затрясло, но потом всё это про Шерга. Элгор уже просто не понимал, что сделал не так, парень извёлся и просил прощение за всё подряд.

— Я не предавал тебя, — выдавил младший тан, говоря о самом, как он думал, страшном, в чём был виноват перед фераном.

— Я знаю, Элгор, — ответил Рэтар, понимая, что надо сказать это, чтобы успокоить парня.

— Знаешь? — опешил бронар.

— Да. Это Шерга, — ответил Рэтар, устало опираясь на край стола. И было видно, что у Элгора отлегло, он выдохнул, зажмурился. — А теперь по порядку. С Хэлой — я понял. Надо было сказать, но сейчас уже не важно. Теперь Шерга — ты думал, что он хочет, чтобы я был жив? Почему?

Тан потерялся — не знал, что сказать.

— Элгор, — вот сейчас злость пойдёт на мальчишку и Рэтар сметёт его, как ураган. — Говори.

— Он хотел стать фераном, — тихо проговорил бронар, становясь ребёнком под напором своего тана. — Он сказал Хэле и она его чуть не убила. Она же сказала тебе?

— Да, — согласился Рэтар. — Откуда тебе это известно?

— Она пришла ко мне, — пояснил Элгор. — Думаю, она пошла бы к Тёрку, но он уже пропал тогда. И к Роару было нельзя из-за того, что дело касалось Шерга. Хэла сообщила...

Феран понимающе повёл головой.

— Она пришла, её трясло всю. Я сначала не хотел с ней говорить, но потом — лучше я, чем Роар. Она спросила меня про обстоятельства, при которых Шерга может стать фераном. Я воспринял это не серьёзно, но Хэла она была действительно не в себе. Напугана. И меня это напрягло, — Элгор не выдержал, взвился, прошёл немного вперёд и сел на диван. — Я ответил на её вопросы. И сказал ей, чтобы она обязательно пришла с этим к тебе.

Рэтар потёр глаза — как же сейчас он был зол на себя. Проклятье и кары ему на голову, вот дурак! Снова... снова! Хэла пошла с этим к Элгору... к Элгору! И чтоб Рэтара хотрь сожрали, парень её выслушал. Несмотря на то, как относился к чёрной ведьме — выслушал. А Рэтар? Рэтар выставил вон.

— Что конкретно она сказала про Шерга? — спросил он глухо.

— Ну, — тан повёл плечами, не хотел говорить, сомневался.

— Говори, — приказал феран. — И не вздумай... не надо, парень!

Элгор нахмурился, понимая реальность угрозы, потом видимо разозлился — на себя, на ведьму, на Рэтара. Злость подстегнула:

— Он сказал ей, что когда станет фераном посадит тебя на цепь, — ответил бронар с горячностью. — Собирался заказать в Хар-Хаган цепь из тонга. Вот почему я думал, что тебе ничего не грозит.

— Зачем? — и он сказал глухо, как-то неестественно даже для себя.

— Рэтар, — снова упрямо мотнул головой Элгор, не потому что злость кончилась, нет, потому что причина была... была!

— Зачем? — прорычал феран, не обращая на это внимание.

— Чтобы ты смиренно смотрел, пока он будет мучить Хэлу, — прошептал Элгор, подавленный гневом тана. И как хорошо, что Рэтар не умел убивать мыслями или заговорами, как Хэла... или нет. — Он собирался её заклеить, чтобы не сопротивлялась. Поэтому она его и чуть не пришибла. Лучше бы пришибла...

И бронар фыркнул с сожалением.

— Достопочтенный, — влетел Сейка, и тут же поправился, — эээ... достопочтенные, простите. Но тут послание от достопочтенного митара.

Пошевелиться феран не мог. Он смотрел на протянутую записку, а сердце стучало невыносимо громко и жутко.

— Давай, — Элгор подошёл к стражнику. — Иди, Сейка.

Тан развернулся к Рэтару и хотел дать бумагу ему, но феран нахмурился с болью, и бронар развернул послание и прочитал вслух:

— Пятнадцать уда-ров, — он поднял на тана полные ужаса глаза. — Рэтар, я... я... прости... боги...

Феран развернулся к бронару спиной, упёрся кулаками в столешницу.

Пятнадцать ударов кнутом или плетью — это было не наказание, это был приговор несущий смерть.

Наказание великого эла исполнял его личный палач. Никто не выживал после его порки. Никогда. Не было важно, чем он бил и сколько ударов наносил десять или пятьдесят. Человек умирал всегда после наказания, но чаще всего во время, особенно женщины.

И стук сердца в говоре Рэтара в одно мгновение превратился в щелчки кнута. Он ощутил себя мальчишкой, который стоял на галерее Зарны и считал удары, которые наносил отец. Свои никогда не считал. А вот те... в тот раз... те, считал...

— Рэтар, — Элгор подскочил к тану. — Давай просто выведем её оттуда. Давай? Мы же знаем, как попасть в башню в обход стражи. Это просто. А когда попадём... а Хэла же может на всех наговорить чего... пусть они ослепнут на время или пусть не заметят ничего. Это же Хэла, она же сильная, она может. Отправим её через портал и всё. Где они её искать будут? Ну, это же только ты можешь найти, разве нет? Рэтар?

Феран замер. Шевелиться было невыносимо больно.

— А может она выдержит их? — парня трясло. — Может эла прикажет ему... может... это же Хэла. Она же другая. Мы позовём мага, позовём Зеура.

И бронар с досадой ударил в столешницу:

— Проклятый палач... Чтоб его рваши утащили. А может он не будет его призывать из столицы? Может нашего возьмёт? Или Мирган? У него есть право, он же палач дома и он умеет так бить, чтобы... И Хэла ведь выдержит...

Элгор словно бредил, от суровости и спеси не осталось и следа, по щекам юноши текли слёзы.

— Проверят, как он будет бить... Не выдержит... Хэла... она же хвора. Боги, — прошептал он обречённо, утирая слёзы со щёк, ладонями. — Я так виноват, Рэтар. Я никогда не желал ей смерти. Правда. Прости, прости меня, тан. Я не знаю... Я так тебя подвёл.

Он пытаюсь унять слёзы, но не получалось.

— Пойдём, Элгор, — проговорил Рэтар, взяв себя в руки. — И ты ни в чём не виноват, тан. Я ни в чём тебя не виню.

— Ты что-то придумал? — нахмурился его словам бронар. — Рэтар, ты же любишь её и она... она очень тебя любит. Я видел.

Феран застыл на полдороги к двери.

— Я знаю, — отозвался он. — И я убью это чувство, спасая её жизнь, убью любовь ко мне.

— Что? — опешил Элгор, взгляд был полон непонимания и сожаления.

— Этого она мне не простит, — ответил ему Рэтар. — Но пусть живёт и ненавидит... только пусть будет жива.

Они молча дошли до покоев великого эла. Рэтар встретился взглядом с бледным и потерянным Роаром. Он словно хотел что-то сказать, но тут из комнат вышел правитель и митар склонил голову в почтении.

— О, Рэтар, — улыбнулся эла.

— Великий.

— Отдых пошёл мне на пользу, знаешь ли. После произошедшего было немного не по себе. Но я вспомнил забавный случай, как таскал с твоим братом цнелю с кухни, помнишь?

— Да, великий, — отозвался Рэтар.

— Риван умел веселиться, — заметил эла. — Жаль, что он погиб.

Они шли в сторону главной залы, заполненной уже двором.

— Да, — ответил Рэтар, сжав рукоять меча до побелевших костяшек.

— Я принял решение относительно твоей чёрной ведьмы, — правитель шёл и улыбался в приветствии своим слугам. — Думаю, что пятнадцать ударов кнутом будет вполне приемлемо.

Они зашли в зал, гул стих. Все присутствующие замерли, ожидая, когда эла сядет на своё место и присутствующие тоже смогут пройти к столам.

— Всё же, — делая вид, что сожалеет произнёс правитель, — мне не очень это приятно.

Но закон есть закон. Она спасла мою жизнь. Но серые не могут держать оружие в руках без разрешения. И она же могла попасть в меня.

А это через повелителя говорил первый советник, и Рэтар отчётливо это слышал. Он поймал надменный и настороженный взгляд Кейоса, а великий замер, ожидая сопротивления и возражений, но феран Изарии молча склонил голову, соглашаясь решению эла. Повисла неловкая тишина.

— Надеюсь, наказание с утра не омрачит наш праздничный прощальный обед, — решил-таки нарушить молчание правитель, — перед тем, как мы покинем твой гостеприимный дом.

— Как будет угодно великому эла, — отозвался Рэтар.

— Что ж, — правитель встал на своё место и взялся за кубок, приглашая двор за стол. — Прекрасно.

Феран взял кубок и сел за стол.

Рэтар думал, что сойдёт с ума, пока весь этот разгул пил, ел и веселился, выдёргивая из него последние жилы. У него не было никаких сил, чтобы выдерживать это. Но он терпел эту пытку, потому что это самое малое, что он мог. Всё ничтожно по сравнению с тем, что ему нужно будет сделать с его Хэлой.

— Я рад, что ты не противишься моему решению, — проговорил эла, уже прилично опьянев и давая Рэтару возможность вернуться к вопросу.

— А я могу? — спросил феран.

— Разве ведьма тебе не дорога, — пьяный, но всё ещё способный нанести удар и смотреть на то, что на это сделает противник, — ты же привязан к ней.

— Глупо не ценить дорогую и весьма полезную вещь. А я вроде не глупец, — отозвался Рэтар, как можно спокойнее.

— Не глупец, — согласился эла, снисходительно улыбаясь. — И я рад, что мы понимаем друг друга. В данном вопросе.

— Понимаем? — с вопросом повёл бровью изарийский феран и ухмыльнулся.

— Разве нет? — удивился великий. — Мы же друзья, Рэтар.

— Тогда ты не откажешь мне? — спросил он, всматриваясь в правителя.

— Откажу?

— В дружеской просьбе о моём праве ферана.

— О, Рэтар? — правитель нахмурился, а зал мгновенно замер.

— Моё право, — пожал плечами хозяин дома, стараясь быть отстранённым. Надо было, чтобы присутствующие здесь не вникали в истинные причины его просьбы. — Закон был нарушен в моей земле, моей чёрной ведьмой. Я мог бы требовать, но раз мы друзья, то я покорно прошу своё право на наказание.

— Ты хочешь сам наказать свою ведьму? — уточнил эла, делая брезгливое лицо.

— Да, — кивнул Рэтар, подтверждая очевидный вывод, а главное очевидное желание.

И видел, как глаза великого полыхнули мерзким огнём — правитель хотел зрелища, это то ради чего он и притащился сюда. Показать кто главный, но при этом вывернуть всё наизнанку. И Лоаяс знал, что могло значить для Рэтара подобное действие. Внутри эла был триумф.

Но снаружи он лишь снисходительно повёл головой. Они оба продолжали играть свои роли.

— Хорошо. Раз ты так хочешь, — правитель развёл руками. — Мне не хотелось этого,

но право ферана — я его принимаю. Да и зачем дёргать палача, призывая его через портал из Йерота ради пятнадцати ударов кнута. В самом деле.

Рэтар склонил голову в благодарности, его выворачивало, а он благодарил.

Он лежал на полу своих покоев и уже не пытался взять себя в руки, его трясло, рвало на части, било наотмашь. Из глаз текли слёзы. Рэтар зажмурился. Внутри него сейчас было холодно и мертво. Он убивал чувства, он травил себя, потому что нельзя было выходить завтра пороть Хэлу и при этом чувствовать.

Он будет пороть Хэлу.

Принятие было болезненным и жестоким. Она самое ценное, что у него есть. Она целый мир, который Рэтар выдернул силой, принуждением. Забрал себе, сделал своей. Он любил её до безумия, сходил с ума. Она самое нужное, самое дорогое. Улыбка, взгляд, голос, запах, прикосновения, близость. Рэтар никогда не верил в судьбу, но Хэла... обретя её, он поверил в то, что такое бывает, она была его судьбой. И он потеряет её завтра, причинит боль своими собственными руками, и потеряет.

Он больше не увидит её открытую улыбку, больше не будет её любящего взгляда, мягкого голоса, тёплого запаха, нежности прикосновения, страстной близости. Он убьёт её любовь к себе, выбьёт плетью, пятнадцать ударов и она станет далёкой и чужой. А он проведёт отведённое ему время до смерти в ненависти к себе, презирая и проклиная каждый свой вздох. Но лишь бы она была жива. А на нём уже так много того, что он не мог себе простить...

В бессильном гневе он разбил в кровь кулаки. Боль не давала забытья, а так хотелось. Но было страшно.

Всё станет как раньше. Станет. Будет так, как было до того, как в его жизнь ворвалась его ведьма с её безумным хаосом, с её сводящим с ума беспорядком. С её оживляющей его силой. Он снова перестанет быть живым. Будет так, как было всю жизнь.

Рэтар закрыл глаза, а открыв, оказался в бескрайнем поле.

Трава цвета земного тариса, словно шевелилась от ветра, но было тихо. Над головой невероятно красивого цвета небо.

Он обернулся и увидел огромное дерево. Оно было такого же цвета, что и трава. Ствол массивный, внушительный. Крона такая же как трава, тарисовая, листья волнистые. Он пошёл к дереву и заметил под ним девочку, на вид лет двенадцати.

— Эй, — окликнул он её и понял, что ему тиров пятнадцать не больше.

Осмотрел себя — действительно был мальчишкой. Было непривычно и странно.

— Ты кто и что тут делаешь? — спросила девочка, нет, спросила, боги, это была Хэла.

— Я Рэтар, я сплю, — ответил он, сев перед ней на колени. — Это ведь сон.

Она насупилась, надулась, круглое личико со вздёрнутым носиком стало ещё более круглым, словно она хотела подуть, но не получалось. Невероятно милая.

— Это я сплю. Это мой сон тут, — выдохнула она. — Иди в свой сон, спи в другом месте.

Рэтар улыбнулся. Она была одета в широкую цвета колны рубаху без рукавов, доходившую ей до середины бедра, а на ногах были такого цвета, что и рубаха, короткие штаны, до колена. Босая. Волосы были длинные, такого цвета как и сейчас, ну может более светлые и без седины, конечно, распущенные по спине, явно мягкие и со странным сладким запахом. Он непроизвольно втянул его носом. Ему так хотелось прикоснуться к волосам, но он сдержался, встретившись с суровым взглядом ирнитовых глаз.

— Ты что делаешь? — спросила она.

— Чем это пахнет? — в свою очередь задал вопрос Рэтар.

— Ты совсем что ли? — возмутилась девочка. — Блин, иди уже отсюда, это моё дерево и мой сон.

— И куда мне идти? — возразил он и повёл плечом. — Я же тоже сплю.

— В одежде спишь? — спросила маленькая Хэла, указывая рукой на верхнюю одежду, в которой он был.

— Просто уснул одетым, — ответил Рэтар, пожимая плечами.

— Тогда вот иди, просыпайся и ложись спать, как положено, — буркнула она и отвернулась.

А он не удержался и провел по волосам рукой. Действительно мягкие, захотелось уткнуться в них лицом.

— Да блин, ты серьёзно? — девочка почувствовала и конечно отодвинулась от него на пару шагов. — Ты маньяк, что ли?

— Кто? — удивился он слову, хотя кажется слышал такое от Хэлы.

— Ну... это такой... короче не важно, — и она сделала такой привычный и родной жест плечом.

— Чем они пахнут? — спросил Рэтар.

— Да чтоб тебе провалиться! — вспыхнула девочка гневом и обидой. — Это вообще неприлично, словно я... плохо пахну. А я перед сном мылась и голову тоже, и сушила сидела, носом клевала. Знаешь как долго они сохнут? А ты...

— Подожди, — улыбнулся он и подвинулся ближе. — Ты не поняла. Они хорошо пахнут, я просто спрашиваю, что это такое, что за запах?

— Персик же, — ответила и посмотрела на него, как на полного дурака.

— Персик?

— Да.

— А что это?

— Эээ, — девочка опешила, — ты не знаешь, что такое персик?

— Нет.

— Это фрукт. Очень вкусный. Сладкий.

— Ты моешь голову фруктовым отваром? — спросил Рэтар в недоумении.

— Нет, ты что совсем? Шампунем я мою голову. Он пахнет персиком. Есть яблоком пахнут. Есть клубника, ну, — она пожала плечами. — А чем у тебя голову моют? Или не моют вообще?

— Моют, — возразил он. — Но пшичка не пахнет ничем.

— Пшичка?

— Шампунь? — передразнил он её, спрашивая как и она непонятное слово.

Она улыбнулась. Впервые, и боги, это была улыбка Хэлы, немного озорная, неправильная, один уголок приподнят больше, чем другой, лицо стало таким очаровательным. Она не изменилась.

— Ты чего опять? — спросила она, опешив и хмурясь, видимо его улыбке и взгляду.

— Ты красивая, — ответил Рэтар.

— Дурак, — буркнула она, нахмурилась и отвернулась, скрыв лицо за волосами. — Просыпайся давай.

— Ты правда красивая, — Рэтар потянулся к ней и развернул к себе.

Маленькая Хэла была смущена. Лицо было цвета грасцита, на глаза навернулись слёзы. Даже сейчас тянула из него душу.

— Можно я тебя обниму? — спросил он, точно зная, что обнимет, даже если она откажет.

— Нет, — ответила она, всё ещё пытаясь спрятать от него лицо.

— Почему?

— Потому что с чего вдруг я должна обниматься с каким-то непонятым парнем, который вот свалился, как снег на голову? И вообще...

Она была недовольна, но Рэтар, да, не послушался — притянул девочку-Хэлу к себе и обнял. И это невообразимое тепло, которое он испытывал всегда, когда обнимал её, наполнило его, растеклось внутри покоем и миром. Она не сопротивлялась, замерла.

— Прости, — прошептал он, утыкаясь лицом в шею. — Прости меня, прошу!

— Да ничего, обнимай уже, — фыркнула она. — И ты тоже ничего так, симпатичный.

Рэтар мотнул головой, даваясь словами:

— Родная моя девочка, прости, прости меня, прошу тебя, Хэла, я не могу иначе, прости меня, прости... — он говорил, прижимая её к себе, отчаянно, со страхом, с болью.

— За что? — спросила она, явно испугавшись, но обнимая его в ответ.

— За то, что сделаю тебе, — прошептал Рэтар, — за ту боль, которую буду вынужден причинить. Я бы отдал всё, чтобы этого не случилось, но... я... я...

Голос его становился глуше, он начал хрипеть, меняясь, взрослея, снова становясь самим собой, теряя голос.

— Шшшш, тише, родной, ничего, это ничего, — Хэла перестала быть девочкой, он обнимал свою Хэлу, чувствовал её привычный тёплый запах, даривший ему чувство дома.

— Если я отпущу тебя, то ты пропадёшь, — сказал он, вроде пытаясь спросить, но в итоге получилось утверждение. Стало жутко, вот теперь окончательно безумно.

— Всё хорошо, — ответила она, едва слышным шёпотом и Рэтар оторвал её от себя, чтобы заглянуть в лицо. Но в руках было пусто.

Задохнувшись, он проснулся. Лицо было мокрым от слёз. В разбитые руки вернулась биением боль.

Закрыв глаза, ощутил прикосновения пальцев Хэлы на своей коже, невесомые, мучительные, кожа пошла рябью. Вспоминая её поцелуи, в ушах звенел шёпот, он внутренностями чувствовал её стоны.

Эта ночь кажется будет длиться вечность и как было бы хорошо, если он всё-таки потеряет сейчас разум.

Роар пил уже третий кувшин цнели, но легче не становилось. Опыянение было слабым, даже более того — почти никаким. Хотя обычно такого количества вполне хватало, чтобы голова стала плохо соображать. Мысль метнулась к Хэле и её огненной воде... Хэла... и скрутило, стало мерзко, тошно.

— Ты что делаешь? — спросил Элгор, заходя в комнату старшего брата.

— Пью, — глухо отозвался Роар.

— Это я вижу, — сказал брат, становясь перед ним. — Какого рваша ты творишь? Завтра надо быть трезвым.

— Нет, — отозвался митар. — Плевать. Я буду пьян. Потому что на трезвую голову я не смогу смотреть на происходящее.

— Ты ошалел, Роар? — возмутился Элгор. — Сколько ты уже выпил?

— Какого тебе от меня надо?

— Ты очень вовремя решил устроить истерику.

— Что я решил? — взметнулся Роар, встал так резко, что кресло отъехало на шаг назад.

Элгор стоял перед ним, смотрел в глаза, кажется вполне был готов к тому, что старший брат его ударит.

— Ну, уж простите, — прохрипел митар, — что я не такой как ты и Рэтар, не умею спокойно воспринимать подобное, что меня скручивает и воротит от несправедливости и от...

Он запнулся, его практически выворачивало — рваш.. Хэла. Рэтар будет пороть Хэлу.

— Как он мог вообще? — выдавил из себя Роар.

— Как он мог? — взвился Элгор. — А что нужно было делать? Палач великого убил бы её. И ты, ты это прекрасно знаешь!

— Хэла спасла ему жизнь, он не стал бы идти против высшего закона мира, — мотнул головой митар, хотя сам понимал насколько эти слова бесконечно наивны. — Мы бы после отправили её к магу.

Элгор усмехнулся:

— Кажется ты уже очень пьян, потому что глупым вроде никогда не был, — съязвил младший брат. — Ему плевать на этот закон. Только нам не плевать, только мы с ним носимся, а он творит, что хочет. И убил бы Хэлу не он, а его палач. А он только развёл бы руками. Мага позвать? Ты шутишь? Роар...

Бронар выпустил воздух, повёл головой, нахмурился.

— Только вдумайся — великий эла, который обязан жизнью чёрной ведьме! Это же... такого не было никогда и не должно было быть. И Рэтар... — он говорил с болью. — Ты правда думаешь, что Рэтар спокойно пошёл на это? Как у тебя вообще...

— А ты бы смог сделать такое? — обречённо прошептал Роар.

— Не знаю, — честно ответил Элгор.

— Я бы не смог. У меня не поднялась бы рука на... — митар хотел сказать Милену, но запнулся, потому что только от одной мысли о возможности чего-то подобного у него всё умерло внутри, — на Хэлу, а у него...

— Поэтому он всё ещё феран. А ты митар, — отозвался младший брат.

— Что? — выдохнул Роар.

— Ничего, — фыркнул Элгор. — Рэтар давно бы уже мог снять с себя титул ферана и отдать тебе. У него есть права на это и великий эла не посмел бы противиться. Ты получил бы титул, а он стал бы тэяром Горанов. Он сделал бы это, если бы ты в такие вот моменты не ныл, не впадал в истерику, не пил, пытаясь забыться, а собирал себя и делал то, что должно. Рэтар феран, потому что он переступает через себя, в тысячный раз, делая то, что обязан, а не то, чего бы хотел.

Элгор рыкнул, ударил кулаком по столу и вышел из комнаты Роара:

— Давай, пей, это то, что надо! Особенно, когда тану нужна поддержка и наши трезвые головы, — зло бросил бронар и вышел вон, хлопнув дверью.

Всё это время Роар рвал себя на части, переступая через себя. Он словно гнил, впитывая в себя эти происходящие вокруг разложение, лицемерие.

Так было всегда?

Роар понять не мог, как так случилось, что раньше его всё устраивало и почему он ничего не замечал. Как раньше удавалось не видеть всего этого паршивого гниения, да ещё и спокойно существовать в нём.

Нет, великий эла никогда ему не нравился. В глазах изарийского митара он мало чем отличался от своего отца.

Роар отчётливо помнил эти худющие, цепкие пальцы, которые лежали на его мальчишечьей шее, впивались больно и зло, шёпот этот жуткий, спрашивающий, нравится ли мальчишке его новая мать. Усмешка в безумных глазах правителя и ярость в глазах стоящего рядом танара. Роар не мог ответить правду, тогда он солгал. Великий удовлетворённо кивнул, потом больно схватил за волосы и напомнил, что лгать нельзя, за ложь будет наказание. Роар тогда кивнул, сказав, что не лжёт великому и никогда не посмел бы, а от боли в глазах стояли проклятые слёзы.

Вокруг были все эти взрослые и никто из них ничего не сделал и даже не пошевелился, никто не заступился, даже отец. Когда великий его отпустил, Роар подошёл к новой супруге Рейнара и та, когда эла отвернулся, погладила мальчика по голове. Потом она была вынуждена пойти за Эарганом и отцом Роара, вслед правителю. На плечо легла рука Рэтара. Тан слегка сжал пальцы, в знак поддержки и взглядом, давая понять, что плакать нельзя.

Потом этот отвратительный безумец умер, а его место занял нынешний эла, в обход двух своих старших братьев.

Один из них был безумен, как отец, слаб и страдал припадками. В приступах он терял сознание, глаза его становились пустыми и безжизненными, а после он несколько дней приходил в себя, словно каждый раз заново учась соображать и говорить.

Понятно, он не мог стать правителем. И в конечном итоге однажды во время приступа оказался на лестнице, упал и сломал себе шею, падая вниз со ступеней.

Что до второго старшего брата, то до сих пор Роару было непонятно, как удалось сделать так, чтобы тот отказался от правления в пользу младшего. А во время последней крупной войны, его взяли в плен и он до сих пор кажется находился где-то в заключении у вражеского элата, тогда и поражение тот элат избежал только благодаря этому пленению. Хотя сейчас никто уже не вспоминал кажется о том, что элинин Кармии до сих пор находится в плену.

А этот... этот великий сначала был вполне неплохим правителем, но, если подумать, только при жизни Эаргана, который умел держать в узде всю Кармию и конечно очень умело управлял эла тоже. После смерти танара, который почти всё время, пока носил

титул ферана Изарии, был первым советником великого эла, всё поменялось.

К великому прибились противники Эаргана, которые при его жизни только бессильно зубами могли клацать. А отец Роара, ставший фераном, не только не лез в правление, но и не считал нужным поддерживать тот уровень влияния и мощи ферната Изарии, который был достигнут при его старшем брате.

Да и, чего скрывать, был очень плохим управленцем и хозяином. Как и Роар, он много понимал и смыслил в военном деле, и если бы не Рэтар, никто не знает в каком состоянии была бы Изария в тот момент, когда Рейнар погиб.

В элате к этому времени уже всё было в полнейшем развале и разгуле. Именно в это время Роар попал ко двору, как митар Изарии, и на полную окунулся в происходившие там. Гуляния, пиршества, турниры, разврат. Две крупные войны, случившиеся в это время, только подстёгивали безумный праздник жизни, когда заканчивались победой Кармии.

И уж Роар оказывался в первых рядах среди тех, кто эту победу приносил, не жалея себя и потом рассказывая о том, как получил новые шрамы. И у него были девицы, которые точно знали какие из шрамов свежие. И это невообразимо тешило его самолюбие тогда. Но сейчас...

За последний тиры, пока они в Изарии бились с тем, что победить казалось невозможно, стало очевидно, что всё то, что раньше было таким радостным, теперь стало ложным и пустым.

А потом появилась Милена.

Роар столько раз позволял себе терять голову, влюбляясь, а потом снова, снова и снова. И никогда внутри не было такого страха и такой тоски, что невыносимо себя сдержат, невозможно отвлечь. Он не хотел никого другого, не хотел. И чувствовал себя отвратительно даже просто любезничая со всеми этими прибывшими с эла женщинами и девицами. А со многими из них у него была близость, с кем-то и не раз, и сейчас они ждали развлечений именно такого плана, а его тошнило от неоднозначных взглядов, слов, намёков или даже открытых предложений. Ему хотелось улыбки и взгляда только одной женщины.

Когда с утра увидел, как Элгор вёл Милену из леса, чуть с ума не сошёл. И отводя в дом серых, скрипел зубами, держался, чтобы не взять на руки и не унести к себе. Больно было от слёз, от обиды за неё и за Хэлу. Проклятые прихоти тех, кто считал себя выше всех остальных.

И с таким трудом, со злостью и застилающей глаза яростью, сдерживал себя, чтобы не ударить Кэйоса Яндэ, который ударил Милену. Его маленькую, хрупкую девочку. Ударил, потому что советник не считал её человеком, потому что не видел в ней даже животное, вроде туняки. Она была просто вещью. Советник мог позволить себе забить её почти до смерти и ничего бы ему не было. И от мысли этой скручивало так, что в глазах темнело и рассудок покидал сознание.

И теперь брат говорил, что Роар не может держать себя в руках? Он все эти дни тащил на себе этот разгульный праздник на костях Горанов, но всё равно сделал не всё?

Да, Элгору пришлось взять на себя утешение всех голодных до “изарийской мужской мощи” девок двора, но уж не очень младший брат страдал от этого. Он был таким же как и Роар в его возрасте.

Единственное, что могло напрягать, это игра, в которую с ними играл великий эла. Но и тут — и Роар, и Элгор точно знали, что Рэтар сделает всё, чтобы прикрыть их, и игру ввёл именно тан. И он делал это, не дрогнув ни разу. Ни разу до сего момента.

Когда митар услышал приговор, то первым делом хотел взбунтоваться, хотел защитить Хэлу, но сдержался, написал записку Рэтару.

А потом увидел его — Роар знал, что иногда Рэтар умеет быть абсолютно непроницаемым, совершенно недоступным для прочтения. Но тут тан был спокоен и совершенно холоден. В нём был вот тот Рэтар, которого Роар знал, с которым жил под одной крышей, с которым столько раз ходил в бой плечо к плечу.

И эта просьба о праве ферана...

Роар дрогнул и с трудом удержался, чтобы не посмотреть на тана с ужасом, когда тот попросил разрешения наказать Хэлу собственноручно. И при этом никаких чувств. Словно говорил о чём-то обыденном, о просто вещи, а не о женщине, которую любит.

Сердце Роара на части рвалось — Хэла... добрая, честная, открытая, красивая, заботливая... боги, да что за... это было просто невозможно! Она же жизнь Роару спасла, она же такая невероятная. Закрывая глаза, митар видел её обнимающую Рэтара, тогда когда он ворвался к ним после Хар-Хаган. Такая желанная и такая нежная, полная любви женщина. И тан. Он любил её, может впервые в своей жизни он любил. И просил о таком! Дружеская просьба... рваш!

Утопая в немогущей бессильной злобе Роар не заметил, как небо просветлело. Над горами взошёл светок и смотреть на него сегодня было невыносимо больно. Митар мотнул головой и встал. Он всю ночь просидел на полу у кровати.

Кажется эта пытка никогда не закончится.

Во дворе за ночь настелили доски и поставили столб, подготовили всё для наказания.

— Ты распорядился во дворе это сделать? — спросил Роар у младшего брата.

— Зрелище нужно двору, — буркнул бронар. — А остальным нечего на это смотреть.

Митар благодарно сжал его плечо.

Элгору Хэла не нравилась, но наказания без большего унижения она была достойна — младший брат Роара ценил верность, а чёрная ведьма была дому верна.

Поднявшись наверх, Роар столкнулся с Рэтаром. Тан был хмур, суров и вот сейчас непроницаем. Митар хотел задать вопрос, но феран на него даже не взглянул, спустился вниз, оставив одного.

Правда один Роар был совсем недолго — двор потихоньку выходил на верхнюю внешнюю часть галереи, становились по обе стороны над двором. Великий эла, советники, кое-какие приближённые, наложницы правителя заняли центральную часть, где для них были подготовлены стулья, чтобы они не стояли во время наказания.

Устанут, несчастные!

Роару хотелось выть. Правитель что-то спросил у него, когда митар указал им куда можно пройти. Он кивнул, начав отвечать, а потом почти потерял дар речи, потому что увидел внутри дома Милену.

Девушка стояла у стены, за которой была скрытая лестница, ведущая на башню, что находилась над крылом харна. На белой ведьме был плащ прислуги дома и она жалась к стене, пытаясь не привлекать к себе внимание придворных, тянущихся к галерее.

С трудом договорив, Роар, стараясь не привлекать особого внимания эла, оставил его и как можно спокойнее подошёл к Милене.

— Что ты тут делаешь, — прошипел он, схватив её и утаскивая подальше от посторонних глаз.

— Роар, мне очень надо поговорить, пожалуйста, — в глазах стояли слёзы, её трясло и,

рваш, он прекрасно понимал причину.

Затянув её на потайную лестницу, митар посадил ведьму на ступеньку.

— Ты сошла с ума? Если тебя заметят... — он запнулся, потому что скрутило с силой, — или ты хочешь присоединиться к Хэле?

— Роар, пожалуйста! — она отчаянно вцепилась в его рукав. — Её нельзя пороть, надо остановить всё это. И феран, он правда будет это делать?

— Милена, — он мотнул головой. Ей наверное такое вообще невозможно принять. — Нельзя это остановить, отменить... нельзя. И Рэтар, он делает это, потому что должен.

— Это же несправедливо? За что? Она же жизнь спасла этому вашему, — нахмурилась девушка, пытаясь вспомнить слово. Не вспомнила, всхлипнула. — Неужели он её за это накажет?

— Да, — ответил Роар. — Да, маленькая, это несправедливо, это неправильно, но...

— И почему феран это делает?

Боги, да что ж такое... она рыдала и он не мог ничего с этим поделать. Он и сам бы сел сейчас рядом и разрыдался, потому что она была права, потому что всё честное и правильное сейчас было пустым, было просто словами, тающими в воздухе.

Да, они призвали, а теперь терзают, потому что не могут сопротивляться, потому что законы, потому что присягали на верность. И Роару было, рваш, стыдно, потому что в этот момент он думал только о том, что если Милену увидят в доме, ведьму, пусть и белую, под одной крышей с великим эла, то её тоже высекут, поставят рядом с Хэлой...

— Он спасает её, маленькая, — выдавил из себя Роар.

— Спасает? — переспросила она, нахмурившись.

— Да, — подтвердил Роар и слотнул. — Потому что иначе Хэлу бы порол личный палач великого эла. А после его порки не выживают. Он может убить всего несколькими ударами.

Она вобрала в страхе воздух, стараясь не вскрикнуть, удержаться от каких-либо громких звуков. Глаза её были полны невыносимого ужаса.

— Рэтар не может допустить её смерти. А заменить палача может только... хозяин... земли... ведьмы... поэтому так, — и оправдание было таким ничтожным, понятным самому митару, но конечно же ужасающим и чуждым Милене. — А теперь мне надо идти, потому что сейчас эла будет говорить приговор и прочее, и мне надо быть там, внизу, когда её приведут.

— Её нельзя пороть, — упрямо покачала головой Милена.

— Светок, — простонал Роар.

— Нельзя. Или в этом мире всё так бесчеловечно, что... — она запнулась, слёзы потекли сильнее.

— Милена, — он прижал её к себе, погладил по голове.

— Она беременна, — прошептала белая ведьма.

Роар замер, кажется задыхаясь, сознание рвануло к Хэле... Рэтару...

— Что? — митар отстранился, уставился на неё. Внутри всё скрутило, руки с трудом удалось унять от тряски.

— Она беременна, — повторила Милена и расплакалась.

Роара словно ударили. Вот теперь наверное его глаза наполнились ужасом.

— Спаси её, — пальцы цеплялись за его одежду, она причитала, уже впадая в какое-то безумие, утопая в горе, — скажи им, скажи ферану. Нельзя же пороть беременную...

— Так, — тряхнул головой митар, сказал резко и понимая, что времени не остаётся, схватил Милену за руку, грубее, чем хотел бы. — Кто ещё знает об этом?

— Я не знаю.

— Откуда ты знаешь? — Роар задавал вопросы и тащил девушку за собой, сначала наверх по лестнице, потом под крышей, через перекрытия и мимо узких защитных бойниц, до башни над покоем Рэтара.

— Я видела огонь у неё внутри, — Милена задыхалась, пытаясь поспеть за ним. — Я Хэле сказала, но она запретила мне говорить. Я только сегодня ночью поняла, что это было. Вот тебе сказала. Роар?

— Так, — ответил он, переступая через себя. — Забудь, ясно? Не смей никому говорить, поняла? Сказала мне и я тоже забыл.

— Что? — девушка упрямо застыла всего в паре шагов от перехода в другую башню. Он тянул и Милена чуть не упала, пришлось перехватить и почти на руках вытащить на площадку над лестницей, что вела в покои ферана или на первый этаж, в рабочие комнаты дома.

— Ты хочешь, чтобы её убили? — прошептал Роар, обняв лицо, заглядывая в заплаканные глаза.

— Нет, — она в ужасе мотнула головой.

— Если узнают, то убьют. Прямо здесь и сейчас. Вместо порки Рэтару нужно будет взять меч и отрубить ей голову. Чёрная ведьма не может иметь детей, ясно? Это запрет. А так как это ребёнок Рэтара его тоже накажут. Голову не отрубят, но... да он сам... — он захлебнулся на вдохе. — Прошу тебя, светок, не надо.

Она заплакала, тихо, обречённо. Роар притянул её к себе и обнял, поцеловал в макушку.

— Пойдём, маленькая, пойдём. Надо...

Митар спустился с ведьмой по лестнице на первый этаж, осмотрелся. В этой части дома было пусто.

— Иди туда, к Мите и Эке, — приказал он, понимая, что на ласку и уговоры сейчас нет времени, да и по другому кажется она не услышит, не осознает, насколько сейчас находится в беде. — Найди кого-то из них, скажи, что я отправил. Они тебя спрячут, пока всё не закончится, а потом отведут обратно. Хорошо?

Милена кивнула, не поднимая на него взгляд. Кажется Роар сейчас убил что-то очень хрупкое, что-то важное... что-то, что уже нельзя будет воскресить между ними.

Он сжал её руку, перед тем как отпустить, и она поплелась в сторону кухни, а митар вышел на двор.

Тут были уже домашние, почти все принудительно, стояли вдоль стен дома, не выходя на площадку перед домом, не подходя ближе к месту наказания. Митар был уверен, что если бы у них был выбор то большинство не стали бы на это смотреть.

Так же как и серые. Для них это должно было быть показательным наказанием. Девушки стояли на коленях вдоль перил рабочей части дома, и как хорошо, что Милена могла не присутствовать, потому что белым ведьмам разрешалось не присутствовать на наказаниях и казнях.

Митар прошёл к столбу. На дощатой площадке с кнутом в руке стоял Рэтар. Лицо его было спокойным, отрешённым, взгляд ледяной, пустой. При утреннем свете было видно, насколько феран устал, какие тёмные круги были под глазами. Он снова мучился бессонницей, которая отступила, пока он был с Хэлой, а сейчас изводила вновь. Хотя спать в

эту ночь он бы не мог, даже если бы не страдал отсутствием сна.

Пока Роар бродил с Миленой по скрытым частям дома, великий и уже произнёс свою речь. Слушать и не хотелось — что правитель мог сказать? Что ему жаль, что он благодарен за спасение его жизни, но закон есть закон? Роара это выворачивало.

Из внешней башни, в которой был сейчас отряд сопровождающих великого эла воинов вышел Элгор, ведя под руку Хэлу.

Лицо бронара было таким же непроницаемым, как и лицо ферана, но Роар видел, что брат с невероятным усилием сдерживает гнев.

Хэла была бледной, на голове был платок, несколько прядей темных с сединой волос выбились из под него и попадали в глаза. Глаза были полны усталости, стали совсем тёмными. Рот был завязан, чтобы не смогла произнести слов заговора. На мгновение Роару показалось, что увидев Рэтара, лицо женщины просветлело, но вполне возможно ей просто было нужно, чтобы феран на неё хотя бы посмотрел. Однако взгляда его она не дождалась. Он был таким отстранённым и чужим, был непреклонным и сейчас Роар видел в нём танара. Вот так же тот всегда наказывал плетью или кнутом за проступки. Непроницаемый и неумолимый.

Роар столько раз стоял здесь, когда Рэтар, заступившись за мальчика, получал предназначенное ему наказание от Эаргана. Разве что столб для него не готовили, а ставили к перилам вдоль площадки. Столько раз он видел перед собой лицо тана, когда по его спине ходил кнут ферана, взамен спины маленького и, в очередной раз, натворившего дел Роара.

Митар непроизвольно зажмурился, вспоминая, и в голове взревел голос танара, призывающий к тому, чтобы Роар открыл глаза. И он открывал и видел перед собой лицо Рэтара, видел его глаза. И ни разу не один мускул на его лице не дрогнул, ни разу тан не заплакал, всегда взгляд был бесстрастен, спокоен, полон непоколебимости.

Элгор помог Хэле опуститься на колени. Привязал её руки к столбу. И митар увидел, что на ладонях Хэлы глубокие свежие кровоточащие порезы. В недоумении и ярости он глянул на брата, который распорол уверенным движением платье на спине ведьмы, а затем её нижнюю рубаху и молча сошёл с досок, встав рядом с Роаром.

— Это его люди сделали, — ответил брат, на немой полный ярости вопрос митара, — чтобы не натворила чего.

— И об этом не забыли, — тихо прохрипел Роар, смиряя себя.

С другой стороны от него стояли Мирган, Шерга, Гир.

— Начинайте, достопочтенный феран, — отдал приказ великий.

Рэтар кивнул, Хэла закрыла глаза. Кнут со свистом проделал дугу и врезался в спину чёрной ведьмы...

Кажется это было самое долгое наказание в его жизни. Даже вот тогда в детстве, когда пороли Рэтара, Тёрка, Миргана, Шерга, Войра или его самого, всё не тянулось так долго и так невыносимо болезненно.

Роар конечно понимал насколько это тяжело Рэтару. Он распорол Хэле спину в кровь, но только первыми несколькими ударами, дальше бил мягче, но от каждого удара Роару самому было нестерпимо и хотелось закрыть её собой. А что было с фераном даже представить было невозможно.

Хэла не издала ни звука, только по щекам от боли текли слёзы, глаза она тоже не открыла, жмурилась, сжимала кулаки, отчего кровь из ран текла сильнее, капая на доски. Так и не потеряла сознание, а лучше бы потеряла.

Когда просвистел тринадцатый удар великий поднял руку:

— Довольно, — проговорил он. — Всё же я справедлив и благодарен.

С этими словами он кивнул ферану, встал и ушёл в дом.

— Просто задницу отморозил, — зло прошипел Мирган, сквозь стиснутые в немом гневе зубы.

Рэтар развернулся и тоже ушёл в дом.

— Иди за великим, — кивнул Элгор Роару.

— Я, — хотел возразить митар, потому что надо было помочь тут.

— Иди, — на плечо легла рука Миргана. — Не заставляй ферана делать это.

— Хорошо, — согласился Роар и переглянувшись с Элгором, отвязывающим Хэлу от столба, пошёл в дом.

Пиршество было как обычно шумным и бурным, особенно громким стало, когда внесли приготовленного дарлана. Весь двор с таким триумфальным возгласом принялся поздравлять великого с удачей на охоте, что словно вообще не было никакой ведьмы, не было никакой порки, не было почти убитого великого...

Рэтар на этот раз не сидел за главным столом, сказав, правителю, что “палач за столом не к добру” он пересел на край стола и был там, наравне с командирами отрядов, которые присутствовали на этом прощальном пиру.

Кажется поведение ферана великого задело, но после того, как внесли главное блюдо, преподнесли шкуру зверя, а Джэлт Дэянг поднял чашу за силу, здоровье, мудрость и долгие тиры правления эла, и тот кажется вообще забыл о Рэтаре, улыбаясь и принимая хвалу.

Роар и Элгор были внутри всего этого уже совершенно неконтролируемого разгула. Девицы облепили и митара, и бронара. Они кажется размножились и уже совсем потеряли стыд и гордость.

В былое время Роара это бы подстегнуло, увлекло и он пустился во все тяжкие, но сейчас смотрел на них и становилось отвратительно и омерзительно, хотя улыбался и делал вид, что доволен.

Митар исподтишка глянул в сторону Рэтара, возле которого сидела наложница великого эла. Хотя сказать "сидела возле" было бы не совсем правильно — она висела на феране Изарии, и с виду уже порядком цнельный Рэтар не просто ничего с этим не делал, он ей потакал.

Роар нахмурился, перевёл взгляд на великого. Тот видел происходящее между Рэтаром и его наложницей, одобрительно улыбнулся, потом переключился на какую-то ферниту, которая стояла рядом с ним и что-то шептала на ухо. Митар встретился взглядом с братом, потом глянул снова на Рэтара, но тот уже уходил за утаскивающей его из залы наложницей. И вот это нужно было остановить, но Роар не успел, потому как Элгор удалился следом.

Бронар спешно утащил из залы одну из обхаживающих его девиц, и Роар не смог уже позволить себе покинуть застолье, потому что без хозяев это всё оставлять было нельзя.

Только бы Рэтар не поддался на вызов. Он же этого себе никогда не простит. Но если наложница скажет эла, что ничего не было... или... а может Элгор не просто так ушёл?

Пришлось заглушить тяжёлые мысли, снова улыбнуться через силу и продолжить любезничать и делать вид, что счастлив видеть и участвовать во всём происходящем. Радуюсь тому, что раз остался в зале один из всех Горанов, то теперь есть уважительная причина, чтобы все эти сидящие рядом с ним девицы не рассчитывали на то, что он покинет зал, удовлетворяя их похотливые желания.

С наступлением темени зал почти опустел. Сегодня все ушли отдыхать раньше. Кто-то даже отправился в путь вместе с частью двора, которая в сопровождении одного из находившихся в корте служения отряда, контролируемого частью людей из отряда митара, была вынуждена покинуть Зарну раньше великого эла.

Сам же правитель на восходе следующего дня сидел в седле своего рнита и довольно улыбался, провожаемый Горанами и ждал, когда соберутся в дорогу оставшиеся с ним люди.

— Я был рад повидать тебя, достопочтенный феран Изарии. Прощаюсь ненадолго, — спросил великий у стоящего рядом с ним Рэтар, надавив на последнее слово. — Полагаю ты помнишь о моей просьбе?

— Конечно, великий, — склонил голову феран. — Праздник цветения. И мы были рады тебе в нашем доме, надеемся, что всем угодили.

— Не переживай, — улыбнулся эла. — Холод раздражал, но тепло и радость от встречи всё скрасили.

— Блага тебе, великий, — снова склонил голову Рэтар, и на этот раз за ним это сделали все присутствующие.

Правитель глянул на неубранный столб и помост, брезгливо поморщился.

— Надеюсь, что с твоей чёрной ведьмой всё обойдётся, но если помрёт — я за свой счёт призову тебе новую, — проговорил он снисходительно. — В качестве извинений.

— Это не стоит твоих переживаний, великий, — отозвался феран Изарии. — Благостной и лёгкой дороги.

Правитель протянул ему руку, Рэтар сжал её и великий отправился прочь. За ним потянулась вереница сопровождающих придворных, не уехавших предыдущим вечером.

Гораны стояли в воротах перед замковой площадкой. Роар уже не мог терпеть, потому что по правилам нельзя было уйти, пока последний гость не покинет основные крепостные ворота, а с башни не дадут отмашку, что великий покинул, в данном случае, черту города. Митара тянуло в дом к серым, он хотел увидеть Милену, посмотреть, что с Хэлой.

Вчера он умудрился отправить послание Зеуру, но ответа не получил. Мага не было, и где он никто не знал. И переживания за состояние чёрной ведьмы не отпускало весь вчерашний день, а когда в темень хотел дойти до дома серых, понял, что за ним следят. Пришлось остаться и ждать, когда эла и его приближённые отбудут, прихватив уши и глаза, что неустанно преследовали Горанов в их собственном доме.

А ещё безумно хотелось обнять Милену, попытаться объяснить всё, что случилось. И он с болью вспомнил последние слова белой ведьмы о Хэле, глянул на отчуждённое лицо ферана, и стало совсем не по себе. Роар не знал, что случилось вчера между таном и наложницей великого. И ещё стало страшно от того, что будет, когда Рэтар узнает о состоянии Хэлы. И...

На башне дали отмашку, что великий выехал за пределы Зарны.

Роар выдохнул.

А Рэтар развернулся и лицо его изменилось, стало жутким, полным устрашающей бури. Это было то самое лицо, которое бывало у тана очень нечасто, но которое означало лишь приближение сметающей со своего пути всё живое ярости и скорее всего чьей-то смерти. Только что спокойный и хладнокровный, он отпустил контроль, выпуская своего чудовищного зверя наружу.

Едва уловимое движение и оказавшийся перед Рэтаром Шерга взвыл и отлетел от них на добрых десятков шагов.

Митар до конца не понял, не осознал, и Шерга не понял, да никто не успел понять, но резким, сильным, точным ударом феран сломал единокровному брату ногу. Из правой икры торчал обломок кости, а Шерга даже не успел развернуться, чтобы попытаться встать или уползти. Рэтар спрыгнул со ступеней и, не говоря ни слова, настиг Шерга, нанёс очередной удар, после чего под хруст костей вывернул руку, протянувшуюся к мечу.

Мирган, Гир и Элгор бесстрастно смотрели за происходящим. Из дома вышли слуги, с башен вывалились воины из отряда ферана и митара. Молчание было звенящим. И оттого удары были невыносимо гулкими, страшно трещали кости и скулил Шерга, которому Рэтар сжал шею, ломая её.

Внутри Роара сейчас был дикий триумф, единственно было жаль, что не он делает это, но с другой стороны, было понимание, что надо это остановить, что право Шерга на жизнь может быть нарушено, потому что было понятно, что брат ферана сейчас умрёт. И у этой смерти могут быть непоправимые последствия.

Но остановить Рэтара, когда он такой, нельзя. Это было невозможно — он бы покалечил или убил любого, кто встал бы у него на пути.

Рэтар что-то прохрипел Шерга в лицо, а потом взяв уже потерявшего силу на сопротивление брата за ворот, подтащил к столбу, где вчера порол Хэлу.

Подобрав цепь, которая была вокруг столба, хищно ухмыльнулся и примотал Шерга к столбу, лицом к ним, затянул так, что тот стал задыхаться.

— И чтобы ни у кого не возникло больше желания предать меня, я скажу только раз, — прорычал феран, разворачиваясь и обращаясь к окружающим, и всё сильнее затягивая цепь, — так будет с каждым! Мне плевать на вашу кровь, ваше положение, на регалии. Есть ваше слово передо мной, есть ваше слово перед Изарией. Предательство — это смерть.

И с этими словами Рэтар отпустил цепь и воткнул меч Шерга ему в грудь. Лезвие прошло насквозь, врезалось в деревянный столб, пробило его и тем самым закрепило Шерга в этом нелепом полусидячем положении.

Потом Рэтар глянул на Миргана, тот оскалился, едва заметно кивнул и ушёл в сторону основных башен.

Шерга был ещё жив, что-то пытался сказать. Рэтар подошёл к нему:

— Надеюсь нравится на цепи? — рыкнул он, усмехнулся, а потом ногой надавил и загнал меч в тело брата по самую рукоять. — Да будет так...

Командир отряда феран издал ещё один жутковатый всхлипывающий звук, потом, заливаясь кровью и хрипя, умер.

— Наслаждайся победой, Шерга, — прошептал в голову трупу феран и отправился в дом.

В двери замер и произнёс:

— Тому, кто его тронет эту падаль без моего приказа, вырву руки.

Роар глянул на усмехнувшегося Элгора, на домашних, обернулся на вопли, которые послышались со стороны основных башен внешней крепостной стены. Оттуда слетел на камни и разбился один из воинов. Через прореху в зубцах перегнулся ухмыляющийся Мирган. Упавший был фором командира отряда ферана. Значит и всех остальных Рэтар приказал схватить и скорее всего их ждёт такая же участь, как и Шерга.

Митар ринулся в дом и застал там стоявшего в недоумении мага, держащего на руках белую ведьму.

— Зеур? — выдохнул Роар, которого словно ледяной водой облили. — Ты что делаешь?

— Заберёте её, достопочтенный? — спросил маг. — Рэтар её приложил яростью и этого она уже не выдержала. До этого стояла сама.

Митар подскочил к нему и взял Милену на руки.

— Что случилось? — выдавил он из себя, теряясь в страхе за девушку.

— Хмм, — скривился Зеур, — меня первый маг внезапно заслал аж в Клест. Как вернулся, сразу к вам, а тут вот ваша светлость решила найти в себе силёнки и поработать уже, как и положено белой ведьме.

— Что? — нахмурился Роар, кажется потерявший способность нормально понимать слова.

— Чёрную она лечила, — усмехнулся Зеур, поясняя свои слова. — Теперь ей надо отдохнуть. Скорее всего с непривычки будет несколько мирт спать, как неживая, но это не страшно.

Митар нахмурился ещё сильнее, пытаясь осознать происходящее.

— Мне тоже надо отдохнуть. Так что раз никто уже не помирает, а те кто умирал уже умер, — он кивнул по направлению в сторону двора, — пойду я. Вернусь через пару дней. Но, если что ещё натворите, зовите, конечно, раньше.

С этими словами маг похлопал Роара по плечу и удалился наверх, чтобы пройти через портал домой.

Митар уставился на Милену в своих руках. Маленькая, бледная, едва дышала...

Она лечила Хэлу?

Напряжение этих дней отпустило и уже независимо от желания Роара из его глаз почему-то потекли слёзы.

Придя в себя, Хэла подумала, что ей приснился кошмар.

Но всё болело — спина и руки разрывало невыносимой пульсацией, которую кажется невозможно унять. Она зажмурилась и застонала.

— Хэла, Хэла, — всплыл откуда-то извне шепчущий, едва слышный голос Милены.

Чёрная ведьма снова открыла глаза и увидела перед собой полное усталости и заботы личико белой ведьмы. Сейчас Милена была похожа на ребёнка, совсем девочку, да на деле она ею и была, — напуганной, потерянной, в глазах эти её слёзы, но кажется у неё не было сил на плач.

— Эгей, привет, крошка, — прошептала Хэла.

— Я... я... боже... я думала ты никогда в себя не придёшь, что я всё испорчу только, что... Хэла... — и девушка кажется хотела обнять ведьму, но удержалась, с сожалением смотря на её спину.

— Ты меня полечила? — удивилась чёрная ведьма, хотя знала ответ.

— Я, — она утёрла слёзы и виновато глянула снова на спину женщины, — не совсем, не совсем, просто раны затянулись, кровь больше не идёт. Но...

— Ого, то есть, чтобы ты заработала, надо было мне плетей ввалить? — ухмыльнулась чёрная ведьма. — Так ты бы сказала сразу и мы бы давно это организовали, детка!

И Милена всё же разрыдалась, через силу, глухо, уткнулась в плечо женщины.

— Хэла, перестань! — с надломом попросила она.

— Ну-ну, — улыбнулась чёрная ведьма, хотелось обнять девочку, потому что такая она была разбитая, хуже кажется самой Хэлы, но шевелиться было безумно тяжело.

— Ого, — в дверях возник Зеур. — Ничего себе у вас тут...

Он прошёл к ним и чёрная ведьма наконец осознала, что она находится где-то в незнакомой комнате, но по ощущениям она была всё ещё в Зарне.

Глянула вокруг в поисках огня людей и поняла, что они где-то на рабочей стороне замка. Видела огни Эки и её детей, видела огонь Миты. Гораны стояли где-то, как ведьма определила, в стороне выхода. Там же были огни двора, внутренний огонь великого эла.

— Неплохо, белая, — буркнул маг, возвращая сознание Хэлы обратно. — Ты же первый раз лечила?

— Да, — шепнула Милена.

— Тогда вообще замечательно, — одобрил Зеур. — Не так как у Хэлы получилось, но очень достойно. Начинает пробуждаться сила. Постарайся держать себя в руках в это время.

— Сказал тоже, малохольный, — фыркнула чёрная ведьма, пока он аккуратно осматривал её руки. — Она ещё тир не разберётся, как у неё это получилось. Кажется мне теперь век битой ходить.

— Хэла, ну, пожалуйста, — всхлипнула белая ведьма едва слышно.

Маг лишь ухмыльнулся, потом цыкнул недовольно:

— Вот за такое бы руки поотрывать... словно пол-ладони тебе отрезать хотели. Достаточно всего одного надреза, а они, — Зеур был зол. Видимо в нём говорила некая магическая солидарность. — Им бы так полоснуть, где надо. Бестолковые людишки.

Потом он ещё немного поругался про себя, когда осматривал вторую руку.

— Так, Хэла, я сейчас уберу боль. Но шрамы убрать смогу только через пару дней,

хорошо? Сейчас у меня нет сил, меня выдернули из такой задницы, ты даже представить не можешь, — маг фыркнул. — Я в себя приду и вернусь. И руками пока ничего не делай, а то с такими ранами можно своей силой навредить себе.

Она зажмурилась в знак понимания и Зеур ушёл в себя, колдуя, а боль стала отступать. По телу растеклось приятное тепло, такое почти невесомое, обволакивающее.

Хэла хотела сказать слова благодарности, но не успела, потому что взметнулись тени, яростно, с визгом, невыносимым воплем, даже визгом.

Милена сжалась, даже маг дрогнул и обернулся.

— Ух, всесила, — выдавил он, прижатый теньями, — ярость, смерть...

— Рэтар убил Шерга, — проговорила чёрная ведьма, глядя в пустоту.

Хэла не знала, как видят маги, понятия не имела, но она видела.

Тени позвали её раньше, чем Милена и маг среагировали. Раньше того, как начали нещадно выть, поэтому сейчас чёрная ведьма прекрасно видела, что происходит.

Тени взметнул Рэтар. Столько злобного ураганного гнева, что хватило бы на сотню человек. Не зря все боялись этого его состояния — его и вправду было не унять. Хэла видела огонь Шерга. Под напором ферана ничтожно маленький, мелочный, почти потерявший хоть какую-то значимость. Рэтар его просто пожрал.

Это было так страшно и так завораживало. Можно представить себе стену огня, а на фоне маленький слабый тлеющий уголёк, который даже не стал единым с этой стихией, а просто исчез под её натиском.

Хэла отметила для себя, что внутри её пело торжество. Она бы посмотрела на это действие в реальности, хотя жестокой не была, сцены убийств и пыток никогда не радовали её, вызывали ужас и выворачивали, но сейчас она была другой. В ней была чернота её нынешнего ведьмовского естества и ничего кажется с этим не поделать. Но смотреть было и не обязательно, чтобы понять, что Рэтар просто сломал Шерга, в прямом смысле — зверь внутри него вырвался наружу и сейчас терзал и грыз беззащитного и такого слабого на поверку, несчастного, ничтожного человечка.

И, видя этот праздник жестокости, Хэла понимала, почему Рэтар не боялся теней. Они обожали его, они всегда были с ним, он сдерживал себя — они спали, но когда он отпускал контроль... у них начиналось пиршество.

Огромные, тяжёлые, ужасающие, восхитительно прекрасные в своей жути. Они могли задушить такую, как она, даже на таком расстоянии, просто поглотив и наверное Хэла не справилась бы, наверное они и её с собой забрали бы. Хотя...

Сейчас тени метнулись к ним, заполнили комнату, физически бесплотные, но такие реальные и ведьма знала, что видят их и Зеур, и Милена. Девушка побледнела, маг приготовился защищаться, втянул воздух. А Хэла улыбнулась.

Тени окутали её, словно кошки, когда льнут и трутся о ноги, руки, о лицо. Тыкнулись в неё, боги, словно она была ими любима. Даже в воплощении чистейшего зла, которое сейчас породил Рэтар, он показывал, насколько она важна, любима. Тени были полны нежности! Это зачаровывало и тащило душу прочь.

Маг прочитал слова заклинания и тени рассеялись.

— У меня нет слов, — проговорил Зеур, смотря на неё с нескрываемым восторгом. — Никогда такого не видел...

— Помоги лучше девочке, — отозвалась Хэла с трудом, даже не желая понимать, что он там увидел и как это расценил.

Маг обернулся на белую ведьму, которая действительно была совершенно уничтожена тем, что случилось. Она растратила силу на лечение и, Хэла знала, что скорее всего растратила больше, чем нужно, потому что и сама чёрная ведьма так попала, когда спасала Эрону и её сынишку. Да и с Роаром вышло не очень, но там было упущено время.

— Как меня это утомило уже, — пробурчал маг, но взял Милену за руки и поднял на ноги. — Пошли, ведьма, отведу тебя. Отдыхать надо, отдыхать.

Девушка попыталась кажется сопротивляться, но в итоге глянула на Хэлу, женщина улыбнулась ей и ободряюще кивнула, после чего Зеур всё-таки Милену увёл.

Чёрная ведьма закрыла глаза. Невыносимо хотелось спать.

Она всё проигрывала события последних дней и пыталась понять, можно ли ей было поступить иначе. Пыталась осознать, что на самом деле произошло... а ещё так хотелось к Рэтару. До слёз хотелось. И Хэла понимала, что он сейчас не придёт, не сможет.

Она видела насколько ему было тяжело, когда увидела его с кнутом, когда поняла, что её палачом будет он. Мысли, болезненные и яркие окутали её. Затасили сознание в омут неприятных воспоминаний и из прошлой жизни и из вчерашнего, судя по всему, дня.

Едва уловимое движение в комнате вернуло обратно. Над ней стоял Рэтар и скорбь его была неизмерима. Хэла чувствовала её кажется каждой клеточкой своего тела, он словно прощался с ней. Рука его потянулась к ней, хотел прикоснуться, она видела... но потом одернул себя, убрал руку, словно обжёгся. Развернулся уйти.

С усилием Хэла повела рукой и поймала его рукав. Он замер, но обернуться не смог.

— А где мои целительные целовашки? — спросила она. — И взять на ручки, пожалуйста? Или я была плохой девочкой и не заслужила?

Рэтар дрогнул. Он обернулся, на лице его застыло такое странное выражение. Словно он вообще не понимал ни слова из того, что она сказала, только причиняли невыносимую боль. С мгновение он смотрел на её руку, потом в развороте опустил перед ней на колени. В глазах его стояли слёзы.

— Хэла, — прошептал он глухо, будто сам себе.

Её рука отпустила его рукав, и потянулась к шее, казалось, что он не ответит, внутри она словно осиротела. Но феран всё же протянул руки, обнял и уткнувшись в шею, прижал к себе.

Было плевать на боль в спине, было на всё плевать. Она никогда не испытывала подобного блаженства, только с этим мужчиной. Можно ли так сильно кайфовать от чего-то, чтобы хотеть умереть от эйфории в этот конкретный момент? Какая-то невообразимая безумная зависимость, но каждый раз как в первый.

А Рэтару было так плохо... боги!

— Хэла, Хэла моя, девочка моя, любимая, родная моя, — он шептал, словно в бреду. — Прости меня, прости меня, Хэла... я... боги, Хэла...

И она, желая унять это его горе, вцепилась в него со всей оставшейся внутри силой. Ей надо было объяснить. Надо было найти в себе силы говорить, но чёрная ведьма захлёбывалась его тоской по ней, она чувствовала, что он поверить не может, что обнимает, что прижимает её к себе, после того, что сделал.

— Помнишь, — проговорила она шепотом, — я говорила, что была в Йероте?

Он замер, слегка кивнул, но было страшно выпустить её из рук, как будто она станет чужой, словно всё это ему показалось. И Хэла пропускала эти его чувства через себя, потому что контролировать себя было сейчас очень сложно.

— Я не сказала, что я там делала. Маги, перед тем, как отдать тебе, решили меня, ну не знаю, проучить, — не очень подходящее слово, но подбирать слова лучше сейчас у неё не получалось. — Они доставили меня в столицу на наказание серой принадлежавшей этому вашему царю.

И тут Рэтар всё же посмотрел ей в лицо.

— Той несчастной назначили восемь плетей, — проговорила Хэла и тонула, тонула в его глазах, его боли. — Её конечно порол его личный палач. На седьмой удар она была мертва.

Руки ферана непроизвольно сжали Хэлу сильнее, будто он представил, что подобное случилось с ней. Ведьма постаралась не сильно показывать, как болит в спине.

— Когда я слышала приговор, я поняла, что это не наказание, а казнь, — пояснила она. — И я шла умирать, а когда увидела тебя... я поняла, что буду жить.

— Хэла, — выдавил из себя Рэтар и по щекам его потекли слёзы, что до этого непролитые стояли в глазах.

— Я знаю, что ты спас мне жизнь, — она аккуратно стёрла сначала одну слезу, потом другую. — Спасибо.

— Не смей, нет, — Рэтар резко мотнул головой, нахмурился, — не смей меня благодарить. Я... Хэла, боги...

Феран снова прижал её к себе, а потом видимо осознал, что ей ещё больно. Поднялся с колен и сел на кровать, на которой она лежала, устроил у себя на коленях.

— Он наказал не тебя, родная, он наказал меня, — прошептал он, глядя её щёку. — Прости меня за это. Он указал мне моё место. Ему наплевать на твою жизнь. Он знал, что ты мне дорога, но до конца ему было не интересно разбираться насколько. Он просто поставил на это и выиграл, и выбора у меня не было — или смотреть как тебя убивает его палач, или наказать самому, даже не надеясь, что ты когда-нибудь простишь меня. И то, что я сделал. Ему было от этого даже лучше.

Рэтар закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— У моего отца была наложница, — проговорил он, хмурясь, и ласково глядя шрамы Хэла на спине. — Из Росены. Её увели наёмники из селения, когда разорили его. Потом она попала к отцу. Не знаю, что в ней было такого, но он в то время вообще никого кроме неё до себя не пускал. А она. Она была такой, не знаю...

Рэтар запнулся, погружаясь в воспоминания и Хэла чувствовала, что они были очень болезненными.

— Я был ребёнком, но видел, что она словно не здесь. У неё был тот страшный взгляд — пустой, мёртвый. Тот каким ты меня тогда напугала до смерти, — и он погладил её по щеке, а ведьма повела головой, давая понять, что понимает о чём он. — И мама... мама никогда не ревновала отца к наложницам, а к той ревновала. Была сама не своя. Это длилось пару луней. А потом...

Феран нахмурился, словно прислушиваясь, потом вздохнул:

— У этой девушки был сговор на обвязь, парень отправился её искать и нашёл. Уж не знаю как, но он смог нанять корнайцев. Тогда семья была в Трите и я думаю, что им помогли, может даже мама, потому что они выкрали ту наложницу, обойдя охрану и убив всего одного стража. И отец, когда узнал, взял часть своего отряда, своих форов и пустился в погоню. Я тоже был среди них, и Тёрк, — Рэтар прикрыл глаза, вспоминая. — Мы нагнали их чуть дальше сцепившихся скал.

И Хэла знала, что это те скалы, где они нашли тела разведчиков, когда возвращались в Зарну.

— Корнайцев убили, а девушку и паренька отец взял живыми и доставил в Зарну. Его отдал своим форам, — и он зажмурился с неприязнью, — а её... Её порол сам. Я был на верхней галерее. Считал удары, сбивался и снова начинал считать. И видел как он, уставая, менял одну руку на другую.

Рэтар открыл глаза. Ему действительно было сложно вспоминать, а сейчас видимо его состояние после того что сделал с Хэлой, накладывалось на то, что было тогда и становилось совсем тяжело, и ведьма остановила бы его, но ему надо было рассказать, вот это она очень хорошо понимала.

— Видел как спина её превратилась в кровавое месиво, — и Рэтар смотрел вроде на неё, но всё равно сквозь, — кровь, мясо, белеющие кости. А она всё не умирала. Но отец знал толк в порке. Он умел убивать всего с нескольких ударов, как и палач эла, но умел и растягивать пытку. Я никогда не забуду его лицо, её лицо, и то, что осталось от лица того несчастного, который её спасал. Форы отца выволокли его и бросили перед ней. Начался дождь, тогда уже не ледяной, но ещё холодный. Отец оставил их, сел перед дверями и я могу поклясться, что ему было больно. Меня утащил Тёрк, еле оторвал руки от перил. А отец так и сидел, пока они не умерли.

Рэтар мотнул головой, потом наконец посмотрел на Хэлу.

— Он знает об этом, — объяснил феран, глядя её голову. — Эла знает. Я поделился с ним, когда был его хранителем. Мы были мальчишками — мой отец был жесток, а его безумен. Но ничего не бывает просто так. И вот мне припомнили это. Ударили беспощадно, показывая, кто главный.

— Он просто завидует тебе, — ответила Хэла, погладив его по щеке.

— Завидует? — нахмурился Рэтар. — Чему, Хэла? Я принадлежу ему.

Она мотнула головой и грустно улыбнулась:

— Ему до тебя очень далеко и он это понимает, — пояснила ведьма. — Ты честный, ты принципиальный, в меру жёсткий, но справедливый, тебя любят за это, уважают. Твои люди готовы умереть за тебя, не раздумывая. Любой из них. А ему это недоступно — что бы он не делал, всё равно. Остаётся только страх. А здесь он не свой, он чужой, и он не чувствует, что главный, потому что главный ты. И это не из-за тебя, а из-за твоего народа, из-за преданных тебе людей, которые тебя окружают.

Рэтар ничего не ответил, лишь погладил её по щеке, потом нагнулся и поцеловал.

— И у него нет меня, — улыбнулась Хэла.

— Нет. Потому что ты моя, — он сглотнул, посмотрел с горечью. — Я думал, что потерял тебя.

Взяв её руку, провёл по шраму, поцеловал. В глазах было столько сожаления, что становилось не по себе.

— Прости меня, родная, — она хотела возразить, но он не дал, — Я даже харагу не смог уберечь...

— С Фобосом всё хорошо, ещё вчера его огонь был уже таким как обычно, — улыбнулась ведьма, успокаивая его. — И ты заставил мальчика с ними сидеть всю ночь?

— Мальчика? Брока? — нахмурился феран, уточняя. — Боги, откуда ты знаешь? Я не заставлял, я попросил, но он и сам хотел. И он очень переживал за тебя и за Фобоса, и мазь какую-то применял к ране, чтобы не кровила. Ему её Тёрк как-то давно дал, у мага покупал.

— И ты даже не представляешь, во сколько она мне обошлась, — громыхнул от дверей родной тёплый грудной голос. — На харагу они мазь пустили — лучше бы вот ведьме помогли, уух!

— Тёрк, — улыбнулась ему Хэла.

Старший брат ферана наверное и двух шагов не сделал, как оказался возле них. Хэла протянула ему руку, но была тут же взята на руки и утонула в невообразимо тёплых, похожих на медвежьи, объятиях.

— Ведьмочка моя, Хэла, хорошая моя, — Тёрк почти причитал. А Хэла ощутила, как взметнулась ревность Рэтара. — Прости нас, девочка.

— Ну, не надо, — улыбнулась она. — Всё хорошо.

Тёрк, как ей показалось, с нескрываемым гневом зыркнул в сторону брата, но тот виновато взгляда не поднимал. А Тёрк погладил спину Хэлы и нахмурился.

— Подожди-ка, какого рваша? — он сначала посмотрел на Рэтара, потом на Хэлу. — Маг же был, почему ты в шрамах вся?

— У него не хватило сил, — пояснила она.

— Так тебя мелкая ведьма лечила, а у него на шрамы сил не хватило? — возразил Тёрк.

— Ты вообще точно был где-то там, не пойми где? — рассмеялась женщина. — Просто Зеур силёнки ещё до меня растратил. Сказал, что через два дня починит меня до конца. Не переживай.

— Два дня? — переспросил мужчина.

— Да, — кивнула Хэла.

— Так, — он перевёл взгляд на Рэтара. — Ты несёшь до портала или я?

— Я сам, — тихо отозвался феран.

— Пошли тогда, — приказал Тёрк.

Он встал, передавая Хэлу брату — быстро, но при этом очень аккуратно.

— Эй? Что? Рэтар! Ну, — воспротивилась она, ощущая себя ребёнком лет трёх, а то и того меньше.

Её протест проигнорировали — Рэтар нёс её по коридорам внутри рабочей части дома, безропотно идя следом за старшим братом. Хэла мельком видела Эку, Миту, кажется Грету — неужели серых уже пустили обратно в дом? Шустро они.

Мужчины быстро поднялись по лестнице ферана на второй этаж, оттуда по коридору прошли в комнату с порталом. Тёрк взошёл в круг и протянул Рэтару руки, перехватывая Хэлу.

— Куда? — спросил феран, набрасывая ей на плечи свою куртку и тем самым пряча голую спину. Ведьма всё ещё была в разорванном платье.

— К Верлеасу, — ответил старший брат.

— Да что ж такое? — ещё раз возмутилась Хэла.

— Мы быстро, — отозвался Тёрк, снова игнорируя её и обращаясь к ферану. — Верну в целости и сохранности.

Рэтар скорбно кивнул, потом ещё раз, но уже привратнику. Портал дёрнулся, Хэла даже не успела вдохнуть, выдохнуть, да что там — моргнуть! Тёрку на порталы было наплевать, в отличии от Рэтара, который порталы ненавидел, и всегда проходил через них в напряжении. И видимо это имело значение при их прохождении.

Они оказались в просторной комнате, с синими стенами, в ней было приятно прохладно. Хэла задрала голову, потому что внимание привлекло свечение в потолке. Там

было невообразимо красивое звёздное небо — каждая звёздочка была будто хрустальной.

— Ух-ты, — воскликнула она. И каждая звёздочка светила и, конечно в её мире это было самым простым и вообще не удивительным декором, но в этом...

— Любит он рисоваться, — пробурчал мужчина, тоже посмотрев в потолок.

Выйдя из круга портала с Хэлой на руках, Тёрк прошёл в проём и осмотрелся.

Помещение было похоже на что-то сродни зале в каком-то храме — большое круглое пространство, с колоннами, захламлённое всем чем только можно, словно тут и не жил никто. Окна под потолком дарили свет, но этого было явно недостаточно и внутри был полумрак. Кое-где стояли едва горящие магические сферы.

— Верлес? — гаркнул Тёрк, а потом усадил Хэлу на что-то похожее на полуразрушенные перила он внутреннего каменного ограждения.

— Тёрк, — Хэла дёрнула мужчину за рубаху.

— Да? — отозвался он, но ещё раз гаркнул имя мага.

— Перестань. Давай уйдём, ну? — Хэла была невообразимо смущена, потому что это было странно. — Зачем это, Тёрк, родной? Всего два дня и Зеур всё сделает. Ну, правда. Чегс ты?

Что такого? Всего пару дней потерпеть, а они устроили переполох, да ещё и втянут сейчас во всё это какого-то незнакомого мага. И Рэтар вообще даже не пытался возражать брату, как мальчишка неразумный, такой пристыженный что ли, сам на себя не похож.

— А ты не понимаешь? — и Тёрк перевёл на неё свой взгляд и вот сейчас Хэла вспомнила, как Брок смеялся, говоря, что у танара всего два состояния — славного парня и беспощадного убийцы. Она знала, что Тёрк способен быть жутким, но видела это впервые.

И ведьма отрицательно мотнула головой, скорее по инерции, чем отвечая на его вопрос. Он унял себя, видимо видя её лицо, кажется она испугалась и стала бледнее обычного.

— Правда? — смягчился Тёрк и нежно потёр её щеку.

— Мне не больно уже почти, — пояснила Хэла, — я могу потерпеть...

— А Рэтар? — спросил он, всматриваясь в её лицо. Она сжала руку, держащую рубаху старшего брата ферана ещё сильнее, отчего боль вернулась в ладонь. — Дело не только в тебе, моя хорошая. Дело ещё и в нём. То, что он сделал... он себя там порол вместе с тобой, понимаешь? Душу свою вскрывал. Он вывернул себя наизнанку, он руку на тебя поднял, хотя любит тебя безумно. Я даже думать не хочу, что было у него внутри, когда это пришлось делать. Для него — да лучше он сотню ударов получил бы, смертельный каждый, чем один тебе.

Тёрк тяжело вздохнул:

— А то, что порол, — он снова сделался жёстким. — Ему порка вообще ненавистна. Пока он феран в Изарии не секут женщин и детей. Детей вообще, а женщин только в исключительных случаях, и только с его личного рассмотрения и разрешения. И такое было наверное раза три-четыре, не больше. И проступки были очень весомые. Понимаешь? Отец забил наложницу плетью, а он, мальчишка, стоял и смотрел.

— Он мне рассказал, — прошептала Хэла.

— А то, что он вымок весь насквозь под дождём, замёрз, тряся, потому что не мог пальцы разогнуть, сказал? — проговорил Тёрк. — Я его еле оторвал от перекладин этих проклятых, на руках его унёс, потому что у него сил не было самому уйти. Сказал, что потом много ночей просыпался в поту холодном и считал? Удары считал, Хэла!

Она прикусила губу, а мужчина выдохнул жёстко, повёл головой, в глазах была ярость:

— Великий знает это, он его этим наказанием почти насмерть прибил. Я вообще не понимаю, как Рэтар в себе остался, после того, что тебе сделал. И как! Если бы какая другая была, может было бы легче немного, но ты... Хэла...

Он нахмурился, нагнулся так, чтобы смотреть ей в глаза, расставив руки по обе стороны от неё..

— Ты хочешь продлить его боль? — проговорил шепотом, надорвано. — Он и так никогда себе этого не простит, хорошая моя. А тут два дня, бесконечность, обнимать тебя и чувствовать под пальцами шрамы, проходить через этот кошмар снова и снова? И тебе забыть, и ему, Хэла. Надо! Я понимаю, милая, понимаю всё. И понимаю, что тебя стесняет это, но ради него ты же можешь это сделать? Ты же простила то, что он сделал? Переступи через себя, ведьмочка моя, сделай ещё и это?

— Тёрк? — это был видимо маг.

— Хэла? — позвал её брат ферана, не обращая внимания на появившегося хозяина. — Не разрешишь — не будем делать.

— Делай, — кивнула ведьма.

Он выпрямился, обнял её одной рукой, поцеловал в макушку.

— Верлес, — поприветствовал мага и стал снова “хорошим малым”.

— Что у тебя? — спросил хозяин.

— Полечишь ведьму нашу? — спросил Тёрк. — Это Хэла и надо бы убрать шрамы.

— Давай посмотрим, — отозвался маг и по шагам женщина поняла, что направился к ним.

Она обернулась и в этот момент маг вышел во внутренний круг комнаты и вокруг него и них зажглись наверное десятки магических сфер. Стало светло, словно в солнечный день.

— Давай, гром и молнии ещё, — цыкнул Тёрк. — Лёд мне на голову и ураган в зад.

— Я же должен видеть, что тут такое! — возразил хозяин.

— Это Верлеас, ведьмочка, — представил старший брат ферана мужчину. — Если бы не магом был, я сказал бы, что отличный мужик, но маги все с говнецом. В этом просто меньше, чем в других.

— Блага тебе, Тёрк. Не слушайте его, дорогая. Моё почтение, — и маг склонил голову в приветствии. Ведьма сделала так же.

Верлеас был высоким мужчиной, но понятно ниже Тёрка, на вид от тридцати пяти до сорока лет, с коротко стриженными тёмно-рыжими волосами спереди, и длинной косой сзади, доходящей до талии. Лицо было гладко выбритым, худощавым, тонкие рыжие брови, прямой нос, узкие губы, сложенными сейчас в некое подобие ухмылки, один глаз прищурен, и кажется это было у него так всегда. Кожа была смуглой, словно кофе, в который добавили совсем немного молока, глаза были цвета малины, тёмные только. Он был достаточно привлекателен, если бы не был магом, Хэла сказала бы, что красив. Но ведьмам не нравятся маги, поэтому и этот тоже её не привлекал, а настораживал и тревожил.

Но она доверяла Тёрку, а тот видимо доверял этому магу, поэтому Хэла решила расслабиться и отпустить ситуацию. Ну, хотя бы частично, понятное дело.

— Ого, — воскликнул маг своим мягким баритоном, когда она сняла накинутую на плечи куртку Рэтара и показала спину.

— Да, там и, — прокомментировал Тёрк, кивнул на руки Хэлы, — вот ещё, руки.

— Можно? — маг обошёл колонну и встал перед ведьмой.

Она протянула ему руки, показывая ладони, и, как и Зеур, этот маг тоже пыхнул гневом,

явно ругнулся шёпотом, на языке, который Хэла не поняла.

— Просто отвратительно, — сказал он и посмотрел на неё с сожалением.

Сейчас на его шее она заметила что-то вроде рисунка, как от татуировок, которые выглядывали из под ворота рубахи насыщенного изумрудного цвета.

— Пересади её поудобнее, — кивнул мужчина Тёрку. — Я сейчас. Нить возьму.

— Верлеас отличный маг, один из немногих, кому я доверяю, и кому доверяет Рэтар, — сказал Тёрк, когда маг ушёл и попытался взять Хэлу на руки.

— Я сама попробую дойти, — отозвалась она, слабо сопротивляясь.

Внутри было как-то глухо. В целом Тёрк был прав — Рэтар был не виноват в том, что случилось, и Хэла понимала, что спас её от смерти и была благодарна. Была. Тёрк правильно её прижал, и он был всегда на стороне брата, знал Рэтара, как никто другой.

Хэле было больно представлять маленького мальчика зависящего от жестокого нрава отца. И давно было понятно, что Рэтар был очень впечатлительным ребёнком, которого смела война, уничтожила, убила. Было даже удивительно, что, повзрослев, он сохранил в себе эту способность на сопереживание, на эмпатию, на желание помочь нуждающимся.

Хэла восхищалась им, как человеком, была внутри его невероятного, как будто магического, влияния на неё. Внутри этой мягкости, хотя знала его жёсткость. Внутри его нежности, хотя знала его грубую сторону. Внутри невероятного обожания, хотя знала, как выглядит его презрение. И любви, а теперь видела и лицо его ненависти.

Ей порой было страшно прикасаться, потому что боялась, что сломает очень важное для всех вокруг. Всё в нём было важно, он был важен. Его ценили. Вот как сейчас старший брат...

— Эй, ведьмочка моя, — позвал её Тёрк, усаживая на что-то вроде банкетки. — Ты чего? Прости меня, хорошая моя, я тебя приложил сильно, разозлившись? Просто мне Рэтара очень жаль. И я очень зол на этого засранца Лоаяса.

— Я понимаю, — кивнула Хэла.

— Хэла, — с недоверием мотнул головой старший брат Рэтара.

— Нет, правда.

— Девочка, глянь на меня, — она встретилась с тёплым цвета миндаля взглядом Тёрка. — Хэла. Ты так дорога нам, всем. Никто из нас не расплатиться с тобой и никто никогда не сможет отдать долг. А Рэтар...

— Я знаю, Тёрк, я знаю, — прошептала она, кивая, хмурясь и очень стараясь не расплакаться. Кажется вот сейчас накрыло всё то, что с ней случилось. — Я просто...

— Ты как всегда хочешь отсидеться в уголке, чтобы тебя не трогал никто, чтобы не смущать никого?

Она улыбнулась.

— Хэла-Хэла. То, что ты перенесла, то что сделала — ты спасла тысячи людей, ты всю Изарию спасла. Всех нас. Прости, что нарычал, — повинился мужчина и она кивнула ему в знак того, что простила. — Много всего. И я... надо было здесь быть, с вами.

— Тёрк... — вдруг решила спросить ведьма, потому что убийство Шерга тревожило её, точнее состояние Рэтара. Он ведь взвился так из-за неё. А был ли у него повод? Что если... — Шерга... Рэтар его убил.

Мужчина рыкнул.

— Да, — кивнул он, а Хэла всё пыталась понять, что с этим делать. Волнение не отпускало. — У него было право, — успокоил Тёрк. — И я очень надеюсь, что сожалений

нет. По крайней мере то, как он его разделал, говорит о том, что был в жутком гневе, такого Рэтара не унять, такой Рэтар умеет только уничтожать. И мне не жаль, кроме как того, что не видел этого. И может, что не своими руками его уничтожил. А ты расстроена?

— Нет, — она фыркнула с усмешкой. — Я по-твоему совсем чокнутая? Туда ему и дорога. Давно надо было...

— Да, думаю, что печальных не будет совсем, — согласился с ней мужчина.

— Я просто переживала, чтобы проблем не было у Рэтара, Шерга ведь что-то неладное планировал...

— Ох, да, — вздохнул Тёрк. — Но с этим всё хорошо. Не переживай. Уж наковырял я не дурно — прикрою Рэтара, если надо будет.

— Тёрк, а это дорого? — кивнула она в сторону ушедшего мага.

— Что? — не понял он.

— Лечение мага, — пояснила ведьма.

— Хэла! — бухнул Тёрк. — Нет, глупая, Верлес мне должен, я его шкурку на войнах спасал несколько раз. Да и если бы нет — я бы всё отдал за тебя. Ясно? И хватит тут мне.

— Так, — вернулся маг. — Сначала спина. Эти свежие, а вот эти?

И он видимо указал на шрамы, что остались у неё от Шер-Аштар, и которые Зеур так и не убрал.

— Все убирай, новые, старые, — отозвался Тёрк, выпрямляясь, отходя на пару шагов, и облокотился на колонну, что была рядом.

— Так, не все, а только вот спину. Вот бок этот, боги с вами, и ладони, — вмешалась недовольно Хэла. — Остальное моё, оставьте уже, а?

Маг усмехнулся.

— Это не та ли чёрная ведьма, которая переполох натворила в Хангыри? — поинтересовался он. — Даже мне пришлось кое-кого там подлечить, а это вот вообще не ко мне.

— А что, ваша милостивая задница обошлась без бородавок? — поинтересовалась Хэла.

— Моя милостивая задница, — хохотнул маг, — слава всесиле, уже давно башне не принадлежит. Так что... бородавки?

— Да, так это называется, — кивнула она. — Думала, что маги до старости служат, а потом на пенсию выходят уже дряхлыми дедами.

Маг уставился на неё в недоумении. А Тёрк ухмыльнулся.

— Верлес усердный малый, — прокомментировал брат Рэтара с усмешкой. — Отбился уже.

— Маги служат магической корте — башне, — пояснил маг, — пока обучаются, и после обучения ещё от десяти до пятнадцати тиров, точнее в зависимости от заслуг, кто-то меньше, кто-то и в пятнадцать тиров не укладывается. Некоторые маги всю жизнь служат, кому как нравится. Мне вот не нравится. И я через десять тиров получил право выбора — уйти или остаться.

— Что, так в башне плохо? — спросила Хэла.

— Отвратительно, — ответил Верлеас. — Но свобода мага тоже понятие относительное. Дело в том, что я присягал на верность великому эла, тому, который помер, и первому магу, который, увы, ещё очень даже жив. Поэтому меня всё равно иногда призывают выполнить слово клятвы.

— Ждёшь не дождёшься, когда первый отправится к праотцам? — спросил Тёрк,

ухмыляясь.

— Кажется эта тварь всех нас переживёт, — отозвался на это замечание маг.

Мужчины усмехнулись одновременно.

— И что будешь делать потом? — спросил старший брат Рэтара.

— Как что? — нахмурился маг, которому разговор кажется вообще не мешал творить магию. — Отправлюсь жить в Фару, например. Или лучше всего в Соёлт.

— Соёлт? — немного скривившись, словно кислого съел, спросил Тёрк.

— Да.

— Там же нет войны.

— Тёрк, — проговорил маг и, не видя его лица, Хэла почему-то была уверена, что мужчина закатил глаза. — Это ты выбрал войну, а вот я нет. Это война выбрала меня.

— Это как? — спросила ведьма и было странно — маг говорил и лечил её, но видела, что был силы весьма внушительной.

— Верлес — боевой маг, — сказал старший брат ферана Изарии.

— И судя по всему лучший лекарь из тех, кто должен Тёрку, — добавил маг.

— Ты просто лучший, — ответил на это тот, — хотя должен мне весьма прилично.

— Ну, я азартен — это моя беда, так что, увы, — и кажется он пожал плечами и развёл руками в стороны. — Силы у меня много, но и тратить я её умею очень красочно и мощно.

Тёрк усмехнулся.

— А война... война, — проговорил Верлеас, — это фу... Грязь, болезни, лишения, кровь, смерть! Мне нравится роскошь. Мне нравится красота, удобства, когда тепло, хорошая еда, выпивка, обворожительные женщины рядом. Я люблю удобные диваны, мягкие кровати, с чистыми и свежими простынями, девок томных на них. Читать, учиться, творить, в конце концов.

— Ну, тогда понятно, почему Соёлт, — гоготнул старший брат Рэтара.

— Конечно. Я бы посвятил себя учению. И при этом — вкусная еда, пьянящая выпивка, полураздетые девицы. У меня бы их была толпа в доме, отвечаю тебе.

— Пузо бы нажрал.

— Да, нажрал, такое, чтобы братца не видеть, — и он осёкся и, судя по тому, как рассмеялся Тёрк, дело было в Хэле.

Она улыбнулась, повела головой и обернулась на мага.

— Покорнейше прошу меня простить, увлёкся.

— Да ладно, нашли барышню кисейную, — повела плечом Хэла. — Я от слов таких не обморок не падаю. И не такое слыхала. И в пузе, Тёрк, нет ничего этакое — пузо это признак достатка, и девки на это клюют, ой как, так что зачем видеть свой член, когда есть кому им заниматься? Пффф. Правда девки будут не ахти какого душевного качества, но магам на это вообще пофиг кажись.

Верлес издал какой-то странный звук. А Тёрк загоготал пуце прежнего.

— Она сама, вишь, приложить словцом может ого-го, — сквозь смех сказал он. — Хэла прям, как я.

— Мы с ним, как близнецы, — подтвердила ведьма.

— Кто? — вдруг одновременно спросили оба мужчины.

— Близнецы, — она уставилась на Тёрка в непонимании. — Это когда два одинаковых ребёнка у мамки одной рождаются.

И Хэла была уверена, что уж это не надо объяснять...

— Вместе? — слегка хмурясь уточнил Верлес, переходя к лечению рук.

— Ну, да, — кивнула Хэла. — Что удивительного? У вас такого не бывает что ли?

— Нет, — мотнули мужчины головами одновременно.

— О, как, — теперь была её очередь удивляться. — А у нас и по трое рожают и бывает, что и больше.

— Как хараги, что ли? — уточнил Тёрк.

— Да, типа того, — ответила Хэла, закатывая глаза и криво улыбаясь.

— Я много странного слышал от ведьм про их миры. Так что не очень удивлён, — ответил маг. — Точнее странно, конечно, зачем женщине два ребёнка? С одним тяжело, а тут два одинаковых, с ума сойти можно.

Хэла ухмыльнулась и одобрительно повела головой в его сторону — кажется этот маг ей всё же нравится.

— Я сейчас вернусь, — Тёрк оттолкнулся от колонны.

— Можешь не ограничивать себя, — пробурчал ему вслед маг.

— А ты не шали, — ответил Тёрк. — За неё уничтожу и праха твоего никто не найдёт.

— Не сомневаюсь, — пробурчал в ответ Верлеас.

Хэла улыбнулась.

— Не удивлён, что на кровь Рэтара Горана призвали такой неоднозначной силы ведьму, — проговорил маг переходя на другую руку.

Женщина рассмотрела ладонь.

— Хм. Почему?

— Думаю ты и без меня это знаешь. А вот это, — он кивнул на её живот, — очень печально. Мне жаль.

— Неужто? — ошетинулась она, на деле сжимаясь от тревоги и внутренней пустоты потери, и конечно того, что он заметил. — Маг жалеет ведьмовское отродье?

— Не надо так, — попросил Верлеас спокойно и серьёзно. — Я не из тех, кто не видит в серых людей. И уж тем более не ставь меня в один ряд с теми, кто ограничен, узколюб и, чуть что, желает серым мучительной смерти.

— Однако причины моей порки ты, маг, не спросил, — заметила Хэла. — Значит, это в порядке вещей? Ведьма напортачила и получила за это? Ничего удивительного.

— Не так, — он внимательно посмотрел ей в глаза.

— Не надо лезть ко мне в голову, — прищурилась Хэла. — Этого я не дам сделать ни тебе, ни какому другому магу, или ведьме.

— Не собирался, — ответил Верлеас.

— И врать тоже не стоит, — возразила ведьма.

Он рассмеялся.

— Хорошá, — кивнул маг. — Нет, действительно, моё почтение, дорогая. Я узнал, что случилось, из головы Тёрка. И мне было удивительно, что изарийскую ведьму пороли, потому что знаю Рэтара Горана достаточно хорошо. И его принципы. Да.

Хэла повела головой и плечом, потом с неохотой кивнула в ответ.

— Прощён? — спросил маг, улыбаясь. Потом стал серьёзен. — Я подлечил. И отцу, если не знал, лучше не говорить.

— Не собиралась, — ответила она тихо. — Теперь нет.

Повисло молчание. Хэле было больно, она вытянула из своего сознания это болезненное осознание потери ребёнка, перечеркнула. Вообще не желала даже думать о том, что была

беременна.

Глупо, конечно, не замечать отсутствие месячных столько времени, но в том бедламе, что творился с ней последнее время... она искренне предполагала, что передёргивания цикла вещь не из ряда вон выходящая. Да и вообще... проклятая белая комната — была не способна зачать, как попала сюда, да и не надо было чинить. Тьфу!

— Почему эта ваша дурацкая белая комната делает столько важных вещей, но не делает серых бесплодными? Меня так вообще исправила, твою ж, — тихо, с горечью спросила ведьма, позволяя себе шмыгнуть носом. — Это же было бы так просто. Лучше, чем казнить за нежеланную беременность. С серыми вообще так мерзко поступают, они и сами могут быть не виноваты, что так случится. А их на плаху...

Верлеас вздохнул.

— Дело в том, что здоровье — это общая идея, понимаешь? Надо, чтобы серые были здоровы, а ещё, — он запнулся на мгновение. — Ты не думала, что делает всё не комната, а твоя внутренняя сила ведьмы?

— В смысле, я сама себя лечу? — с недоверием уточнила Хэла.

— Почему нет? — хмыкнул маг. — А комната на деле наполнена магией призыва так же как и магией высших сил. Иначе комната вступала бы в противостояние с силой серых. Уничтожала бы их. Понимаешь?

— Это как маги не любят ведьм, а ведьмы магов?

— Как-то так, — ухмыльнулся мужчина. — Но вместе маг и ведьма очень опасны. Это как соединить небо и землю и получить целый мир.

— Романтично как.

Маг хотел что-то ответить, но Хэла почувствовала, что возвращается Тёрк:

— А как на самом деле — Верлеас или Верлес? — спросила она, меняя тему разговора.

— Верлеас, — ответил маг, догадываясь о причине смены темы разговора, или может тоже чувствуя возвращение брата ферана Изарии. — Верлес — это очень по-изарийски. Им просто лень тянуть эти гласные. Они вообще стараются их избегать, если ты заметила.

— Только Роару не повезло?

— Да. Мог бы быть — Рором, — посмеялся хозяин.

— Или Раром, — поддержала ведьма, ухмыляясь.

— У него имя, которое созвучно с теми, которые в ходу в фернате его матери, — пояснил маг.

— О, — воскликнула Хэла. — А как вообще простой человек может спасти жизнь магу?

— Так они слабаки все, — пробухтел вернувшийся к ним Тёрк.

— Да, неужели? — фыркнул Верлеас. — Но ты, ведьма, знаешь ответ. Маги работают, а потом теряют силу, как и ведьмы. В миру ты следишь за своей силой, если не глупец, а вот внутри боя, сражения, там не до этого. Нужно спасать себя и других. И порой теряешь связь с окружающим миром. И сознанием.

— А Тёрк любит на горбу таскать тех, кто того и гляди отъедет, — усмехнулась Хэла, глянув на мужчину. — Так, братец?

— А чего и не потаскать? — подтвердил он, веселясь. — Особенно, если потом это пользу принесёт.

— Хмм, давай, списывай один долг, — маг отпустил вторую руку Хэлы.

— Осталось четыре.

— Три, Тёрк, — поправил Верлеас.

Старший брат Рэтара фыркнул и ухмыльнулся.

— Хорошо, три, — согласился он.

— Что ты делала руками? — обратился к ведьме маг.

— Воду меняла, электричество могла, — ответила она.

— Эээ... что? — нахмурился Верлеас.

— Молнии, — поправилась Хэла, вздыхая. — Могу показать. Можно уже? Или ждать надо у моря погоды?

— Что?

Тёрк рассмеялся, он-то был привычен к этой её манере говорить так, что у всех вокруг мозги набекрень ехали. Маг глянул на него недовольно.

— Можно, — ответил он. — Только подожди — защиту поставлю.

Верлеас расставил над её ладонями свои руки и Хэла ясно увидела что-то вроде большой прозрачной сферы вокруг своих ладоней. Врубила молнии. Они зашипели и пошли по глади защиты, красиво и завораживающе. Тёрк присвистнул, лицо его было весьма восторженным, как у мальчишки.

— Пряма плазменный шар, — сказала Хэла.

— Что? — снова синхронно спросили мужчины.

— У меня в мире есть такие светильники, — пояснила она, улыбаясь. — Как сферы ваши магические. Шар из стекла, а внутри вот такая красота. Вырубаю?

Маг слегка кивнул и ведьма убрала молнии, а он убрал защиту, затем и руки.

— Всё, идите. Блага вам, уважаемая ведьма, — слегка склонился корпусом Верлеас.

— Я так не могу, Тёрк, — нахмурилась она, когда мужчина протянул ей руку. — Ну, это нечестно, правда. Не могу не поблагодарить, даже если это маг.

— О, у меня нет слов, — усмехнулся хозяин.

— Хэла, — покачал головой брат ферана.

— Тёрк! — отозвалась она, передразнивая.

— Ладно. Сделай ему воды своей, — предложил брат Рэтара. — Он же сказал, что выпить любит. А я подтверждаю — пьяница тот ещё.

— Тёрк, ну что за, — возмутился маг, потом посмотрел на ведьму. — Правда, ничего не надо.

— Ты не отказывайся. Воды ведро принеси лучше, — очень хитро улыбнулся Тёрк.

Верлеас сначала глянул на мужчину, потом перевёл взгляд на Хэлу. Вздохнул обречённо, но за ведром сходил, поставил его на стол, недалеко от входа в портал.

— И?

— И, — склонила голову Хэла, берясь за ведро, — что предпочитаете?

— Ну только не цнелю эту их, — отозвался маг и глянул на Тёрка.

— Не, компот не ко мне, — отозвалась Хэла. — Я имею ввиду — сладкое, горькое, кислое, вязкое, жидкое, сильное или полегче?

Маг нахмурился и снова перевёл вопросительный взгляд на ухмыляющегося Тёрка. Тот заговорщицки кивнул.

— Сделай такую, которой ты меня напоила в первый раз, помнишь? — спросил он. И Хэла конечно помнила, как напоила Тёрка, тогда ещё не доверяющего ей, и поняла, что рядом с ним ей, как ведьме, невероятно спокойно. — Хороша была пьянка!

— Ладно, — кивнула она и превратила ведро воды в добротный сорокоградусный ликёр с апельсиновым вкусом. — Принимайте. Только не упейтесь, уважаемый маг. Идёт хорошо,

легонько, но накрывает очень добротной.

Маг взял стоящую тут же на столе кружку и зачерпнул из ведра жидкость. Хлебнул, подавился и уставился на ведьму.

— Ого, — голос его подсел.

— Надо, если залпом пить, дыхание задерживать, — пояснила Хэла.

— Всё, дальше сам, — проговорил Тёрк, протягивая руку женщине. — Смотри не сдохни, а то с тебя ещё четыре долга.

— Три, — поправил его маг.

— Да, точно, — ухмыльнулся брат Рэтара, накидывая на плечи ведьмы куртку ферана и утаскивая её в портал. — Бывай, Верлес.

Вернувшись обратно, они наткнулись на Рэтара, который кажется никуда не уходил из комнаты портала. А вот привратника не было.

— Держи, — Тёрк кажется присутствию ферана не удивился. Он спустил Хэлу с круга, практически поставил в руки брата. — И уж будьте любезны, не появляйтесь на глаза мне, хотя бы пару дней, а? Я сам тут разберусь, ясно?

Ведьма фыркнула, но Рэтар никак не отреагировал. Лишь положил ей руку на талию, а она прижалась к нему спиной. Старший брат обошёл их и вышел из комнаты в коридор.

— А ну, братцы, вон отсюда все, живо, — гаркнул Тёрк страже и судя по шагам все стоявшие на этаже воины достаточно быстро удалились.

— Раскомандовался, — прокомментировала Хэла. — Соскучился по мальчикам своим.

Феран не смог сдержать улыбки.

— А то, мотался один невесть где, — ответил он тихо. — Теперь добирает.

Ей было не по себе от такого Рэтара. Он был таким совсем не правильным, таким боязливым что ли, смиренным.

— Рэтар, — позвала Хэла, разворачиваясь к нему лицом и обнимая талию.

— Да, родная, — отозвался он.

— Я всё ещё жду обнимашек и целовашек, — улыбнулась она.

— Да, родная.

И Рэтар нагнулся к ней и притянув, обнимая, как положено, поцеловал. И накатили эта безумная тоска друг по другу в течении всего этого времени, и эта боль, эти муки. Феран подхватил её на руки и, продолжая целовать, отнёс к себе.

— Мне было так плохо без тебя, — прошептал Рэтар, когда они уже обнажённые лежали рядом. — Думал с ума сойду, внутри всё выло от тоски по тебе.

— Вот она я, — ответила Хэла так же шёпотом.

Ей так хотелось, чтобы он не говорил, а продолжал — обнимать, целовать, хотелось почувствовать его, хотелось, чтобы был внутри.

— Не спеши, — и он снова чувствовал её. Хэла кивнула, а Рэтар её поцеловал. — Думал, что этого уже не будет. Думал, что потерял тебя.

— Не дождёшься, — тихо рассмеялась ведьма. — Не на ту напал — терять он меня вздумал.

Он улыбнулся, но внутри него сидело это страдание.

— Перед казнью мне снился сон.

— Сон?

— Да, — ответил Рэтар, немного хмуря лоб. — Я могу поклясться, что там была ты, маленькая.

— Маленькая? — удивилась Хэла.

— Да, девочка совсем.

— И что я делала?

— Ты дулась на меня, — улыбнулся феран.

— Дулась? — переспросила ведьма, тоже улыбаясь. — Почему?

— Вторгся в твой сон, — пояснил он и поцеловал её висок. — Прогоняла меня.

— А ты не уходил?

— Нет. Ты была смешная и воинственная.

— А я была одна?

— Да.

— Тогда понятно. Мне в детстве так хотелось одиночества, я очень ревностно защищала эти минутки наедине с собой, даже во сне, — улыбнулась Хэла и поцеловала его в ответ. — Но может это и вправду была я.

Рэтар вопросительно нахмурился.

— Я когда была в башне, очень к тебе хотела, — пояснила ведьма. — Я боялась, что не смогу попрощаться.

— Хэла, — его снова передёрнуло, но она точно знала, что это нужно пройти, иначе они оба застрянут в этой трясине и даже закрывая глаза на неё, всё равно раз за разом будут мучительно в неё возвращаться. — Я бы всё отдал, чтобы этого не было. Всё.

— Я знаю, родной, знаю, — проговорила Хэла, на деле так же утопая в том, что случилось.

Убеждая себя, что это был плохой сон, и больно было от потери, хотя Верлеас ей помог, унял боль и забрал кровь, но внутри всё равно было пусто и надо было вцепиться в Рэтара, потому что он был тем, кто мог эту пустоту заполнить.

— Отпусти, — попросила Хэла.

— Нет, — заупрямился он. — Это решение. Я... если бы его не было, то я бы совершил что-то другое, чтобы спасти тебя. Я бы предпочёл умереть, но тебя бы спас. Я... просто всё было совсем плохо и...

— Всё прошло, — прошептала ведьма. — Мы переживём.

— Хэла моя, — простонал Рэтар, — ты моя прита.

— Прита? — усмехнулась она. — Это вроде кто-то или что-то очень красивое, нет?

— Не совсем, но красивая, да, — улыбнулся феран и поцеловал в шею. — Сейчас конечно уже мало кто помнит, что приты, дети бога Сэягту, не только очень красивые создания. Но и они олицетворяли собой всё прекрасное, хорошее, что есть в мире. Они свет, добро...

— Это не про меня, — возразила Хэла, улыбаясь.

— Прощение, — продолжил Рэтар.

— Прощение, ок, я согласна, — согласилась ведьма. — Но вот свет, добро... это не про меня.

— Не спорь со мной, — попросил феран, хмурясь с улыбкой.

— Ладно, сегодня не буду с тобой спорить. Прита, значит прита, — рассмеялась Хэла, но уже в следующий момент задохнулась от дрожи в теле. Рэтар перестал говорить и перешёл к делу.

Спустился с поцелуями от шеи к груди, потом ниже. Ведьма слабо запротестовала, понимая к чему идёт дело, но спорить и вправду было глупо, потому что с ним не поспорить,

это раз. И ей это бесконечно нравилось — два.

Она хватанула воздух ртом, выгнулась. Руки Рэтара мгновенно сжали её, притянули к себе сильнее. Потом он дёрнул её на себя и наконец сделал то, чего она так хотела — вошёл в неё. Хэла взвыла, уже не сдерживая себя, вцепилась в него. Этого было достаточно, чтобы напрочь обо всём забыть, растворяясь в желании, эмоциях, счастье близости. Такой жестокой и страстной и одновременно с тем щемяще нежной и трепетной.

Уснули они сцепившись кажется намертво, потому что не только у Рэтара внутри был этот страх потери, но и Хэла, до умопомрачения боялась его потерять, особенно сейчас.

Открыв глаза, ведьма поняла, что наступило утро. Она всё так же была прижата к Рэтару его стальной хваткой, полной власти, но дарящей чувство защиты. Улыбнулась, потому что всегда считала, что вот так, когда тебя прижимают, тискают в объятьях, выспаться невозможно, но ошиблась. Дожила до того, что теперь вот наверное и не может спать без этого его дыхания в её голову, этих ручищ сгребаящих и держащих, не позволяющих даже пошевелиться, чтобы их хозяин не проснулся и, убедившись, что она рядом, уснул дальше.

А потом Хэла нахмурилась, прислушалась... повела головой.

— Что? — вскинулся Рэтар, не открывая глаз, но удерживая её, сильнее, словно она собиралась уйти. Ведьма ухмыльнулась.

— Всё хорошо, — ответила она, замирая.

Но это чувство, что что-то... напряглась, пытаюсь понять, что изменилось.

— Рэтар? — позвала она и феран открыл глаза. — Ты слышишь?

Он тоже прислушался, потом с вопросом посмотрел на ведьму.

— Слышу что? — спросил феран.

— Птицы поют, — ответила Хэла, понимая, что не пели до сих пор, а сейчас надрываются, словно их там тьма, откуда только взялось столько, чирикают себя не помня.

— Это халовки, — отозвался Рэтар глухо, окончательно просыпаясь.

— Халовки? — спросила Хэла. — Прямо, как я?

— Да, и ты на них похожа, — ухмыльнулся феран, всматриваясь в окно.

— Не умею молчать? — уточнила ведьма.

— Нет, — улыбнулся он, притягивая её к себе, целуя в лоб. — Они необычные. Маленькие. Это первая птица, которая прилетает, когда уходит холод. Она в это время серенькая. Когда ищет себе пару, то становится яркой, невероятно красивой, и петь начинает по-другому. А когда на гнезде сидит, то становится такого цвета, как ствол дерева, или такого, как листва. Зависит от места гнездования. Её найти невозможно практически. А пением она начинает подражать другим птицам, чтобы запутать хищников. А потом она снова становится серенькой, и улетает в тепло, когда приходят холода.

— То есть, пришло тепло? — сделала вывод женщина.

— Боги, Хэла, я не слышал это пение три тира, — у Рэтара было такое лицо, его будто поразило это явление, привычное раньше, но теперь ценное, уникальное почти. — Кажется и вправду это оно.

Феран замер, слушая щебетание.

— То есть наконец весна пришла, раз эти птицы прилетели?

— Весна? Это пора цветения у тебя в мире?

— Да. Зима — холод. Зима ушла, весна пришла, — пояснила она, потом просияла. — Так может это Милка работать начала, а?

— Это, — Рэтар восторженно и перевёл взгляд на Хэлу, потом улыбнулся. — Может

быть.

— Надо было меня раньше высечь! — воскликнула ведьма с деланной досадой, смотря на реакцию Рэтар.

С мгновение он был под впечатлением от прилетевших птиц и осознания, что наконец-то эти дурацкие холода уйдут, потом нахмурился и уставился на неё. Взвился и простонал:

— Хэла, да что ж, — и невозможно было понять злиться он, или нет.

— Я пошутила, Рэтар, — поспешила ретироваться она.

— Не смей, — рыкнул феран, подминая её под себя, — так шутить, слышишь?

— Буду, — упрямо выдохнула ведьма.

— Хэла, нет! — всё-таки Рэтар разозлился.

— Это уже фигня, — прошептала она, обнимая его. — И ты меня тискаешь, когда злишься.

— Несносная моя ведьма, — покачал головой Рэтар. — Зараза ты, боги!

— Вчера прита, значит, а сегодня зараза? — она повела бровью.

— Да. Зараза. Хворь, язва, лихорадка, болезнь — всё моё, — прохрипел он и толчком зашёл в неё, выбивая дух напрочь. — Люблю тебя, Хэла.

И нежно прошёлся губами по её подбородку, когда она откинула голову назад, в гортанном возгласе, от его неожиданного вторжения. Пальцы вцепились в его спину. Рэтар легонько переместил её и найдя губы поцеловал.

— Я люблю тебя, Рэтар, — выдохнула Хэла ему в губы и голодной первобытной страстью их снова снесло в бездну греха.

Проснувшись, когда Изар уже зашёл, почувствовав рядом Хэлу, Рэтару захотелось взвыть. В нём было невыносимо острое желание, чтобы она была частью него самого. Не отдельной. Чтобы не могли сделать так, будто её может не быть, или её можно отобрать, злым желанием кого бы то ни было, а если сделали, то выдрали куском тела и он бы уже не мог жить дальше. Эта мысль душила, потому что была неправильной, но избавиться от неё Рэтар не мог.

И, хотры его разорвите, но после близости он чувствовал, что что-то не так. Что-то неуловимо изменилось в ней, что-то надорвалось, надломилось. Она стала другой. И конечно Рэтар понимал, что ничего не исправить, только сделать так, чтобы не испортить сильнее. Но и принять было так невыносимо больно.

У него поднялась рука на его Хэлу.

Никогда так не трясло, стоять было больно — каждое движение причиняло дикие страдания. А она...

То тепло, с которым Хэла на него посмотрела, когда шла к столбу. Боги! Вывернуло, скрутило, уничтожило... всего взгляд и он готов был умереть, потому что внутри бушевало такое невыносимое пламя, причиняющее заграничную боль. И лучше бы оно его испепелило. Потом стало ещё хуже.

Когда порол, так отчаянно старался сделать всё правильно, но как такое вообще возможно? Рэтар погрузился в такую тьму, что думал уже не сможет выбраться. Пелена теней, обречённая, жгучая, окутала, пожрала. Каждый удар был им осязательным на своей шкуре. И это острое понимание, что теряет, теряет, творит невообразимое, чему нет прощения... он и не ждал...

Хотелось, чтобы она ушла после этого, чтобы не видела его больше, потому что её взгляда, который станет чужим, он не выдержит.

Кажется такой боли Рэтар не испытывал никогда прежде, он был готов умирать ещё сотни раз, но вот это... ничто в его жизни не смогло сравниться с этим. Потому что всё то с чем бороться нельзя — нужно просто принять. Но не было внутри примирения с его поступком, он должен был найти другой выход, должен был...

И то, что не было никакой её вины, то что это наказание для него... а Хэлу просто втянуло в этот водоворот, случайно, потому что она была с ним рядом. Потому что нельзя было делать её своей, потому что она знала, что так будет, а он упрямо пытался доказать ей обратное.

И пока Рэтар сидел за столом, считая мгновения оставшиеся до конца этой жуткой кошмарной пытки, пытался делать вид, что всё хорошо. Уже одно то, что сказал фразу про палача за пиршественным столом, было очень плохо, но не смог сдержаться, да и пусть великий потешит себя тем, что добился того, чего хотел. Сделал так больно, что Рэтар сорвался. Пусть он радовался, что указал на место своему не больше чем сторожевому сиргу, — так и было.

А эта показная жалость? Это примирение в лице девки из харна правителя... смешно и тошно. С одной стороны ферану Изарии сделали подарок, оказали милость, а с другой — снова проверка.

Благо было уже наплевать, благо сил на сопротивление не было, ведь где-то там была

его Хэла, его родная, любимая Хэла, несносная его ведьма. Ей было плохо и больно, она была изувечена его руками, принесена в жертву его долгу, его народу, а он был тут — пил, жрал, сидел окружённый мерзостью происходящей вокруг похоти, сам утопал в ней, что потом и не отмыться. А хотелось туда, хотелось обнять, пожалеть, найти мага, чтобы вылечить, хотелось исцеловать всю, прося прощения, хотя не рассчитывал быть прощённым, не ждал.

Пил, как проклятый, чтобы не взвыть в голос, а опьянеть никак не мог.

Девушка висела у Рэтара на шее, шептала что-то в ухо, руки её вездесущие жгли, словно клеймили его. Губы. Тошнило, откровенно выворачивало. Раньше было всё равно на подобное, а сейчас — невыносимо. Она мешала ему скорбеть, мешала так назойливо, что захотелось искалечить, уничтожить, прибить.

Рэтар встретился со взглядом великого эла. И сколько было в этом взгляде. Мысль, что лучше бы правитель сдох, яркой вспышкой полоснула по принципам и клятвам ферана Изарии, затмило долг перед народом и попрало его ответственность перед всеми теми, кого он, как феран, обязан был защищать.

Он унял себя и позволил наложнице великого себя утянуть, потому что хотелось уйти, а по-другому было нельзя это сделать. Но одно дело уйти, а другое выполнить то, чего от Рэтара ждали. И уж если терпел прикосновения наложницы, то когда пришлось прикоснуться к ней самому, стало совсем жутко. Сердце остановилось.

Гнев яростно взметнулся внутри и, дотащив девушку по рабочей комнате отца, швырнул на ближайшую поверхность, задрал юбки и наверняка сделал бы всё жестоко, но как ждали, и когда надежды нет, ввяз по полную в трясину, когда давно нет воздуха, а лёгкие наполнились тухлой водой... но его остановил Элгор.

Вот от кого Рэтар вообще не ждал помощи, на кого в игре никогда не поставил бы. Он подозревал мальчишку, знал, что тот способен прогнуться, знал даже, где тот это действительно делал. Но вот сейчас ошибся.

Кровь Горанов в Элгоре была сильна, как и во всех остальных. А слёзы младшего тана, которые тот лил в библиотеке, узнав о наказании Хэлы, искренние, детские почти, вывернули и ферана.

Рэтар вспомнил, что Элгор не был им самим, который в его возрасте уже взвалил на себя не только титул митара, но и ферана, потому что Рейнар с обязанностями не справлялся. Тан был полон дерзости, юношеского высокомерия и мечтательных амбиций. Был так похож на Ривана характером, что порой глаза резало, а мысль, что отец Элгора всё же Эарган, а не Рейнар, становилась до смешного очевидной.

Перед наказанием Элгор смазал кнут бурой мазью, чтобы Хэле было менее больно. Простой способ, который приносил немного облегчения от наказания. Немного, но всё же. И то, что именно Элгор сделал это, — да, на озадаченный вопросительный взгляд Рэтара, бронар буркнул недовольное “я должен ведьме”, но это было так по-юношески смешно, если бы не происходящее...

А этот взгляд, когда Элгор вёл Хэлу, с разрезанными ладонями — внутри него бушевал ураган, не менее злостный, чем внутри самого Рэтара.

И вот наложница — Элгор остановил тана. Девушка с натянутыми на голову юбками, была слишком пьяна, слишком озадачена происходящим, да и Рэтар слишком сильно её приложил — пришлось просто стоять и ждать, когда младший тан сделает то, что должен был сделать феран.

Провожая эла, Рэтар торжествовал, что Шерга остаётся в Изарии. Феран ждал, что будет какой-то ход, что правитель вытянет своего человека. Думать, что великий и дальше рассчитывает на доносы от Шерга, тем более ждать, что великий может быть призовет брата в столицу, феран не собирался.

Приговор вынесен — Шерга умрёт сегодня, умрёт прямо сейчас.

Разделявая своего брата, Рэтар не чувствовал ничего, кроме этой неутолимой жажды крови, которой жил почти всю свою жизнь. Кажется так давно смерть не проникала в него, что это уже было просто необходимо, чтобы хоть как-то попытаться жить дальше, отдавая себя ненависти, раз любовь у него забрали.

Рэтар мстил. Мстил за своё бессилие в течении такого длительного времени, мстил за предательство, мстил за мысли о насилии и глумлении над его любимой женщиной, мстил за каждый удар кнутом, который нанесён Хэле. Остановить это было нельзя.

Шерга приговорил себя тогда, когда феран узнал о предательстве, однако то, что случилось позднее стёрло малейшее сомнение, если оно и оставалось внутри Рэтара.

Феран влетел во всё ещё кипящей в нём ярости в дом и наткнулся на мага и Милену, которая сразу же была сметена этим его смертоносным, полным ненависти и отчаяния, пламенем.

Осуждающий взгляд мага, пояснение происходящего...

Милена лечила Хэлу. Хэла в доме. Хэла совсем рядом.

Рэтар не хотел к ней идти, туда в дом к серым, не хотел — на это не было сил. Но, когда узнал, что она в доме, то потянуло к ней, словно во сне, силой, отчаянием, пустой попыткой оправдаться, или просто взглянуть.

Хэла была в одной из комнат, что в доме занимала Эка. Лежала на животе, всё в том же сером платье, разодранном на спине, в кровавых подтёках, спина в шрамах, пять полос, слишком много... руки.

За её руки Рэтар бы убил, если бы знал, кто сделал это, и было бы плевать, что это выполнение приказа — за такое уничтожил бы.

Глаза ведьмы были закрыты и Рэтар возблагодарил богов, что не видел её взгляда. Пусть так, чем увидеть холод, обиду, боль и отчуждение. Подойдя, отругал себя, что сделал это — прикоснуться не мог, не имел на это права. Нельзя.

С горечью развернулся уйти, внутри прощаясь с ней, но...

Кажется эта женщина была создана специально для него, но оказалась не рядом, а вот там в другом мире, на невысшимом расстоянии. И он просто так долго ждал, чтобы её призвать, сам того не зная. Но “кровь нельзя обмануть,” — говорил Сай, мамин тан, единственный маг, которому Рэтар верил безоговорочно. Кровь не обмануть и кровь позвала Хэлу к нему, и плевать, что эта ошибка высших сил стоила так дорого, но он не изменил бы ничего. Эта женщина его.

Её прощение было для Рэтара не просто чем-то, что разум отказывался понимать. Даже сейчас открыв глаза он всё не верил, что это не сон. Хэла простила его. Позволила быть рядом. Его ведьма.

И после всего этого ужаса, он лежал сейчас рядом с ней и смотрел, как она спит, а внутри разливалось это болезненное, обжигающее тепло — счастье, нежность, любовь.

Он и вправду никогда не любил до этого ни одну из бывших с ним женщин. А Хэла была его кровью, его воздухом — он ею дышал.

Рэтар аккуратно, стараясь не разбудить её, встал и оделся. Вышел из спальни. Под

дверью лежали несколько записок.

В одной Тёрк сообщал, что отправил Элгора в Кэром к Эроне и сыну, а заодно кое-что узнать о происходящем там. В другой, что с фераном хочет поговорить Верлеас.

Рэтар сел за стол. И задумался.

С желанием мага было всё понятно. Феран предполагал, что маг ему скажет, после того, как увидел Хэлу. Можно не обращать внимания, но Тёрк доверял Верлеасу, Рэтар тоже, по крайней мере больше, чем остальным знакомым магам. И больше, чем Зеуру. Поэтому не стоило избегать разговора слишком долго.

Феран хотел послушать, что о чёрной ведьме может сказать этот маг. Было убеждение, что вполне возможно больше, чем Зеур, явно что-то недоговаривавший, да и Верлеас маг намного более сильный, чем маг служивший Изарии, одним из самых сильных в Кармии, поэтому просто мог видеть намного дальше.

Что до Кэррома... Этот город и его знать были больным местом ферната Изарии.

Пока там всем управляла мать Тёрка, всё было хорошо. Ей помогали несколько дочерей Эаргана и в целом книты там вели себя очень даже спокойно. Но когда мать Тёрка умерла, то постепенно мать Шерга заняла её место.

Дэшая вытеснила всех неугодных ей. Плела интриги — книты, которые были верны дому Горанов постепенно лишались своего влияния, кто-то молчал, кто-то перемещал круг интересов в другие большие города Изарии. Но это до того, как наступили холода.

Сейчас она видимо решила, что время пришло, потому что сомнения в её причастности к происходящему не было.

И вот оно, завертелось и закрутилось с новой силой, пошло волнами, что не остановишь и не знаешь откуда ждать очередной удар, сплелось в безумии. И понимания, как этот клубок размотать, у Рэтара уже кажется не находилось.

— Ты почему не спишь? — спросила Хэла, подходя к нему.

На ней была его нижняя рубаха — рукава намного длиннее её рук, длина ниже середины бедра.

Никогда бы Рэтар не мог подумать, что что-то такое простое, может так сильно тянуть в омут желания и вызывать зависимость. Он протянул к Хэле руки и она устроилась на его коленях.

— Что-то случилось? — спросила ведьма, обнимая его за шею.

— Слишком много всего, — покачал он головой и целуя её в плечо. — Кажется уже и не разобрать всё это.

— Надо по-порядку, — улыбнулась Хэла.

— Хм, — слегка нахмурился он. — Расскажи мне, что случилось на охоте.

Хэла задумалась.

— Мы были на той поляне. Я с Миленой отдельно от этого вашего царя и его свиты. Я наблюдала за вами. За вашими огнями. Твоим, Роара, Элгора, за харагами. Видела как вы разделились. Роар был справа немного с Мирганом и Гиrom. Ты был впереди в низине, с тобой Элгор, Брок, Шерга, — она поморщила нос. — Потом эти начали что-то спрашивать, шуточки всякие. Хотелось всю компашку прихлопнуть самой, ей богу.

Рэтар усмехнулся.

— Но я старалась, была умницей и делала вид, что вообще не умею говорить. Потом к нам с Миленой подъехал эла и начал что-то там спрашивать, — Хэла нахмурилась. — Спросил, что я у тебя в покоях делаю...

Рваш, как плохо! Но стараясь не слишком показать, что это заставило напрячься, Рэтар спросил:

— Что ты ответила?

— Сказала, что заговариваю твои головные боли, — ответила она, на лице появилось беспокойство. — Плохо, да?

— Нет, всё хорошо, — кивнул Рэтар. — Умница. А потом?

— Потом он спешился, подошёл к краю. Что-то сказал. Эти два пошутили. Он засмеялся, а потом завыл горн, ну или рог. Как он тут у вас называется?

Рэтар кивнул в знак понимания, того о чём она.

— Я ещё немного удивилась, что вы в одной стороне, а рог в другой.

— Где ты его слышала, сможешь сказать?

Хэла кивнула, закрыла глаза.

— Я вот тут, — сказала она и склонила голову на бок, чем вызвала улыбку Рэтара, потом выпрямилась. — Роар был на два часа от меня, ты на двенадцать, а рог между девятью и десятью.

И она довольная открыла глаза, потом опешила на мгновение, потому что Рэтар не понял про что она говорила и лицо видимо у него было весьма озадаченное. Хэла прыснула со смеху.

— Вот там, — и она указала рукой направление, где по её мнению она слышала рог.

Рэтар нахмурился. Если понимать, где была она, а где он, то феран слышал рог в том же месте.

— Уверена? — скорее просто так спросил он, чем с сомнением.

— Да. Горы меняют звук, но у меня отличный слух. Я же музыкант. Типа, — улыбнулась ведьма. — Это был чужой горн, в смысле рог.

— А что было потом? — кивнул он, подразумевая, что её догадка верна.

— После этого звука, словно из земли поднялся этот... дарлан, да? Правильно?

— Да, правильно.

— Он повёл головой, словно его ударили, и пошёл на эла. Милка свалилась с торы своей, со страху. Я, кстати, думала, что дарланы поменьше.

— Этот был достаточно большим, — ответил ей Рэтар.

Хэла понимающе повела головой и продолжила:

— А эти, они не шевелились вообще. Дарлан был сонный. Но всё равно пёр... И я запаниковала, прости. Не знаю, насколько я правильно поступила. Просто первое, что в голову пришло, раз колдовать нельзя — кинжал был в ножнах, на тооре эла прикреплён и я его выдернула, и метнула. Вообще не думала, что попаду.

— Откуда ты умеешь это делать? — поинтересовался феран.

— Метать ножи? — уточнила она и тут же мягко и легко улыбнулась. — Папа научил, когда мне было пять, но со смерти папы ножи метательные в руки не брала. Больше двадцати лет. Чудо, что попала.

Рэтар в задумчивости повёл головой. Значит он всё правильно увидел на поляне.

— Это плохо, что он не умер, что я его спасла? — спросила Хэла, хмурясь. — Мне кажется они прям ждали этого. Эти его советники и даже стража. Пока этот мерзкий не дал приказ, они не зашевелились. А тот альбинос, бесцветный который, он вроде военный, не?

— Мерзкий? Альбинос? Бесцветный? — переспросил Рэтар и рассмеялся.

— Ну, чего? Альбинос — это белый. Тот вояка? Как цвета лишился, а этот, что возле

этого вашего царя трётся прям буэ, какой, фу, — сморщила нос Хэла, улыбаясь.

— Да. Дэялг и Яндэ, — ответил феран, всё ещё смеясь.

— У них даже имена схожие, “рога и копыта”, — заметила ведьма, закатывая глаза. А Рэтар ухмыльнулся.

— Потому что давным давно Яндэ были побочным домом Дэялгов, как у нас Тааграны и Онары, — пояснил он. — А потом там произошёл раскол внутри дома, они разделились, вплоть до передела ферната. Их склоки удалось унять только вмешательством тогдашнего великого эла. Теперь уже это два отдельных дома, о родстве стараются не вспоминать.

— Но всё равно “одни клыки и жадность, и кровь одна”, — проговорила Хэла слова песни, которую спела как-то и вызвала много опасений со стороны ферана, потому что всем вокруг было понятно насколько эта песня применима к тому, что происходило в их элате.

— Да, родная, так и есть, — согласился с ней Рэтар. — И это хорошо, что ты его спасла, к сожалению такой ценой для себя, но если бы великий погиб, и ты, и Милена, лишились бы жизни, а я, и Роар с Элгором, лишились бы своих титулов, дома, да и голов тоже вполне реально.

— Нас бы казнили?

— Да. За сговор с целью убить правителя.

— Он сам захотел на охоту, — заметила ведьма, — не ты ему её предложил, разве нет?

— Так, — ответил феран.

— Я боялась за тебя, на самом деле, — нахмурилась Хэла.

— Правда?

— Да. Охота всегда хреновое мероприятие.

— Ну, есть у меня предположение, что моя жизнь или по крайней мере здоровье было всё-таки под угрозой, — она склонила голову в вопросе, чем вызвала у него невольную улыбку. Рэтар пояснил. — Фобос. Не могу понять, чего именно хотел Шерга — отомстить тебе, за то, что чуть не убила его в книжной, или меня хотел убить, может ранить. Он был неплохой лучник. Мог выстрелить так, чтобы сильно не навредить. А то как бы он меня на цепь посадил?

Хэла вскинулась и побледнела.

— Элгор сказал? — спросила она шепотом и хотела встать, но феран её не отпустил.

— Да. И тебе надо было сказать всё, — заметил Рэтар. — Не утаивая. Но я сам виноват. Выставил тебя и не стал разбираться.

Ведьма вздохнула:

— Из его рта вечно вываливалось дерьмо, — отозвалась она. — Ничего нового.

— Надо было не убивать его, а разделать сначала, чтобы узнать всё. Он определённо играл против меня, но с кем в связке? Вот вопрос, — сказал феран, снова хмурясь и уходя в размышления.

— А его мать? — спросила Хэла. — Насколько я поняла она ведущий игрок, нет?

— Дэшая? Да, — ответил он. — Но она проявит себя. И я думаю, что нам недолго ждать.

Рэтар притянул Хэлу к себе и втянул её тёплый запах.

Понятно, что советники играли вместе. Шерга играл скорее всего с эла. Тогда в чём смысл? Тогда то, что великий дал возможность Рэтару убить брата — странно. Или это изначально было так задумано, и Шерга был всего лишь инструментом, которым в конечном итоге просто пожертвовали? Почему? И тогда чего ждать от Дэшай? Или может они играли с

обеими сторонами?

— Ты замёрзла? — спросил Рэтар, почувствовав, что Хэлу немного потряхивает.

— Угу, весна, блин, — фыркнула она ему в шею. — Придётся тебе греть меня до наступления лета.

— Лета? — переспросил он новое слово.

— Ну, это когда после весны уже становится охрененно тепло и всё посаженное растёт, цветёт и начинает плодоносить, — проурчала ведьма ему в шею.

— Этого долго ждать, — заметил Рэтар, притворяясь расстроенным.

— То есть греть ты меня не будешь? — надулась она.

— Хэла, я буду делать всё, что ты хочешь до конца своих дней, — и он встал с ней на руках.

— Собираешься помереть раньше меня? — игриво спросила ведьма.

— Я не планировал, но кто знает, — ответил Рэтар.

— Кто знает? Я знаю, — воскликнула Хэла. — Будь любезен!

— Хорошо, родная, — ответил феран и она обняла его, поцеловала, и их снова унесло близостью.

Утром, до восхода Изара, Рэтар сообщил Тёрку, что они могут идти к Верлеасу.

Встав над спящей Хэлой, он на мгновение задумался, стоит ли её будить, чтобы сказать, что уходит.

— Ты снова смотришь на меня, когда я сплю? — буркнула она, приоткрывая один глаз. — Это жутко, Рэтар.

— Прости, — улыбнулся он, нагнулся и поцеловал её плечо.

— Почему ты одет?

— Мне надо уйти.

— А Тёрк? Он сказал, чтобы мы не попадались ему на глаза, — возразила ведьма, улыбаясь.

— Я быстро и Тёрк идёт со мной, — ответил феран. — Думаю, что вернёмся ещё до восхода Тэраф.

— Что-то случилось? — спросила она, слегка хмурясь.

— Нет, родная. Всё хорошо, — успокоил её Рэтар. — Останешься здесь?

— Угу, ещё посплю, — потянулась Хэла и устроилась поудобнее.

Он нагнулся и поцеловал её в висок.

— Береги себя, — прошептала она.

— Хорошо, Хэла.

Верлеас был напряжён и озабочен. Даже скрывать не стал, что что-то не так.

— Что стряслось за то малое время, которое прошло с тех пор, как я у тебя был? — проворчал Тёрк, присаживаясь на перила, что когда-то были внутренней частью храма, где восхваляли бога Сэягту и его детей.

С исходом богов многие храмы были заброшены, какие-то и вовсе забыты, чаще всего разваливались на глазах, теряя магию, что держала их целостность. Свободные маги, да и служители корт магов, частенько занимали такие места. Им было легко поддерживать здания в целости, а ещё храмы обычно строили на местах божественной силы, что тоже расценивалось магами с положительной стороны.

Верлеас жил в этом храме уже наверное тиров шесть. С тех пор как он занял

заброшенное строение на территории большого города, находящегося на границе ферната Каянта, главного ферната Кармии, и ферната Тринасы, откуда сам маг был родом, хлама внутри прибавилось.

— Я поспрашивал о том, что происходит, и услышанное мне не понравилось, — ответил Верлеас, сидящий в кресле перед небольшим столом.

— И такой — а давай-ка я друзей из Изарии предупрежу? — с недоверием прищурил глаз старший брат ферана.

— Нет, просто сейчас происходит то, что меня волнует. И уж ты меня знаешь, пусть всё тут огнём сгорит, я и пальцем не пошевелю, но только до тех пор пока это не будет касаться Дэялгов, — прошипел маг со злостью, а имя правящего дома, которому раньше служил так вообще выплюнул.

— Что случилось? — спокойно спросил Рэтар.

— Для начала, — Верлеас встретился с ним взглядом, — что случилось на охоте?

Феран нахмурился, присмотрелся к магу, тот подождал. Лезть в голову не стал, значит может и вправду дело только в его ненависти к дому военного советника. Горан вздохнул и рассказал то, что увидел изучая следы и то, что подтвердила и дополнила Хэла.

— Так. Рог — это магический зов, — кивнул Верлеас. — Значит точно хотели тебя прижать заодно.

— Что это значит, маг? — прорычал Тёрк, которому уже поперёк горла стояли все эти заплетения колдовских и заговорнических узоров, что окружали Изарию и Горанов.

— Да уймись, Тёрк, — закатив глаза ответил хозяин. — Сейчас скажу. Терпения нет?

— Достало то, что происходит, понял? — взвился старший брат ферана. — Я больше половины луны шатался по Изарии и могу сказать, что от того, что нашёл, у меня зудит прибить кого!

— Понял, — ответил Верлеас, потом перевёл взгляд на Рэтара. — У великого много проблем. Одна из них — его очень активно пытаются убрать. Только скорее всего на его место не пытаются усадить его бездарного, помешанного на оружие и сражениях старшего сына, до младшего и дело не дойдёт. Кажется там внутри бурлит, что поинтереснее.

— Думаешь уберут всю семью? — уточнил Тёрк.

— Когда спрашивал, я услышал столько всего, друг мой, что хватит на славную историю, которую можно рассказать сидя за кружкой добротного питья, — ответил маг. — Но не в этот раз. Для начала — у них там не так всё едино. Кто-то, я так понял, поддерживает дом правителя и хотя сам он надоел, эти стариканы не хотят менять свои мягкие диваны, и пусть они уже почти развалились, но... В общем, ходят слухи, что они пытаются выкупить из плена Ялесса.

— Они нашли пропавшего старшего брата правителя? — нахмурился удивившись старший брат Рэтара.

— Да кто ж знает? Говорю же — слухи. Может он, а может нет. Может выкупят, а там какой полоумный воин каянтский или пахарь немощный, — развёл руками Верлеас. — Но и боги с ними. Интереснее то, что другая часть хочет смены правящего дома вовсе. И вот тут сами понимаете в игру вступают наши советники. Уж не знаю как они там будут делить власть, но ни тому, ни другому, я бы не дал управлять даже захудалым селением размером в три двора. Если кто из них посадит свою задницу на право правления, то я, хоть меня от них и воротит, подамся в корту тёмных магов, благо звали меня не раз. И слово моё перед первым магом в этом случае уже будет не важно.

— Ладно, они там делят власть, — пожал плечами старший брат ферана. — Понятно.

— Тёрк, ты уж не спрашиваешь ли, друг, при чём тут Гораны? — уставился на него в недоумении Верлеас. — При чём тут самый богатый дом элата? При чём тут дом, который управляет самым большим фернатом элата? И наконец при чём тут фернат, чьи воины составляют почти половину армии элата?

— Мне право власти не надо, — спокойно отозвался Рэтар.

— Нет, достопочтенный феран, — повёл головой маг, — никто не будет спрашивать тебя. Или ты полагаешь, что ладно твои люди всегда на твоей стороне, несмотря ни на что, но остальные воины... они не знают, что из себя представляет Джэлт? Их от него не воротит?

И Верлеас ухмыльнулся.

— Я уж не говорю о его личных качествах, но и как военачальник, — хозяин с отвращением скривился, — он ничего из себя не представляет. Когда-то был хорошим воином, жестоким, мерзким, но был неплох, а сейчас он больше похож на шута, столовый вояка. Он не то что врага, он поле боя не видел с десятков тиров, нет? На карты всё смотрел. Или тебя не ломало от его откровенно пустых и глупых приказов? Люди не дураки, на воинах всё держится и нет в Кармии такого служаки, который предпочтёт Дэялга тебе.

— Значит причина того, что нас давят, в этом? — нахмурился Тёрк, сказав это скорее себе, чем двух сидящим рядом мужчинам.

— Может причин и несколько, но эта одна из основных, — всё же прокомментировал эти слова Верлеас. — И теперь отсюда к ведьме вашей.

— А я уж думал, что не расскажешь нам ничего. Только мы знаем всё, — ухмыльнулся старший брат Рэтара, а феран напрягся, потому что вид у мага был очень серьёзный.

— И что ж вы знаете? — поинтересовался он у Тёрка.

— Что она сильна слишком и оттого всех нас мором изведёт, и в то же время добрая, а чёрные добрыми не бывают, что она лечит, а должна калечить, и так далее.

— Мором изведёт? — хмыкнул маг.

— Или ещё чего похлеще, — отозвался брат ферана.

— И кто такое сказал?

— Зеур, — ответил Рэтар.

— По его мнению мы с ней не справимся, — добавил Тёрк.

— Зеур... — проговорил Верлеас, хмурясь и сжимая переносицу пальцами, и оба гостя уловили напряжение хозяина. — А первый маг значит её не видел?

— А разве в башне не видел, когда призвали? — спросил брат Рэтара.

— Ты же не думаешь, что он на всех ведьм смотрит? — спросил маг.

— Разве она не знатный переполох устроила в башне? — возразил Тёрк. — Ты же сам сказал, что тебя туда звали даже.

— Звали? — приподнял бровь Верлеас. — Не, Тёрк. Это я сам туда отправился — посмотреть на них, поиздеваться и повеселиться от души. Да и что мне делать больше нечего, как ведьмовские заговоры снимать? Правда всё же пришлось... А первый и не знает наверное об этом, да и не что-то это из ряда вон выходящее. Иные серые такое творят, что никому мало не кажется.

Оба гостя нахмурились.

— Это всплеск силы после призыва, — пояснил хозяин, — он вполне ожидаем. Да и ведьму вашу призвали судя по всему кое-как.

Верлеас мгновение замер, глядя в никуда, потом перевёл взгляд на Рэтара.

— Она сказала вам, что с ней случилось до того, как попала сюда? — спросил маг. —

Или просто, что она делала до того, как оказалась в белой комнате?

— Нет, — ответил феран.

Маг перевёл взгляд на Тёрка, потом вернулся к Рэтару.

— Никому не говорила? — уточнил он.

— Мы вообще о ней очень мало знаем, — ответил старший брат ферана. — Но нам она никакого зла не делала.

— И не сделает скорее всего, — ответил Верлеас. — Даже наоборот.

— Что это значит? — спросил Рэтар, которого это ошутимо кольнуло.

— Это сложно объяснить, — маг снова ушёл в себя, потом повёл головой и заговорил. — Для начала — я хочу с ней поговорить, чтобы понять.

— Поговорить? — уточнил феран, стараясь унять своего поднявшего голову в беспокойстве внутреннего зверя.

— Мне нужно, чтобы она ответила на некоторые вопросы, — пояснил Верлеас, — и когда я услышу ответы, то смогу рассказать намного больше.

Рэтар повёл головой, сомневаясь.

— Без её ответов мне толку мало — сплошные предположения. Дайте мне с ней пообщаться. Я прошу у тебя, открыто, достопочтенный феран.

— Один на один? — уточнил Тёрк, вмешиваясь.

— При вас она ничего не скажет, — заметил хозяин. — Явно же не хочет, чтобы вы знали, иначе рассказала бы.

— Или при мне, или никак, — отрезал глава Горанов, внутри которого было слишком много недоверия к магам, а теперь взметнулась ещё и, боги, ревность.

— Рэтар, — вздохнул Верлеас недовольно, но встретившись со взглядом изарийского ферана, нахмурился. — Всё то, что рассказал Тёрк, все вот эти мелочи — это ничто. Пустое. Поймите, я смотрю не как простой человек, смертный. Я маг, я смотрю со стороны силы, возможности, запасов, мощи, наконец.

— Как на вещь, — гневно буркнул брат Рэтара.

— А ты не смотришь на меня как на вещь, Тёрк? — взвился Верлеас. — Маг для тебя не инструмент? Перестань, друг, вы не тащите из нас всё, что мы умеем, на грани возможного, не требуете спасать вас переступая через нашу жизнь? Никто не видит во мне человека, Тёрк — я вещь, инструмент, оружие! И от ведьмы меня отличает лишь то, что я в нашем мире свободный человек, а она призыв и до конца своих дней им останется. У меня есть выбор, а у неё только его видимость, а порой и того нет.

Тёрк стал суровым, но ничего не ответил.

— Она особенная, — проговорил маг, мягче, — я впервые лечил ведьму и она отдавала мне силу, что я тратил, назад. Боятся её стоит только глупцам и... скорее это ей нужно опасаться мира. И мне надо понять, как это произошло.

— Верлес, слушай, — устало рыкнул старший мужчина.

— Меч, Тёрк, — перебил маг внезапно.

— Что меч? — нахмурился тот не понимая.

— Представьте. Меч, твой, Рэтар, — Верлеас кивнул в сторону ферана Изарии. — У тебя же не простой меч? Его создал один из лучших мастеров Сцирцы? Эарган Горан заказал несколько.

Рэтар согласно кивнул.

— Одинаково хорош, чтобы рубить людей или деревья. С ним ничего не случится, — заметил маг. — Знарок за такой руки оторвёт, заплатит сколько попросишь. Будет любоваться. Мальчишка глупый пораниться, или убьётся, или деревья рубить будет. Такой мечник, как ты, воспринимает его, как лучшее оружие, что у него есть. И этот меч несёт смерть и в этом прекрасен. И ты ухаживаешь за ним, потому что без ухода он изойдёт, истлеет...

— Ты к чему нам воду эту льёшь? — не выдержал Тёрк.

— Хэла, как этот меч. И отвечая на твой вопрос, Рэтар, — маг перевёл взгляд на ферана, — вы уничтожите её, потому что не знаете, как с ней обращаться. Она истлеет без должной заботы. Ты прекрасный мечник и меч в твоих ножнах в идеальном состоянии, но ведьма всё-таки не меч. И, наконец, как только о ней узнают, её все захотят себе получить. И если это будет первый маг Кармии, то её просто заберут у тебя, потому что так прикажет великий. А если это будет, например, корта тёмных магов Фары, то её заберут силой, попутно народу положат невесть сколько.

Тёрк не сдержался и фыркнул, предполагая, что Хэла сильна и значит сладить с ней любым магам будет не под силу. Но Рэтар понимал, что эта надежда призрачна. Он знал, что его ведьма уязвима, знал, что несмотря на силу, что в ней бурлила, её можно сломить, она не всесильна, она хрупкая, слабая, она человек и, боги, женщина, которую он любит, и он не может позволить себе её потерять.

Верлеас сейчас говорил всё это и каждое слово резало, рвало ферана на части. Он силился не подавать вида, но понимал, понимал и эти слова мага о заботе, потому что однажды он её уже чуть вот так не потерял, как и Тёрк, не замечая хрупкости силы, не замечая граней возможностей. Понимал слова о желании владеть силой, потому что сам чувствовал в себе этот ураган триумфа обладания, когда Хэла убила тех наёмников в лесу.

— И если первый маг Кармии ещё может попытается с ней договорится как-нибудь, — продолжил Верлеас, — то тёмные маги уговаривать не будут. Да и не из тех она, кого можно сломать легко, поэтому они просто возьмут сосуд Варха, поместят её внутрь и будут тянуть из неё силу, беспощадно и безжалостно. А вы не представляете сколько её в ней. Её хватит не на несколько дней, не на лунь-два, и даже не на тир. Это будут десятки тиров, — сказал страшные слова маг и встретился взглядом с фераном Изарии. — Десятки тиров полных невыносимой боли и страдания. И она иссохнет, она обратится в прах. Но пока она будет сопротивляться и будет жива — тёмные маги будут сильнейшими магами Сцирцы. Этого времени им будет достаточно, чтобы захватить не только элаты, входящие в обороты Ваясты, но и наши.

Верлеас замолчал, словно прислушиваясь к чему-то. Рэтар подумал, что полез к ним в головы, потому что сам феран изо всех сил не показывать, что происходит внутри. А там была пропасть из страха, боли и бессилия.

Рэтар не был глупцом, он знал, что с магами, и уж тем более тёмными, сражаться нельзя. Можно сразить одного, двух, но не десяток, а в башне Хангыри или в той же корте тёмных магов Фары было магов намного больше, чем десяток. И последних не сдерживает вообще ничего — они предали высшие законы магии и отдали себя службе тьме и смерти.

Даже представить Хэлу внутри сосуда Варха для Рэтара было физически больно, невыносимо страшно. Кажется он ничего не боялся так, как этого.

— Но радуется, — отозвался хозяин, возвращая внимание к себе, — что первый маг

Хангыри о ней не знает. Хорошо, что Зеур, если понимает хоть что-то, не доложил. И вам очень повезло, что первого не было с великим эла.

— Он был в Клесте, нет? — спросил Тёрк.

— И это не совпадение, скорее всего. Хотя там было жарковато. Но, думаю, дело в попытке, — Верлеас напрягся подбирая слова, — устранения великого. Дело в том, что советники, охрана — все они люди и связаны клятвой первой святости, и вам известно, что через неё можно переступить, если очень захотеть. Но вот первый маг — он связан клятвой, закреплённой магией. И он просто не смог бы сидеть и смотреть, как великого убивают. Он должен был бы вмешаться. Понимаете? И остальных магов башни туда послали, чтобы, если не получится сразу убрать, магическое лечение великий получил бы не сразу.

— Допустим, — согласился Рэтар.

— Это значит, что время есть, — пояснил маг, но на деле не было понятно ничего.

— Время на что? — нахмурился феран.

— На какие-то действия, — ответил Верлеас.

— Что ты предлагаешь? — глухо спросил Рэтар, каждое слово давалось с невероятным трудом. Слишком много всего сейчас было внутри.

— Самое простое, — начал маг, — ограничить ведьму...

— Нет, — прервал его феран и встал. — Ни ошейника, и магический извороты, ни уж тем более клейма.

Верлеас мотнул головой, тоже вставая.

— Дай мне с ней поговорить?

— Нет. Наедине не дам, — феран развернулся уходить.

— Ладно с тобой, хорошо, — согласился маг. — Только это важно, всесила! Рэтар!

Дрожь в руках уже было не унять, феран зашёл в портал.

— Хотя бы сделайте повязь кровью. Тогда, если что случится, она не протянет долго без вас. Меньше будет мучиться, — прокричал маг Рэтару и от сказанного стало совсем не по себе.

Пройдя через портал, на выходе феран зло посмотрел на привратника и тот в это мгновение хотел бы стать единым со стеной. В коридоре Рэтар наткнулся на Брока. Сын нахмурился, встретившись с отцом взглядами, но спрашивать ничего не стал.

Идя до своих покоев мужчина постарался успокоиться, потому что таким взвинченным к Хэле было идти нельзя. Она почувствует, а может, что ещё хуже, он своим состоянием сделает ей больно.

Но в постели ведьмы не было. Прислушавшись, он услышал тихое пение из чистой и мгновенно стало легче.

— Рэтар? — спросила она, ещё до того как туда зашёл. — Ты вернулся?

— Да, — отозвался он, глядя на её.

Ведьма развернулась к нему лицом и улыбнулась. Положила голову на руки сложенные вдоль кромки кадки с водой.

— Ты быстро, я даже согреться не успела толком, — проговорила Хэла. — Не нравится мне ваша весна — холодно так же, как и зимой.

Рэтар рассмеялся. Это была её главная сила — успокаивать его.

— Ты выглядишь ещё более озабоченным, чем когда уходил, — заметила она, немного хмурясь, когда он подошёл и присел на корточки рядом с ней.

— Наверное, — не стал сопротивляться Рэтар. — Я был у мага.

— У Зеура? — спросила Хэла.

— Нет, — ответил феран. — У Верлеаса.

— У того, что убирал мне шрамы? — уточнила ведьма и он кивнул, соглашаясь. —

Пришлось за меня платить?

— Нет, Хэла, не пришлось, — вздохнул Рэтар и погладил её по щеке. Эта женщина и её смущение, боги! — Он хочет с тобой поговорить.

— Маг? — нахмурилась Хэла.

— Да, — и феран не хотел говорить об этом, но беспокойство мага отозвалось в нём.

— О чём? — ведьма стала обеспокоенной, прикусила губу. — А это очень надо? Можно я не буду, ну, точнее, если надо, то... но мне бы не хотелось.

— Не надо, Хэла, нет, не хочешь — не надо, — и надо было ей рассказать, но у Рэтара не было сил. Ему было страшно, он испугался.

— Точно? — спросила ведьма и стала такой очаровательной.

— Да, — феран улыбнулся, стараясь унять себя, и встал.

— Хорошо, — кажется успокоилась Хэла. — Я сейчас выберусь.

— Не надо, — он повёл головой и ведьма озадаченно склонила голову на бок.

Рэтар снял рубаху.

— Что ты делаешь? — Хэла игриво повела бровью.

— Хм, дай подумать, — и он снял сапоги. — У меня тут в воде невероятно прекрасная, восхитительная женщина... обнажённая женщина. Я буду дураком, если уйду, оставив её одну.

— Так уж и восхитительная? — повела плечом ведьма. — Я помню что-то про заразу было в последний раз.

— Язву, хворь, да... — рассмеялся феран и залез в воду.

— Да, хворь, — протянула Хэла, когда Рэтар подтянул её и устроил на себе.

— У меня есть к тебе две просьбы, — сказал он, после того, как она нагнулась и поцеловала его.

— Две? — удивилась Хэла. — Ого.

Немного переместившись ведьма села на него сверху, обняв ногами.

— Говорите, уважаемый феран, — она сделала деловитое лицо.

Рэтар рассмеялся.

— Люблю, когда ты так делаешь, — проговорил он, обнимая её и прижимая к себе.

Влечение к ней моментально стало физически ощутимым, Хэла довольно заурчала и поёрзала, чем только усилила его желание.

— Так грех или просьба? — и она уже так невозможно привычно повела плечом и головой.

— Просьба, — ответил Рэтар, пересиливая себя. — Я хочу, чтобы ты мне пообещала кое-что.

Ведьма слегка нахмурилась, но феран поцеловал её в шею, потом в углубление под мочкой уха. Она выдохнула стоном что-то вроде вопроса.

— Если со мной что-то случится, любая неприятность, когда я буду далеко от тебя, — ему не хотелось об этом говорить. Хотелось просто отдаться вот этому омуту обжигающей страсти и забыть обо всём плохом и напрягающем. — Обещай мне, дай слово, что ты уйдёшь в портал.

— Что? — Хэла открыла глаза, замутнённые желанием, посмотрела с беспокойством.

— Это важно, родная. Прошу тебя, пожалуйста, — сказал феран слово просьбы её мира.

— Это моё слово. Но, Рэтар, — заупрямилась ведьма, а взгляд её невообразимых глаз цвета ирнита, рвал его на части, — я не могу дать такое обещание.

— Хэла, я прошу тебя, — попросил он, — хочу, чтобы ты была в порядке.

— Рэтар...

— Родная, — произнём феран с надрывом, — не упрямясь, Хэла!

Она закусил губу и так захотелось сказать, чтобы не думала об этом, что всё не важно, всё пустое.

— Я не могу обещать, потому что ну мало ли что? — и Рэтар хотел устало возразить, но ведьма продолжила. — Я могу пообещать, что я постараюсь. Я постараюсь, хорошо?

Феран вздохнул и погладил её спину.

— Хорошо, — согласился он, понимая, что и это уже очень много.

— А вторая просьба? — спросила Хэла.

— А вторая, — теперь можно и забыться на немного, — потом.

И приподняв её слегка, вошёл в неё, с каким-то невыносимым триумфом наблюдая, как она закатывает глаза, напрягается телом, а лицо становится непередаваемо прекрасным.

— Хэла, — позвал её Рэтар, когда лежали в постели после, а он перебирал её ещё немного влажные волосы.

— Да, — отозвалась она.

— Обвяжись со мной, — попросил феран.

Хэла издала какой-то странный звук, словно фыркнула и усмехнулась одновременно.

— Очень смешно, Рэтар.

— Я не смеюсь, — сглотнул он. — Я серьёзен. И твоё согласие у меня уже есть. Я мог бы не спрашивать.

Ведьма развернулась так, чтобы видеть его лицо.

— Мы же шутили, — улыбнулась она. В глазах была какая-то едва уловимая тревога.

— Я не умею шутить, — возразил феран.

— Умеешь, перестань. Да и где ты собираешься найти эйола, который на это пойдёт? — Хэла озорно улыбнулась, всё ещё не воспринимая его просьбу всерьёз. — Любой тебе в задницу залезет, чтобы найти заговор, которым я тебе голову покосила настолько, что ты собрался такое натворить. А что до меня — у вас на кострах ведьм не сжигают? Я буду первой.

Она рассмеялась, но Рэтар не собирался сдаваться. Он будет жалеть, что сделал это так, а если будет не так, как надо, он наверное сойдет с ума, но почему-то не сомневался ни на мгновение, что Хэла любит его по-настоящему. И он любит её. Любит, боги, безумно любит. Не сомневался, что нить отзовётся на их чувства.

Феран в одно движение подмял ведьму под себя и совсем немного нужно было, чтобы Хэла поддалась, чтобы он утянул её за собой. Стоны её стали глухими, хриплыми, глубокими. У Рэтара самого голову повело, они всегда цеплялись за возбуждение друг друга.

Оставив её на немного, потянулся к внутреннему карману куртки, что была на полу и достал небесную нить, сплетённую ею.

— Рэтар? — позвала Хэла и вернувшись к ней, он сел, устроив на себе, чтобы она снова обняла его своими ногами, смягчилась. — Если что-то делать постоянно — надоест.

— Не надоест, — ответил феран, подтягивая ноги так, чтобы было удобнее поддерживать её.

Ведьма выпрямилась, склонила голову на бок. Глаза ещё полные опьянения близостью смотрели настороженно.

— Мне не нужен эйол, Хэла, чтобы обвязаться с тобой, — проговорил Рэтар. — Мне нужна ты и нить.

— Но это, — ведьма слегка нахмурилась.

— Я мог бы отдать тебе всё, что у меня есть, но тебе это не нужно, — прошептал он. — Я порой просто не знаю, что мне делать с тобой. Ты сказала мне, что меня тебе достаточно.

Хэла кивнула.

— Раньше люди не обвязывались друг с другом ради брака, — объяснил феран. — Изначально брак был всего лишь на словах. Договор между людьми, между мужчиной и женщиной, между их семьями. А нить — они могли обвязаться ради друг друга, но нить связывала не брак. Нить связывала тех, кто дорог. Не только влюблённых — женщины становились сёстрами, мужчины братьями, взрослые и дети семьями. Постепенно, со временем, всё изменилось и понадобились доказательства связи между супругами. И этим доказательством стала нить. Обряды проводили жрецы, как свидетели, потом, когда жрецов не стало, эйолы. Но до всего этого — было только два человека, которые хотели связать свои жизни друг с другом.

Рэтар показал ей моток небесной нити, которую она сплела.

— Моя жизнь твоя, Хэла.

— Рэтар, я, — она испугалась, в глазах появились слёзы.

— Если тебя держит то, что в том мире ты, — и вот наличие этого самого супруга где-то там выжигало нещадно, как клеймо, — чья-то...

— Нет, нет, дело не в этом, — замотала она головой, понимая о чём он. — Я боюсь, что это принесёт тебе вред.

Ведьма потупила взгляд и сцепила виновато пальцы. Такая девочка сейчас, что ему стало не по себе от того, что обманывает её.

— Не думай об этом, — Рэтар взял её руку, пальцы уже стали прохладными, потому что возбуждение проходило, он повязал ей нить вокруг запястья левой руки. — Теперь ты. Если согласна, — протянул нить.

А внутри была тревога, что не возьмёт, и смятение, потому что он ей лжёт, и страх, что не получится ничего. Но Хэла взяла нить и феран протянул ей правую руку.

— Почему у меня на левую, а у тебя на правую? — спросила она тихо.

— Потому что нить привязывает сердце женщины и разум мужчины, — ответил Рэтар.

— Мне не нужен твой разум, оставь его себе. Так не честно, — надулась Хэла.

— Тогда вот тебе сердце, — улыбнулся феран и протянул ей левую руку. Вот теперь он уже точно не знает получится или нет.

Ведьма кивнула и завязала другой конец нити на его левое запястье.

— Всё я делаю не так как положено, — виновато улыбнулась Хэла. — Прости.

— Нет, — нить тянулась между их руками и Рэтар был безумен сейчас, потому что, боги, помогите ему, хотя он не имеет на эту помощь никакого права.

Рэтар взял её за талию и подтянул ближе к себе, она обняла его одной рукой, те, что были связаны, они переплели между собой пальцами.

— Я знаю, что я недостоин, Хэла. Но я не могу без тебя. Не могу, — она выдохнула ему в губы стон, когда они стали едины.

— Кажется это заразно, — прошептала она, пропадая в близости. Пальцы снова стали

тёплыми, глаза полны дымки, голос стал совсем хриплым.

Рэтар задвигался быстрее и было всё равно получится или нет, не имело никакого значения, потому что она всё равно его и все эти магические обряды, вся эта...

Хэла вздрогнула, потом ещё и ещё, всхлипнула и задрожала, он ощутил это невероятное биение между ними и тут руки рвануло болью пополам с похожим на наслаждение, что было сейчас между ними. Ведьма вздохнула, застонала, дёрнулась.

Рэтар смотрел в её полные смеси удивления и обиды глаза.

— Это... это... — она захлебывалась от непроходящего блага Анаг, дрожала, взмокшая, при этом пытаюсь снова начать нормально дышать, и переводила взгляд с него на нить и обратно.

— Прости, — выдавил Рэтар, стараясь держать её, чтобы не потерять.

— Почему? — спросила ведьма глухо. — Что случилось?

— Это истинная обвязь, — ответил он. — Когда двое любят друг друга и обвязываются небесной нитью, то если их любовь истинная, небесная нить уходит в тело и становится их частью. Теперь ты моя супруга перед богами.

Хэла хмурилась, хотела что-то сказать, смотрела, моргая, на ставшую с ней единой небесную нить, и пыталась понять, как та её часть, что их связывала, исчезла. А может ей, как ведьме дано было видеть её, ту часть, что для Рэтара пропала.

— Это моя вторая просьба, Хэла, — тихо проговорил он, молясь, что не потерял её. — Нить связывает нас на расстоянии, любом расстоянии. Благодаря ей, ты всегда сможешь найти меня, а я смогу найти тебя. Если нить одного бледнеет — это хворь, беда. Если потеряет цвет совсем — смерть. Я хочу, чтобы ты знала об этом. И...

Феран запнулся, вздохнул, не мог посмотреть ей в глаза.

— Ты можешь снять нить. Ведьмы и маги могут это. Просто прикоснись и вытащи, — сказал и пожалел, но недоговаривать дальше было уже нельзя. — Если снимешь свою не будешь знать обо мне, а я не смогу тебя найти.

— А твоя нить? — спросила Хэла.

— Моя будет со мной, пока жив, потому что это часть тебя, — с болью ответил он, — и это твоя любовь ко мне. Это и так слишком много для такого, как я.

Ведьма повела пальцем по рисунку нити на своей руке — четыре линии, переплетающиеся, красивые, двух цветов. Рэтару стало жутко, что сейчас вытащит и будет права — нельзя было не рассказать всего до конца.

Ему просто необходимо было поговорить с ней до того, что сделал, но веры в то, что она согласится просто так, не было совсем. Она бы не пошла на магический обряд, она простую нить не позволила бы на себе завязать, чего говорить о небесной?

Рэтар так хотел бы сделать всё правильно, но всё, что случилось, слова мага, тяжёлые мысли предостережений и опасности — разъедали мужчину изнутри. Он просто представить себе не мог, что потеряет эту женщину — всю свою жизнь в одном только её взгляде.

— Ты мне соврал, — сказала тихо ведьма.

— Прости, Хэла... — прошептал он с болью.

Её пальцы провели линию по его щеке и легли на шею. Рэтар решил встретиться с ней взглядом.

— Фиговое начало семейной жизни, знаешь ли, — прошептала ведьма и он кивнул, а Хэла снова сцепила пальцы с его пальцами. — Не делай так больше, пожалуйста.

— Не буду, — мотнул головой Рэтар и решился поцеловать её, надеясь, что она не остановит. Не остановила.

Феран чувствовал, что сделал плохо, но его не отпускала тревога острая, как никогда — тревога от предстоящей потери. Эти неуловимые изменения в Хэле, ещё до того, как Рэтар сейчас усугубил ситуацию. Но теперь только верить, что она его действительно простит. И верить, что всё, что случится завтра и дальше, они переживут.

Было невыносимо холодно. Словно внутри всё заledenело и невозможно было пошевелиться. Даже глаза открыть не получалось.

Хотя снаружи было невероятно тепло, уютно и хорошо. И её очень хотелось туда, но не выходило и было отчаянно обидно. Хотелось плакать.

Она постоянно плачет. Порой казалось, что уже и слёз нет, казалось, что вот собралась и стала сильнее, а потом происходило что-то такое, как наказание Хэлы, и хотелось выть от отчаяния, плакать, рыдать, заливаться слезами, утопая в них, потому что не было ни на что другое силы.

Милена так считала.

До того момента, как у неё получилось Хэлу полечить.

Вся эта случившаяся с ними круговерть была такой странной, жуткой и одновременно неестественной. Безграничное отчаяние, которое нашло на Милену после того, как она поняла, что именно увидела внутри Хэлы, там в лесу и весть о наказании. Белую ведьму так сковало ужасом, что даже вздохнуть было больно.

Серые узнали, что порка палачом великого эла смертельна, и что Хэлу не наказывают, а приговаривают к смерти.

И ночь ожидания была невыносима. Никто не сомкнул глаз. Девочки кто тихо плакал, кто впал в истерику, не веря в происходящее. Хэлу любили все. Они относились к ней как к старшей сестре, кто помладше и вовсе видели в ней кого-то сродни приёмной матери.

Сама Милена не понимала, кто для неё Хэла, но определённо любила женщину очень сильно.

Рано утром, ещё когда до рассвета было далеко, пришла Эка и заранее принесла девочкам завтрак. Хотя, конечно, ни у одной из них кусок в горло не лез. Экономка всплакнула с ними, но успокоила тем, что пороть чёрную ведьму будет сам достопочтенный феран.

Чем это было лучше Милена никак не могла понять — по ней это было ещё ужаснее.

— Она точно выживет, — кивнула им женщина. — Крепитесь. Завтра великий и двор уедут. Потерпим ещё чуть-чуть.

После этого убежала, а Милена заметила, что Эка оставила в суете свой плащ. И уж сама не поняла откуда нашла в себе сил, но белая решила на отчаянный и, как понимала, весьма безумный шаг.

Серые стали одеваться, потому что им нужно было присутствовать на наказании, в отличии от Милены, которую распорядились оставить в доме одну, дабы видимо не сломать видом экзекуции.

Внутри девушки билось желание действий, она так хотела спасти Хэлу. Ей правда верилось, что можно помочь, сказав, что женщина беременна — разве можно её пороть? И разве у ферана поднимется рука на неё в таком состоянии?

Выскользнув из дома, пока никто не видел, Мила осторожно пошла в сторону площади перед кортами и в сторону к воротам замка. Тяжело вздохнув, она постояла у загона с тоорами, пытаясь прикинуть пустят ли её стражники, которые были сейчас на воротах, хотя обычно там никто не стоял. Или остановят? И решила, что разберётся по ходу дела, в конце концов прикинется дурочкой.

Но не успела сделать и двух шагов, как её выхватили с улицы и затянули внутрь ограждения с харагами, прижали к стене. Она задрала голову и наткнулась на нахмуренное озадаченное лицо с яркими бирюзовыми глазами, которые сейчас смотрели с нескрываемым раздражением.

— Ты что творишь? — прошипел парень прикрывая её собой.

— Брок, — выдохнула Милена и покосилась на заинтересованный взгляд одного из хищников Хэлы. — Я... мне надо...

— Ты ошалела? — зло рыкнул парень. — Одной ведьмы у столба мало? Нужна вторая?

— Прости, — пискнула она, но Брок быстро зажал ей рот.

— Тшш! Знаешь как с башен сейчас всё слышно?

Милена кивнула в знак того, что понимает.

— Мне очень надо в дом, понимаешь? — сказала она едва слышным шёпотом, когда он убрал руку.

— Забудь, — отрезал юноша так же тихо. — Завтра, если наши молитвы услышат, туда попадёшь.

— Брок, пожалуйста, отпусти, — взмолилась девушка. — Я тебя очень прошу. Это важно. Это для Хэлы. Я не знаю, но мне туда надо.

— Зачем? — недоумевал сын ферана.

— Я хочу поговорить с Роаром, — но на самом деле внутри было это понимание, что ничего не изменить, что всё это бестолку, но Милену отчаянно тянуло внутрь, словно невидимой силой, которой она не могла сопротивляться.

Брок с сомнением всмотрелся в её лицо.

— Пожалуйста, Брок, — прошептала Милена, вцепившись в его куртку. — Это очень важно!

Он фыркнул.

— И что ты думала зайти через главный вход?

— Я не знаю, — обречённо ответила белая ведьма.

— Милена, — он наверное взвыл бы, такое было у него выражение лица, но было нельзя и он сдержался.

Девушка замерла. Прижатая его телом к стенке, чувствовала себя странно, но сама не желая того потянула в себя эту его внутреннюю силу, уверенность, осознанность. Стало легче.

— Ладно, — сдался он, спустя кажется несколько бесконечных минут.

— Правда? — она слишком громко возрадовалась, потому что встретила с угрозой его всё-такие потрясающего цвета глаз.

— Так, — Брок посмотрел на сторожевые башни. — На двух сейчас люди эла, на одной наши, и они все нас плохо, но видят. Хорошо, что со стороны это выглядит очень однозначно.

— А? — нахмурилась Милена, когда он приподнял бровь, сказав это и посмотрев на неё.

Потом девушка представила, как они выглядят со стороны. Он прижимает её к стене, поддерживая рукой за талию...

— О, — вырвалось у неё.

Брок ухмыльнулся.

— Я в восторге. Это всё? Вот такие звуки можно и громче, — нагнувшись, прошептал

юноша в ухо ведьме.

И Милена покраснела, как это обычно с ней бывало, и хорошо, что сумерки, да и капюшон плаща можно натянуть хоть на подбородок, а то, божечки...

— Пошли, — сказал ей Брок. — Они подумают, что я домашнюю зажал. Только старайся идти так, чтобы из-под плаща не было видно твоего платья серого. Потому что на башнях они видят не так много, как те, что стоят на дверях.

— Ага, — согласно кивнула ведьма, пытаясь понять, что вообще он сейчас сказал. Так... он её зажал?

Брок фыркнул, конечно же видя её замешательство.

— Иди сюда, — и Милена была подхвачена за талию и прижата к юноше вплотную. Они стояли прямо посреди площади.

Он нагнулся к ней, и, скорее всего, видевшие их в предрассветной серости, подумали, что это просто парень и девушка обнимаются и целуются. Но на деле Брок осмотрелся.

— Через главный вход идти опасно, поэтому пойдём по стенке и через боковой, через задние башни, — пояснил юноша.

Милена снова кивнула, хотя понятия не имела о каких боковых и задних башнях он говорит.

Брок взял её за талию и потянул за собой, обратно в сторону дома, где были серые. Они двигались вдоль замковой стены, в сторону дальних башен замка, что были, как понимала Милена, там, в стороне, где была вся эта красивая гостевая часть дома.

— А там есть проход? — девушка видела лишь стену.

— Есть, — кивнул юноша, потом внезапно приподнял её, развернул и она снова оказалась прижатой его телом на этот раз стене замка.

Рука Брока поддела её под задницу и Милена даже не успела понять, как оказалась сидящей на его руке. Ноги пришлось расставить и от этого стало совсем не по себе.

— Кажется ты стала ещё легче, — хмыкнул сын ферана замечание, посмотрев на неё сверху вниз, что бы это ни значило. Ему вообще судя по всему было наплевать на происходящее. — Короче, делаем так. Ты домашняя, я тебя обжимал там в кормовой, ты не попала в дом вовремя, теперь надо попасть незаметно, ясно?

— Ага, — ответила белая ведьма, а на деле чувствовала себя полной идиоткой.

— Милена? Эй, ты где вообще? — этот его наклон головы удивлённого хищника.

— Я тут, — выдохнула девушка.

— Уверена?

— Да. Как мне себя вести?

— Молчать и не поднимать головы, стараться, чтобы не видели платья, — ответил Брок. — Капюшон посильнее натянуть. Я зайду с тобой, но тебе надо будет подняться по той лестнице в коридоре наверх сразу.

— Стой, а где мы зайдём? — спросила она.

— Мы зайдём со стороны комнат командиров, митара, бронара. Ты же была там, — парень был в недоумении. А Мила кажется начала страдать топографическим кретинизмом.

— А, — понимающе отозвалась она. — Правда? А мне не надо в большую залу и там подняться? Не безопаснее? Если я поднимусь с этой лестницы, то там же весь этот двор и...

— Хочешь спрятать — прячь на видном месте, — прервал её невнятные доводы Брок. — На девицу в плаще домашних вообще никто не обратит внимания. Поверь мне. Не говори ни с кем. Роар скорее всего будет в галерее.

Милена понимающе кивнула.

“Как китайский болванчик, господи!” — всплыла у неё беспомощная и беспощадная одновременно мысль.

— Если не получится с ним поговорить, или он не сможет тебя вывести, то возвращайся обратно тем же путём, — проговорил сын ферана. — Только перед этим зайди в первую попавшуюся комнату, они все будут пустые, возьми под кроватью ночной горшок и на выход. Ясно?

— Ночной горшок? — она не удержалась и хихикнула.

— Никто не будет лезть к девице с ночным горшком в руках, — пояснил Брок, улыбаясь. — Выходи сюда и, если меня не найдёшь, дуй в дом, где серые. Хорошо?

— Да.

— Только меня не ищи специально.

— Я поняла, — ответила Милена. — Я никогда не додумалась бы про горшок.

— Я этому научен, глупая, — пожал плечами Брок. — Как выбраться из тысячи и ещё сотни передраг.

Девушка хихикнула.

— Так. Всё. Давай пошли. Лицо в землю, — приказал парень, отпуская её. — И выгляди счастливой, что ли — погладь моё самолюбие, а?

— Если я в землю смотрю — кто моё счастливое лицо увидит? — возразила она улыбаясь.

— Я буду знать, что оно счастливое, — заметил Брок.

Милена фыркнула, но тут же сжалась, потому что их остановил жёсткий возглас стражника.

Дверь в башню была практически незаметной, она бы никогда не нашла, если бы не вот вплотную не уткнулась в неё носом.

— Кто? — гаркнул стражник и Милена поборола желание посмотреть на него, вцепилась в рукав Брока.

— Тихо, — сын ферана выпрямился и включил командный голос. Милена и не знала, что он так может. — Брок Онар, фор ферана, один из старших командиров его отряда.

— А, уважаемый командир Онар, — отозвался стражник тише. — А с вами?

— Не твоего ума дело, — ответил юноша грубо. — Надо в дом.

Стражник хотел что-то ответить, но потом запнулся и Милену, которая пока ещё не очень хорошо научилась отгораживаться от эмоций других людей, особенно когда волновалась, ударило его страхом. Неужели Брок умеет быть настолько угрожающим? Но размышлять не пришлось, даже поднять голову, чтобы увидеть какое там у сына ферана сейчас лицо, не пришлось. Они попали в дом и Брок почти донёс её до лестницы.

— Быстро, — шепнул он ей и не успела Милена толком подняться, как услышала, что Брока окликнул кто-то. — Шерга?

— Сидишь нянькой у хараг? — гоготнул мужчина. — Хороший мальчик.

— Не передёргивай, — рыкнул Брок, но слушать дальше Милена не стала. Поднялась и, действительно никем не замеченная, прошла до главной лестницы.

Всё, что случилось потом ей хотелось бы забыть как страшный сон.

Роар — жуткий, взвинченный, грубый. Милена видела его таким лишь тогда, когда Хэла его вылечила, а девушка приревновала и наговорила всех тех страшных вещей. И сейчас его жёсткий тон, его внутренняя ярость и страх.

И когда белая ведьма на ватных ногах добралась до Эки, хотелось лишь реветь белугой, потому что всё, что она только что сделала, всё это было бесполезно.

Хэлу будут пороть. Хэлу будет пороть сам феран.

Милена была так расстроена, что никакие объяснения, причины веские или очень, не могли бы сейчас унять её, эта обида жгучая, тяжёлая — бедная Хэла, как же это так?

Белая ведьма смотрела через прикрытое ставнями окно, как Хэла шла к площадке, ведомая Элгором. Бронар был такой страшный, что затрясло. И... Феран. Роар. За ним командиры.

Это было каким-то невыносимым аттракционом, как в фильмах, когда сцены становятся дёргаными, сюрреалистичными. Но это был не фильм. Сейчас всё по-настоящему и так хотелось перестать находиться здесь, что она даже испугалась этой мысли, настолько она показалась ей материальной. Но тут же появилась какая-то детская надежда, что это можно прекратить. Хотя тут же потухла, как спичка на ветру — остановить это было невозможно.

Внутри Хэлы уже не было того огонька, который Милена видела в лесу. Стало горько, почти ощутимо на языке — чёрная ведьма потеряла ребёнка. А феран даже не знает о том, что этот ребёнок вообще был.

И вот Хэле так плохо, а тут... и девушка стала злой на ферана за это. На всех злой, потому что несправедливо! Несправедливо поступать так с людьми! Но какие они люди?

Жгучее понимание, что они всего лишь вещи, рабы, у них нет прав и никогда не будет. Милена сползла под проём в окне и закусив руку зарыдала. А когда услышала кнут, то стало совсем не по себе и она отползла от окна как можно дальше, заткнула уши руками и зажмурилась.

Милена не знала сколько там сидела, но вдруг почувствовала суету вокруг себя, открыла глаза и увидела Элгора, держащего на руках Хэлу. Бронар стоял и ждал, пока Эка суетилась возле одной из кроватей, стоявших в этой комнате.

— Вот сюда, милый, — сказала она ласково, обращаясь к Элгору и тот осторожно встав на колени, переложил Хэлу на живот.

— Уверены? — спросил парень и перевёл взгляд на Милену.

— Не думай об этом, мальчик, — отозвалась экономка и ласково погладила бронара по предплечью. — Главное, что Мирган и Гир отвлекли Шерга, а то побежал бы нашёптывать. А так, все понимают, что к чему.

Элгор согласно кивнул:

— А белая?

— Я её провожу, как все за стол сядут. Что б этот дарлан у них не переварился, рваши! — проворчала женщина. — Иди, хороший мой, иди.

И бронар вышел.

Милена сидела и не понимала, что больше её сейчас смутило — Элгор и то, как он обращался с Хэлой, или то, как с бронаром обращалась Эка.

Их взаимодействие девушка видела впервые и не было понятно — норма такое общение или это ситуация сейчас располагает. Но экономка общалась с бронаром словно с любимым сыном, а не господином. Очень похоже общалась с Роаром Мита. Но то кормилица, да и митар уважительно относился почти ко всем окружающим, а вот Элгор совсем наоборот.

— Я его, как родился, на себе таскаю, — словно прочитав мысли белой ведьмы, сказала Эка. — Так его люблю. Маленький был такой хмурый, недоверчивый — только мне и Роару улыбался.

С секунду экономка смотрела на дверь, потом обернулась на Хэлу и лицо стало озабоченным и нахмуренным.

— Побудь с ней, а я пойду воду принесу, — горестно прошептала женщина. — Хорошо хоть сознание потеряла, а то все удары была в себе. Ох...

И она быстро вышла, прикрыв за собой дверь.

Милена не без труда добралась до Хэлы. Было так жаль её. Хотелось обнять, хотелось чтобы всё прошло, чтобы не болело. Белая ведьма погладила женщину по голове и положила свою голову рядом. Закрыла глаза и внутри взметнулось это невообразимое тепло, которое было в ней, когда она тогда на кострах в честь Изар слушала песню Хэлы и её тянуло-тянуло куда-то. Милене словно слышался голос чёрной ведьмы, который снова пел что-то, но было ни слова не разобрать, только мотив, да и тот девушка не знала.

Белая ведьма и надеяться не могла, что получится что-то сделать, чем-то помочь. Но когда открыла глаза было уже темно, а раны на спине Хэлы затянулись и стали такими, словно прошло некоторое время.

Милена испугалась, вскочила и вылетела из комнаты. Но за дверью наткнулась на озадаченные взгляды Эки и её детей. Их действительно было много — на руках у экономки мирно спал младенец. Мужа хозяйки не было.

— Сколько прошло часов? — выпалила вопрос ведьма, уже даже не думая о том, что будет странно выглядеть. Куда уже страннее?

— Часов? — переспросила Эка.

— Сколько я тут, — пояснила девушка, — времени.

— Так день всего, только вот Тэраф зашла, — ответила экономка.

Она встала и передала ребёнка старшему мальчику.

— Я не стала тебя трогать. Мне надо было тебя отвести, но ты Хэлу лечила, да и безопаснее было тебя здесь оставить, — Эка положила руки на плечи Милены. — Можешь спать лечь на кровать Ганра.

Они зашли обратно и хозяйка показала на одну из бывших здесь двухъярусных кроватей, стоящую у стены.

— Я лечила Хэлу? — девушка схватила руку Эки. — Это... это я сделала?

И Мила указала рукой в сторону спины чёрной ведьмы.

— Да, — улыбнулась женщина и погладила щёку белой ведьмы.

На глаза девушки навернулись слёзы.

В ту ночь она так и не уснула, сидела рядом с Хэлой и всё пыталась сделать так, чтобы шрамы совсем исчезли, но у неё так и не получилось. Она задремала ближе к рассвету, а потом чёрная ведьма пришла в себя...

Маг, тени, смерть Шерга, бешенство ферана...

И Милену сковал невыносимый внутренний холод.

Когда наконец получилось открыть глаза, сражаясь с этим льдом внутри, она не сразу поняла, где находится. Дёрнулась, а тело моментально начал бить озноб.

— Тихо, тихо, — прошептал родной и любимый ею голос и Мила почувствовала на своей коже почти обжигающее сейчас тепло рук. — Замёрзла? Вроде не холодная.

— Роар? — прошептала она, но голоса не было.

— Тшщ, маленькая, тихо. Это я, светок, я, — и он обнял её и взял на руки.

— Мне холодно, словно заморозили, — едва слышно проговорила девушка, словно простыла и потеряла голос.

— Это магия, — пояснил митар и поцеловал её в лоб. — Ты тёплая на самом деле, холод изнутри идёт. Такое бывает порой, я видел как некоторых магов трясёт, когда они переходят через положенные границы и тратят силу без остатка.

— Я же не маг, — возразила она.

— Ты не маг, — улыбнулся Роар, — но магия в тебе есть. И ты наша героиня.

— Что? — выдохнула непонимающе Милена.

— Ты помогла Хэле, — ответил митар.

— Мне показалось, что я ничего такого и не сделала, — ответила она, это смущало, потому что ощущения, что помогла не было ни на йоту.

— И тем не менее, — тихо рассмеялся Роар. — А ещё, слышишь?

— Что? — Милена нахмурилась и прислушалась.

Сначала она никак не могла понять, что именно она должна услышать. Но потом...

— Птицы поют, — отозвался митар, словно подтверждая её догадку.

— Это?

— Халовки, они первыми прилетают, они вестники тепла.

— Весны? — прохрипела ведьма. — В смысле тепло... это зима, ну то есть холода уйдут?

Роар подтверждающие промычал.

— Но я не при чём, — возразила Мила.

— Откуда ты знаешь? — рассмеялся митар и поцеловал её.

Через пару дней Милена сидела за столом в гостевой зале, так она её в конечном итоге для себя назвала, и вязала вторую пару носок.

Это был первый раз, когда девушка за эти дни, после того, как после лечения Хэлы грохнулась тут в обморок, выбралась из комнаты Роара.

Хотелось во двор, но там был столб, а на нём всё ещё было тело мёртвого Шерга. Никто так и не посмел снять его, а феран, насколько поняла Милена, до сих пор не спускался, как и чёрная ведьма.

Ещё Милена знала, что вернулся Тёрк, а Элгор находился почти всё это время в Кэроме.

— О, Милена? — Брок пришёл со стороны рабочей части дома, с ним ведьма ещё не пересекалась. — Как ты?

— Привет, — сказала она еле-еле слышно и заметила некоторую озадаченность на лице юноши. Понять по какому поводу такая реакция — из-за голоса или слова, Милене было сложно. Она решила пояснить слово. — Это приветствие.

— Да я понял, — ответил юноша. — Иногда забываю, когда долго не общаюсь с Хэлой, а потом не могу привыкнуть.

— Это наверное я не могу отвыкнуть, — улыбнулась она.

— Не надо, — повёл головой юноша. — Что у тебя с голосом?

— Не знаю, — просипела Милена. — Как очнулась, он стал вот такой. Словно я простудилась. Не знаю пройдёт ли.

— Пройдёт, — улыбнулся Брок. — Ты много сил потратила, так что последствий не избежать.

— Не знаю, я словно... — на самом деле девушка была в отчаянии, но поделиться этим с Роаром не могла. Хотелось сказать хоть кому-то, думала о Хэле, но её не было.

— Что такое? — сын ферана обошёл стол и опершись на спинку одного из придвинутых

к столу стульев, встал возле ведьмы.

Милена склонила голову вперёд, ещё когда Брок зашёл, она отложила вязание и теперь сцепила пальцы, нервно перебирая ими.

— Эй, — Брок отодвинул стул и сел так, чтобы видеть лицо девушки. Тон у него был такой мягкий. — Что?

— Я просто, — Мила встретилась с ним взглядом, как всегда поражаясь цвету его глаз. — Все считают, что я что-то сделала, но я ничего не сделала. Точнее я не знаю, что и как. Я словно... все смотрят на меня с восторгом, а мне от этого тяжело. Словно я всем вру. И мне так хочется сказать, что они ошибаются.

На глаза навернулись слёзы и это тоже так достало...

— Прости, я снова реву, — ведьма потёрла глаза.

— Ничего, — отмахнулся Брок. — И, знаешь, не относись к этому так.

Милена нахмурилась.

— Все может и в восторге, но просто, — он хмыкнул, подбирая слова, — они ещё очень рады. Эта радость тебя задевает, потому что она конечно обращена на тебя, потому что ты чудо.

— Я не чудо, я, — попыталась возразить белая ведьма.

— Просто человек, просто девушка, — закивал Брок, — которая устала плакать по поводу и без. Я понял.

Милена улыбнулась, сквозь слёзы.

— Мы ждали, что халовки прилетят три тира, Милена, три, — мягко проговорил юноша. — Это очень долго и надежды, что мы их услышим и увидим почти не осталось. Думали, что нужно учиться теперь всегда жить в тех условиях, в которых оказались. И сейчас — они здесь. И не важно, на самом деле, произошло это благодаря тебе или без твоего участия. Ты не врешь нам, ты просто пока не разобралась до конца в том, что умеешь. Но Хэлу лечила ты. Этого ты не сможешь отрицать. А значит — немного терпения и всё получится.

— Мы с тобой ровесники, наверное, но ты слишком мудрый, знаешь? — ответила ведьма, улыбаясь.

— Это полагаю от отца? Хорошо, да? — ухмыльнулся он. — Не только цвет глаз получил.

— Отпределённо, — согласилась она и они оба рассмеялись. — Слушай, а где птица твоя? Или ваша с Хэлой?

Брок ухмыльнулся.

— Она уже слишком большая, чтобы таскать её за пазухой. Она на башне, — и он указал пальцем в потолок. — Как раз шёл, чтобы взять её и выгулять. А то пока великий и его двор были здесь, пришлось ей сидеть там безвылазно.

— Я бы тоже хотела погулять. Но туда, — Мила кивнула головой в сторону, как она теперь уже точно знала бокового выхода в сторону дома, где были серые, — меня не пускают, а во дворе...

— Да, — согласно повёл головой юноша, скривив лицо.

— А он долго ещё там будет? — спросила белая ведьма.

— Пока почтенный феран не распорядится убрать, — пожал плечами Брок.

— Кстати, — нахмурилась девушка, — я не сказала Роару, кто мне помог попасть в дом, просто не хочу тебя подставлять. Или он знает?

— Пока не получал от него, — улыбнулся сын ферана.

— Прости, — виновато потупила взор Мила, — подставила тебя.

— Не переживай, — фыркнул он. — И я не боюсь Роара.

— Правда?

— Да. Вот ферана...

— Достопочтенный феран ничего бы тебе не сделал, — смутилась она.

— Сделал бы, уж поверь, — ухмыльнулся Брок.

— Он тебя любит, — заметила Милена.

— Правда? — он посмотрел на неё в недоверием.

— Да.

— Здорово.

И лицо его расцвело улыбкой с этими его очаровательными ямочками. Он стал совсем ребёнком. Потом кивнул, встал и сказав, что сейчас вернётся, ушёл на башню забрать птицу.

Милена посидела в тишине, прислушиваясь к звукам дома, закрыла глаза и вздохнула.

— Чего вздыхаешь, Милка моя, — поинтересовалась взявшаяся словно ниоткуда Хэла.

Девушка открыла глаза и уставилась на чёрную ведьму стоявшую напротив, с другой стороны стола.

— Ты откуда взялась? — удивилась Милена.

— И тебе доброго утрачка, — ответила на это Хэла, а белая ведьма устыдилась.

— Прости. Просто тебя не было и вдруг...

— Летать пока не умею, впрочем надо бы взять метёлку и ух... вдруг и это могу? — повела бровью Хэла, а девушка прыснула со смеху. — По лестнице спустилась.

Мила уставилась на большую лестницу. Не могла она так надолго закрыть глаза и так глубоко задуматься, чтобы не услышать, как с лестницы кто-то спускается.

— Не по этой, — возразила женщина, проследив взгляд девушки и видимо ход её мыслей. — По той.

И Хэла показала головой в сторону рабочей части дома, но Милена в той стороне очень плохо разбиралась и так и не поняла, где есть ещё одна лестница. Как она думала — лестница из покоев достопочтенного ферана.

— А, — догадалась она и почувствовала себя дурочкой, но это было не важно, потому что была безумно рада видеть Хэлу.

— А с голосом что? — спросила чёрная ведьма.

— Не знаю. Я пришла в себя и вот он такой теперь, — ответила девушка. — Мне очень холодно было.

— Хм, простыла? — женщина внимательно в неё всмотрелась. — Не, всё хорошо с твоим горлом. Это наверное весеннее.

— Перестань, — отмахиваясь от сарказма чёрной ведьмы буркнула Мила. — Я даже не знаю, я ли это сделала, или может весна сама пришла.

Хэла улыбнулась кривоватой улыбкой.

— Да просто мёрзла, мёрзла и решила, что надоело. Говорю же — надо было меня раньше высечь.

— Хэла, перестань, — Милена расстроилась. — Это же так ужасно... И... ты его простила?

Женщина очень пристально на неё посмотрела. В глазах девушка видела бездонную бесконечную печаль. Не понятно было, что стало причиной — вопрос или само прощение, а

может поступок ферана.

— А не должна была? — тихо проговорила Хэла.

— Не знаю. Я не могу ничего сказать. Я просто... это было очень несправедливо. Даже если он... если он делал это, — Миле было физически тяжело говорить. Не только из-за отсутствия голоса, но и потому что обида за женщину, за то, как с ней обошлись, душили, причиняли боль.

— Спасая мне жизнь, — сказала спокойно Хэла.

— Всё равно, — всхлипнула девушка. — Это было неправильно.

— Справедливости нет, — ответила чёрная ведьма, вздыхая. — Ни в нашем мире, ни здесь. Справедливость это миф, сказка для маленьких детей, солнышко.

Милела хотела возразить, но тут спустился Брок. Увидев его, Хэла расцвела и сильно обрадовалась, увидев птицу.

— Брок, здравствуй, котик, — поприветствовала его чёрная ведьма. — Кто это тут такой славный. Афина?

— Какая большая, — воскликнула девушка, когда сын ферана подошёл к столу. — Просто не верится.

Мила не очень разбиралась в птицах — отличить сокола от ястреба она навряд ли бы смогла. А уж что говорить о здешних пернатых?

Гвирга сидела у Брока на руке в перчатке. И девушке напоминала орла, наверное. У неё были очень внушительные лапы с огромными когтями. Оперение было пёстрым — серые с, боже, фиолетовыми перьями сверху и почти голубыми на груди. Клюв был закруглённым, на голове был небольшой хохолок. Птица посмотрела на Милену невообразимо красивыми чёрными глазами с белым зрачком.

— Это она ещё маленькая, — улыбнулся юноша. — В течении тира станет в полтора раза больше.

— У неё чёрные глаза и белый зрачок, — удивилась белая ведьма. — Как странно.

— Правда? У всех дневных птиц такие глаза, — ответил Брок. — Правда у халовок вон глаза цветные. Белые бывают, серкие, шеркие.

— А? — Милена нахмурилась. Она никогда кажется не выучит названия здешних цветов.

— Серкий — жёлтый, а шеркий — фиолетовый, — пояснила Хэла, улыбаясь и показывая на перья птицы характерного цвета.

— Ну да, как трава, — согласился юноша.

— Никогда в этом не разберусь, — мотнула головой Милена и заметила, что в комнату зашёл феран.

— Что с голосом? — спросил он у белой ведьмы.

— Не знаю, — прошептала девушка, потому что при нём она всегда смущалась до дрожи в ногах. Хорошо, что сейчас сидит.

Феран слегка повёл головой и бровью, перевёл взгляд на Хэлу.

— Она не болеет. Ну, в смысле с горлом всё хорошо, — хмыкнула чёрная ведьма и тоже повела бровью. — Магическая побочка?

— Скажу Зеуру, чтобы посмотрел, — ответил ей мужчина, потом кивнул на птицу. — Дай-ка.

И феран сделал жест рукой, подошёл к столу, встав напротив всех троих — Хэлы, Брока и Милены. Юноша протянул отцу гвиргу, тот подставил руку, кажется вообще не переживая

об огромных когтях птицы.

— Помнишь? Ключнешь, — проговорил очень серьёзно феран, обращаясь к птице, — и я сверну тебе шею.

И несколько секунд он стоял и пристально на неё смотрел, потом слегка кивнул, словно птица ему что-то ответила, а он с этим согласился. А дальше аккуратно осмотрел оперение, проведя пальцем против роста перьев. Подхватив крыло за край потянул в сторону и осмотрел крыло внутри — сначала одно, потом второе. Дальше лапы.

Осматривал очень внимательно и со знанием своего дела. Потом одобрительно хмыкнул и, погладив птице шею, отдал Броку.

— Пора учить летать, — сказал сыну феран.

— Скидывать с башни? — спросила Хэла иронично.

— Нет, — и мужчина одарил её таким невообразимым взглядом, что у Милены защемило сердце. Столько в глазах было нежности и мягкости, что белая ведьма смущённо отвела взгляд.

— Я думал про ленту, — сказал Брок.

— Лучше кожаный ремешок, чтобы не сорвалась и не улетела, — ответил ему отец. — Ей к своим пока никак нельзя. Закажи у мастера. С твой рост или в полтора раза больше. И Брок, если пока она живёт в башне — ей нужно туда камней с реки натаскать. Гвирги о них точат клюв и когти, и складывать их любят. Дерево слишком мягкое для них. А стены из другой породы — не подходят. Не хотелось бы, чтобы она расковыряла стену.

— Хорошо, — отозвался юноша и кивнул.

— И добавь в мясо вярый порошок, или рыбу, — заметил феран, а Брок снова кивнул.

— Почему мне кажется, что ты, достопочтенный феран, знаешь о птицах больше, чем делаешь вид? — промурлыкала Хэла.

Мужчина повёл головой и улыбнулся. Вполне возможно даже ответил бы что-то, но тут в дом влетел Тёрк. Он видимо собирался подниматься наверх к ферану, потому что увидев его внизу, резко остановился и повёл головой. Старший мужчина был зол, взвинчен.

— Что? — спросил феран, напрягаясь.

— Дэшая пришла, — ответил Тёрк и Милена кожей почувствовала его неприязнь.

— Мы её ждали, — заметил глава дома.

— Мать Шерга? — спросила Хэла, словно не у них. Глаза её, обращённые туда, в сторону улицы, были пусты.

Милена видела, что чёрная ведьма или творит заговор или смотрит сквозь стену.

— Да, — ответил Тёрк, потом посмотрел на ферана и зло ухмыльнулся. — Голову остригла, надела белые одежды, волосы в ятсае на шее.

— Как интересно, — отозвалась Хэла и на лице расцвела весьма устрашающая, хищная улыбка.

Феран вздохнул и вышел вслед за Тёрком на улицу. За ними вышла Хэла.

Милена видела, что Брок тоже хотел пойти, но остался.

— Ты не пойдёшь? Не надо? — уточнила Милена.

— Ничего нового, — недовольно ответил парень, — да и смотреть на неё никакого желания нет. С детства не люблю.

— Почему? — поинтересовалась ведьма, но спросив, отругала себя за излишнее любопытство.

— Потому что, если ты считала Шерга ужасным, то это только, потому что не видела

его мамушку. Дэшая всегда пыталась влиять на мою мать, чтобы через меня добраться до ферана. Она вообще, — он запнулся, явно сдерживаясь, чтобы не сказать лишнего или выругаться, — мерзкая. И люди для неё, все, без исключения, как грязь под ногами. Равных ей нет. Есть только те, кто заслуживают её драгоценного внимания. Но только когда ей что-то нужно.

— А почему Тёрк сказал, что она голову остригла? И?

— Есть такой обряд. Когда умирает главный мужчина дома, то его мать, сестра, супруга — одна самая старшая женщина дома, состригает волосы, сплетает из них верёвку такую, она называется ятсай, и надевает на шею. Так же надевает белые одежды. И скорбит. Она должна одна, — он задумался, — горевать, ну чтобы видели. Понимаешь?

— А другие женщины? — спросила Мила. — Им нельзя?

— Они могут горевать только внутри дома, — пояснил Брок. — А она может плакать при людях, а ещё говорить, каким этот мужчина был хорошим, но чаще всего это молчаливое действие. Женщина ходит так то количество дней сколько было мужчине тиров на момент смерти, а потом сжигает одежды и ятсай, а пепел высыпает под порог дома. И сейчас, если Дэшая сделала это, то, — он криво и зло ухмыльнулся, — это прямое оскорбление ферана.

— Потому что главный мужчина дома он? — с трудом проговорила белая ведьма свою догадку.

— Да. А ещё она не имеет право на этот обряд, потому что его делают свободные женщины, а она наложница. И если это можно было ей простить, как матери в горе, но вот такого явного оскорбления старшего мужчины дома... это, — он вздохнул. — Но от Дэшаи другого и не ждали, я думаю.

— Там случится что-то плохое, — прохрипела Милена. — Надо пойти.

— Тебе точно не надо, — возразил сын ферана.

— Если буду с тобой — всё будет хорошо, — ответила она.

— Уверена? Вот за это мне точно от Роара влетит, — улыбнулся Брок.

Милена покраснела и стушевалась:

— Прости, я не подумала.

— Ладно, давай, мне самому интересно, как её Хэла приложит. Так — я выхожу, а ты после меня. Только старайся на Шерга не смотреть, договорились?

— Буду в твою спину смотреть, — пообещала белая ведьма.

Ей не хотелось идти и смотреть на труп посреди двора, но казалось, что нужно, очень нужно быть там, потому что иначе было никак. А объяснить эту тягу Мила не могла. Но похоже было как тогда, когда попала в Зарну и её звали тени. Или когда тянуло в дом перед наказанием Хэлы...

А может девушке тоже хотелось посмотреть на то, что там происходит — этот такой понятный человеческий интерес... любопытство...

Брок вышел во двор, а Милена выскользнула чуть после него, досчитав до десяти.

Тело Шерга было к ним спиной и белая ведьма весьма этому порадовалась. Возле него стояла женщина в белом. Вдоль стен замка, занимая весь внутренний переход до перил, стояли домашние. Перед телом Шерга и женщиной, не уйдя далеко от дверей и не спускаясь на площадку двора стоял достопочтенный феран, а на шаг перед ним, но чуть сбоку Тёрк, готовый в любой момент прикрыть собой своего брата.

Хэлы Милена не увидела, но пробежав по лицам нашла Роара, и Брок оказался прав, потому что взгляд митара, который заметил белую ведьму, был весьма характерным. Но

мужчина стоял от них далеко и идти сейчас и разбираться с присутствием здесь Милены просто не мог.

Девушка подумала, что ей-то точно влетит, поэтому — чего уж теперь! И перевела глаза на женщину в белом.

Дэшая была действительно жуткой. Белые одежды подчёркивали светлость её внешности. Лицо у неё было красивым, но полным какой-то отталкивающей, пугающей пустоты.

И хотя Шерга и другие его братья, включая ферана, были очень похожи друг на друга, из чего можно было сделать вывод, что все они пошли внешностью в отца. Но, видя мать Шерга, можно было очень отчётливо проследить схожесть сына и матери. Или это просто выражение лица, манера поведения? В любом случае становилось жутковато.

Ещё было видно, что женщина не молода, но сколько именно ей лет было не понятно. По измышлениям Милены — не менее шестидесяти, хотя тут все рожают рано, так что может и меньше, однако на вид ей было и вовсе словно сорок. Глаза у женщины были тёмными, и девушка не могла понять какого они цвета. Может тёмно-карие. Голова была покрыта чем-то вроде капюшона или большого платка, плотно закреплённого вокруг вытянутого сухого лица.

Женщина походила на монашку. И даже белые одежды, были не платьем, а чем-то вроде монашеской рясы, с длинными широкими рукавами, спускающимися почти до колен, по внутренней стороне правда был вырез доходивший до кистей рук. На шее у неё и вправду висело что-то похожее на верёвку, но помня слова Тёрка и Брока и приглядевшись повнимательнее, Милена поняла, что это сплетённые, как верёвка волосы.

Мать Шерга стенала, рыдала, махала руками, сотрясала воздух проклятиями, страданием об убитом сыне, призывом к справедливому суду. Периодически она тыкала пальцем в сторону ферана и Тёрка, стоящих всего в паре десятком шагов перед ней.

— Твоего права на справедливый суд нет, — ответил ей старший мужчина, — твой сын предал ферана и фернат, и умер он, как предатель.

— Мерзкий облезлый сирг, — прошипела она. — Не надоело пресмыкаться облизывая сапоги? У вас нет доказательств того, что мой сын был предателем и я дойду до великого, я потребую сбор советов, я так это не оставлю. В этой земле льётся кровь невинных людей.

Женщина перевела взгляд на тело Шерга.

— Мой сын служил этому дому и вот что он получил? И это, — она подошла к столбу и завывала, заливаясь слезами. — Проклятия богов на этот дом! Мой мальчик!

Все молчали. Милена видела, как женщины хмурятся, видела, как вокруг Дэшай собираются тени. Они витали над её головой и кружились, двигались по кругу, но не спускались ниже второго этажа дома.

Непроизвольно Мила вцепилась в рукав куртки Брока. Юноша был напряжён, как и стоящие вокруг мужчины.

И тут в этой тишине, разрываемой причитанием женщины у столба, кто-то начал аплодировать.

— Bravo, мать твою, — и это конечно была Хэла. Голос её был такой звучный, что казалось она говорит в микрофон. — Bravo! Оскара ей, серьёзно! Кусок золота в руки.

Серые и домашние, которые стояли со стороны жилой части дома, задвигались. Хэла была среди них. Она вышла на площадку. Лицо её было не менее жутким, чем у стенающей матери.

— А лучше сразу в глотку, — проговорила чёрная ведьма. — Мой учитель актёрского мастерства, старый извращенец маразматик, был бы в восторге.

Она подошла к столбу. Положила на него руку, опираясь, словно не замечая, что у столба сидит мертвец:

— Сказал бы “отлично, сучки, можете, когда хотите”, — прокряхтела Хэла, видимо пародируя этого самого учителя. — Это была высшая похвала. Крайне редкая. И очень ценная.

— Не смей говорить со мной ведьма, — прошипела на неё мать Шерга.

— А то что? — зло ухмыльнулась Хэла. — Несварение случится у тебя?

Дэшая выпрямилась. Она была чуть выше, чем изарийская чёрная ведьма. Глаза были полны презрения.

— Не тебе скалиться на моё горе. Я требую суда, — ещё раз сказала она. — Не смей...

— Да все уже поняли чё те надо, — перебивая Дэшаю, пренебрежительно фыркнула Хэла. — Лучше ответь на вопросик — а яд ты зачем притащила? Да ещё такой ядрёный. На случай провала переговоров? Типа ритуальное самоубийство в лучших традициях индийского кино? Потому что верещишь ты прям очень складно. Танцев с бубнами не хватает только.

Мать Шерга вида не подала, но Милена увидела, как в женщине полыхнули эмоции. Она была в ужасе.

— А ядрёный, чтобы заодно с собой ещё пару десятков человек утащить? — язвительно спросила чёрная ведьма.

С рабочей стороны, где стояли Роар, Мирган, Гир, Мита и Эка, а так же домашние дети, в основном дети экономки, мужчины сделали пару жестов руками и малыши быстро ушли в дом.

— Или это лучший яд для любимейшего ферана? — спросила Хэла и посмотрела в их сторону. — Хотя согласна с тобой — здоровычка у этого мужика на десяток, такого просто так не прибьёшь. Его только чем-то вот таким массовым травить.

— Ты, — прошипела мать Шерга, а Тёрк немного переместился, чтобы в случае чего принять удар на себя.

— И чё? — снова фыркнула чёрная ведьма. — Давай-ка ты, дорогуша, сделаешь вид, что всё у тебя хорошо, переговоры прошли успешно, поклонись, развернёшься и свалишь отсюда, пока мы тут хорошие все.

— Мне нужно тело моего сына, — проговорила Дэшая надменно.

— Тело предателя сожгут в яме и засыпят останки землёй, — проговорил Тёрк.

— Мой сын, — всхлипнула женщина, скривившись в горестной гримасе, — не предатель!

— Твою ж налево, — прыснула со смеху Хэла. — Ну хватит уже комедию ломать. Любимый сыночек, деточка, убили душеньку, славного мальчика, душегубы, — простенала она кривясь, но потом в одно мгновение стала серьёзной.

Вот теперь Милена видела, что тени потянулись к ней, взвыли, спустились сверху, стали стелиться по площади, словно тёмный туман, доходили до колен стоявших женщин. Чёрная ведьма начала творить заговор, она перестала шутить, в ней взвилась ненависть, злость и ярость. Хэла была в бешенстве.

— Мне вот сейчас искренне жаль его, — голос ведьмы был тихим, но её слова слышали все. — Впервые я понимаю его несчастье. Можно ненавидеть человека за его поступки, но

рождается он таким как все. А вот потом... Как не повезло вывалиться из чрева такой как ты. А? И ладно бы ты сдохла в родах, как многие, так нет, тебя так просто не взять. И бедолага всю жизнь калечил, насиловал и убивал женщин и в каждой из них он видел твоё прекрасное и мерзостное лицо.

И Дэшая втянула в себя воздух, внутри неё был невероятный мрак.

— И до того, как ты пришла, — продолжила Хэла, — все проклятия живых сыпались на его голову и все мольбы были обращены на то, чтобы его душа была уничтожена ещё до того, как достигнет лика бога смерти. А уж кому встретить и растерзать, там за гранью, ой как много есть. Но теперь...

И чёрная ведьма цыкнула и очень зло ухмыльнулась.

— Как жаль, что ты не можешь этого видеть. Мне даже делать ничего не надо. Потому что все тени, все проклятия, сейчас сыплются на твою голову. Ты не любила никогда и никого. А он... ты сама бы его растерзала, если бы это было одним из пунктов на пути к власти.

Лицо матери Шерга перекосило, она потеряла свой контроль, её трясло и тени, отзываясь стали гуще и плотнее, а быть может это они тянули самообладание из Дэшаи.

— Как жаль, что у него не хватило смелости перегрызть тебе глотку, матушка, — Хэла улыбнулась, тени поползли вверх по её юбке.

Дэшая что-то крикнула на странном языке, а потом выкинула руку вперёд, в Хэлу полетело что-то жидкое. Тёрк ругнулся, феран сделал шаг вперёд, Брок напрягся. Да все словно на мгновение пришли в движение, а потом замерли, как будто поставили на паузу плёнку. Только жидкость двигалась, но до Хэлы не долетела.

Милена заморгала удивлённо. Она видела Хэлу сейчас со спины, но отчётливо заметила движение левой руки и жидкость остановилась и тут же попала в какой-то ледяной шар или сама стала льдом.

— Какая глупость, — проговорила чёрная ведьма полным надменности голосом. — В следующий раз приноси яд в порошке.

Мать Шерга стала блее своей рясы. И только глаза были как два чёрных пятна, раскрыты в шоке.

— Хотя постой, — Хэла подняла вверх указательный палец правой руки. — Следующего раза не будет.

И она сделала движение пальцем от себя и обратно, секундное, но этого хватило, чтобы жидкость из всё-таки ледяного шара вылетела изнутри со скоростью, ударила в лицо Дэшаи, словно Хэла плеснула женщине воды в лицо, но потом снова вернулась обратно.

С мгновение ничего не происходило, но потом мать Шерга начала задыхаться. Она упала на колени, схватившись за горло, лицо её пошло пятнами, сначала красными, потом багровыми, лиловыми, кожа вспенилась, пошла пузырями, как и руки.

Чёрная ведьма шагнула к ней, немного подалась вперёд в наклоне, ледяной шар застыл в воздухе над её правой рукой.

— У меня в мире говорят “не рой яму другому — сам в неё попадёшь”, — проговорила Хэла. — И неужели ты думала, что я дам тебе сделать этот десяток шагов? Или, ой, подожди, ты правда считаешь, что моего ферана можно взять ядом?

И она цыкнула, выпрямилась, повела бровью:

— Неприятного упокоения тебе, дорогуша, — потом чёрная ведьма развернулась лицом к ферану и Тёрку, теряя интерес к умирающей в муках женщине у нее в ногах. — Вам оно

надо?

— Яд? — спросил старший брат ферана. — Это курног?

— Да, — подтвердила его догадку Хэла.

— Тогда достаточно того, что у неё остался в пузыре.

— А тебе точно не надо, вдруг кого напоить срочно? — и она ухмыльнулась. —

Геноцид врагам небольшой устроить?

— Нет, ведьмочка, такого точно не надо.

— Ну, как хочешь, — пожалала она плечами и на глазах всех присутствующих шар льда, стал шаром воды, а потом паром и в итоге рассеялся.

— Лекаря позовите, — гаркнул Тёрк страже на входе замка.

Хэла фыркнула и пошла в дом.

— Зачем лекаря? — спросила Милена, потому что видела, что мать Шерга уже мертва.

— Положено так, — ответил ей Брок.

— И достопочтенный феран, давай уже уберём братца, а то при жизни людям жизнь отравлял и теперь после смерти смердит, страх как, во двор не выйти, — повела она головой, когда проходила мимо главы дома.

Феран, как показалось Милене, не отреагировал. Чёрная ведьма зашла в дом, люди вокруг зашевелились. Тёрк обернулся на Рэтара Горана. Тот нахмурился и кивнул старшему брату, после чего тоже зашёл в дом, следом за Хэлой.

Девушка всё стояла и не могла осознать происходящего.

— Чтоб тебе, Милена, — рыкнул возле неё Роар, возвращая в реальность. — Брок, что она тут делает?

— Роар, — прошептала девушка, пытаясь встать между ними, но у неё ничего не вышло.

Мужчина бесцеремонно отодвинул её, взяв за локоть.

— Стоит, достопочтенный митар, — отозвался Брок.

— Что? — зашипел Роар с угрозой, а птица, что всё ещё была на руке у юноши, начала нервно водить головой и клекотать.

— Простите, достопочтенный митар, — склонил голову юноша, и сжал пальцы, чтобы удержать гвиргу. — Надо было отвести ведьму в дом. Моя вина.

— Брок, — рыкнул он.

— Хватит, а? — насколько могла громко проговорила Милена, рывком высвободила руку из цепких пальцев Роара и ушла в дом.

Внутри, на фоне случившегося, всколыхнулась с новой силой обида. Непонимание, с которым она столкнулась, душило её.

Милена так старалась быть сильной, но у неё так фигово получалось, и казалось, что у неё никогда не получится. Особенно вот благодаря этому отношению самого любимого человека.

И это ощущение, что Роар закрыл бы её в своей комнате и не выпускал. Ограничил бы даже в мыслях, не то что в передвижениях. Все носились с ней, как с хрустальной. И снова эти проклятые слёзы, снова всё наперекосяк.

И не осталось ничего. Была только обида. Она росла-росла, как снежный ком.

Даже сейчас Милена рванулась сначала в комнату к митару, а, дойдя до двери, осознала, что злится на него и разговаривать не хочет, да и видеть тоже. Развернулась идти в сторону комнат серых, но столкнулась с ним нос к носу, попыталась вывернуться.

— Светок, — поймал её мужчина.

— Хватит, — всхлипнула она своим пропавшим голосом. — Пусти...

— Всё, прости. Я не хотел, — и оказалась у него на руках, как ребёнок,

И от этого становилось сразу так предательски хорошо, что чувствовала себя ещё слабее, чем можно представить, но сопротивляться не могла. Потому что хотелось, чтобы он не останавливался, хотелось вообще чтобы так было всегда-всегда.

Роар поцеловал её, а она обняла его за шею, вцепилась с той злостью, которая ещё бушевала внутри, но уже смешалась с томящим желанием.

Всего пара секунд понадобилась, чтобы они добрались до комнаты митара, и Милена утонула в этой его страсти — сначала быстрой и требовательной, а потом невыносимо нежной, трепетной аккуратности, с которой он всегда занимался с ней сексом. Такой томительной неги и мягкости. Порой она теряла ход времени, но хотела больше, несмотря на бессилие и истощение моральное и физическое.

С тех пор как Роар внезапно развернул её к себе лицом, а она потом спяну пошла дальше, чем он мог бы предположить, всё у них в близости стало вообще безумно. Ощущения и так кололись, щипались, были бурными и доводили до состояния полного оупения. Но теперь внутри выла похоть, скручивала, иссушала, но тянула всё дальше. От любого прикосновения искры из глаз, нервы оголёнными проводами, чистым током, причиняли боль и восторг.

Милена думала, что так не бывает, а если и бывает, то уж случится не с ней. Но вот оно, внутри, снаружи, везде, а ещё было страшно, что когда-нибудь это кончится.

— Роар? — позвала Милена, когда взмокшая лежала распластавшись на кровати. Какая же наверное неприличная, пошлая со стороны картина.

— Мм? — митар запустил руку в её влажные от пота, растрёпанные волосы.

— То, что случилось с его матерью, — она с трудом приподняла голову, чтобы посмотреть на Роара. — Её смерть — это очень плохо?

— Не могу сказать, — ответил ей митар. — Не знаю. У неё были покровители при эла, но кто, мы не знаем. По-хорошему, надо было бы выпытать у неё это, как и у Шерга. Но пытки одно, а казнь за предательство — другое.

Милена вздохнула.

— Элгор в Кэроме, — добавил Роар. — Он там как раз сейчас прижмёт книтов, тех, кто были на её стороне и на стороне Шерга. Там давно было гнездо паразитов. Шерга давно хотел на место ферана.

— А разве он мог? — нахмурилась девушка.

— Ну, на что-то же они рассчитывали, — повёл рукой митар. — Дэшая всегда была нашей очень большой проблемой. Но в понимании законов — она рабыня, наложница Эаргана Горана. И, если иных распоряжений не было, она наложница Горанов до сих пор. Без каких-либо прав. Шерга был свободным мужем, но он был на службе у ферана, а значит присягал ему на верность вдвойне. И сейчас открыто предал. За что был фераном казнён. Дэшая же не могла бы пожаловаться, как ни кричала об этом. Её слово шло к великому эла и советам только через книтов или её покровителей.

Он вздохнул и развернулся, чтобы видеть её лицо.

— Сейчас только ждать. Разворошим гнездо в Кэроме и посмотрим, что будет. У Тёрка достаточно доказательств, чтобы очень много народа казнить. Но решать, что к чему, будет феран.

Милена кивнула и закрыла глаза.

Мысли поскакали вскачь. Тревога всё же не отпускала и не была пустым звуком — что-то должно было случиться. И девушка отчаянно боялась поделиться этим своим предчувствием хоть с кем-то. Надо наверное рассказать Хэле.

Роар потянулся, потом приподнялся на локте, окинул её очень голодным взглядом, рыкнул и Милена снова была сметена желанием и страстью, хотя казалось, что даже пальцами не могла бы пошевелить. Но нет могла и даже больше.

Рэтар нагнал Хэлу уже в комнате. Она стояла в чистой, опустив руки в ледяную воду, как последнее время делала после сильных заговоров. Казалось, что внезапно стала меньше, чем была на самом деле. Колдовство далось ей тяжело, но она храбрилась и как обычно не показала, что ей плохо.

Подойдя к ней со спины, Рэтар обнял женщину, уткнувшись в макушку лицом, втягивая тёплый запах. Благодарность, что была у него внутри, невозможно было бы измерить.

Курног — страшный яд. И в своём гневе, злобном желании мести Дэшая отравила бы половину домашних, а если бы зашла в дом, то последствия были бы ещё печальнее, а исправить это мог бы только маг, используя магический огонь.

Рэтар видел результат отравления этим ядом. И мать Шерга умерла очень быстро, потому что яд был выплеснут ей в лицо, и это спасло её от жестокой предсмертной агонии в течении нескольких мирт.

Но чаще всего вдыхают испарения яда и оттого мучения растягиваются — язвы на коже, нестерпимое чувство горения снаружи и скручивающая боль внутри, и всё это при невыносимой жажде, которую нельзя уталить, наступающей слепоте и безумии, которое часто находит на жертву отравления.

— На одну ведьму была нужна другая, — глухо проговорила Хэла и по её телу прошла дрожь.

Рэтар не нашёл, что ответить. Он просто развернул ведьму лицом к себе и поднял на руки.

— Прости, — прошептала она.

— За что? — удивился феран.

— Я не смогла узнать, кто её покровители, — Хэла обняла его шею, руки из-за заговора и воды были ледяными.

— Ты пыталась? — спросил Рэтар, вопросительно приподнимая бровь.

— Уж не думаешь же ты, — фыркнула ведьма, — что я с ней разговоры разговаривала, потому что нашла в её лице отличную собеседницу?

Феран слегка улыбнулся и отрицательно мотнул головой.

— Я очень старалась, но у неё в голове ещё более мерзко, чем у сына, — брезгливо поморщилась Хэла и крепче обняла его, утыкаясь в плечо лицом.

Рэтар вздохнул — кто бы сомневался. Он погладил ведьму по спине и отнёс в постель.

— Блага тебе, родная, — проговорил он, целуя её в лоб.

— Да так себе работёнка, — улыбнулась она и её ладони обняли его лицо.

— А ты ещё сопротивляешься, когда мы тебя благодарим, — заметил Рэтар, а Хэла смущённо повела головой. — Правда заговорила меня от всех ядов?

— Пфф, — закатила глаза ведьма, фыркнув. — Спрашиваешь?

— Кажется уже нет, — рассмеялся он и поцеловал её в губы.

Утро следующего дня было испорчено сообщением от великого. Рэтар сидел за рабочем столом и со злостью смотрел на лежащую перед ним бумагу.

— И что это? — громыхнул зашедший в книжную Тёрк.

— Напоминание о том, что моя жизнь мне не принадлежит, — ответил феран.

— Что это значит?

— Великий приказал, чтобы мы с Роаром присутствовали на праздновании цветения в Йероте.

— А при чём тут жизнь? — спросил брат, садясь в кресло напротив.

— Потому что вернуться обратно мы оба должны с супругами, — проговорил Рэтар и кажется это был первый раз, когда он сказал это вслух, пытаясь осознать всю отвратительность ситуации.

— Чего? — нахмурился Тёрк.

— И он великодушен, — проговорил феран язвительно, — потому что мне разрешено выбрать себе супругу самому. В качестве извинения за прошлый раз.

Брат издал какой-то утробный звук, лицо его перекосило злостью и презрением.

— Сейчас разрыдаюсь, — отозвался он, хмурясь. — Тебе-то это зачем?

— Он переживает, что у меня нет наследников.

Тёрк разразился отборной руганью.

— А больше ему ничего от тебя не надо? — спросил он зло.

— Если бы я знал, — вздохнул Рэтар.

— Зачем ему ты? Роар понятно, но есть же Элгор. В очередной раз пытается ударить побольнее? Или знает про Хэлу? — проницательно спросил старший мужчина.

— Не знаю, Тёрк, — ответил феран. — Понятно, что знает что-то, просто не уверен до конца. В конце концов я сделал то, что он хотел.

— Пытался понять, — проговорил брат, скорее сам себе.

— Но оказалось мало. Видимо до конца не удовлетворило...

— Мальчишка, что думает об этом? — спросил Тёрк, говоря про Роара. — Что-то мне говорит, что он в восторге не будет.

— Вот в этом сомнения нет, — повёл головой феран.

Тяжёлые мысли не отпускали, раздражали и вились, колясь и кусаясь. Сейчас со смертью Дэшаи вопросов только прибавилось.

— Элгор ещё в Кэроме? — перевёл разговор Рэтар.

— Я вчера его предупредил о том, что произошло здесь и чтобы он побыл там, пока до них дойдёт весть, — ответил Тёрк. — Надо посмотреть насколько быстро это будет и что это за собой повлечёт.

Феран согласно кивнул.

— Не пойму чего она хотела, — повёл головой старший брат. — Убить всех нас? И себя?

— Меня... что ей до остальных? Мы все всегда были ничтожны в её глазах.

— Я хотел повиниться, — буркнул старший брат. — С Дэшаей промахнулся.

— Брось, Тёрк, — отмахнулся глава дома.

— Нет, Рэтар. Она здесь была. Не могла она из Кэрома за эти дни добраться до сюда, да ещё в таком виде. Порталы она не проходила, я проверил. Верхом или пешей? Но это смешно, — он с досадой ударил себя по коленке. — Она была здесь при великом. Была, когда был двор. Может даже встречалась с кем, кого она там в своих интересах по шерсти гладила. А я должен был знать, а не знал. Моё упущение, Рэтар. Тут я виноват.

— Тёрк, — вздохнул феран и повёл головой.

— Вскрыть не могли, но если бы я предусмотрел всё это, то могли бы узнать, с кем она встречалась, — упрямо возразил старший брат. — Нас обложили, а я так промахнулся! Можно было её поймать и на тебе. Плохо сделал свою работу, плохо!

И Тёрк рыкнул, повёл головой.

— Ой, батюшки, мои, — в дверях, опираясь на дверной косяк стояла Хэла, она цыкнула и улыбнулась. — Тёрк, дорогой, больше драмы, больше. Накал страстей, бить себя в грудь и прочее. А то на фоне этой вашей тётки в белом, прям проигрываешь.

Брата моментально отпустила злость, он ухмыльнулся, стал мягче и связано это было не только с тем, что Хэла и на него действовала успокаивающе, но и потому что он знал, что его внутренний гнев может причинить ей боль.

— Ведьмочка моя, — ответил Тёрк, — не люблю я этого просто — раз виноват, значит признаю.

Она оттолкнулась от дверного проёма и закрыв дверь подошла к ним, на слова мужчины фыркнула и, сев на стол, склонила голову на бок.

— Ты ещё голову пеплом посыпь и пока в порыве не признался ещё в чём криминальном, то вроде магом ты не был никогда, не? — Хэла озорно улыбнулась. — Да и ведьма из тебя так себе.

— При чём тут это? — не понял брат Рэтара.

— А при том, что я тебе могу сказать, дорогой, — вздохнула ведьма, — ты бы её в Зарне на улице встретил нос к носу и не узнал бы, мимо прошёл. Так что не страдай слишком сильно.

— Что это значит, Хэла? — спросил феран, опережая вопрос старшего брата.

— На ней заговоров тьма была, маги у неё видимо, как родные, потому что всякой хрени магической на ней больше, чем на замке. Серьёзное и всякие мелочи бабские, — она закатила глаза. — Ей сколько? Постарше тебя, Тёрк? А она выглядела словно ей в два раза меньше. Тоже мне Элизабет Тейлор. А последний заговор был на очень сильное изменение внешности, не думаю, что это была подтяжка жопки... Спроси себя, если была здесь, чего она раньше не припёрлась, ещё когда Шерга свеженький был?

— Так готовилась, — презрительно ответил Тёрк.

— Верёвку из волос плела больше четырёх дней? А ежели бы сынка сразу в яму? Где б она драму разыгрывала с заламыванием рук? Не, дорогой, она готова была к этому, а верёвку за день можно наплести умеючи. Она просто была другая, — и ведьма показала на лицо, — ждала когда сойдёт заговор и после пришла. Ну, а пока ждала, чтобы не терять времени даром, грим там наложила, речь заготовила, репетировала наверняка. А ещё я уверена, что она бы сама Шерга завалила, если достопочтенный феран не подсобил. И на вас свалила бы.

— Подожди, Хэла, — Рэтар нахмурился.

— Он хотел стать фераном, точнее она хотела, чтобы он стал фераном, — Тёрк тоже нахмурился.

— Я конечно так себе в её голове разобралась, у неё видимо и от этого тоже было что-то, ну, типа защиты какой, — Хэла повела плечом. — Но вот это выступление было заготовленным перформансом.

Мужчины нахмурились ещё больше.

— Представление, — пояснила ведьма и хихикнула. — И планы Шерга с её планами давно расходятся. Она принесла бы его в жертву и не поморщилась бы. Уж не знаю, что он там натворил, но кажись играл в другую игру в другой песочнице. И осмелюсь предположить за её спиной.

Рэтар и Тёрк переглянулись. Если ведьма была права, то это значило, что Шерга был в связке с великим эла, а Дэшая тогда могла быть на стороне кого-то из советников. И это

очень многое могло бы объяснить — и несогласованность в действиях и странные не поддающиеся пониманию поступки.

— Магические действия направленные на изменения внешности — это дело рук тёмных магов, — проговорил в задумчивости Тёрк.

— И снова скорее всего маги Фары, — согласился феран.

— Об этом можно у Тёрка спросить, да, дорогой? — повела бровью Хэла и очень язвительно улыбнулась.

— Что? — мужчина в недоумении поднял на неё взгляд.

— Достопочтенный феран, — ведьма перевела полный веселья взгляд на Рэтара, — ты не говорил ему про письмо в конверте?

Вот как у неё это получалось? Она точно знала, насколько серьёзно то, что они тут обсуждали. Она наверняка чувствовала напряжение мужчин, физически ощущала и, скорее всего, было неприятно и может даже больно, но всё равно озорно улыбалась и веселилась, пытаясь унять это, успокоить их, вытянуть из трясины тревоги, которая затягивала и казалось, что выхода не было.

И Рэтар и Тёрк увязли, а она легко переворачивала всё с ног на голову и вот они оба уже втянуты в развлечение “напомни Тёрку, что он тебя собирался убить” и да, это тоже было серьёзно, но боги... его отпустило. Феран ухмыльнулся, отрицательно покачал головой и уставился на брата.

— Нам тут письмо прилетело от твоего имени, дорогой, — очень игриво проговорила она. — Пряма почта дьявола, ей богу. Чуть не отправил на тот свет своего любимого мальчика, племяшка который, и соответственно отца его, своего брата обожаемого, и нашего любимейшего ферана. Ай-яй!

И Хэла, прищурившись, погрозила ему пальцем.

— Вы вообще о чём? — взвился Тёрк.

Рэтар всё ещё улыбаясь протянул ему бумагу, на которой они с Броком написали сообщение, что Хэла вытащила из паренька, после того, как заморозила заговорённое на смерть письмо.

— До приезда великого, было письмо, похожее на твоё, — пояснил феран. — Заговорённое на последовательную смерть тёмными магами, как сказал Зеур. А это мы вытащили из Брока, маг не смог распознать, но Хэла говорит, что за мальчишкой хотели проследить.

Старший брат нахмурившись взял бумагу и пробежал по ней глазами. Потом поднял глаза на ферана и перевёл на ведьму. Потом выругался.

— Я клянусь тебе, Рэтар, — проговорил он глухо. — Я никакого отношения к этому не имею. Чтоб мне сгнить заживо.

— Бе, Тёрк, — скривилась Хэла, словно кислое съела. — Неужели ты думаешь, что к тебе кто-то усомнился?

Он выдохнул.

— Что там написано? — спросила ведьма.

— Это флита, — отозвался старший брат. — Как заклинание простое, на слезку. Ты права. Такое матери раньше, когда магия была не редкостью, пихали детям в карманы там, или к одежде крепили на лоскутах. Чтобы можно было найти, если потеряются. Вы прям листок нашли?

— Нет, сам текст был внутри Брока, я его вытащила из него. А Рэтар и Брок запомнили

и записали, — ответила Хэла.

Тёрк ещё раз посмотрел на бумагу.

— Я не понимаю, а...

— Оу, — перебила его ведьма, — там Роар идёт, бешеный, ху-ху. Пойду пройдуся, а то меня срубят нечаянно. А вы тут сами с ним...

Она глянула на Рэтара, подмигнула, улыбнулась и спрыгнула со столешницы, отправившись на выход.

— Гуляю с деточками своими, — обозначила она свои планы и, помахав им рукой, вышла в коридор.

— Подожди меня, Хэла, — кивнул Тёрк ферану, крича ведьме вслед, — прогуляюсь с тобой. Расскажешь про письмо подробнее.

И старший брат вышел, оставив Рэтара одного.

Феран нахмурился, впрочем знал, в чём причина, видимо злости тана, который зашёл в книжную почти сразу после того, как вышел Тёрк. И вид у него был не просто злой. Рэтар только надеялся, что Хэла ушла не через главную лестницу и с мужчиной не столкнулась.

— Роар, — кивнул феран своему митару.

Тот указал на лежащую на столе бумагу от великого эла.

— Я хотел поговорить, — ответил тан.

— Говори, — отозвался Рэтар.

— Я на это, — он указал на бумагу, — не пойду. Пусть идёт Элгор. Ему плевать, а я не могу.

— Роар, — устало вздохнул феран.

— Нет, — упрямо отрезал он. — Ты не понимаешь? Меня выворачивает, выворачивает, Рэтар. Пока они были здесь меня это чувство не покидало. И я знаю, что не смогу. Ради чего бы то ни было, не знаю, но не смогу!

И тан рыкнул, он говорил с отчаянной яростью в голосе, через силу и казалось его действительно выворачивает.

— Роар, — снова попытался перебить митара Рэтар.

Но тот рыкнул снова, сделал несколько шагов, развернувшись на месте, как зверь в клетке. И феран уже видел такое, видел. Когда стоял рядом с Эарганом, в его рабочей комнате, пока отец сообщал своему младшему брату о необходимости повторного заключения брака. Рейнар взвился точно так же, как сейчас взвился Роар — действительно так похож на своего отца.

— Это мерзко, это просто, — выдавил он, сквозь едва сдерживаемый гнев, — да в конце концов!

— Хватит, — феран повысил голос и встал. И сейчас был похож на своего отца и от понимания этого Рэтара тоже выворачивало. — Я знаю, но великий отдал чёткий приказ. Хочешь, чтобы головы полетели? Мы на краю, Роар. Нам сейчас никак нельзя идти против, неужели это непонятно и не очевидно?

Митар попытался что-то ответить, но тан его перебил.

— Нас обложили со всех сторон. И сейчас речь не идёт о том, что тебе или мне нравится, что устраивает и о чём можно поговорить и договориться в конечном итоге, — он понизил голос. — Я понятия не имею, к чему привело его присутствие здесь. Предательства, попытки его устранить. Нас тащат в это, Роар. Сейчас брак это то, что может его унять. Всё. Точка. Никто не заставляет тебя творить что-то выходящее за пределы мыслимого, могло

быть намного хуже.

— Шутишь? Хуже? Куда ещё? Что ещё он захочет он нас. Может доказать ему, что брак заключён, придётся у него на глазах? А? Дважды? Он сядет и будет смотреть? — Роар почти взвыл от внутреннего протеста. — Я не могу, понимаешь, не могу. Не хочу делать ей больно, мне самому больно от этого. И я не...

— Роар, не будь ребёнком, — устало ответил Рэтар, пытаясь унять себя. — Подумай, если Шерга доложил обо мне и Хэле, то он не рассказал, что Милена спит у тебя?

Роар задохнулся. И это было нечестно по отношению к нему, но это тоже тревожило Рэтара — быть такого не могло, чтобы Шерга не донёс о таком великому, и если правитель промолчал, то не значит, что не знал. И сейчас будет тот самый момент, чтобы нанести этот удар.

— Ему нужно, чтобы у тебя и у меня были наследники, — проговорил феран спокойнее. — И я знаю, что это мерзко. И понимаю тебя. Но я не прошу тебя переступить через себя постоянно. Да и вопрос — выживут ли эти несчастные? И нам дают в этот раз право выбора.

— И я должен быть благодарен? — горько усмехнулся Роар. — Я чуть лучше тельги или шабки? Или алаган? Заделай наследника для величия дома и будь спокоен? А сказали сколько наследников надо? Одного или трёх? Может сразу несколько супруг возьмём?

— Хватит.

— А Хэла знает?

— Роар! — рыкнул феран.

— Да, прости, не моё дело. И что она на это сказала, тоже не моё дело, — у митара в глазах стояли злые слёзы. — Но я могу предположить — это же Хэла. Она мудрая, сильная, добрая. Она всегда на твоей стороне. И она позаботится о твоей супруге? Подождёт пока ты заделаешь ей ребёнка, а потом и родить его поможет. Да и моей тоже, мне ведь и просить не надо. Повезло тебе. Хэла всё поймёт, всё стерпит, всё простит. Всё. Порку, измену, предательство... хоть убей, если надо, то...

Рэтар ударил кулаком в стол. Взгляда на тана не поднял, потому что было чувство, что сейчас уничтожит его, если услышит хоть слово или увидит лицо.

— Да, — с болью проговорил Роар. — И ты — самый верный и исполнительный из всех подданных элата.

Митар вышел, а внутри ферана стучало, билось жестоко, причиняя невыносимую боль, каждое сказанное таном слово.

Рэтар так и не смог сказать Хэле. Несколько раз хотел, начинал, но и не смог. Надо было, но у него не получалось. И вот это — Хэла всё поймёт... это было одной из причин, потому что от этого обречённого согласия и примирения в ней ему становилось жутко. Он знал, что увидит в её глазах боль, но ведьма эту боль не покажет, скроет от него. Хэла всё поймёт, стерпит и простит...

Рэтара словно ударило.

Он догнал ведьму и брата уже за стенами замка. Они разговаривали и шли к реке.

— Тёрк, — позвал Рэтар, — я сам.

Брат глянул на Хэлу, но ничего не сказал. Посмотрел на Рэтара с сочувствием, потому что скорее всего тоже понял зачем приходил Роар, и наверняка примерно представлял, что митар сказал. Да и конечно невозможно было ферану скрыть от старшего брата внутреннее напряжение.

— Что случилось? — нахмурилась Хэла, улыбаясь, когда Тёрк оставил их. — Что ты натворил?

— Что я натворил? — переспросил Рэтар, пытаясь унять себя.

— Роар на тебя разозлился, — пояснила ведьма. — Что ты натворил?

— Я не при чём. Точнее, — феран нахмурился, понимая, что она сменила дорогу. — Ты же шла к реке?

— Да, мы с Тёрком всегда ходим к реке, — ответила Хэла. — Но ты не любишь туда ходить.

— С чего ты взяла? — спросил он, а внутри было удивление, потому что — боги, да как у неё это получалось?

— В Трите тебе нравится быть на реке, а здесь нет, — пояснила ведьма. — Мы ни разу с тобой туда не ходили. Вот я и...

— Нет, всё хорошо. Я не имею ничего против реки, Хэла.

— Ладно, — она с недоверием прищурилась, но всё же улыбнулась и пошла в сторону Нравы.

— Расскажешь мне, — спросила ведьма, когда они дошли до реки и сели на ствол поваленного дерева, которое было здесь ещё с тех пор, как Рэтар был ребёнком.

Было тепло, лес оживал пением птиц, вода в реке начинала ускоряться, а скоро станет невообразимо быстрым и мощным потоком, стремящимся утащить за собой всё, что в него попадёт.

Хараги бегали вокруг — припадали к земле и с интересом прислушивались к новым звукам вокруг. Фобос стал слегка прихрамывать на правую переднюю, но это не мешало ему оставаться таким же шустрым и беспокойным, каким был раньше.

Рэтар перевёл взгляд на Хэлу. Она закрыла глаза и подставила лицо лучам Изара.

— Великий хочет, чтобы мы, я и Роар, присутствовали на праздновании цветения в Йероте, — начал он.

— И ты так расстроен, что придётся на них снова смотреть? — усмехнулась ведьма, не глядя на него.

Она сидела на дереве рядом, но спиной к реке, в отличие от ферана. Он обнял её за талию и подтянул к себе, устраивая на своей ноге. Хэла удивлённо раскрыла глаза и посмотрела на него с интересом. Но Рэтар смотреть ей в глаза не мог, а вот чувствовать тепло было просто необходимо. Поэтому он прижал ведьму к себе и, уставившись на воду, продолжил.

— Не только. На этом празднике мы должны выбрать себе по супруге, — только бы не дрогнуть, внутри горело отчаянное негодование. — Великий хочет, чтобы мы заключили браки. То есть... оттуда мы вернёмся не одни.

Хэла ничего не ответила, она даже не пошевелилась. Рэтару стало не по себе и он осмелился поднять на неё глаза, встретиться с её взглядом. Ведьма словно ждала этого, она привычно уже склонила голову набок и провела рукой по его щеке. Слабо, но очень тепло улыбнулась.

— Я уже привыкла плавать в кадке, а тут опять вёдра. И кровать у тебя удобнее, — проговорила она.

— Что? — выдавил из себя феран, совершенно не понимая о чём она.

— Ну, принимать ванну по утрам было приятно, но я без претензий. Ведро так ведро. А вот кровать и правда у тебя лучше, чем у серых в комнатах. Ну, понятно, конечно, было

странно, если бы наоборот, — и она хихикнула, а Рэтара, словно ударило, выбив воздух из легких. — Хотя теперь, когда я сказала это, уверена, что ты купишь мне новую.

— Нет, Хэла, нет, — до него дошло, что она говорила, что уйдёт из его комнаты, вернётся в комнаты серых. — Ты не уйдёшь от меня.

Он сам поверить не мог, как сильно его это выдернуло. Внутри образовалась такая невыносимая, беспощадная пустота. Рэтар с трудом пережил эти дни, без неё, когда здесь был великий и его двор. Но быть без неё всё время...

— Я не уйду, — ответила Хэла, — глупый, куда я от тебя денусь? Буду приходить играть в шахматы.

— Хэла, перестань, — проговорил феран глухо. — Я не буду спать с ней, и она не будет жить со мной в одной комнате.

— Это понятно, — ведьма всё ещё продолжала говорить тем её беззаботным тоном, которым сегодня говорила в библиотеке, которым всегда успокаивала его, принимая обстоятельства, пытаюсь унять беспокойство. — Достопочтенной ферине лучшую комнату в доме. Но как ты себе это представляешь? Она там, а я у тебя?

Он хотел ответить, но что он мог ответить? В горле словно застряли все слова разом.

— Не надо, родной, — качнула головой ведьма. — Тем более, раньше времени. Ты же не знаешь даже какая она будет. Вдруг будет склочной и вздорной? Это одно. А если милой и славной? И будет на тебя смотреть с трепетом?

— Со страхом, они все так смотрят, — ответил феран, но кажется проиграл.

— Если будет душой, — заметила на это Хэла, — а если умная? Она поймёт, какой ты. И тебе самому в этом случае будет очень тяжело. Не надо загонять себя в угол, Рэтар. И уж тем более я не буду причиной этого.

— Ты оставишь меня? — и он сказал, а сам понял, что слова камнями упали в бездонную пропасть.

— Я твоя ведьма, куда я от тебя денусь? — её рука, гладила его щёку и сводила с ума. — Только если ты скажешь мне уйти.

И да, он знал, что увидит, но не был готов к тому, что услышал. Боги, эта женщина выворачивала его, убивала без оружия. Ей не надо ничего особенного, чтобы он стал совершенно разбитым, чтобы потерял себя. Всего лишь мысль, что её тепло будет недоступно, все лишь слова, что другая может занять её место...

— Она будет хозяйкой твоего дома. Будет твоей фериней. И она родит тебе детей, — тихо сказала Хэла и он услышал эту пропасть боли, такой, что и представить сложно. — Ты будешь отличным отцом, Рэтар.

Внутри стало так тихо, он словно умер.

Ослабив объятия, феран дал возможность ведьме встать на ноги. Хэла нагнулась и поцеловала его в висок, после чего тихо ушла, оставив одного.

Рэтар закрыл глаза. Звенящая тишина внутри причиняла ощутимую боль. Ни одного звука, словно он оглох. Холод и звон глухоты. Феран открыл глаза и уставился на бурлящий поток.

Хэла была права — реку здесь он избегал. Хотя самому ему казалось, что это давно уже прошло, но если приходилось спускаться к Нраве, то с неохотой и неприятием.

И сейчас Рэтар смотрел на бурлящий беспокойный поток, а внутри было это странное чувство потери, бесповоротной, неисправимой, то, что уже обречено, неотвратимо и жгло внутри, потому что по-другому нельзя.

Он понимал Роара. Но... и стало гулко, звуки вернулись.

Рэтар словно очнулся и огляделся. Кажется только сейчас он понял, что Хэла ушла, оставила его наедине с мыслями, которые изводили и загоняли, словно зверя. И только сейчас как эхо по нему полоснула её невообразимая боль.

“Будет хозяйкой... твоей фериной... И она родит тебе детей...”

— Хэла? — гаркнул Рэтар с силой, потому что показалось, что у него пропал голос.

Всё вокруг ответило тишиной.

Он вскочил и ринулся следом за ведьмой. Далеко она не ушла, даже до передних укреплений Зарны не добралась. На ходу подхватив рукой за талию, стащил с дороги и кажется сильнее, чем хотел прижал к ближайшему дереву.

— Рэтар, — выдохнула Хэла, потеряв голос от неожиданности и испуга.

В глазах у неё были слёзы. Да конечно, а чего он ждал? Она улыбнётся, она примет его слова, но он словно меч воткнул и провернул. Рэтар сам это знал.

Приподняв Хэлу так, чтобы она не смогла даже попытаться уйти от него, он положил одну руку ей на горло, а вторую запустил под юбки.

— Рэтар, боги, что ты делаешь? — выдавила она, пытаясь не расплакаться и одновременно с тем пытаясь понять, что происходит, хватаясь за него. — Нас увидят и...

— Плевать, — прохрипел феран, поцелуем заставляя её замолчать.

Рука добралась до её естества, она всхлипнула ему в губы, по телу пошла дрожь. Рэтар точно знал, что и как надо было сделать, чтобы Хэла потерялась, чтобы он почувствовал, как она растворяется, как становится потрясающе безумной, горячей, яростной. Его ведьма.

Как же хотелось, чтобы слёзы в глазах были не потому что больно, а потому что не может справиться с желанием. И он точно знал, что сейчас он нужен ей, и хотел её такую до умопомрачения.

— Знаешь, — прохрипел Рэтар ей в ухо, когда она хваталась за него, словно утопая в его жестокой, полной напора ласке, — как бы я хотел так же точно знать, что мне сделать, чтобы ты была счастлива, Хэла? Твоя голова сводит меня с ума, то, что ты не говоришь, всё это внутри тебя — как бы я хотел понять это. Так же как я понимаю твоё тело. Боги, Хэла...

Она что-то всхлипнула, выдохнула, вцепилась в него со всей силы. Он обнял её за талию, прижал сильнее.

— И как бы мне хотелось, чтобы все вокруг, чтобы каждый знал, что ты моя, — и это было его личным безумием. — В какую ярость меня приводит то, что я не могу взять тебя на руки и отнести в дом, открыто, в свою постель. Моя ведьма, слышишь, Хэла? Ты моя.

И Рэтар почувствовал, как она содрогнулась, услышал как взвыла в его плечо, приглушая себя, потому что благо пошло по ней волнами, перешло в него и кажется даже не надо было быть с ней единым, чтобы дойти до конца самому.

И как же хотелось только этого и больше ничего — просто держать её в руках, слышать дыхание и голос, видеть её, чувствовать рядом. И как он устал. Он устал служить, устал сражаться, устал быть мертвецом во славу и по желанию кого бы то ни было.

Они дошли до дома, Хэла не сказала ни слова, как и Рэтар.

Добравшись до комнаты, он себя отпустил, а она позволила. И до утра следующего дня он как мог пытался забрать себе часть её, потому что не мог без неё, потому что без неё не справится. Без её понимания, без её прощения... он не сможет.

И это проклятое утро вытянуло из него всю жизнь, потому что надо было уходить и эта невообразимая тоска, эта безумная тревога не оставляли ни на мгновение, проникали в кровь

с каждым вдохом.

— Ты помнишь своё обещание? — спросил он у Хэлы, когда надо было вставать и одеваться, чтобы уйти.

— Рэтар, — вздохнула ведьма, посмотрев на него с беспокойством. — Ты вернёшься.

— Хэла, — феран упрямо покачал головой. — Ты обещала уйти, если со мной что-то случится.

— Брак считается? — улыбнулась она.

— Родная, — кажется он это простонал.

— Я помню, — ответила она, став серьёзной. — Я постараюсь уйти, я постараюсь. И не думай о плохом, Рэтар.

Он вздохнул и поцеловал её. С трудом, через силу оставляя её, выбрался из постели, оделся.

— Береги себя, — шепнула она на прощание.

— Да, — кивнул он. — И, Хэла... я люблю тебя.

— Я люблю тебя, Рэтар, — улыбнулась ведьма и почти невесомо поцеловала его в губы.

Роар был хмур и неразговорчив. Он всё делал нарочито резко и грубо. Брок, который сопровождал ферана, как его фор, всё время фыркал на митара и его недовольство.

Два дня в Йероте были посвящены всевозможным делам, связанным с фернатом. Рэтар побывал в совете феранов, был на созыве советников великого эла.

И всё, что происходило вокруг, лишь отчётливее давало понимание о том, что всё намного хуже, чем он предполагал.

Роар, как и всегда, попал в оборот девиц двора и, хотя пытался быть вежливым и услужливым, было видно, как выворачивает себя наизнанку.

К началу праздничного пиршества, митар кажется был уже совсем на грани.

— Роар? — остановил тана Рэтар, когда они собирались идти на праздник.

— Да? — отозвался тот небрежно.

— Перед тем, как выйти, — феран нахмурился, всё ещё кажется сомневаясь в своём решении. — Я хочу кое-что тебе сказать.

— Что? — митар нахмурился и развернулся к ферану лицом.

— Я принял решение, — ответил глава дома. — Ты не готов к нему, вполне возможно будешь ненавидеть меня. Но честно — мне плевать.

— О чём ты, Рэтар? — от небрежности тана не осталось и следа. Он насторожился.

— Я решил передать тебе титул, — феран видел, как Роар напрягся, даже запаниковал. — И тебе надо определиться...

— Подожди, что? — перебил его митар. — Тан, что значит ты решил отдать мне титул?

— Ты станешь фераном Изарии, — пояснил Рэтар. — А я тэяром дома Горан.

— Но ты, — тан запнулся, словно забыл, как говорить и дышать.

— Знаешь, я понимаю, — ответил на это феран. — Но, Роар, я всё отдал своей земле, своему дому, своим людям. Всё. Жизнь. Вся моя жизнь была отдана Изарии. Всем вам. Для себя у меня не было ничего. И брак в том числе. И я не пойду на это ещё раз.

— Но я...

— Прости, Роар, — и Рэтару действительно было очень жаль своего тана, тем более, что он его любил и относился, как с сыну. — Прости... Я могу предложить только возможность подтверждения твоего выбора будущей супруги, чтобы этого не сделал за тебя, как за ферана,

великий. Но не более того. Я не пойду на брак второй раз. И дело в женщине, которую люблю. Дело в том, что не пойду на предательство и изменять ей не буду. И в том, что я устал. Устал быть для всех вас. Теперь твоя очередь. И если боги позволят мне — я вернусь в Изарию, заберу Хэлу и уйду.

Роар смотрел так, словно Рэтар его убивал. И это было тяжело, но больше не мог тащить это. Тёрк был прав, сотню раз прав и надо было сделать это уже очень давно. Он делал больше, чем мог, дольше чем было возможно.

— Скажи, что решил, пока дойдём, — отрезал феран, пересилив себя.

— Я, — нахмурился растерявшийся Роар. — Нет. Дай мне возможность сообразить, хорошо?

Митар был похож на мальчишку. Упрямого и отчаявшегося. И как бы Рэтару не хотелось прийти ему сейчас на помощь, как делал это всегда, но было нельзя, да и сил на это не было. Роар ещё раз кивнул, будто самому себе, и вышел.

Рэтар хотел выйти за ним, но потом остановился и крикнул Брока.

— Достопочтенный феран?

— Возвращайся обратно, — феран положил руку сыну на плечо.

— Что? — нахмурился юноша.

— Возвращайся в Зарну, сын, — повторил Рэтар.

— Но, — Брок смутился от такого обращения.

— Послушай меня, — глава Горанов вздохнул. — Для начала — держи меч.

Отстегнув оружие отдал его растерянному юноше.

— Теперь он твой, — сказал феран, останавливая возражения. — Второе — ты должен вернуться. Тебе надо взять Милену и Хэлу и отправится с ними через портал в Адиру, или, если не будет возможности, то по земле. Помнишь, где можно пройти по скалам?

Брок кивнул.

— Войр переправит вас водой в Ринту, — продолжил Рэтар. — В Рангразу. Там надо будет пробыть десять мирт. Если от нас не придёт никаких вестей, то тебе нужно будет отправится в Кэсу. Помнишь историю, что рассказывает Тёрк. Про Приша Доёга?

— Сказку? — уточнил парень, хмурясь.

— Да.

— Помню.

— Найдёшь в Кэсе торговый дом Доёга. Человек, который там всем заправляет, задаст тебе пару вопросов, ответы в истории Тёрка. Если ответишь правильно, он отдаст тебе тeneвую казну Горанов, — пояснил феран, а его сын хватанул воздух в озадаченном возгласе. — Этого хватит, чтобы сменить имя, чтобы устроить ведьм. Чтобы прожить всю жизнь. Проследи за Хэлой. Устрой её. Она упрямая, с ней будет тяжело. Но я знаю, что ты справишься. И я понимаю... но мне больше некого попросить.

— Достопочтенный феран, — с трудом проговорил юноша, упрямо мотая головой, стараясь не выйти из себя.

— Брок, сын, — Рэтар сжал его плечо. — Мне надо, чтобы ты жил. Этот план был создан ещё моим данэ и понятно, что Гораны не отступают, и тебе нужно будет быть первым. Но я тебя прошу. Я не знаю, где окажусь завтра. Если это будет Зарна, если я смогу обнять Хэлу, пожать руку Тёрку, похлопать тебя по плечу — так тому и быть. А если нет...

Сын сглотнул, собрался и кивнул.

— Элгор знает этот план, — добавил феран. — Вполне возможно, что он будет с тобой.

Тогда стоит разделиться, чтобы вас было сложнее искать.

— Я понял.

— Я попросил бы Тёрка, Брок, попросил бы... и если он пойдёт на это — хорошо, но скорее всего он будет стоять за Горанов до последнего вздоха, с ним падёт Зарна.

— Отец...

— Я знаю, мальчик, я прошу очень о многом, — и Рэтару было сложно взваливать это на паренька, но отчаянно хотелось, чтобы сын жил. Да и верилось, что Хэла защитит его, может мальчишка удержит её от безумных и необдуманных поступков.

— Я всё понял. Я всё сделаю, — твёрдо ответил Брок, потом уставился на меч. — Но...

— Я хочу, чтобы он был твоим, — ответил Рэтар.

— Отец, я...

— Иди, парень. И я очень горд, что ты мой сын.

Брок не смог ответить, сглотнув слова. Рэтар благодарно повёл головой и вышел в коридор.

Всё это время, что был в Йероте, ферана Изарии не отпускало чувство, что это конец. Конец для него, конец для его дома. Никогда в жизни так сильно не хотелось ошибиться, но внутри выл его зверь, предчувствуя беду.

Великий был слишком услужлив, а его ближайшие советники слишком напряжены. Рэтар ощущал слезку, кожей чувствовал, что с него не спускают глаз. Вот только понять, кто именно. Зачем, было уже не важно, но кто. Этот вопрос мучал достойного Рэтара Горана, как никогда.

В столице нельзя было верить никому. Здесь у Горанов никогда не было друзей, только те, кто с благоговейным ужасом склонял головы перед военной мощью ферната Изарии. И сейчас они замирали, когда видели Рэтара. Он чувствовал желание каждого из них вонзить ему в спину меч и то, что Дэялг отвёл изарийские отряды, как можно дальше от столицы и ферната Каянты, только укрепляло подозрения главы Горанов и усиливало его тревогу.

— Надеюсь, ты выбрал себе будущую супругу? — спросил великий, подойдя к ферану Изарии, стоящему возле стены главной приёмной залы Тасцэлии, дома правителей Кармии.

Вокруг была целая толпа народу. Празднование было в самом разгаре. Здесь были все представители правящих домов Кармии первого и второго прав наследия и высших регалий, и их дети. В основном девицы, которым надо было подбирать сговоры на будущие браки, но чаще сразу супругов.

Праздник цветения в Каянте всегда был связан с брачными обрядами обвязания. В последующие две мирты после праздника эйолы только и делали, что обвязывали знатных и не только. Чьи-то браки уже были сговорены и даже выплачены дани за будущих супругов, но были и те, кто надеялся сговорится непосредственно во время пира и вот этого пышного действия в главной зале — музыка, песни, выпивка, невообразимо красивые цветущие деревья в саду Тасцэлии.

Рэтар столько раз видел это. Судьбу его собственного брака великий эла решил во время точно такого же действия. Феран прекрасно помнил бледное, испуганное лицо Тейты, которую ему представили как его будущую супругу и растерянное лицо Рейнара, который не смог сказать ничего поперёк воли правителя.

И вот он стоит здесь снова. И теперь сам он вынужден быть на месте Рейнара. Сам не имеет возможности возражать, хорошо хоть не против уже подобранной невесты, а всего лишь против самого факта обязательности брака. Но в итоге его самого вынуждают

выбирать...

— Нет, не выбрал, — ответил феран Изарии на вопрос правителя.

— Рэтар, — отозвался великий с недовольством. — Не заставляй меня делать выбор за тебя.

Немного раньше к изарийскому ферану подошёл его митар.

Выбор девиц был весьма скудный. Ничего особо полезного для их ферната, да и понимая тяжесть положения тана, Рэтар дал возможность выбрать девицу без оглядки на какие-то важные для Изарии моменты.

— Я выбрал, — сказал Роар тихо. Феран вопросительно повёл бровью. — Лета Анпа.

Видимо, пройдясь по предлагаемому выбору и покопавшись в своём бурном прошлом, митар выбрал одну из самых не востребуемых здесь девиц.

Для начала фернат был мал и беден. Отвечал за него феран — старик, выживший из ума, ещё задолго до того, как потерял всех наследников. Он воспитывал дочь своего сына в жестокости и суровости, которые выдавшие много вояки предпочли бы избежать. Поэтому не находилось даже захудалого дома, захотевшего бы связать себя браком пусть и со знатными высших регалий. Чего уж говорить о равных девице претендентах. Да и возраст у неё был уже не девичий, что дело только усугубляло.

Но Лета была умна и практична. У Роара была когда-то связь с ней, и даже после расставания, отношения не испортились. Так что теперь их союз был бы спасением для обоих. Роар нашёл бы супругу благодарную и дружественно настроенную, потому как он был бы для неё спасением от тирании её данэ.

— Неплохо, — одобрил выбор митара феран.

— На случай, если всё пойдёт не так, как мы планировали, я дал ей в залог своего слова триф Горанов, — предупредил Роар, — чтобы могла воспользоваться порталами Изарии.

— Хочет сбежать? — нахмурился Рэтар.

— А ты бы не хотел?

— Хорошо. Пусть так.

— Я же правильно понимаю, — спросил тан как можно тише, — что мы по уши в трясине и тонем так быстро, что спасения скорее всего нет?

— Это моя забота, Роар, — ответил Рэтар спокойно.

— Ты хочешь, чтобы я был фераном, — резонно заметил на это митар.

— Но феран всё ещё я, — ответил он.

— Рэтар, — нахмурился тан.

— От тебя требуется только одно — будь благоразумен, Роар.

— И смирен? Только смирением войну не выиграть.

— Наши головы на плахе, Роар. Без головы никакой тебе войны, и защитить ты никого не сможешь. Поэтому благоразумие, парень... Больше я от тебя ничего не хочу, — феран кивнул, давая понять, что разговор окончен.

И вот рядом стоял великий и ждал. Ему необходимо найти возможность, но для чего? Чего правитель на самом деле хочет от Изарии, Горанов и Рэтара?

— Пройдись со мной? — предложил эла небрежно, но было понятно, что это приказ, не предполагающий отказа.

— Как тебе будет угодно, великий.

— Твой митар сделал выбор, или так же упрям как ты? — спросил правитель, когда они шли по залу, в сторону той части здания, где были комнаты принадлежащие

непосредственно ему.

— Сделал, — ответил феран Изарии.

— Прекрасная новость, — улыбнулся великий. — Кто?

— Лета Анпа, — ответил Рэтар.

— Ты шутишь? Ты отказал при мне одним беднякам, но соглашаешься на других? Ещё более бедных. К тому же безумных.

— Когда выгоды нет, приходится смотреть в сторону других качеств, — пожал плечами изарийский феран.

— И какие же у неё есть качества, — скривился правитель. Они дошли до рабочей комнаты великого эла. Зашли внутрь. — Рэтар?

— Она способна выносить потомство Горанов, — ответил тот. — Это первое.

— О, есть ещё? — удивился эла.

— Да, достаточно важное.

Правитель повернулся и вопросительно уставился на ферана Изарии.

— Она тебе никогда не была интересна, — ответил Рэтар откровенной грубостью, но остался спокойным.

— Осторожнее, друг мой, — предупредил его великий, неоднозначно ухмыляясь.

— Раз ты ставишь меня в такое же положение, — пожал плечами феран, — что и моего танара когда-то, то я не могу игнорировать эту деталь.

— Она может быть интересна кому-то другому, — снисходительно заметил эла.

— Да, — согласился Рэтар. — Это мне тоже понятно. И поэтому никакого обряда не состоится пока я не буду уверен в том, что внутри неё моего митара не ждёт неожиданность в виде чужого ребёнка.

— Позовёшь магов? Или ведьм? — и правитель сделал упор на последнее слово, а изарийский феран почувствовал, как земля стала уходить из под ног.

— Моего мага будет достаточно, — ответил он, стараясь оставаться спокойным.

— Не ссорься со мной, друг мой, — улыбнулся Лоаяс полной опасности улыбкой. — Моё положение шатко. Меня окружают предатели и каждое мгновение я ожидаю своего конца. Я не могу не проверять своих феранов.

— Я не доказал тебе, что верен? — спросил Рэтар. — Ты сомневаешься, что я приду на твой зов?

— Но последний раз ты именно так и поступил, — парировал правитель. Вот и то, чего феран Изарии ждал так долго, ещё до визита великого и его двора в Зарну.

— Ты знаешь, что я выполнил твою просьбу, — ответил он. — Я объехал границу, я составил тебе полный отчёт о происходящем на ней.

— Но ты не прибыл сам, как я просил, — отрезал эла.

— У меня были веские причины. Ты знаешь, что моего митара тяжело ранили. Он был при смерти.

— Но не умер.

— Это плохо? — поинтересовался Рэтар и тревожный гул в голове стал нестерпимым. — Потерять ещё одного верного человека было бы весьма печально, великий.

— Ты прав. Но кажется причина твоего отсутствия была не только в твоём митаре. Разве только его ранили? Кажется ещё твою чёрную ведьму? — великий сложил руки на груди и пристально всмотрелся в Рэтара.

— Да, ранили, — как можно спокойнее ответил тот. — Она спасла Шер-Аштар от

тяжёлых потерь.

— И митара спасла, — добавил правитель.

— И его, — согласился изарийский феран, чувствуя, уже точно понимая, что стоит на краю.

— Действительно ценная вещица, — хмыкнул великий эла. — Такая ценная, что ты променял меня на неё.

— Если это даёт тебе усомниться в моей верности, если это перечёркивает всё, что я сделал для тебя и Кармии, — повёл головой Рэтар, выдерживая жёсткий, испытывающий взгляд грасцитовых глаз Лоаяса. — Что ж — я приму наказание.

— И снова ты пытаешься поссориться со мной, — вздохнул эла.

— Лоаяс, — обратился к правителю Рэтар, — чего ты от меня хочешь?

— Знаешь, как мне порой страшно? — спросил тот, глядя на изарийского ферана. — Этот страх душит, Рэтар. Душит меня. Оглядываться, быть всегда в напряжении. Нет. Я был у тебя и мне было спокойно, несмотря ни на что. Вернулся сюда и меня снова заполнил страх.

— Великий...

— Я верю тебе. Верю, — перебил Рэтара правитель. — Но я должен быть уверен понимаешь? До конца. В тебе, и в Роаре.

Феран Изарии нахмурился, потому что не верил великому эла. Не верил.

— И поэтому я забираю твоих ведьм, — произнёс он приговор.

— Прости? — леденящий ужас стиснул внутренности Рэтара.

— Я решил, что заберу их в качестве залога вашей верности и в дальнейшем, — буднично ответил великий. — И это...

— Нет, — отрезал феран.

— Что? — правитель приподнял брови и будто удивлённо уставился на него.

— Я сказал — нет, — ответил Рэтар. — И перестань делать вид, что ты удивлён, озадачен или ошеломлён.

— Рычишь на меня? Скалишься? — и Лоаяс стал жёстким и злым, стал собой. — Я не спросил, друг мой. Я приказал, достопочтенный феран Изарии!

— Мне плевать, — рыкнул он. — Ведьмы принадлежат мне и фернату.

— Изария принадлежит Кармии, — отрезал правитель. — Всё твоё — моё, Рэтар. Вдруг ты забыл — так я тебе напомню.

— Я помню, Лоаяс, — кивнул на это феран, — я помню. У меня отличная память, великий. Я помню, что моя супруга и мой сын тоже были твоими. И я закрыл глаза на это. Но ведьм я тебе не отдам.

— Не глупи, Рэтар, — прошипел эла. — И не надо припоминать Тейту. Ты не достаточно хорошо следил за ней, не так ли?

— А должен был? Чтобы что? — оцетинился Рэтар. — Точно знать, что ты продолжаешь иметь её, когда я каждый день лезу на мечи, защищая границы твоего элата и твоё право на власть?

— Её обрюхатил твой брат, — проговорил великий ядовито и давясь словами, подойдя к Рэтару вплотную.

— Ну, что поделывать, — повёл плечом феран, скорее, чтобы скрыть досаду, потому что вот конкретно об этом не знал. О связи Шерга и супруги знал, но чтобы дошло до такого. Подозревал, что великий устранил Тейту по причине так сказать измены ему с каким-то там, в его понимании, изарийским мужиком, но беременность. Впрочем... теперь понятно

почему великий дал Рэтару возможность убрать и Шерга. Лоаяс был мстительным и никогда никому ничего не прощал. — В лице этого моего брата ты получил весьма ненадёжного союзника.

Великий издал какой-то утробный звук, с досады и злости. Хотел поддеть, но не вышло.

— И ты готов положить голову на плаху за ведьму? — прошептал правитель.

— Да, — ответил Рэтар, глядя ему в глаза.

— Что в ней такого? Я же видел, что я упустил? — спросил великий, прищуриваясь, сражаясь с гневом и раздражением. — Что? Впрочем не важно. Я разберусь сам. И с одной и с другой. Прости, Рэтар. Я снимаю с тебя титул ферана, я лишаю тебя твоих регалий. И тебя ждёт суд. Предательства я не прощу. Впрочем в этом мы с тобой похожи.

Он позвал стражу из-за дверей.

— Проводите почтенного Рэтара Горана под Ирнэ-Халаяс.

Феран склонил голову в поклоне, стража не решилась прикоснуться к нему. Он снял с пояса кинжал и передал его великому, так же как и принадлежащий ему триф с грактом дома на нём. Печать ферана эла забирать не стал.

— У тебя есть время подумать, друг мой, — сказал ему великий, когда Рэтар пошёл к двери. — Я всё-таки справедлив...

На слова правителя глава Горанов только ухмыльнулся, молча вышел в холодный коридор дворца. Молча прошёл в окружении трёх стражников, которые были напряжены и напуганы. И он знал, что их пугало. Они молились, чтобы феран Изарии не стал сопротивляться, а ему безумно этого хотелось.

Рэтар точно знал, что может уйти. Он знал обстановку внутри Тасцэлии очень хорошо, знал, где стоит стража, где есть порталы и он отправился бы домой. Но позволить себе уйти он не мог — за ним было слишком много дорогих людей. Роар и Элгор, его братья, верные ему люди, и Хэла... он не мог позволить себе отступить. Поэтому он смиренно примет свою участь, надеясь на то, что Роар справится, надеясь...

Они зашли за угол и Рэтар увидел, как с другой стороны коридора, оттуда, где сейчас гудело и шумело веселье разгула праздника цветения, к великому в сопровождении двух стражников шёл Роар.

Они встретились с таном взглядами, всего на мгновение и осталось только надеяться, чтобы митар не натворил ничего безрассудного сгоряча и хотя бы изобразил покорность, чтобы иметь возможность спастись.

В коридорах под Ирнэ-Халаяс было холодно и тихо. Зловещая тишина, которая резала слух.

Рэтара поместили в одну из камер, стража выдохнула только когда смогла закрыть за ним решётки. Он повел плечами и пройдя к стене сел на пол, туда, где была накидана сухая трава. Прислонился к стене и закрыл глаза.

Время потянулось медленно, стало липким. Сам того не заметил, как его утянул сон.

Рэтар видел Хэлу. Такую нервную, напряжённую, взвинченную и безумно красивую. Сон был таким отчётливым, что стало не по себе. Болезненно горящие глаза ведьмы утягивали в омут безумного желания.

Ощущения были такими яркими, что внутри выла боль от потери, он не проститься с ней, не увидит больше. Только вот это наваждение, которое может растаять в любой момент. Пальцы его впились в её тело, боясь потерять мягкость и тепло, она всхлипнула, захрипела, сжала кулаки. Рэтара стиснуло горем, он сильнее прижал к себе ведьму, ускорился,

стискивая до боли и...

Это был не он, не Рэтар. Он видел свои руки, но на них не было нити, что Хэла завязала на его запястье. Сейчас нить была под всегда надеваемой им лёгкой части защиты рук, он чувствовал её натяжение под кожей. Во сне он глянул на себя, отчаянно пытаясь понять, что происходит.

— Хэла, — позвал он... позвал голосом Тёрка.

Ведьма открыла глаза и Рэтара выдернуло из сна.

Он с болью втянул воздух, очнувшись в неизмеримом отчаянии. А в камере напротив избитый, весь в крови на полу лежал его тан.

— Роар, — прошептал Рэтар с надломом, — что же ты натворил, парень?

Роар с трудом открыл глаза. Попытался пошевелиться. По ощущениям было понятно, что ребро, если не сломано, но основательно треснуло. Били его очень добротнo, со знанием дела и от души. Потому что боялись, несмотря на то, что не было у него возможности сопротивляться.

Сколько стражников было? Восемь, может десять... когда зарычал на великого его сразу ударили сзади по голове, ударили со всей силы, которая свалила бы кого угодно, но не его.

Рука потянулась к ране на затылке.

— Очнулся? — хриплый голос Рэтара прогремел по голове с силой, потому что отразился от пустых коридоров судебного двора.

Неужели тан тоже тут?

Ещё когда Роара вели к великому, он видел своего ферана, идущего в сопровождении трёх стражников, но почуяв неладное, а потом, услышав от правителя, что феран Изарии теперь он, Роар, подумал, что такого как Рэтар запрут не в камеры под домом суда Ирнэ-Халаяс, а закроют в покоях, оставят под стражей.

Хотя, дурак, конечно — феран Изарии был слишком опасен, такого как он необходимо было запереть под замок, и камера с решёткой самое то. Как и для самого Роара.

— Сколько я тут? — как только понимание произошедшего снова его заполнило, скрутило животным страхом, ужас проник в кровь причиняя боль.

— Праздник был вчера, точнее сейчас темень, — отозвался Рэтар с сожалением. — Как тебя... боги... Роар! Я же попросил быть благоразумным, парень!

Благоразумие... чтоб им всем провалиться со всеми этими поучениями, со всеми этими — держи себя в руках, Роар!

Он был зол. Он был в отчаянии. Ему хотелось выть, хотелось ковырять камни, разбирая стены или пол камеры. Он был готов рвать и метать, неистово и беспощадно, несмотря на боль. Но он заперт и его ждёт смерть. Теперь уже точно. Смерть, как успокоение. Но покоя не будет, потому что там была его Милена, его маленькая, светлая девочка и его выворачивало наизнанку от понимания, что прийти на помощь ей он не может.

Когда пришло это проклятое приглашение, которое было как приказ, Роара почти вывернуло.

Накануне он взвился, потому что Милена попала во двор, где был мёртвый Шерга, была эта отвратительная баба, его мать. Она стенала и выла, надев не положенный ей траур, даже ятсай сплела, и все они ждали от неё чего-то подобного, но вот яд, да ещё такой сильный!

Эта тварь чуть не погубила дом вместе с собой.

Когда митар увидел смерть Дэшаи и услышал в подтверждении догадки название яда, внутри всё заледенело. Взгляд метнулся к Милене и стало совсем плохо. Она могла погибнуть, в отличии от него, которого скорее всего спасли бы.

Очередное осознание возможной потери взвило его до безумия. Он налетел на неё, налетел на Брока, рядом с которым она стояла, и который должен был её увести, который обязан был не допустить её присутствия при этой скверной сцене, не только выступления матери Шерга, но и её последующей смерти.

И Милена разозлилась на Роара, попыталась накричать, хотя у бедняжки всё ещё не

было голоса. И понятно, что он был не прав, но как обычно осознание приходит уже после того, как натворил дел. И тогда она ушла, а Роар выпустил гнев на Брока, но сына Рэтара не так просто было прижать.

Из всех равных, кто был в ближайшем окружении Горанов, Брока митар уважал наверное больше остальных. По крайней мере из тех, кто был младше самого Роара. Сын Рэтара был серьёзен и опасен. В отличии от Элгора, в котором было много дерзости, пылкости, наглости, Брок был спокоен и хладнокровен. Почти всегда держал себя, был очень похож на отца, а главное всеми силами пытался сделать так, чтобы отец им гордился.

Юношу невозможно было пробить, достать, уколоть — он всегда был настороже. И конечно это была заслуга Тёрка и Миргана. Они оба сделали всё, чтобы не только защитить сына своего брата, но и выучить его, чтобы сам мог за себя постоять. И он мог. Уравновешенный, вдумчивый, невозмутимый. Отличный воин, отличный разведчик. На войне мальчишке доверяли достаточно серьёзные вещи и он справлялся с ними безупречно.

Роар стоял и смотрел в ледяные, как у тана, глаза полные вызова. Парень был зол из-за Милены. Митар видел ту заботу, которую юноша проявлял к белой ведьме. Ревновал ли Брока к Милене? Да, очень. Правда Роар точно знал, что честь не позволит сыну Рэтара пойти дальше дозволенного. В этом митар был полностью уверен.

Но главное, что Роар получил от мальчика словесную оплеуху, весьма увесистую и отрезвляющую. Брок указал на то, что митар не давал Милене продыху, что если бы была возможность запер бы и не давал увидеть свет. А это глупо и уж точно ничем ей не поможет.

И мальчишка был прав. Чтоб ему Роару провалиться — ребёнок был прозорливее взрослого мужика!

Митар запер бы свою девочку и спрятал от всего мира, потому что слишком тут плохо, потому что громадой лежало осознание, что сделает ей больно. Весь это мир и он сам.

А когда смотрел на это проклятое приглашение, понимал, что загнан в угол.

Началось, вот оно!

В ярости добрался до ферана, попытался сопротивляться, но куда там? Рэтар и глазом не повёл. Да и чего ему переживать? У него была Хэла! Она была полна невероятной мудрости, она была основательной, сильной. Она даже порку простила!

А Роар поверить в это не мог — вот так... просто поняла, что иначе было нельзя? И конечно Рэтар был спокоен, когда порол её — феран знал, что его женщина в конечном итоге всё примет, простит... она любила. Роар видел, что Хэла любила тана, и видел, что тот любил её в ответ. И злость поэтому сжирала митара изнутри.

И нет, Роар понимал, что Милена любит его. И дело было не в признаниях. Он чувствовал эту любовь. Но забыть реакцию девушки на то, как Хэла его спасла, не мог. И понятно, что это были порыв, тревога, истерика, страх, да ещё, рващ, знает сколько всего. И что на самом деле не было в Милене злобы, и она приняла бы необходимость, приняла безысходность того, что произошло.

Но брак...

Уйдя от ферана он вернулся к себе и к своей маленькой.

— Что случилось? — спросила она сходу. Да и понятно, тут даже не надо было чувствовать как-то по-особому, быть ведьмой, потому что ему плакать хотелось, будто он ребёнок.

Роар подошёл к ней и внутри всё так разрывалось на части, яростно терзало.

— Я должен кое-что тебе сказать, — он присел перед ней, обнял руками ноги, но слов

подобрать не мог.

— Ты меня пугаешь, — прошептала Милена.

— Я сделаю тебе больно, — проговорил митар. — Я не могу ничего с этим поделаться. Это выше моих возможностей. И мне самому отвратительно от того, что я должен на это пойти.

— Роар? — на глаза ей навернулись слёзы, отвечая на его непролитые, которые стояли в глазах и он силился справиться с ними.

— Великий эла хочет, чтобы феран и я заключили браки.

Девушка хотела что-то воскликнуть и вполне возможно издала даже какой-то звук, но из-за отсутствия голоса всё ещё говорила приглушённо и хрипло.

— Ему нужны наследники Горанов, чистой крови, — он усмехнулся и слёзы всё-таки полились из глаз. — И, если мы скажем “нет”, то можем за это поплатиться своими головами. И я...

— Роар, не надо, — она теперь тоже плакала.

— Я готов потерять голову, если ты скажешь мне, что я, — он сглотнул, — что ты...

И как он должен это сказать? Роар действительно был готов расстаться с жизнью ради неё. Это осознание было внутри уже давно, ещё тогда, когда подставился во время нападения на торговые ряды в Трите, он не думал о своей жизни, только о её жизни. Подставился, как мальчишка, который меч в руках всего ничего держал. И не было ни мгновения сомнения, потому что она была за спиной и надо было её спасать.

И сейчас его останавливало от твёрдого отказа на приказ эла только то, что она останется без него, останется без защиты. Хотя...

— Не надо, пожалуйста, — прорыдала Милена и, обняв его, сползла с кресла к нему в руки. — Не надо так, Роар. Не надо...

И да, это всего лишь брак с женщиной, до которой ему нет дела, да и ей тоже до него дела не будет. Просто союз, чтобы была выгода фернату, были наследники. И митар знал десятки примеров, когда знатные мужи вступали в брак, а сами жили открыто со своей наложницей, которая была любимой женщиной, или содержали свободную женщину по той же причине. Но он так не умел.

Чаще всего даже, когда у него были романы с разными девицами при дворе или он увлекался кем-то из наложниц, его сложно было бы упрекнуть в неверности.

Или когда был с Язой только о ней одной думал и верен был безоговорочно, хотя и не обещал ничего, да и любовь между ними была основательной, проверенной временем, дружеской, крепкой, спокойной, как штиль. И Роар точно знал, что Яза приняла бы и поняла эту необходимость в браке для него, поддержала, была бы на его стороне в любом решении, но он всё равно мучился бы, всё равно пришлось бы договариваться с совестью, потому что был таким — верность для него была непоколебимой основой его жизни.

Прижимал к себе Милену, а сердце щемило до боли, потому что её боль была и его тоже.

— Я без тебя не смогу, — всхлипнула она. — Поэтому не говори про смерть, пожалуйста.

— И у меня без тебя не получится, но я вернусь оттуда с супругой, понимаешь? И это больно, мне безумно больно и я не хочу, чтобы тебе было, но будет и я не смогу ничего сделать с этим, светок, — у него самого не было силы в голосе.

Милена ничего не ответила, только прильнула к нему солёными от слёз губами и его

унесло. С ней у него всегда была буря. И как он может её предать?

И даже договариваясь с Летой, Роара выворачивало. Он прикрывался этой великодушной идеей того, что спасёт её от совершенно потерявшего разум данэ, но на деле... всё было едино. Мерзко и тошно.

Слова Рэтара, что больше не будет его прикрывать, что отдаёт ему титул ферана, были, как удар исподтишка.

Роар понимал, что это лишь из-за того, что тан так же не может смириться с этим приказом, что его тоже выворачивает и он не может предать Хэлу.

И Рэтар мог уйти, у него были все права на это.

Для того, чтобы стать тэяром нужно было быть фераном не меньше десяти тиров, нужно было хотя бы раз быть в успешном, то есть принесшим детей, браке, нужно, чтобы ферина была возрастом большим, чем полсотни тиров, или феран должен был быть вдовцом. И феран часто становился тэяром, если сыновья были мертвы, или в браке рождались только дочери, передавая титул нужному человеку, чтобы не возникало споров о приемнике после смерти ферана.

И Рэтар мог стать тэяром Горанов действительно давно. Не было ни одной возможности у правителя Кармии возразить против этого.

Ещё когда Элгор сказал об этом, что если бы не Роар, то тан давно сделал бы так... и на самом деле это зацепило. Но тогда столько всего произошло, что митар напрочь забыл о словах брата и их действии на него.

И теперь, когда Рэтар сказал о своём решении, это чувство вернулось. Роар слишком хорошо знал своего тана, чтобы не понимать — решение окончательное, изменить его нельзя. Но вот причина.

Получалось, что Роар плох для титула ферана в обычных условиях, но когда дело приняло скверный оборот, то он сразу стал вполне годен? Выбор между долгом и Хэлой? Никогда бы Роар не мог подумать, что женщина сможет сделать такое с Рэтаром Гораном — пошатнуть преданность долгу и земле!

Сначала митар безумно разозлился. Вышел в коридор и был невообразимо счастлив, что феран задержался и не вышел следом за ним. Потому что перекошило гневом и яростью, внутри взметнулось такое дикое неистовое пламя. Он сам не понял, как удержался и не попытался смести этой злостью ферана.

И да, Роар бы не смог ничего сделать, это была бы пустая попытка вздорного мальчишки достать кого-то, кто недосыгаем, но буйство чувств застилало глаза.

Конечно митар остыл и конечно понял, что на деле пытаюсь заменить себя Элгором, пытаюсь сопротивляться этому приказу великого всеми силами, он делал так же как и Рэтар. Но у тана был выход и он заслужил им воспользоваться.

Не мог Роар позволить себе сказать, что достопочтенный феран Изарии Рэтар Горан не достоин отдыха, не достоин стать тэяром и не достоин быть рядом с любимой женщиной. И эта скорбная мысль — Хэла была беременна и она потеряла ребёнка...

Как мог Роар вообще злиться? Какое право имел идти поперёк практически самого важного в своей жизни человека?

Феран Изарии зашёл в зал, пересёкся взглядами с митаром, кивнул, прошёл к дальней стене, и Роару стало невыносимо стыдно. Жгучий, едкий стыд разлился внутри него, причиняя боль и смиряя гордыню.

Рэтар вырастил его, заменил отца. Никогда не оставлял и не предавал, всегда был

рядом. Сколько раз спасал его жизнь?

И сейчас Роар видел как тан устал — от обязанностей, которые выполнял намного дольше, чем был фераном официально, от того груза ответственности, которая лежала на нём ещё дольше, и от войны, которую вёл постоянно, не выдыхая, ожидая удара. И неужели Роар будет тем человеком, который этот удар нанесёт?

И митар смирился. Он был благодарен, что выбор супруги был свободным и можно было делать как удобно. И Лета Анпа была отличным выбором. Да, внутри будет болеть, но Лета хочет свободы и Роар ей её даст. Пусть делает, что захочет, она тоже заслужила.

Он не почувствовал плохое, когда феран ушёл с великим. Не учуял неладное, когда один из людей великого подошёл и передал просьбу правителя пройти к нему в рабочую комнату. Но когда вышел в коридор и людей эла стало больше, то уже не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы понять — происходит что-то скверное. А потом увидел Рэтара в сопровождении стражи и стало страшно.

Да, Роар приказывал себе быть благоразумным. Да, заходя в рабочую комнату великого эла, он давал себе чёткие указания не вестись на провокации, сделать всё, как надо и уйти, чтобы спастись и попытаться спасти тана. И по-началу всё шло хорошо, он сдерживался, сделал вид, что смиренно принимает титула ферана, не стал спрашивать, что случилось и чем провинился Рэтар, но потом всё это стало не нужно.

— В знак верности, Роар, — обыденно, словно говорил о погоде, произнёс великий, — тебе нужно передать мне ваших ведьм.

— Передать вам ведьм? — митар сам не понял, как смог это переспросить внятно. Внутри всё окаменело.

— Передать ведьм элату, — проговорил правитель бесцветным тоном. — Такая ценность, как ваши ведьмы, не могут принадлежать одному фернату, согласись, Роар.

— Великий, — в голове стучала кровь. Теперь стало понятно — Рэтар не нашёл что ответить на это, а как Роар может? — Другие фернаты тоже призывают ведьм, но элат не требует их себе в качестве доказательства верности.

— Может быть, — тон эла изменился и митар понял, что его загнали в угол. — Но как я погляжу вы с твоим таном слишком уж за них держитесь.

В голове Роара металась десятки мыслей — согласиться отдать ведьм для виду, а самому не исполнить приказ и спрятать их, дать сбежать? Всего лишь надо освободить от слова перед фернатом. Ничем другим они не связаны, а он теперь феран и значит может сделать это. Роар заплатит головой за неподчинение. Но Хэла с Миленой уйдут в портал. Исчезнут. С Хэлой Милена не пропадёт. И их не будут искать, потому что они не нужны — они всего лишь способ влияния на Горанов, точнее только на одного, на Рэтара. А Роар?

Конечно феран был прав в том, что великий знал про связь митара и белой ведьмы. Но что он будет делать с Миленой, если заберёт? Попытается заставить нового ферана Изарии в лице Роара делать так, как надо эла и Кармии? Будет вымогать беспрекословное подчинение? И можно было бы сыграть в эту игру, но слишком хорошо митар знал великого — он не сможет оставить свою похоть, свои низменные желания. Тем более призванная серая, будь она простой, или ведьмой, для правителя всего лишь вещь.

И плевать Роару на свою жизнь, лишь бы Милена жила. Она справится с горем, справится. Хэла ей поможет. Значит надо было рискнуть. Но... митар взглянул в полные кровавого холода и жестокости глаза эла, такие же как у его отца.

— Мы держимся за свою честь, держимся за свои принципы, держимся за

справедливость, в которую верим, — отчеканил Роар, понимая, что подписал себе смертный приговор.

— Хм, ну что ж, — эла пожал плечами. — А я так верил в тебя, Роар. Но будь спокоен — это была просто проверка. И вы оба, ты и твой тан, увы... А ведьмы уже у меня. Достопочтенный феран Отой Итэги Джэлт Дэялг очень рад им, поверь мне. Глаз с них не спускает.

И всё. Этого было достаточно, чтобы благоразумие, которое изарийский митар строил внутри как стену, пошло трещинами и рухнуло под натиском необузданного яростного отчаяния.

И вот он за решёткой, избитый, ожидает смерти...

Роар повёл головой и попытался увидеть Рэтара. Видел он плохо, так как здесь было темно, и один глаз заплыл от удара в лицо, а во втором пока ещё двоилось. Но тан был в камере напротив. Вот это насмешка от эла, действительно.

Митар простонал и подполз к стене.

— А ты? — прохрипел Роар на вопрос Рэтара о благоразумии.

— Со мной уже давно всё было решено, — возразил феран, — но у тебя была возможность спастись, тан! Я надеялся, что ты поймёшь...

— Я понял, — ответил митар, стараясь не вдыхать сильно из-за боли в рёбрах. — Но теперь нет смысла.

— Что? — по голосу было понятно, что Рэтар нахмурился.

— Он хотел ведьм, — отозвался Роар.

— Я знаю, — ответил феран.

— И ты отказал.

— Да, и ты...

— Не совсем, — перебил его митар, понимая что тан хочет сказать. — Они уже у него.

— Что? — переспросил Рэтар.

— Он сказал, что они у него, — отчеканил Роар и осознание ударило в него с новой силой, болезненнее, чем десяток рук или ног, избивающих его. — Моя маленькая у Дэялга, она у этого урода... и Хэла у него... и это. Это конец.

Рэтар какое-то время молчал. Наверное пытался осознать безысходность их положения.

— Он просто сказал? — спросил тан.

— Да, — ответил митар.

— Роар, — простонал Рэтар. — Просто сказать можно, что угодно. Когда бы он успел их забрать? Нам бы сообщили. Как-то, но сообщили.

— Да хотя бы во время праздника, — взвился Роар, признавая, что вот эти слова тана сейчас внушили ему надежду на то, что эла просто спровоцировал агрессию и что с Миленой всё хорошо.

— Я отправил Брока в Зарну перед праздником и он должен был забрать оттуда ведьм. Если бы их там не было — он вернулся бы и сообщил, — ответил мужчина и митар понял, что это в Рэтаре его всегда безумно раздражало, так же сильно, как и восхищало — быть на шаг впереди, просчитывать ходы и почти всегда знать, что ответить.

— А если... — и Роар оборвал себя, потому что мысль, что Брок мёртв, поэтому не вернулся, его самого скрутила, а что говорить о феране.

Митар замолчал, мотнув головой слишком сильно. Всё поплыло и он снова провалился в забытье.

Стражники грубо растолкали уже под утро. Было холодно. Им дали еды. Неплохо, надо сказать, но сразу стало понятно, что это их последняя трапеза.

— Прости, — с трудом проговорил Роар, обращаясь к тану. Оба они, конечно, есть не стали.

— За что? — спросил Рэтар.

— Я так и не повзрослел, — ухмыльнулся митар.

Феран ухмыльнулся в ответ.

— Вероятно, я не дал тебе это сделать.

— Нет, ты, — ухмыльнулся Роар и скривился от боли. — Правда. Прости. И я никогда не смог бы расплатиться с тобой, даже если бы наша жизнь не закончилась сегодня.

— Забудь, Роар, — отозвался Рэтар. — Я впервые взял тебя на руки, когда тебе было всего четыре дня, и ты так сильно схватил меня за палец, и держался, даже когда Мита, хотела тебя забрать, и так раскричался, когда всё-таки забрала. Орал ты и вправду громко, даже слишком.

Они переглянулись и рассмеялись. Роар при этом застонал, потому что всё болело, а смех делал только хуже.

— Ты всё так делал и и делаешь до сих пор, — продолжил Рэтар. — Слишком. И на самом деле, Роар, ты хорош во всём. Во многом лучше меня. И ты живёшь сердцем, в отличии от меня, который, если и жил сердцем когда-то, то забыл, как это. А ты... да и это ты тоже делаешь слишком.

— И это плохо для ферана, даже без “слишком”, — отозвался митар.

— Судя по всему мы этого не узнаем, — заключил феран.

— Можем предположить, ведь я как отец...

— Нет, Роар, нет. Ты во многом на отца вообще не похож. И есть одно, в чём ты совершенно точно от него отличаешься. Важное для ферана.

— Что? — удивлённо поинтересовался митар.

— Твой отец не умел полагаться на людей. Я любил его, он был мне больше другом, чем танаром. Но он был упрям, пытался быть твёрдым, а надо было быть гибким. И он был один, — Рэтар посмотрел на Роара и грустно улыбнулся. — Я такой же как он.

— Не как Эарган?

— Мой отец умел управлять, — возразил тан. — Правильно управлять. Распределял. Рейнар не делал этого, потому что почти никому не доверял и потому что не умел. По сути он был хорош только в войне, как воин, даже не как командир. Он был исполнитель. И если бы признал это — было бы проще всем.

— Но ты хороший командир. Ты умеешь приказывать, — усмехнулся Роар.

— Этому меня заставил научиться отец. Но вот тут, — он вздохнул, — я всё равно не люблю перекладывать ответственность на других. Я вынужден был делать так, как надо. А ты Роар умеешь быть в команде. Иногда тебя тянет на геройства, но если научишься с ними справляться, то...

— Если бы научился, — поправил он Рэтара. — Теперь это не важно.

— Нет, парень, послушай, ты можешь выжить, — проговорил феран. Чётко, жёстко. — Дай ему отыгаться на мне, как он того и хотел. Он успокоится и ты сохранишь жизнь. Потеряешь титул, регалии, будешь изгнан, но будешь жив. И я не верю, что он говорил правду о ведьмах. Я думаю, что он соврал, если так то найдёшь...

Но договорить Рэтар не успел — в коридоре всё пришло в движение. За ними пришли стражники. Человек двадцать пять, а может тридцать.

— Вот это парад, — фыркнул митар.

— Это из-за тебя, Роар, — отозвался феран.

Их вывели во внутренний двор Ирнэ-Халаяс.

Огромная открытая площадка суда, внутри которой вдоль стен через пять шагов друг от друга стояли стражники. Постамент посередине — для осуждаемых, а потом это же и плаха для приговорённых. Здесь, приговаривали только знатных. Приговаривали на изгнание или на смерть, отсюда никогда не уходили оправданными.

На ступенях впереди стояли советники и двое из верховных эйолов, восседал великий эла, рядом с ним сидела его супруга. Взгляд её был безучастен и пуст. По стенам, на уровне второго этажа шла такая же открытая галерея, что и в Зарне, но она была со всех четырех сторон.

Сейчас только галерея за спиной великого была пуста, а остальные три были заняты — на одной представители башни Хангыри, включая первого мага, на других все те, кто два дня назад улыбались в лицо и давились в их с Рэтаром спины — владельцы высших регалий, первые и их наследники...

Показательный суд. Показательная казнь. Вот что это будет.

— Глянь, с церемонией обвязи на казнь, — проговорил Роар, глядя на стоящих феранов и их детей.

— Или наоборот, — отозвался Рэтар.

— Хорошо ещё, что в Йероте уже так тепло, — проговорил митар, когда они шли к постаменту.

Он очень старался идти прямо и так же открыто, со спокойным вызовом, с каким шёл Рэтар, но, преодолевая боль, всё же иногда было тяжело оставаться бесстрастным.

— Да, это тебе не в снегу, на мёрзлой земле умирать, — отозвался тан.

Они встали рядом. Сзади и по бокам от них собрались стражники со щитами и копьями наготове — одно движение и конец.

Но собственно что ещё? Для Роара было бы честью погибнуть рядом со своим таном, правда лучше бы это было в бою, хотя, а чем сейчас не бой? Просто они уже точно его проиграли и сейчас должно стать понятно какие потери понесут.

— Мы собрались здесь по крайне печальному для меня происшествию, — начал эла, изображая неподдельную скорбь на лице. Роар с трудом удержался от пренебрежительной ухмылки. — Мои самые верные слуги предали меня и моё доверие к ним.

По галерее прошёл недовольный гул.

— Падальщики, — прохрипел митар так, чтобы услышал его только Рэтар.

— И это предательство наносит мне страшную рану, которая не заживёт, потому что многие знают, — вздохнул с деланным сожалением эла. — Горанов я считаю своей второй семьёй.

Он взял паузу, чтобы порадоваться шёпоту, вновь оживившему галерею.

— Но я справедлив и великодушен, — в очередной раз напомнил правитель, — я не могу не дать возможность достопочтенным и уважаемым всеми мужам из дома Горан, которых я люблю, как своих братьев, оправдаться и повиниться. Ведь, в этом случае, я готов простить им их неблагоразумие, связанное, скорее всего с обычными ведьмовскими заговорами.

— Не хотел бы я быть его братом, — снова едва слышно отозвался Роар. — Рваш, я стал как Тёрк, да?

И он потупил взгляд, хотя по его разбитому лицу было бы сложно определить его чувства. Рэтар же кажется едва заметно ухмыльнулся в бороду, но для окружающих остался так же хладнокровен, как и был. Он стоял с прямой спиной, смотрел, митар был в этом уверен, прямо в глаза правителю. А тот видимо ждал, что они изменят своё решение об отказе передавать ведьм элату, а точнее непосредственно самому великому эла.

— Достопочтенный Рэтар Горан, — обратился правитель, так и не дождавшись никакого ответа. — Вы не хотите изменить своё решение? Я всё ещё могу закрыть глаза на вашу дерзость. Что до вашего достопочтенного тана, то ему повезёт немного меньше, но он может уйти отсюда живым, несмотря на то, что попытался напасть на своего правителя.

На этом вся галерея не просто зашептала, она пошла недовольными волнами возгласов — от “не щадить” до “убить немедля”. Просто прекрасно!

— Плохой из меня сирг, — буркнул Роар.

— Вы знаете меня, великий эла, очень хорошо, — спокойно ответил на это Рэтар, — вы называете меня другом и даже братом, а значит мне незачем отвечать на ваш вопрос, потому как я не изменю своего решения и мой ответ всё ещё “нет” — я не отдам элату своих ведьм. Ни чёрную, ни белую.

Гул стал неровным и рваным. Видимо причины так называемого предательства присутствующие здесь не знали. И уж как бы они не относились к Горанам, но каждый разумный знатный понимал вклад Изарии в элат, каждый понимал мощь изарийского войска, а ещё они знали о непоколебимой верности этого войска своему ферану.

И обращать на себя гнев такой силы, казня Рэтара Горана по причине его отказа отдать то, что по праву магического призыва крови принадлежит его фернату, было откровенно глупо.

Конечно были и глупцы, поддерживающие великого эла, но скорее всего их были единицы. Происходящее перерастало в полный цинизма торг, за которым могли прийти кровавые непоправимые последствия для эла и элата. Феранам это не нравилось.

Внутри Роара вертелась мысль о том, что великий стал так же безумен, как и его отец. Митар глянул на своего ферана.

— Ты приговариваешь с собой и своего тана, Рэтар, — произнёс правитель и стало понятно, что он теряет своё терпение.

Роар перевёл взгляд на стоявшего за спиной великого Джэлта Дэялга. Военный советник был как всегда полон надменности и непомерной важности. Роар пытался понять действительно ли великий сказал правду. Эта неизвестность доводила его до безумия и он не верил, что Рэтару было всё равно. Единственно — может тан держался за то, что хуже умирать, зная, что любимая женщина в беде, а он ничего не может сделать, чтобы спасти её.

Феран повёл плечом:

— Нет, великий, — возразил он. — Нас обоих приговариваешь ты. И лишь ты здесь сейчас решаешь вынесут отсюда наши мёртвые обезглавленные тела или мы уйдём своими ногами, живые. Моей власти над твоим решением нет.

— Просто повинись, склони свою голову и отдай мне своих ведьм, — с нажимом проговорил эла.

Рэтар слегка повёл головой и даже не удостоил правителя своим “нет”.

— Не хотите спасти себя, достопочтенный Роар Горан? — обратился к изарийскому

митару правитель.

— Спасти себя, предав своего тана? Свой дом? Свою совесть? Свою честь? — с трудом проговорил он. — Нет.

Великий хмыкнул, лицо его преобразилось и стало мерзко снисходительным.

— Даже если напомню, что ведьмы уже у меня? Ваше согласие нужно, чтобы не применять магию для разрыва связи крови. Своим отказом, вы обрекаете их на страдания, — он выдержал паузу, дав им возможность осознать свои беспомощность и глупость. — Но что если я дам тебе, почтенный Роар Горан, сейчас сделать правильный выбор? Что если тогда, ты заберёшь одну и уйдёшь отсюда живым?

И митар дрогнул и почувствовал, как дрогнул тан. Это было наверное самое отвратительное, мерзкое...

Роар может забрать Милену, если предаст Рэтара... и предаст Хэлу? Обменять двоих дорогих ему людей на себя и свою любимую женщину?

Феран, продолжая смотреть на великого, рыкнул едва уловимо:

— Согласись.

Это был беспрекословный приказ. Сделай так и будь счастлив. Всё.

— Прости, — с трудом мотнул головой Роар, надеясь, что уж сейчас сознание останется с ним. — Я не верю, что ведьмы у тебя, великий.

— Что? — взвился правитель, потеряв контроль. — Как ты смеешь?

Роар увидел, как на мгновение Рэтара перевёл на него взгляд, полный обвинения в сущем безумии. Тан словно пытался врезать ему, призывая к тому самому проклятому благоразумию. Но было поздно. Он сказал то, что может теперь уже точно будет стоить ему жизни.

Но признаться себе и быть честным — такой, как Роар, был не нужен великому эла живым. Он не ушёл бы отсюда. Это такая призрачная, невесомая надежда, что хвататься за неё можно только безумцу. А вот сейчас голова митара Изарии была трезва, как никогда.

Но тем временем двор пришёл в движение и оно испугало так сильно, как не пугали сотни врагов с оскаленными озверевшими лицами, несущиеся на него в пыли сражения, с обнажёнными мечами.

Стражники вывели во двор Милену. И Роар словно умер в этот момент. Взгляд девушки обратился к нему, полный непередаваемого страха, истерики, она была в слезах и, увидев его, содрогнулась, кажется потеряла способность идти.

Роару отчаянно хотелось отбить её от всех них, чтобы никто не трогал, защитить от всех здесь, спрятать. Кажется Рэтара даже попытался сделать жест, чтобы остановить своего тана от опрометчивого порывистого и уж теперь точно смертельного поступка.

Белая ведьма была растрёпанной и грязной, волосы кое-как собраны сзади. На ней было грязное, но слава богам, целое платье. Однако багровые разводы на нём приводили в леденящий ужас. И Роар чувствовал, как ужас сковал и ферана, стоящего рядом.

Милена была одна.

Жуткие мысли вихрем закружились в голове одна за другой.

Великий сказал, что у него обе ведьмы, а им показали только одну. В платье, на котором было очень много крови. Явно не крови белой ведьмы. Она шла сама, была заплакана и испугана, но цела. А значит... Роар словно задышался.

Где Хэла? Неужели это её кровь? Она бы не могла сдать просто так. Она бы сражалась. И если её не убили, схватили, то жестоко отомстили за сопротивление. Крови

очень много и он, как опытный воин, понимал, если это кровь одного человека — то он не жилец.

Роар не мог оторвать взгляда от девушки, хотя ему отчаянно хотелось взглянуть на Рэтара, но казалось, что тогда Милена пропадёт. Её не будет, как и Хэлы. Бессилие душило, сводило с ума.

— Где вторая? — спросил эла, кажется громче, чем хотел.

Митар Изарии с трудом перевёл взгляд на правителя. Тот был недоволен и лицо его скривилось от раздражения. К нему нагнулся Дэялг и что-то тихо сказал. Мужчина был словно тоже озадачен, он казалось даже испытывал вину. Выслушав объяснения, правитель презрительно цыкнул и сделал жест рукой, чтобы советник встал обратно.

Роар успел глянуть на своего тана. Рэтар стоял словно каменный. Кажется он был мёртв — умер вот так стоя. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но и расслаблен он не был. Митар чувствовал невообразимое напряжение, которое испытывал его феран — вся жизнь перестала иметь какой-то смысл, невозможно передать это и даже представить о чём сейчас он думал.

Милену поставили лицом к эла прямо перед ними. Всего ничего — сделать шаг, протянуть руку и Роар почувствует её. Маленькая, в одном платье, несмотря на то, что на улице было достаточно тепло, было видно, что она дрожит.

— Что ж, — правитель перевёл взгляд с ведьмы на Горанов. — Печально. Я очень настоятельно предлагаю вам ещё раз подумать, достопочтенные Гораны. Ситуация немного изменилась. Увы, но если вы будете продолжать стоять на своём...

Великий изобразил скорбное лицо и развёл руками, выдержал паузу. Потом глянул на Милену.

— А может ваша очаровательная белая девочка-ведьма сделает всё за вас? А, ведьма? — он склонил голову, ментально изменив настроение, чем вывел из себя Роара, да и Рэтар кажется сейчас уже держался за пустоту и был на грани.

— Что вам надо? — всё ещё хриплым голосом спросила Милена, нарушая правило о том, что отвечать эла без разрешения нельзя.

Правитель снова недовольно цыкнул, пара советников, включая Яндэ, кажется попытались ринуться вперёд, чтобы наказать ведьму за дерзость. Роар был готов отдать жизнь в безрассудной попытке её защитить, но великий ухмыльнулся и сделал жест рукой успокаивая своих людей.

— Серые не имеют права говорить без разрешения, — напомнил он, обращаясь к девушке. — Ты знаешь, что эта дерзость может стоить тебе жизни?

— Глядя на всех вас, — тихо отозвалась она, — могу сказать, что смерть не самое ужасное, что может со мной случиться сегодня.

“Что ты творишь?” — захотелось закрыть ей рот, прижать к себе, и оправдаться за глупую выходку.

Но, боги, как же она была права сейчас.

— Дерзишь? — великий сделал удивлённое лицо.

— Что вы от меня хотите? — спросила она достаточно твёрдо. — Что нужно, чтобы мы могли уйти отсюда?

— Только очень глупая девочка может так разговаривать с тем кому принадлежит её жизнь, — ответил великий, оживляясь. И это было плохо. Для Милены плохо, а для Роара просто безумным кошмаром.

— А кто вам сказал, что я умная? — ответила она и это и вправду было слишком.

Хотя митар понимал, что с ней случилось что-то плохое, она стала свидетелем чего-то ужасного — пыток? Может смерти? Неужели действительно Хэлы? Хотя он так отчаянно не хотел в это верить. Однако, если так, тогда вполне возможно Милена изменилась и сейчас уже не была белой ведьмой.

Правитель рассмеялся.

— Что ж, ладно. Ты кусаешься. Допустим. Надеюсь выделяешь не слишком много яда при этом, — и он снова посмеялся, теперь уже своей шутке, которую поддержали все присутствующие. Потом махнул рукой и все резко замолчали. — Дело в том, что я просил достопочтенных Горанов отдать мне их ведьм. Они отказали. Но ведьмы-то всё равно у меня. Если они оба лишаться голов, то мы потеряем их дом.

Роару показалось, что его ударили с такой силой, оглушили, выбили дух... Элгор...

— Было бы очень скверно их всех потерять, — продолжил правитель. — Правда, судя по их поступкам и словам, я зря был так уверен в их верности. Все трое оказались спесивы и заносчивы. Один уже поплатился жизнью.

Как Роару сейчас хотелось броситься вперёд, как хотелось затолкать эти страшные слова обратно в его глотку. Нет, его брат не мог быть мёртв. Но Милена всхлипнула, сжалась, склонила голову, прижимая руки к лицу. И Рэтар протянул Роару руку в останавливающем жесте, он вцепился в неё до побелевших костяшек.

Да, светок была права — смерть не самое ужасное, что может случиться сегодня.

— Что вам надо? — спросила Милена сквозь слёзы, срываясь на невозможный для её сиплого сейчас голоса, крик.

Правитель хмыкнул, посмотрел на неё с нескрываемым животным интересом:

— Белые ведьмы умеют делать заговоры просто желая этого, — произнёс он. — Мне нужно от тебя исполнение моего желания.

— Она ещё не способна на это, — произнёс феран жёстко, но невероятно спокойно.

— Неужели? — хмыкнул великий. — Пора тепла всё-таки наступила в Изарии.

— Это могло произойти само собой, — заметил тан и Роар почувствовал его напряжение.

И феран и митар знали, что это не так, что тепло пришло в Изарию из-за Милены. А видя ухмылку на лице великого стало понятно, что он тоже знает это. При чём знает наверняка.

— Нет, Рэтар, друг мой. Я точно знаю, что тепло пришло благодаря именно силе белой ведьмы.

— Потому что холод был создан твоими стараниями, — заключил феран, а эла самодовольно ухмыльнулся. И по галерее прошла очередная волна возмущения. Митар понял, что его тан специально вытащил это признание из правителя.

— Я сделаю, что хотите, только отпустите нас, — вмешалась Милена.

— Не вздумай, — попытался остановить её Роар.

Впрочем это была такая зыбкая, ничтожная попытка протеста — из-за магических прав эла мог заставить её сделать, что угодно. Просто не делал этого, потому что, если с чёрными ведьмами можно было обращаться с силой, то с белыми нет. Сила могла сломать их. И великий знал об этом очень хорошо. Белая ведьма должна была сама захотеть сделать это.

Милена не обернулась на него, а Рэтар теперь уже двумя руками удерживал от того, чтобы Роар не кинулся вперёд и не нашёл смерть на острие копья стражника.

— Что вам надо? — повторилась она.

— Я хочу бессмертия, — произнёс великий эла и кажется всё вокруг замерло в мёртвой пронзительной тишине.

— Бессмертия? — переспросила Милена. В голосе не было безграничного удивления, как у всех вокруг, потому что её голос и все его оттенки Роар знал и различал прекрасно, сейчас это было презрение.

— Да, — подтвердил правитель.

— И вы отпустите нас?

— Да. Если ты исполнишь моё желание.

— Милена, — крикнул Роар, а Рэтар нахмурился, глядя в спину белой ведьмы. Они оба знали, что не уйдут живыми. И она не спасётся.

— Хорошо, — ответила она. — Но я не знаю как.

— Просто пожелай, — наставил её великий. — От души.

— От души я вам только чумы могу пожелать, — грубо отозвалась девушка. — И только того вы и заслуживаете. Но раз вам так надо. То желаю быть бессмертным.

И всё это в той же мёртвой тишине.

Эла встал, улыбнулся. Достал из-за пояса кинжал и аккуратно провёл лезвием по пальцу.

Кажется это был самый долгий и гнетущий момент за всю жизнь каждого здесь присутствующего человека. Мгновение, которое растянулось на бесконечность.

Эла хмурился, смотря на руку, потом его лицо просветлело, а у стоящих за его спиной советников вытянулись лица. Великий перевёл взгляд на Милену, потом на Горанов, потом осмотрел всех вокруг и показал свою руку, на которой не было раны.

— Вы только гляньте в это преисполненное чувством собственного величия лицо, — прогремел в тишине полный яда голос Хэлы. — Он стал бессмертным! Похлопайте же ему, вы мелкие людишки! Вы же видите рождение бога!

Мгновение было так же тихо, как и до того, как голос чёрной ведьмы заполнил всё пространство вокруг. А потом Хэла захлопала и рассмеялась. Этот совершенно неподражаемый, такой родной, но сейчас пугающий, жуткий смех, пробрал Роара до костей.

— Где она? — рыкнул великий.

— Это самое тупое желание из всех возможных! — отозвалась она, продолжая смеяться.

А правитель Кармии и всё это окружение стало смотреть по сторонам, в попытке понять, где же находится чёрная ведьма.

— Знаешь, дружок, — проговорила она, моментально прекращая смеяться и голос стал ледяным, — у меня в мире полно сказок, где всякие правители устраивают тусовки и приглашают туда вот таких милых маленьких феечек, чтобы желали им хорошее. Но обычно в этих сказках в самый ответственный момент появляется одна злющая колдунья, которую на тусовку не позвали и желает всякую жуть. И хорошенькие феечки всё исправляют, более-менее, но в твоём случае всё идёт не по плану с самого начала.

Она замолчала. Взоры присутствующих всё искали её и никак не могли найти. Роар и Рэтар тоже оглядывали галерею, как и Милена, лицо которой сейчас было полно невероятной благости и надежды.

— Первое — добрая феечка не может бесконечно творить добро, — пояснила Хэла, точнее её голос, всё ещё раздовавшийся отовсюду. — К тому же для того, чтобы она была славной и милой, надо было не людей на её глазах потрошить. Так что её хватит только на одно пожелание. В отличие от меня, у которой силёнок поболее, да и уж сама могу кого хочешь выпотрошить, если доведёте. И по сему, чтобы избежать чего лишнего, бессмертный, пока постоишь на этом месте и шага отсюда не ступишь.

Кажется все взгляды в мгновение обратились на великого. Он нахмурился, лицо его стало пренебрежительным, а потом он видимо попытался двинуть ногами, но не смог и от неожиданности сел обратно на своё кресло.

— Второе, — взгляд правителя обратился наверх, куда-то на зубцы над стеной, что была за спинами Горанов, — я бы покривила душой, если бы сказала, что ты меня на тусовку не приглашал.

И голос её стал таким же как и у всех них. Роар и Рэтар обернулись и тоже посмотрели на зубцы стены.

— Хэла, — воскликнула Милена.

— Правда очень грубое приглашение. А грубость я не люблю, — и на лице у неё расцвела совершенно нечеловеческая улыбка. — Но, могу сыграть и в эту игру.

Роар наверное никогда не видел такую Хэлу. Она была вроде обычной, привычной. Дерзкая, открытая, смелая, сильная, стояла между зубцов, сложив руки на груди. Но было и что-то ещё, вот как тогда там, в лесу, когда она, защищая Милену и всех их при переходе из Трита в Зарну, уничтожила наёмников всего лишь щелчком пальцев. И осознание того, насколько Хэла страшна и сильна сейчас пронзило Роара — все могут умереть, если она всего лишь щёлкнет пальцами?

И митар вспомнил о магах Хангыри, присутствующих здесь. Он глянул на первого мага, на окружающих его служителей башни. На лицах многих был страх, а на лице первого мага застыло, словно маска, выражение изумления.

— Где мой сын? — прохрипел великий, а чёрная ведьма пренебрежительно фыркнула.

— Этот? — повела вопросительно бровью Хэла, и кивнула головой куда-то вбок.

За её спиной показалась фигура, потом она прошла дальше и в соседнем проёме зубцов они увидели старшего сына великого эла.

— Айян, — вскинулась элина, до этого момента остававшаяся бесстрастной зрительницей происходящего.

— Отпусти его, ведьма, — угрожающе прошипел эла.

— Хм, — ответила Хэла. — Я его не держу.

— Айян, иди сюда, — приказал правитель, снова вставая.

— О-о, — чёрная ведьма подняла руку. — Аккуратнее с желаниями, вашество, — они ведь могут сбыться.

— Айян, ко мне, я сказал! — взвизгнул великий.

Хэла фыркнула:

— Иди, мальчик, папа зовёт, — сказала она, не отрывая взгляда от эла.

Элинин пришёл в движение, ступил на место между зубцами, потом сделал ещё один шаг и под полный непередаваемой боли и ужаса возглас упал вниз на каменный пол площади, разбившись насмерть.

Роар обернулся на Милену. Она стояла поражённая, не шевелясь, шевелила губами, пытаясь что-то произнести и не могла отвести взгляд от мертвого тела. Увернувшись от Рэтара, который замер, как и все вокруг, митар сделал шаг по направлению к ней, протянул руку и прижал к себе, вернувшись с ней обратно к тану. Девушка вцепилась в него, обняла, до боли в повреждённых рёбрах, да и то, что он сделал, причинило страдание, но оно было ничем в сравнении с возможностью прижать её к себе.

Стоя здесь Роар потерял надежду на то, что он сможет сделать это снова. Обнимая Милену, руками закрывая её лицо, глянул на тело сына великого.

Элина было ринулась к нему, но была поймана супругом. Он грубо вернул её назад, усадил обратно на её место и она сжалась под натиском своего горя, сложилась пополам, уткнувшись в юбки платья, и зарыдала.

— Убить её, — отдал приказ правитель и Роар напрягся, как и Рэтар. Они оба словно застыли в бессмысленном порыве броситься на окружавших их, превосходящих числом, врагов, чтобы защитить Хэлу. Но никто не пошевелился.

— Кому ты это сказал, убогий? — спросила она насмехаясь.

И только сейчас пришло осознание, что ни один воин стоящий рядом не двигается. Стражники застыли, только глаза их были в движении и говорили о том, что они всё ещё живы. И глаза эти были полны безумия.

— Что за? — выдавил из себя первый советник.

— Ты будешь проклята ведьма, по высшему закону этого мира — жизнь за жизнь! — прокричал эла.

— О, правда? Ну, сорян, проблема, вашество, ты сам нарушил этот закон. И ты всё еще мне должен, а вот это, — Хэла кивнула вниз на тело элинина, — во-первых, надо слушать мудрые советы ведьм, так что ты сам его завалил, но если тебе не очень это нравится, то во-вторых, ты, — прохрипела она, становясь страшной до льда в крови, — мерзкий засранец, отплатил мне за спасение твоей дешёвой жизнёнки подземельем и кнутом, и ты забрал жизнь моего ребёнка. Так что, да — жизнь за жизнь, мразь!

Роар почувствовал, как сжалась в его руках Милена, и как дрогнул Рэтар. Хэла не

смотрела на них, её полный презрения и ярости взгляд был обращён на великого эла, тогда как взгляд тана был обращён к ней и в нём была бесконечная боль.

— И раз с этим разобрались, — она хлонула в ладони и под вздох присутствующих, которых как сейчас понял Роар на галерее стало намного меньше, на стене за спиной эла, между зубцов возник второй его сын, словно появившийся ниоткуда. — Лот номер два — второй сын.

— Нет, — вскинулся великий, за ним встала и элина.

— Не дёргайся, — проговорила чёрная ведьма мёртвым, беспощадным голосом. — А то и этот нечаянно упадёт.

Второй элинин был мальчишкой, всего десяти тиров от роду. Открытый и улыбчивый, смыслённый, разговорчивый. Роару не верилось, что такая, как Хэла, способна убить ребёнка.

— Цэйг, — взревел великий, словно только сейчас вспомнил, что здесь есть маги, и обратился по имени к первому из них — главе башни Хангыри.

— Ой, не надо так страшно каркать, — чёрная ведьма усмехнулась. — Уважаемый первый маг сейчас очень занят. У него включился режим многозадачности — он понимает, что я такое. И он не хрена не может воткнуть, как умудрился меня просрать, тем более, что задачка при призыву чёрной ведьмы в Изарию была прямо противоположной. И потому сейчас от осознания всего этого наступающего трындеца, готов наложить в штаны. Или уже сделал под себя и теперь пытается справиться с этим. Так, уважаемый первый маг?

— Цейг, — кажется ещё немного и великий начнёт визжать.

— Простите, великий, — пробормотал первый, не отрывая от ведьмы полного благоговейного ужаса взгляда.

— Предатель, — взвился правитель, перейдя на полный истерики крик. — Слуга башни, который принесёт мне её голову, станет первым вместо него.

И это было очень плохо — в открытом противостоянии против мага Хэла не справится. Она ведьма, сильная, да. И Роар знал, что она умела творить молнии, видел, как она управляет водой, но всё равно — это ничто по сравнению с самым слабым боевым магом из башни.

Правда маги Кармии не шевелились, не спешили занять место главы башни, пытались убить чёрную ведьму Изарии. Митар взгляделся в их лица, нашёл хмурое, полное скорби лицо Зеура. Маг их ферната словно застыл, он смотрел куда-то перед собой, будто изучая перила галереи, замер без движения.

— Какие они у тебя, вашество, трусишки, — ухмыльнулась Хэла. — Если с этим решили, то...

Но на открытое пространство перед эла вышел один из магов, возрастом такой, наверное, как Роар.

— Галат, — выдавил первый, словно разочаровываясь, глухо и невзрачно. — Нет.

— Ещё один сын? — фыркнула чёрная ведьма. — Серьёзно? Мне сегодня детей ваших валить что ли?

И она посмотрела с вопросом на первого мага. Роар поверить не мог, что подразумевает, что маг был сыном главы башни. Магам нельзя иметь детей. Но первый дрогнул, встретившись с ней взглядом.

— Не смей, ведьма, — прорычал Галат, — ты слишком много на себя берёшь.

И он стал творить заклинание, поднимая из под камней столб воды.

— О, боже, — пискнула Милена.

Вода забрала внутрь себя нескольких стражников, которые стояли словно каменные и не смогли уйти от заклинания. Вода росла, Рэтар и Роар с Миленой отступили на шаг назад.

Галат притянул воду на себя и хотел было собрать её, чтобы видимо отправить в сторону ведьмы, но тут она пошла рябью, и молниями.

Митар посмотрел в сторону Хэлы. Лицо её было непередаваемо злобным, она была самой смертью. Она держала правую руку перед собой, но молнии уже ушли в сторону мага. Тот на миг дрогнул, по телу прошла дрожь, стена воды упала на камни, растекаясь по ним, как упали и воины, что были внутри этой стены. Упали запертво. Но маг с трудом устоял.

И Роар не понял, как это произошло, но применить следующее заклинание Галат не успел. Он только собирался расставить руки, когда перед ним вплотную возникла Хэла, появившись из пустоты, будто под её ногами был портал. Чётким движением не дрогнувшей руки она вонзила в горло мага хилдский кинжал, что обычно был у неё на поясе. Потом глянула в сторону магов на галерее.

— Хороший маг — мёртвый маг, — проговорила она глухо и вытащив кинжал, снова пропала, оказавшись на прежнем месте.

— Какого рваша? — произнёс потрясённый Роар. — Как она... она так умела?

И он уставился на Рэтара в надежде получить объяснение происходящему. Но тан тоже был поражён. Он нахмурился.

— Кажется пока мы были здесь, она повязала себя кровью с Горанами, — ответил он надломленным шёпотом.

— Но, — хотел возразить митар.

Нужны были трое. А Хэла была в близости...

— Я, ты... и... — пояснил Рэтар, но запнулся с болью прикрыл глаза на мгновение.

— Кто? — Роар поверить в это не мог.

Повязь кровью была отвратительным обрядом, которым часто правители фернатов пользовались скорее для развлечения, чем действительно для дела.

Например, о Дэялгах ходили такие вот мерзкие слухи. И они призывали чёрных ведьм одну за другой, потому что творили с ними зверства и женщины умирали, не выдерживая пыток и издевательств.

И когда Роар узнал, что великий отдал ведьм военному советнику, и когда Милена появилась перед ними сегодня в запятнанном кровью платье, и без Хэлы, он с ужасом подумал именно об этом.

Что до повязи, которая должна была раскрыть всю возможную силу ведьмы, — это был обряд соединения крови ведьмы с семенем хозяев.

Для обряда нужны были три мужчины одной крови, из дома, призвавшего ведьму. И они просто насиловали несчастную призванную, оправдывая это тем, чтобы увеличить её силу. Но у обряда была и обратная сила, от которой страдала только ведьма — нельзя было, после его проведения, находиться далеко от тех, кто этот обряд провёл. Иначе ведьма медленно, но неизбежно умирала. И Роар знал, что правящие дома фернатов Итэги делали так постоянно.

Но в случае с Хэлой — с Рэтаром она была в близости, Роара спасала, когда он был при смерти, силой чрева. И значит для проведения завершения обряда был нужен кто-то третий. И митар не сомневался, что если феран прав, то она сама решила на это, чтобы спасти их. И скорее всего конечно третьим мужчиной стал Тёрк, потому как ему она доверяла больше других, и можно было поверить в то, что старший тан пошёл на такое, ради спасения брата.

Рэтар не ответил на вопрос Роара. Да и Хэла усмехнулась, неприятно привычным взглядом воина движением стряхнув кровь с кинжала, сказала:

— Только не говорите, что ждали магический баттл? На это у меня нет ни времени, ни сил, — она сделала привычное движение плечом и головой. — А теперь, когда кажется уже самые тупые поняли, наконец, насколько сильно они вляпались в собственное дерьмо, пытаюсь поднасрать достопочтенному ферану Изарии Рэтару Горану, и когда я чертовски разозлилась, предлагаю приступить к решению вашей проблемы.

— Ты, ты... — прохрипел великий. — Я накладываю высший запрет!

— Молчать, — приказала Хэла своим грудным голосом и вокруг стало в мгновение тихо. — Задрал, твою ж...

Она вдохнула, выдохнула, пытаюсь видимо унять себя и не сказать чего-то лишнего, хотя Роару казалось, что уже некуда дальше.

Но главное почему запрет правителя не сработал?

Высший запрет — это заклинание которому подчиняются все несвободные призванные. Митар уставился на своего ферана — он освободил Хэлу? Хэла — свободная чёрная ведьма? Когда? Давно? Столько вопросом застряли в заговоре на молчание.

— Для начала сообщу вам пренеприятнейшее известие, — спокойно, но так же жёстко произнесла Хэла. — Бумажка, которую вашество приняло и подписало в компании верховного эйола и первого мага, скрепившего её магической печатью, доставлена адресату. И если у вас задницы не пригорели пока, то только, потому что вполне возможно бумагу не брал в руки Горан. Но что-то говорит мне, что сын достопочтенного ферана Изарии Рэтара Горана Брок Онар печать сломал и вам уже очень поплохело, но вы делаете вид, что все норм. Или не допёрли ещё? Но напомните мне, когда вы должны были отдать бумагу Горанам?

Она посмотрела на Рэтара и озорно, так привычно улыбнулась, что у Роара сердце защемило, и он даже представить не мог, что происходило сейчас внутри у тана.

— Когда папа преставился, родной? Тиров двадцать назад? — Хэла покачала головой и снова перевела взгляд на правителя Кармии. — Ой, ой. И если тебе, вашество, теперь пофиг, бессмертный чёрт, то вот верховному эйолу и первому магу я совсем не завидую. Бедолаги. Подставились по полной.

И она повела рукой, пренебрежительно улыбнулась, кивая на опустевшие галереи, потому что фераны и те, кто был с ними, в большинстве своём предпочли покинуть Ирнэ-Халаяс.

— И чтобы все понимали, те, кто остался, — пояснила ведьма, — в бумажке, который великий подписал по просьбе достопочтенного ферана Изарии Эаргана Горана, бывшего в то время первым советником элата Кармии, говорится о том, что фернат Изарии имеет полное право при соблюдении определённых обязательств перед элатом, от элата в конечном итоге отделиться и, скажем так, стать независимой равной по значимости элату, политической единицей.

Хэла нахмурилась:

— Политической — это в смысле, когда они сами по себе могут быть, — пояснила она, — а вы тут сами по себе, без них. Упс. И конечно не факт, что право на независимость потребовали бы следующие после достопочтенного Эаргана Горана фераны, но бумага была подписана и, как-то так случилось, что зачинщик всего этого мероприятия погиб, а бумага почему-то в руки его наследников не попала. А вот после сегодня они явно решат, что, а, ну

вас с вашей Кармией рвашам в задницу, и, кстати, ожидая окончательного решения своего ферана, все входящие в армию изарийские отряды передвигаются сейчас к границе своего ферната.

Роар посмотрел на великого и советников, на верховного эйола, бледного, едва стоящего на ногах. Правитель хотел что-то сказать, но повинувшись запрету наложенному чёрной ведьмой не смог произнести ни звука. Потом митар посмотрел на своего ферана — он уже не смотрел на Хэлу, взор его был обращён в никуда, он казалось и не слушал то, что говорила Хэла, но скорее всего это была лишь видимость.

— Всем всё понятно? — уточнила чёрная ведьма. — Дальше. Я могу убить здесь всех и каждого, и мы просто уйдём по трупам, глазом не моргнув. Но это жутко как-то, да и есть здесь те, кто пока дружит с совестью. Так что — мальчика в обмен на Горанов и белую ведьму.

По лицу великого эла было видно, что он не согласен, он продолжал протестовать, кажется впав в совершенное безумие не понимая, что происходит. Но главное — Роар в свою очередь не мог понять, почему нет подмоги, где стража, помимо той, что стоит словно камень, и почему стало тихо не только здесь, но и там снаружи. За пределами Ирнэ-Халаяс тоже была запредельная тишина.

— О, тебе не нравится? Хм... ладно. Не хочешь просто — будет сложно. Я же не уточнила сколько ты тут времени проведёшь, не имея возможности никуда уйти? Сто тиров устроит? И я обещаю тебе, что вокруг тебя не будет жизни. С сего момента Йерот — мёртвый город, — и голос её стал другим, ледяным, полным приказа, а взгляд мутным, пустым. Она колдовала. — Ничего здесь не принесёт плодов — деревья, птицы, животные или люди. Всё отныне здесь бесплодно. Здесь не будет даже травинки, не будет и воды. Даже с неба не упадёт ни капли. Хотя, чтобы тебе не было совсем скучно — вместо воды у тебя будет ром. Йо-хо-хо! Забористый и самый лучший. Можешь упиться вусмерть, но стой — ты бессмертен!

Она хищно улыбнулась:

— Интересно, как это будет выглядеть? Ты будешь умирать и воскресать? Или просто корячиться в страшных муках, которые не смогут тебя убить? Я пришла бы поглядеть, тиров через “цать”. Если буду жива. Хотя не, даже если и буду — слишком много чести. Компанией тебе будут мертвецы. Сначала они будут разлагаться, а ты давиться в испарениях и тошнотворном запахе гниения. Потом от них останутся кости. Неплохая компания, — Хэла рассмеялась и от её смеха всё заледенело внутри. — А теперь, найдём тебе компашку? Посчитаемся?

Роар посмотрел в непонимании на Милену. Она стояла крепко сжимая его рубаху, лицо было опухшим от пролитых слёз, но глаза на нём были невообразимо тарисовыми, прозрачными, яркими. Девушка смотрела на чёрную ведьму и вздрагивала от каждого слова, она видела что-то что не видел Роар — может тени, а может и что-то более ужасающее.

— На золотом крыльце сидели, — начала Хэла и митар посмотрел на неё. Палец её судя по всему указывал на человека, бывшего на площади — новое слово, новый человек.

Женщина кивнула и один из стражников великого упал замертво.

— Царь, царевич, — продолжила она и кто-то снова упал, — король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой?

И падали замертво один за другим люди эла. Один был сыном Дэялга.

— Продолжать? Я много таких стишков знаю, — улыбнулась чёрная ведьма. — Или у

кого-то из присутствующих мужиков, обременённых властью, включится мозг и они найдут свои яйца?

Со своего места сорвалась элина. Великий не смог поймать её на этот раз, она сначала ринулась к Рэтару, вцепилась в него, немая, она плакала и явно умоляла пощадить её сына.

Феран словно очнулся, посмотрел на женщину. Но на деле — она против целого ферната Изарии? Где таких как она сотни, тысячи. И таких же мальчиков как у неё. И уж Рэтара было невозможно таким зацепить. Он пошёл на наказание любимой женщины ради спасения своей земли и людей...

Элина мотнула головой, кинулась в сторону чёрной ведьмы, протянула к ней руки и в этот момент её словно срубило жёстким ударом. Но это был кинжал. Она вскинулась, развернулась, уставилась в сторону своего супруга и упала на камни площади.

— Ну, и как вот после такого с тобой нормально общаться? — проговорила Хэла, обращаясь к правителю.

А он скривился с презрением, сжимая руку в кулак и глядя на лежащее на камнях тело супруги, потом посмотрел на ведьму с презрением.

— Серьёзно? — ухмыльнулась она, потом обвела взглядом всех советников. — Серьёзно?

И Кэйос Яндэ кивнул в сторону военного советника, который молниеносным ударом в голову великого выбил из того сознание.

— Надо же, — удивилась Хэла, — его можно вырубить? Забавно. Будете говорить, неуважаемый первый советник?

Яндэ скривился, но кивнул.

— Я слушаю.

Он открыл рот, видимо не ожидая, что она вернёт ему голос, но произнести слова во всеуслышание смог.

— Мы, — запнулся он, потом нашёлся. — Согласны на твои условия, ведьма.

— Которые? На деле — это ваши условия, а не мои. Я же ясно дала понять, что сейчас здесь кому жить, а кому умереть, решаю я, — и она сделала жест рукой.

Элина издала стон.

— Да, она жива. Он паршиво метает кинжалы. Я будучи ребёнком справлялась лучше.

К элине подбежал Дэялг, взял её на руки.

— Вот вопрос — зачем ты соглашаешься? — Хэла склонила голову, и стала милой, до боли очаровательной уютной, родной, любимой Роаром и всеми остальными в их доме Хэлой.

Кэйос Яндэ хотел ответить, но запнулся. Митар нахмурился, а вот Рэтар кажется понимал, что происходит.

— Я отдам вам мальчика. Но при условии его жизни. Хорошей жизни, — сказала ведьма с нажимом и угрозой в голосе. — И жизни его матери, естественно.

— Да, — согласился первый советник.

— Замётано. Мы уходим. И мальчика вы сможете забрать только после того, как Гораны живые и здоровые попадут домой. А до тех пор, если приблизитесь раньше, или Гораны погибнут — мальчик умрёт, — Хэла сделала движение головой, словно убеждая в серьёзности своих угроз. — А с ним и вы, потому что не выполнили условия договора с ведьмой.

— Хорошо, — кивнул Яндэ.

— Мой совет, — улыбнулась ведьма, — как уйдём — валите отсюда, ибо здесь, рядом с вашим неумирающим правителем, все вы очень быстро найдёте свою смерть.

Первый советник ничего не ответил, лишь кивнул. Потом он перевёл взгляд на Горанов.

— Я бы хотел, ещё кое-что, — проговорил он.

Хэла вопросительно приподняла бровь.

— Я хочу, чтобы Гораны дали слово, что не будут мстить.

— Ай-яй, — повела головой чёрная ведьма.

— Мстить за что? — подал голос Рэтар, даже не повернув голову в сторону первого советника, не то что посмотрев на него.

Кэйос запнулся, нахмурился.

— За прошлое, — предложил он.

Рэтар ухмыльнулся. И Роар знал эту ухмылку. Слишком хорошо знал — жуткую, звериную. Последний раз видел такую, когда с башен возвестили, что великий покинул Зарну и тем самым дали ферану разрешение уничтожить Шерга.

И сейчас — сколько было в этом невообразимо размытом понятии “за прошлое”. Сколько боли и унижения? А Рэтар не прощал. Он был великодушен, справедлив, но равноценно жесток со своими врагами, и беспощаден к ним.

— Хорошо, — ответил он. — За всё остальное — не жди такого.

Яндэ кивнул.

— Роар, бери Милену и пошли, — приказал Рэтар и отправился на выход.

Роар глянул на Хэлу. Она стояла, не шевелясь, была невероятно жуткой, настоящей чёрной ведьмой, полная яда, мести, необузданной ярости.

Они втроём вышли за стены и перед ними предстала ужасающая картина.

— Эти люди мертвы? — прошептал ошеломлённо Роар, осматривая лежащие на улицах человеческие тела. Стало понятно, почему на стенами Ирнэ-Халаяс была пронзительная тишина.

Жители города словно в один момент все разом упали, как подкошенные — мужчины и женщины, старики и дети. Тут же лежали фицры, кунаты, кое-где стирги. Глаза у всех и людей и животных были закрыты словно они уснули. Но чувство, что слова Хэлы о том, что Йерот теперь мёртвый город, стучали в голове, и кровь становилась ледяной от осознания размаха этого кошмара.

Рэтар присел возле ближайшего к нему человека, присмотрелся, мотнул головой.

— Этот живой.

— Они все живы, — отозвалась едва слышно Милена.

— Все? — нахмурились мужчины, глядя на ведьму.

— Да, я вижу их внутренний огонь, — ответила она. — Вокруг нас нет мертвецов. Все эти люди, животные, ну, тех, кого мы видим — живы.

— Так, — выпрямился феран. — Давай к Зеуру.

— Уверен? — засомневался Роар.

— Да, — ответил Рэтар. — Его портал самый быстрый способ попасть в Зарну.

— А Хэла? — спросила Милена и перевела взгляд вверх, словно надеясь увидеть женщину среди зубцов уже внешней стороны стены дома суда.

— Она наверняка нас там нагонит. Если уж может перемещаться без порталов, — попытался успокоить девушку митар. — Может вообще уже в Зарне.

Белая ведьма кивнула и они пошли по улице с лежащими на ней людьми в сторону

дома, в котором жил маг Изарии.

— Вообще не понимаю, разве так можно? Маги так умеют? — спросил Роар, идя следом за фераном, превозмогая боль от своих травм, потому что надо было спешить. — Я такое никогда не видел.

— Я тоже, — отозвался Рэтар.

— Может это ещё одна способность Хэлы? — спросил митар. — Как молния, например?

— Я слышал, что очень сильные маги могут такое, но это редкость. И требует огромной отдачи, — ответил феран. — Боюсь сейчас, даже с её способностями, она на грани.

— Подожди, а если она нас не найдёт, если не справится? Потеряет? — нахмурился Роар, невольно оборачиваясь на Ирнэ-Халаяс.

— Она видит наш огонь, — сказал Рэтар и стало понятно, что тан тоже едва держит себя в руках. — Она нас не потеряет.

Они прошли вдоль ещё одной улицы и везде перед ними была одна и та же картина.

— Милена, как ты тут оказалась? — спросил Рэтар. — И что случилось с Элгором?

Вопрос заставил вздрогнуть не только ведьму, но и митара. Горе от осознания возможной потери брата ударило с новой силой.

— Я не знаю, — скорбно ответила она, вцепившись в Роара. — Точнее. Он забрал меня из Зарны, на следующий день после того, как вы отправились сюда. Просто пришёл из портала и сказал, что нам надо ехать.

— Ехать? — обернулся на неё феран.

— Да, — кивнула она. — Мы направились в горы.

— А Хэла? — уточнил Рэтар.

— Её не было, — ответила Милена. — На следующий день, как вы ушли, она сказала мне, что если она не вернётся до вечера, то я должна сообщить об этом Тёрку.

— Сообщить что? — спросил Роар.

— Не знаю, — она глянула на него с виной. — Просто написала записку: “не вернусь до захода Тэраф, иди к Тёрку”.

— Дальше что было, — призвал к продолжению рассказа феран.

— Она вернулась. Всё было нормально. Но утром пришёл Элгор. Хэлы не было. А, да ночью Тёрк собрал воинов и они уехали.

— Что? — взвился Роар.

— Куда? — спросил Рэтар.

— Не знаю, простите, — запаниковала девушка.

— Хорошо, — унял себя старший мужчина. — Элгор пришёл из портала и забрал тебя в сторону гор?

— Да, как раз тем же утром.

— А дальше?

— Мы ехали вдоль реки. И попали в засаду, — она сомневалась в правильности того, что говорила.

— То есть они были у вас на дороге, а не догнали? — уточнил у неё феран.

— Да, — подтвердила Милена.

— Кто они? — спросил Роар.

— Я не знаю, — она силилась, чтобы не расплакаться. — Простите, правда. Элгор мне ничего не сказал. Их было очень много. Как тогда в лесу.

— Тихо, всё хорошо, светок, — попытался успокоить её Роар, хотя ему хотелось плакать самому. — Чья это кровь у тебя на платье.

Ведьма мотнула головой, осмотрела себя с удивлением, словно не замечала раньше этих багровых пятен.

— Это тооры. Они убили мою тоору. Я не видела, умер Элгор или нет, — всхлипнула она. — Его ранили, стрелой. Меня забрали. Увезли, но его огонь горел.

— И это было в день перед праздником, — скорее подтвердил, чем уточнил тан.

Она отчаянно закивала, потом перевела взгляд на митара:

— Прости, Роар.

— Всё, всё, — он обнял девушку, потому что нуждался в её тепле, и очень хотел успокоить её.

Больше Рэтар ничего не уточнял.

Они в молчании дошли до дома Зеура. Мага дома не было. И Гораны поняли, что ни у одного, ни у другого нет их трифов с грактами — Роар свой отдал Лете, а у Рэтара забрал триф великий.

— Попали, — выругался митар, опускаясь на ближайшую скамью.

— Что такое? — спросила Милена глядя на их напряжённые от досады лица.

— Трифов нет, — ответил ей Роар.

— Трифов? — не поняла ведьма.

— О, — и он вспомнил, что никогда темы работы порталов не касался. — В общем, если коротко — чтобы привести портал в действие, нужен привратник, маг или триф. Это такой камень, с грактом дома, которому принадлежит. Они всегда с нами. И если бы сейчас они были, то мы могли бы зайти в портал и триф перенёс бы нас домой, или в любое другой портал, находящийся в Изарии. Понимаешь?

Она нахмурилась, но повела головой, понимая.

— А у нас их нет, — развёл руками митар. — А привратников, как у нас, маги не держат.

— И значит придётся ждать Зеура, — заключил Рэтар.

— Или Хэлу? — проговорил митар.

— Хэлу? — нахмурилась Милена.

— Она умеет ходить в порталах, — ответил на её замешательство Роар.

— А я? — просияла девушка.

— Нет. Рисковать, пробуя, мы не будем, — отрезал феран. — Мы будем ждать.

Они пробыли в главной зале дома мага совсем недолго. Зеур пришёл запыхавшийся и взвинченный.

— Так и знал, что вы тут, — встретил он их.

— Нам стоит тебя опасаться? — спросил Рэтар настороженно.

— Достопочтенный феран, — произнёс Зеур с досадой и развёл руками.

— Давай, сказочку расскажи, уважаемый маг, — послышался откуда-то сверху полный яда голос Хэлы.

Они все в едином порыве устремили взгляды наверх.

В доме Зеура в главной зале было что-то вроде второго этажа, верхний ярус, там у мага был склад и наверх вела металлическая лестница, также были металлические перила. Именно там наверху сейчас была Хэла. Чёрная ведьма устроилась близко к перилам, сидела на столе, как видел Роар, заваленном книгами, прямо напротив них, стоящих внизу, на

нижнем ярусе главной залы дома мага.

— О чём ты ведьма? — взвился Зеур.

— Смотри, я сама могу рассказать, — ухмыльнулась она. — Не боишься, что лишнего чего скажу?

Роар заметил, как маг напрягся. Митар стоял с Миленой по одну руку от мага, а Рэтар по другую, оба на расстоянии пары шагов. У ферана был совершенно потерянный взгляд. Кажется таким тана Роар не видел никогда.

Хэла звонко рассмеялась.

— Ну что ж. Давай, Зеур, я говорю, а ты поправишь, раз кишка тонка признаться, что ты такой же продажный кусок дерьма, как и все. Впрочем чего ещё ждать от мага...

— Это не так, — слишком резко ответил на обвинения маг. — Я не предавал.

— Правда? — вскинула она бровь. — Вообще, я очень сильно сейчас хочу тебя прихлопнуть. У меня прям зуд, невообразимый. Маленький ушлёпок, тупой и эгоистичный.

Маг порывался что-то ответить, но осёкся.

— Лучше не стоит, да, — кивнула на это Хэла. — Когда ты понял, что я такое?

— После Роара, — ответил Зеур и уколото это “что”. — А когда увидел нить — окончательно убедился.

— И это того стоило? — спросила чёрная ведьма, хмурясь. — Зачем? Зачем всё это было нужно?

— Я хотел помощи, — будто с обидой произнёс маг.

— Ой, только не говори, — пренебрежительно фыркнула она, — что помощи в спасении Изарии и Горанов.

— И тем не менее, — с горячностью отозвался изарийский маг.

— Тоже мне Штирлиц, — закатила глаза Хэла. — А просто прийти и сказать обо всём ферану нельзя было? Ртом говорить у нас теперь не принято?

— Я не мог, — рыкнул он. — Ты не понимаешь. Магические запреты...

Она перебила его снова фыркая:

— Ой, лей в уши кому другому, ясно мальчик? — прошипела со злобой ведьма, но потом привычно повела плечом и склонив голову на бок стала собой. — Вообще признаю — план у вас там был шикарен. В лучших традициях детективного романа. Интриганы хреновы! И Рэтар Горан самая шикарная жертва для запуска необратимых процессов движения масс в попытке свергнуть устоявшуюся власть. Он же прекрасен — найти кого-то настолько самоотверженного, настолько верного своему делу и своим принципам. Да ещё и обожаемого простыми людьми? Он прям герой из книжки. Именно со смертью таких людей обычно и начинается лютый треш.

— О чём ты, Хэла? — спросил Роар, потому что надо было спросить, непонимание росло словно надвигающаяся лавина в горах, а тан застыл и был словно не живым.

— Просто и понятно. Но начнём сначала, — улыбнулась ему чёрная ведьма. — Короче, в своё время к Эргану Горану пришёл первый маг и сказал — а давай мы, дружище, уберём уже абсолютно невменяемого великого эла? Решение было не его, это было такое общее — кое-кто из совета великого, верховный эйол, ну и сам первый маг, конечно.

Хэла говорила так беззаботно, словно действительно рассказывала сказку.

— Они все очень задолбались от безрассудства правителя и единственный человек, который мог им реально помешать или помочь — был феран Изарии. Но, — и она подняла вверх палец, — достопочтенный Эрган Горан всё делал только в своих интересах, а на тот

момент в его планы не входила смена власти. И он ответил первому магу, что мол, ты мне не друг, если хотите рискните, но советую притухнуть и свалить с глаз моих, а то припомню ваши грешки и скормлю вас негодующему народу.

Хэла ухмыльнулась:

— У него был компромат на всех. Первый маг, например, в обход правила, высшего замечу, настрогал себе деток с десятков. И вот сегодня одного пришлось убрать. Жаль. Хотя нет, не жаль, — буднично пожала плечами ведьма. — Всякая грязь и на эйолов, других советников, феранов, да на всех, включая эла. Куча мерзости, которую народ, узнав о ней, не простил бы. Так что первый маг, стиснул зубы и свалил. Смены власти не случилось. Но уже в скором времени стало понятно, что великий совсем поплыл мозгами. Первое, что взбесило Эаргана — это повторный брак брата. Но, он скрипнул зубами и согласился. Вам же интересно почему?

Она выдержала паузу, озорно, даже заговорчески улыбнулась и продолжила:

— Вас всегда интересовал вопрос “кто отец Элгора”, но надо было задавать другой вопрос — кто мать Элгора?

— Что? — выдавил Роар.

— Эарган никогда не делал ничего просто так, — пояснила Хэла. — И когда в жёны братцу великий подкинул свою собственную дочь, от какой-то там ферины — надо было молча хватать.

— В смысле? — митар понимал, что она говорит, но будто она говорила на другом языке.

В голове всплыла вторая супруга отца. Он помнил её очень хорошо. Сейчас Роар отчаянно пытался найти сходство между ней и великим прошлым и нынешним.

— Ну, солнышко, неужели ты думаешь, — ухмыльнулась она, — что у того блядства, которым занимался этот ваш царь предыдущий, последствий не было?

— Да какое это имеет значение теперь? — отозвался митар, снова осознавая вероятную смерть брата.

— Роар, ай-яй, вот от тебя не ожидала, — с упрёком произнесла Хэла. — Неужели ты вправду считаешь, что твою достопочтенную задницу я спасла, а задницу твоего засранца-брата нет? Хотя, конечно, ремня бы ей ввалить...

— Элгор жив? — с надеждой спросил Зеур, опережая Роара.

— Да, — повела головой ведьма, — только немного, хм, не целый — пара лишних дырок. Но маги же всё поправят, да? В любом случае, когда я оставила его он был жив, и всё так же выводил меня из себя. Твердолобый и упрямый.

— Где он? — спросил Роар.

— Если тоора меня не подвела, то в Зарне. Разгребает дерьмо утроенное Зеуром, — она зло посмотрела на мага. — Но об этом позднее. Сначала главная история. На чём остановились? А, брак Рейнара. В общем, с браком своего брата Эарган смирился, но вот следующий выпад великого, его уже совсем не устроил. Как думаете, какой?

Чёрная ведьма внимательно посмотрела на Роара. Он нахмурился, потому что видимо должен был знать ответ, но даже предположить не мог, что это могло быть. Он повёл плечом.

— Угроза наказания Роара за ложь великому эла, — ответила Хэла.

— Что? — митар поверить в это не мог. Что? Откуда? Что происходит вообще?

— Эарган стоял за семью... хм... горой? — она усмехнулась. — Он и пальцем бы не дал

тронуть никого из Горанов, отцапал бы руку нахрен. И когда ты соврал великому, что тебе нравится новая "мама", то царёк ваш сказал твоему танару, что ты поплатишься за ложь головушкой. И вот тут тогдашний эла очень ошибся, потому что головушкой за угрозу тебе, поплатился именно он.

Хэла развела руками и очаровательно улыбнулась:

— Всё просто — ты, Роар, стал причиной для того, чтобы прошлого эла, заменили на нынешнего. И вот тогда всплыла та самая бумага, о которой я говорила. Эарган хотел независимости. Ему не нужно было прогибаться под Кармию и его правителя, каким бы он ни был. У Горанов был сильный фернат, который мог себя полностью обеспечить. И Эарган надеялся, что к тому времени, как, — она хмыкнула, задумалась на мгновение, — заложенный им фундамент застынет, фераном станет его сын и уж он не похерит всё на свете. Но увы, Эарган погиб раньше времени. И ой...

Она уничтожающе посмотрела на Зеура.

— Маги сыграли в его смерти очень активную роль, — проговорила Хэла. — Точнее никакой активной роли — они просто не стали его спасать. Всем была выгодна его смерть. И вот он умер. И наши дружочки, которым этот эла тоже не нравился, могли бы всё-таки сменить власть, потому что Рейнар в это не полез бы, но и мешать бы не стал. Но они забили, подумали, что раз этот эла ещё молод, то им можно управлять. Они в общем-то очень успешно этим занимались. Дали ему возможность творить, что он хотел, а хотел он пить и трахаться, а сами занимались его делами. И тут возникла проблема.

Она вздохнула и повела плечами:

— Куда девать девок порченных? — закатила глаза ведьма. — И начали распихивать их по фернатам. Втюхивали порченный товар с сюрпризом всем подряд. Знаете сколько бронаров, митаров, помимо Рэтара Горана, а так же феранов, было осчастливило любовницами великого с его потомством внутри? Мрак. Но ему было мало. Запросы и размах разрастались... эла выходил из-под контроля.

Роар глянул на Рэтара, хмурого, непроницаемого.

— И несостоявшиеся заговорщики пытались что-то сделать, типа шантажировать его этими девками и потомством, — Хэла вздохнула. — Но он не растерялся и монотонно начал девок хреначить направо и налево. И все достопочтенные стали вдовцами один за другим. А потом и деток слил. С особым усердием сыновей. И тут уже как-то всем стало грустно. Заговорщики поняли, что надо срочно предпринимать меры. И снова заговор.

Она помотала головой, перевела взгляд на Рэтара.

— Но что делать с Изарией? Свержение власти без армии не повернуть. А феран, как назло сменился. И если Рейнара можно было уговорить, то Рэтара нет. Они даже не стали пытаться. А потом просто решили его слить. Но как? Надо же с умом это делать. И вот тут правда — гениально! Сделать из него жертву. Заставить великого считать его, если не врагом, то конкурентом, — Хэла говорила спокойно, размеренно. — Напомнить про бумагу, которую не отдали, хотя должны были. Последствия написанного в ней. Это ведь значило, что Изария могла стать очень опасным соседом элата, я уже не говорю о потери военной мощи. А тут... ещё и Рэтар при дворе не отсвечивал, потому что ненавидит светскую тусовку. И этот параноик повёлся. Тем более он до усрачки завидовал Рэтару и боялся его.

Рэтар встретился с ней взглядом.

— Вот почему твой отец всё время там тусовался, — сказала она спокойно, с такой нежностью, совсем другая. — Он знал, что несмотря на то что, если говорят за твоей спиной,

то ты впереди, однако так можно и нож между лопаток получить. Надо слышать и видеть всё. Дома у него был отличный тыл, а вот здесь...

И Хэла развела руками.

— В общем эла повёлся и понеслась, — и ведьма снова вернулась к своей игривой манере рассказа, но всё равно говорила смотря на Рэтара. — Для начала зима эта ваша. Попытка ослабить тебя, доверие людей. Неудачная. Прямо провал. Потом все эти отряды, диверсии, пакости мелкие и не очень, — всё, чтобы тебя сломить. Они даже меня призвали чёрти как, чтобы прямо наверняка.

Тут Хэла не сдержалась и рассмеялась, перевела взгляд на Зеура.

— Не, серьёзно? — сквозь смех спросила она. — Дали задание самым слабым магам, которые искали хрен знает как, а в итоге? И как же я зла на это тоже. Я, вашу...

Видимо выругалась про себя, прикрыла на мгновение глаза, выдохнула, внутри была обида и досада:

— Я собиралась спокойно сдохнуть, — пояснила ведьма, говоря сквозь зубы. — У меня был, сука, плейлист для смерти, понятно? Я подготовилась, маг! Меня в этой истории прямо бесит ваше раздолбайство! Такая классная текила была, и погода... и так удачно всё сложилось...

Она нахмурилась, замолчала. Роар видел, что ей сложно говорить.

— Такой день в топку. Усыпила свою собаку. Купила таблетки. Выпивку. Дорогую и вкусную между прочим. Пошла в парк. Нашла тихое место, где долго не найдут. Наушники в ушах... я даже сделать ничего не успела, как отрубилась, — зло прохрипела Хэла. — Очнулась тут. Охрененный ад. Я прямо в бога почти поверила, понятно? Думала, что попала в рай. Офигела, потому что такие как я в рай не попадают. Но не, не попадают.

— Господи, Хэла, почему? — подала голос Милена.

Она стояла рядом с Роаром, всё это время держась за его рукав, словно боялась отпустить или отойти, хотя бы на шаг.

— Прости, детка, но ты самый хреновый психотерапевт в мире, и в нашем, и в здешнем. И мои проблемы это не на сейчас, — ответила ей Хэла и снова стала прежней, надменной и едкой. — Вернёмся к проблемам насущным. Итак. С моим призывом откровенно слажали, это тот самый случай, когда хотели, как лучше, а получилось, как всегда, но нет. Да, Зеур?

— Вероятно, — глухо согласился маг.

— И, — чёрная ведьма зло ухмыльнулась. — Они меня спасли, даже не воткнув, что я была при смерти. А должны были убить. Но мы же помним, что маги были так себе? И я стала “мёртвым призывом”, который в этом мире запрещён. Правда, никто кроме первого мага, ну и кое-кого, кто не просто имеет мозги, но и умеет ими пользоваться, точно не знает, что же такого страшного в этом запрещённом мёртвом призыве. Теперь вот знают.

И Роар, стоявший рядом с Зеуром слышал, как маг горестно выпустил воздух.

— Ладно. Дальше, — кивнула Хэла. — Уверенные, что чёрная ведьма у Горанов так себе, они стали крутить гайки, но был же запрос и на белую? И тут они сделали, как надо. Только отдали её раньше положенного, потому что нужно было время, чтобы прижать окончательно и белый призыв стал поворотным моментом. Великий заставил ферана Изарии заниматься какой-то тупой работой, подальше от дома.

И теперь она просто уничтожала взглядом мага.

— И, чтобы было понятно, то нападение на ярмарку, — но рассказывать продолжала для Горанов, — у них были чёткие цели. Надо было постараться убрать Роара, Элгора, Брока,

Тёрка... Самоубийственное задание, но видимо было рассчитано на то, что хоть где-то выгорит. И, вот отлично подставился достопочтенный митар. Феран понятно возвращается, а приказ эла не выполняет. До конца, так сказать. Правитель в гневе, ему в костерок негодования подбрасывают ещё дровишек. Уже через Дэшаю, обещая ей золотые горы, суют заговорённые камни в руки её душегуба-сынка с манией величия. Письма всякие. Ищут недовольных и тянут на свою сторону. А тут ещё Зеур.

Она прервалась и Роар перевёл взгляд на мага.

— Вы в курсе, что Ворг — тан матери Зеура? Не? А вот теперь в курсе. И когда я наложила на этого прелюбодея заговор на импотенцию, он пошёл с этим куда? Правильно — к магу. Маг уже тогда, как я понимаю, смекнул, что я не просто ведьма. И предложил Воргу меня, что? Выкрасть!

Тут она прыснула со смеху. Но этот смех пробирал до жути.

— И благодаря этому я перевалила кучу народа, да? — прошипела ведьма. — Потому что тупые мужики не смогли нормально разобраться какая, твою ж, ведьма им нужна!

И снова стала говорить с небрежностью и словно шуткой:

— Но маг не унывал. Он же так старался рассказать о том, какие ведьмы жуткие создания. И неудачное нападение на Трит пошло на пользу. И портал в Зарне перед переходом из Трита был закрыт стараниями уважаемого мага, так? И он так хотел, чтобы я всех в лесу завалила, чтобы прийти к ферану и сказать, что я неуправляемый монстр, чудовище и все в доме в опасности. А главное, что всё это он делал не идя вразрез с заданием первого мага по ослаблению Изарии.

— Чтоб тебя, — и слыша это, понимая, видя картину целиком, Роар был готов придушить Зеура, которого действительно считал другом. Они ведь выросли вместе. Но не было повода не верить словам ведьмы.

Маг стоял пристыженный, он смотрел в пол, словно ожидая, что кто-то из Горанов его убьёт. И митар был готов, потому что всё, что они пережили... в этом была доля вины их мага! Но посмотрев на Рэтара, Роар себя сдержал.

Рэтар вообще казалось перестал дышать. Он стоял таким же хмурым, с тем самым выражением лица, которое было у него обычно на войне. Отрешённое, скорбное, но решительное. Казалось, он не слушал, хотя конечно это было не так. Роар почему-то не сомневался, что его тан мог бы повторить рассказ Хэлы почти слово в слово. Но какова истинная реакция ферана — было не понятно.

— Но я к сожалению спасла Эку и её дочь. И тут уже не скажешь, что я чудовище заморское? Так? — она хмыкнула. — Но, Роар, в оправдание мага скажем, что он всё же кое в чём оказался полезен. Мне помог, о визите великого предупредил. И в конечном итоге очень хотел вам во дворце помочь, просто не смог.

И митар взглянул на Хэлу с вопросом.

— Он должен был вытащить тебя из дворца, помочь сбежать, когда Рэтара схватили, — пояснила ведьма. — Потому что по плану — Рэтара казнят за какую-то фигню. Например, за то, что пригрел в постели чёрную ведьму, а отдать её греть постель великого, вот те раз, не согласился. И ему рубят голову, за предательство. А ты, становишься предводителем восстания. Твоя горячая голова была бы очень кстати. И тебя любят в Изарии, уважают, как и твоего тана. За тобой пошли бы люди. Они захотели бы отомстить за несправедливую казнь своего обожаемого ферана. И, здравствуй, революция!

Когда она сказала про постель митар видел, что Рэтар словно пришёл в себя, обратился на

неё взгляд. В глазах тана стояли слёзы.

— А сейчас, — улыбнулась она очень грустно. — Вокруг этого дома стоят три отряда воинов верных первому советнику. Этот ваш бесцветный отправил определённую часть армии в сторону границы Изарии. Тёрк обороняет Горщ, в котором из портала съялятся враги. А в Зарне Элгор и Брок, пытаются отбиться от Ворга и собранного им отряда из шальных.

— Что? — Роар не мог поверить, что они стоят и слушают то, что она говорит пока происходит такое. — Хэла?

— Не рычи на меня, достопочтенный митар, — спокойно произнесла она. — Свою работу я знаю. И враг Изарии будет повержен. Но, увы, потерь с нашей стороны всё же не избежать.

— Мальчик... — прошептала Милена, вспоминая о младшем сыне эла и об условии ведьмы, которое получается было не соблюдено. — Ты его теперь убьёшь?

Хэла лишь улыбнулась.

— Полагаю, что магу надо бы открыть портал в Зарну, — ответила она и перевела взгляд на Зеура.

Тот кивнул, с трудом пошёл в сторону портала, Роар, подгоняемый тревогой, потянул Милену за ним, оставляя тана с Хэлой наедине.

В Зарне творился непередаваемый разгром. Однако чёрная ведьма действительно выполнила свою работу — все напавшие на дом были повержены.

И Хэла не была бы собой, если бы это не было сделано с невероятным цинизмом и насмешкой. Ворг и собранные им для нападения шальные в буквальном смысле по колено вросли в изарийскую землю, не имея возможности выбраться самостоятельно.

За созерцанием этой нелепой картины Роар и нашёл своего брата. С тугой повязкой на глазу Элгор был не просто жив — он был вполне боеспособен.

Однако поблагодарить Хэлу митар не смог — феран вернулся в Зарну один.

Что случилось Роар выяснить так и не смог — на вопросы Рэтар не отвечал, а потом и вовсе отгородился от всех, запретив кому бы то ни было заходить к себе в комнаты.

А дальше у митара просто не было возможности и времени разбираться с этим, потому что пришлось выполнять работу ферана самому. И как назло Тёрк после того, как отстоял Горщ, обратно в Зарну не вернулся и просто пропал.

Во всем этом Роар не заметил, что разум Рэтара стал таким же безумным и затуманенным, как и у его отца после потери супруги и дочери. А когда заметил, то стало понятно — опоздал, потому что Рэтар утопил своё горе в дурмане. Стал далёким, пустым и отчужденным. И попыткам спасти его был совсем не рад — открыто агрессивен и опасен.

И Роар сдался. Сдался под напором обстоятельств, которые были сильнее его. Под напором обязательств и попыток найти решения для казалось безвыходных ситуаций.

И, в конечном итоге, подкошенный опасностью потери своей Милены.

Он шёл по побережью уже больше луны. От селения к городу, от города к селению. В некоторых городах были порталы, но Налут был обширен и порталы не очень помогали, потому что всё равно приходилось заходить в селения, что были возле городов.

Это был седьмой по счёту большой город, до которого он добрался. Селения уже перестал считать.

Нить бледнела и с ней таяла надежда найти Хэлу живой.

На главной площади были торговые лавки. В хлебной за торговлей стоял невысокий тучный мужчина, с густыми бровями, чисто выбритым лицом и глубоко посаженными глазами, смотрящими с лукавым прищуром.

— Доброго дня, господин, — склонил голову пекарь. — Чем могу помочь?

Рэтар достал небольшой фрит и положил руку перед хозяином так, чтобы тот видел камень.

— Ответ на вопрос.

— Слушаю, господин, — глядя на камень у торговца загорелись глаза.

— Я ищу чёрную ведьму.

— Любую или особенную? — прищурил глаз мужчина.

— В городе или окрестностях есть чёрные ведьмы? — Рэтар сжал фрит в кулаке, не собираясь вестись на тон торговца.

— Есть, — поторопился ответить пекарь. — В Эссане, точнее не в самом селении, а где-то недалеко.

— Там знают?

— Да.

И Рэтар отдал камень и развернулся уйти.

— Но за ещё один такой, господин, — поторопился остановить его хозяин лавки, одной рукой забрав фрит, а второй почти схватив незнакомца за рукав, но глянул в глаза и поостерегся. — Я могу попробовать найти вам провожатого. До ведьмы.

Рэтар кивнул и достал камень.

— Элинка, — крикнул пекарь куда-то на улицу.

С площади забежала худенькая девочка на вид тиров десяти, может двенадцати.

— Да, уважаемый Юнтон, — она поклонилась, потом увидела незнакомого мужчину и напряглась.

— Господин ищет чёрную ведьму, — кивнул в сторону Рэтара пекарь. — Проводишь его?

— А зачем господину чёрная ведьма? — спросила девочка.

— Ты спрашивать решила? — грубо насел на неё торговец. — Проводишь или нет?

— Мне нужен заговор, — отозвался Рэтар, стараясь говорить как можно мягче.

Это был не первый раз, когда ему говорили, что ведьма есть, он даже однажды нашёл какую-то совершенно непонятного возраста серую, которая творила какие-то заговоры по мелочи и называла себя громким “чёрная ведьма”. Поэтому, хоть сейчас сердце и подскочило, когда торговец сказал, что ведьма у них есть, но всё равно вера в успех, что это именно Хэла, кажется была ничтожна мала.

— А что в другом месте нет? — с вызовом, но не без опаски, спросила у него девочка.

— Ты как с господином говоришь, а? Вот я твоей матери расскажу, ну, — припугнул её хозяин лавки.

— В другом нет, — так же спокойно отозвался Рэтар. — Если бы была, то не искал бы здесь. Дам тебе камень, если проведёшь.

— Она сейчас не делает заговоры, — буркнула девочка. — Я могу спросить, но не думайте, что получится.

— Спроси, — кивнул торговец.

— А вы здесь меня подождите, — кивнула девочка и развернулась убежать.

— Подожди, — Рэтар показал ей камень и протянул, чтобы взяла. — Один сейчас, другой, когда вернёшься.

Она засмушалась, замялась, но камень взяла — по тому, как она была одета, было понятно, что её семья нуждается. Потом кивнула и вышла.

Пекарь за спиной Рэтара усмехнулся.

— Зря, может и не вернётся, — отозвался он.

— Она из Эссана?

— Да, отца её знал. В море сгинул, — ответил пекарь. — Мать болеет у неё. А саму девчонку я с ведьмой видел не раз.

— Ты сам видел ведьму? — Рэтар через силу старался говорить спокойно и отстранённо, чтобы не показать как его сейчас ударило болью и надеждой.

— Видел. Последний раз правда приходила ко мне больше луны назад.

Рэтар подошёл и положил перед пекарем ялий.

— Господин, — задохнулся хозяин лавки, потому как ялий был в этих местах редкостью, да и стоил в несколько раз дороже, чем полученный мужчиной ранее фрит. — Вы так щедры?

— Хорошие ответы — хорошая плата, — ответил Рэтар не глядя на хозяина лавки, потому что не спускал глаз с девочки, пробирающейся через площадь и постоянно оглядывающейся назад, чтобы убедиться, что за ней не идут.

— Если потеряете её, то ищите в Эссане Гьялин Эяхан, мать её, — проговорил в спину уходящему господину торговец, невероятно довольный тем, что получил.

Девочка вышла из города, прошла несколько лирг в сторону своего селения, а потом ушла с дороги в сторону моря. Следить за ней стало проблематично, потому что тут всё просматривалось и идущего за ней незнакомца она конечно заметила бы. Поэтому Рэтар отстал. Но старался девочку из вида не терять.

В конечном итоге, спустившись с одного песчаного холма, он прошёл сквозь заросли кустов сладкой янги, где девочка остановилась и набрала себе в подол верхней юбки ягод, а потом увидел на берегу рыбацкую хижину.

Селение, если Рэтар правильно помнил карту и не ошибался в своём местонахождении, было отсюда недалеко.

Может девочка пришла и не к ведьме, а домой?

Постройка была ветхой, недалеко от неё лежали вверх дном две лодки, одна почти развалилась в труху, другая на вид была целой. Были столбы с сетями на них. И было тихо.

Он спустился к дому и встретился с обиженным взглядом девочки, которая сидела у ещё одной лодки, лежащей шагов за сорок от постройки.

— Вы должны были ждать там, в городе, — возмущённо проговорила она, достаточно смело, но было видно, что ей очень страшно.

— Элинка. Так тебя зовут? — начал Рэтар расставив руки, чтобы девочка их видела. — Мне очень нужна ведьма. Прошу тебя. Я не сделаю ничего плохого. Мне нужен только заговор.

— Какой? — нахмурилась она, держась на расстоянии.

— Скажи, ведьму как зовут?

— Не скажу, — заупрямилась девочка.

— Хорошо. Мне нужно поговорить с любимой, — голос Рэтара всё же предательски дрогнул, но девочка не торговец, прожжённый и пытающийся заработать на всём чём только можно.

Элинка склонила голову на бок.

— Она не делает заговоры на любовь, — ответила она уверенно. — Зря пришли.

— Скажи ей, что я заплачу.

— Она не согласится.

— Скажи, что заплачу своей последней потерей, — попросил Рэтар. — Прошу тебя, милая, скажи. Если нет, я уйду. Я даю тебе слово — я не сделаю ничего плохого ни тебе, ни ведьме. Просто передай то, что я сказал. Слово в слово.

Она помедлила мгновение, которое показалось вечностью, но потом сжалившись над ним, кивнула.

— Но ближе, не подходите, там заговор на чужаков, поэтому вам плохо может стать, ясно? — сказала девочка и пошла к дому, когда он согласно повёл головой.

Рэтар не знал, сколько он стоял и ждал. Оба светила были высоко и нещадно пекли, а внутри всё ещё порой было худо от последствия длительного приёма дурмана. Но вот девочка вышла, посмотрела на него с угрозой и побежала в сторону, вверх по скалистому, заросшему травой берегу.

Когда она скрылась, Рэтар решился подойти ближе. Если убьёт заговором, который скорее всего всё же был, то так тому и быть.

Он глянул на нить на руке, она была совсем бледная, но сейчас одна из ниток стала как будто ярче. То ли на свет, то ли и он и правду нашёл Хэлу...

— Я пела эту песню всего один раз, — Рэтар почти дошёл до входа, но этот голос... боги, это шуршание варсы, едва слышное, глухое, но это был такой любимый им голос.

— Ты пела её мне, — отозвался он, потеряв голос и замерев и не в силах больше идти. — Я помню все песни, которые ты мне пела.

— Я просто пела, — возразила она. — Не тебе. Просто песню люблю.

— Мне, Хэла, — обречённо прошептал Рэтар, — мне, родная.

Он не видел её, ведьма была в доме, в тени, лишь незначительное движение в проёме и кусочек его плаща. А он думал, что оставил его в Йероте. А потом осознание — жара, а она в плаще, с подкладкой из шкуры сунги... и бледнеющая нить. Радость от того, что вот она рядом, вытравило страх того, что она уходит от него, где-то там, далеко, где-то куда он не может пойти.

— Хэла, — с надрывом проговорил Рэтар, — тебе плохо, Хэла?

— Тебе надо уйти, — она говорила через силу, он едва слышал её сквозь слабый шум волн.

— Нет.

— Уйди, Рэтар, — задохнулась ведьма. — Ты хотел поговорить — ты поговорил. Теперь иди. Оставь меня.

— Хэла. Нить... она выщвела.

— Да. Дай мне умереть.

Ничего страшнее он услышать не мог.

— Нет, — Рэтар сделал шаг.

— Не смей, — остановила Хэла его и он увидел её руку, ладонь выставленную вперёд, с раной поперёк, кровящей, замотанной тряпкой...

Правая рука. След на его рубаше. Почти два луны прошло, а рана не зажила?

Боги, что он натворил?

— Нет, родная, я не уйду, я не дам тебе умереть, — прошептал он, сам не веря в то, что говорил. Слабак! Струсил, сдался, сломался. Предал её. — Не наказывай меня так, прошу тебя, Хэла. Не надо.

— Оставаясь, ты только продлишь мои страдания, — проговорила ведьма сквозь слёзы.

— Хэла, — Рэтар был готов на всё, что угодно, лишь бы просто остановить всё это.

Внутри всё скручивало, с болью, яростно и беспощадно. Зверь, которого он столько времени поил отравой, выл и сходил с ума, ненавидя, вгрызаясь в хребет и заставляя давиться горестным рёвом.

— Пожалуйста, Рэтар, — прохрипела она, закашлялась, осела на пол и он не смог больше — ринулся внутрь.

Хэла была закутана в плащ, она сжалась на полу, кашляя, на кое-как сколоченный дырявый дощатый пол капала кровь.

— Родная, девочка моя любимая, Хэла, — он сел возле неё на колени, аккуратно подставил под неё руки, поднял и...

В этот момент всё, всё, что было внутри, снаружи замерло в невообразимо щемящей тишине. Нить стянула его руку. Рэтар смотрел на женщину в его руках и не мог узнать свою Хэлу. Волосы были коротко острижены и были белыми, невыносимо седыми, лицо было худым, острые скулы, впавшие глаза, чёрные, жуткие круги под глазами, бледные губы.

Рэтар осторожно откинул полы своего плаща и захотелось умереть. Он не может даже мечтать о прощении, он сам никогда себя не простит.

Тёрк обещал его убить, если вернётся без неё, но он не собирался возвращаться, не найдя её. Если бы нить стала бесцветной, то Рэтар знал, что жизнь его тоже остановит своё течение. Без неё он не смог бы дышать.

А сейчас — Хэла была невыносимо худой. От мягкости её тела не осталось ничего, она была в жутком состоянии, словно голодала много луней, но Рэтар знал, что тело её иссушил заговор.

Связь с Горанами — ей нельзя было быть так далеко от их крови. И она знала, что умрёт. Она сознательно ушла, сознательно приговорила себя. Потому что то, что он подумал, что ей сказал, сделало слишком больно. А он, ничтожная слабовольная тварь, не искал, бросил, тщедушно отдался пороку, в котором призрачно воскрешал её образ, пытаясь утешиться им.

В его руках она была сейчас ребёнком. Он невольно вспомнил умирающую Элару. Слёзы уже не было смысла сдерживать и Рэтар разрыдался. Притянул к себе Хэлу, уткнулся в её шею, уже не было смысла, не было. Вот теперь он её терял. Она уходила, теперь навсегда и виноват был в этом он.

Рэтар убил Хэлу. Убил свою любовь. Её тонкая рука обняла его шею, другая легла на его голову, утешая.

— Прости меня, Хэла, — взвыл он. — Прости меня, любимая, прошу тебя. Не умирай родная, не надо. Хэла, я так виноват, девочка моя, ведьма моя, я так виноват. Моя нежная, тёплая, мягкая, живая, настоящая, несносная моя, Хэла моя, любимая. Прости...

Сон пришёл сам собой, нещадно вытаскивая сознание. Он просидел на руках с Хэлой больше мирты — прошёл день, сменился теменью, потом ещё один и снова темень. И эта темень его забрала. Он уснул, уснул обнимая Хэлу, которая всё это время не приходила в себя.

А Рэтар прижимал к себе и молился, когда силы держать её покинули его, он аккуратно переложил её на какой-то странного вида трин, старый, истертый. Растянулся рядом, продолжая обнимать.

Он точно знал, что если она перестанет дышать, то он возьмёт её и пойдёт в море, поплывёт так долго, как сможет и позволит воде забрать его жизнь.

Впервые за столько времени, что был без Хэлы рядом, он наконец уснул, как тогда, когда она грела его, когда была рядом и успокаивала. И сейчас, безумец в нём, зверь, пламя внутреннего огня, отдались ей. Сила Хэлы для Рэтара была лишь в том, что вот она, рядом и больше ничего не надо. Всё остальное не имеет никакого значения.

Даже страх, который он испытывал, ища её, сейчас ушёл. Его сменило смирение.

Рэтар нашёл её, нашёл, а он так боялся не успеть. Не успеть увидеть, не успеть обнять, не успеть поцеловать... вот это вселяло леденящий ужас. Мерзко было от самого себя в осознании этого, но прощения он и не заслуживал. Уже наградой богов было то, что он её нашёл живой. Ненавидел себя, надеялся, что ещё не поздно, но обнимая принимал свою судьбу и то, что вот здесь может закончиться его путь.

Тяжесть воспоминания пришла к нему сном.

Рэтар стоял в доме мага, пытаясь найти себя в том вихре безумия, что происходили вокруг него.

В то утро он успел несколько раз похоронить Хэлу, успел похоронить Элгора, успел почти проститься с Роаром и Миленой, девочкой, которую они призвали на её собственную гибель. Успел увидеть как Изарию раздирают на части ради выгоды и наживы. Увидел смерть своих братьев и сына, потому что Горанов уничтожат, всех до единого. И это было понятно. Успел осознать, увидеть снова свою собственную смерть.

И во всём этом Хэла, которая их спасала, жестоко и беспощадно. Так же как и все те мысли, что нещадно нападали и кусали, кололи, рвали, резали...

И Хэла хотела умереть! Он чётко понял слова, что она сказала у мага — она хотела убить себя, перед тем как попала сюда, но не успела... Но мысль... Почему? Что с ней случилось? Но многое стало в ней понятно и с пониманием пришла нестерпимая боль.

Но всё равно больше остальных мыслей разъедало осознание, что Хэла пошла на повязь кровью. Рэтар видел во сне именно это — Хэла и Тёрк.

Всё и больше, чтобы их спасти.

Когда Зеур и Роар с Миленой ушли, оставив их одних, стало невыносимо страшно. Она не вернётся к нему. Она не простит себе того, что сделала. Слишком хорошо он её знал.

Рэтар смотрел в любимые глаза и пытался понять, сможет ли он поймать её, сможет ли добраться? Осознание того, что Хэла теперь может просто исчезнуть, было леденяще ужасающим.

— Хэла, — проговорил он. — Иди ко мне, родная.

Она склонила голову на бок — такой привычный жест, который он так любил и

который так сводил его с ума.

— Мне жаль, — отозвалась она едва слышно.

В ней была эта невыносимая пропасть, он чувствовал эту трещину, чувствовал. А сейчас она стала вот этим невыносимо непреодолимым расстоянием между ними.

Он не успеет добраться до неё. Рэтар видел это в её взгляде, чувствовал своим чутьём.

— Не надо, Хэла, не надо, — он нахмурился, протянул ей руку и двинулся в сторону лестницы.

— Я чувствую это так же, как и ты, — с сожалением прошептала ведьма. — Отсюда не будет возврата, родной.

— Нет, Хэла, — он запаниковал. Ни в одном сражении с ним такого не было, а тут... — Это всё ничто, родная. Я понимаю. И ты снова спасла мою жизнь. И сотни, тысячи жизней. любимая. Прошу тебя, иди ко мне.

— Тогда почему в тебе столько печали? — спросила она и его скрутило невыносимой болью.

— Всего просто очень много, — попытался он оправдаться. — Ничего из этого... Нет... Я сделаю для тебя всё, я всё прошу тебе, ты моя жизнь, моя кровь, родная. Прошу тебя.

— Мне так жаль, — скорбно проговорила Хэла..

— И Тёрк, — Рэтар решил, что должен это сказать.

— Тёрк? — вздрогнула она, нахмурилась.

Боги, это всё-таки был его старший брат. Но Рэтар верил, что смирится, потому что хотелось её тепла, ему было невыносимо пусто без неё. Он поднялся на верхний ярус.

— Это тоже не важно. Обряд повязи, близость, не важно, Хэла... просто иди ко мне. Дай мне руку.

Она вздрогнула. В глазах у неё появились слёзы, губ коснулась едва уловимая улыбка, лицо стало скорбящим, полным горя.

— Ох, Рэтар... — проговорила она едва слышно. — Я так сильно тебя люблю. Дс безумия сильно.

Хэла моргнула, слёзы потекли по щекам.

— Прошу, если можно, — и он понял, что она уходит, ринулся наверх, — не убивай моих хараг.

— Хэла, — рыкнул Рэтар, протягивая к ней руку, но не успел.

Ведьма исчезла.

— Нет, — взвыл он, падая на колени.

И проснулся. Тяжело дыша, пошевелился и осознал, что Хэлы рядом нет. Рэтар подскочил в испуге, огляделся. Он спал на полу, но был накрыт своим плащом, тем самым который был на ведьме. Она его укрыла и ушла... внутри всё снова сковал лёд ужаса.

Рэтар вышел наружу и с облегчением увидел Хэлу на берегу. Худая, бледная, она сидела на песке, ноги были в воде, она смотрела на гладь моря, на ней была одна лишь нижняя рубаха цвета ранры.

Рэтар осторожно, будто птицу спугнуть боялся, пошёл к ней.

— Сегодня будет очень тёплое море, — сказала тихо Хэла. — Хочешь ягод?

В подоле рубашки были ягоды янги, пара горстей. Рэтар отрицательно мотнул головой. Уже просто говорить с ней было невероятным счастьем.

— Будет много рыбы, — заметила она, отправляя в рот ещё одну ягоду.

Он присел рядом, на расстоянии вытянутой руки. Всё казалось сном — может Рэтар

спит, может снова дурман, может она умерла и он умер...

— А ты можешь снять сети? — внезапно спросила Хэла.

— Сети? — переспросил Рэтар.

— Да, вон там, — ведьма указала рукой на рыбацкие указки сетей недалеко от берега. — Фред видимо поставил сети и помер, а когда вода тёплая, как сегодня, в них путается очень много рыбы. Это привлекает, эээ... равлик? Правильно сказала?

— Да, — он кивнул и улыбнулся. В глазах стояли слёзы, но Хэла смотрела на сети и не видела их.

— В общем, они иногда тоже путаются в сетях. Однажды одна молоденькая совсем равлик запуталась, и не могла выпутаться наверное пару дней, и мне было так её жаль, но помочь я ей не могла, — ведьма перевела на него взгляд, — там глубоко. Я попробовала водой, кое-как получилось и она выбралась. Это было таким облегчением.

— Хорошо, я сделаю. — ответил Рэтар. — А кто такой Фред?

— Арендодатель, — улыбнулась она, а он смутился непонятному слову. Боги, как же ему этого не хватало. — Ну, хозяин дома.

Она слегка рассмеялась и мужчина едва удержал себя, чтобы не обнять её, не сгрести в объятия, не расцеловать. Но было нельзя. Он сейчас не имел никакого права даже дотрагиваться до неё.

— Я когда сюда попала, — пояснила Хэла, — то внутри хижины были кости, точнее скелет. На них одежда мужская, ну и я назвала его Фредом, потому что мне песня вспомнилась.

"Чистил Фред колодец свой, и под мутною водой

В платье девичьем скелет обнаружил Фред..."

Пропела она слабым, тихим голосом, и вот этого тоже безумно не хватало.

Рэтара скрутило так, что наверное встать сейчас он бы не смог, даже если бы было очень надо. И слава богам, что можно не шевелиться, можно оставаться так, чтобы не спугнуть этот момент, в который он чувствовал себя снова живым.

— Очередная твоя безумная песня? — проговорил он, пытаясь держать себя в руках.

— Да, она, — рассмеялась ведьма.

И от её смеха стало совсем не по себе.

— Ты ходишь в одной нижней рубашке, — перевёл он разговор, хотя это было тоже плохо, потому что не имел больше права ей указывать, да и что там — не имел его никогда.

— Ревнуешь? — хихикнула она, прищурясь.

Рэтар снова поборол в себе желание обнять её.

— Просто это опасно, — ответил он и сразу отругал себя за то, что вообще об этом заговорил.

— Не переживай — тут никого не бывает, — ответила Хэла спокойно. — Кроме Элинки, девочки, что ты выдел. Да и она просто так не приходит. Если она мне нужна — я отправляю ей птичек. Она сказала, что они называются маянки. Вон в клетке.

Рэтар обернулся и заметил клетку с маленькими птичками, которые в Налуте использовали, чтобы доставлять сообщения.

— Обычно они такие шумные, трещат без умолку, а тут тебя наверное испугались — притихли, — заметила ведьма и снова перевела взгляд на море.

Они замолчали и это было невыносимо, Рэтар словно ждал, что она его прогонит, или что он проснётся от этого сна и будет снова без своей Хэлы.

— Хочешь поплавать? — спросил, чтобы только не молчать.

— Бесполезно — лодка дырявая, но если ты и лодки можешь чинить, — ответила она. — Впрочем я не удивлюсь.

— Нет, точнее — надо посмотреть, может и могу, — улыбнулся он, а ведьма захихикала. — Но я не про лодку.

— Я не умею плавать, ты забыл?

— Я помню.

Рэтар встал, снял сапоги, рубаху, остался в нижних штанах. Хэла нахмурилась, когда он протянул ей руку. Внутри всё безумно молило её протянуть руку в ответ.

— Я, — нахмурилась она. — Ты уверен?

— Давай, Хэла, — хотел поддеть чем-то вроде “ты что не доверяешь мне”, но вовремя остановился, сглатывая слова. Конечно она ему не доверяет больше.

Рэтар почти отчаялся, но тут она всё же подала ему руку. Даже в этом тепле Налута пальцы были прохладными. Любимая его рука, любимые пальцы, дарившие столько нежности и наслаждения. И он всё это разрушил, потерял.

Без труда он поднял её, руки Хэлы обняли его шею. Внутри билось это жуткое воспоминание о теле сестры, которое он держал в руках, когда относил в комнату матери.

— Только, если буду душить — скажи, — прошептала ведьма.

— Хорошо, — кивнул Рэтар и пошёл в воду.

— Почему ты не можешь попробовать плыть? — спросил Рэтар, когда они уже были достаточно далеко от берега и он не чувствовал под ногами песчаное дно.

— Только не отпускай меня, не надо, — проговорила Хэла, которую он сейчас держал в руках перед собой, помогая себе ногами держаться на плаву.

Рэтар мотнул головой:

— Не отпущу. Но, родная, — она вздрогнула едва заметно, когда он не удержался и сказал слово, которое точно знал задевает её, отругал себя. — Хэла, ты же умеешь управлять водой. Я видел, как ты это делаешь. Почему бы просто не приказать воде держать тебя на поверхности? Или как-то так.

Она засмузилась, нахмурилась. Кажется эта мысль не приходила ей в голову, хотя ведь была такой простой.

— Я не знаю, — ответила ведьма, повела плечом и Рэтар захотел взвыть.

— Попробуй, — выдавил он из себя, стараясь говорить спокойно.

— А вдруг...

— Я здесь. Я держу тебя и я не дам тебе утонуть, Хэла. Веришь? — спросил и сам бы ответил, что нет.

— Верю, — отозвалась она, осматривая воду. — Только не отпускай меня. Я попробую.

Рэтар кивнул. А Хэла закрыла глаза и стала невыносимо, потому что так хотелось поцеловать её. Сердце щемило, но уже то, что она верит, что позволила держать её, что её руки обнимают его шею, что он чувствует её дыхание — всё это было чудом.

Хэла отпустила руки и кивнула ему, чтобы отпустил. Конечно он был готов, что всё пойдёт не так.

Было действительно удивительно, что она не умеет плавать, потому что в Сцирце умели плавать все без исключения. Но ему попадались серые, которые этим умением не обладали, поэтому в целом сильно удивительно, это было скорее, потому что Хэла любила воду, вода

давала ей сил, ведьма могла подчинить воду себе, а вот плавать не получалось, точнее было страшно.

Но она удержалась. Открыла глаза и полным восторга взглядом уставилась на него.

— Я не тону? — спросила Хэла шёпотом.

— Нет, — ответил Рэтар, улыбаясь.

— Ух-ты, — восторженно воскликнула ведьма, но потом снова вцепилась в него.

— Я же тебе обещал, что научу, — ответил он, снова обнимая. И видя улыбку, сходил с ума.

Обратно он вернулся так же с Хэлой на спине, правда, когда получилось вступить на дно, ведьма пошла сама.

Ей было трудно и Рэтар видел те безумные усилия, которые она предпринимает, чтобы бороться с волнами. Хэла была ещё очень слаба. Он украдкой взглянул на нить на своей руке — она всё ещё была бледной.

Ведьма устало опустилась на песок у кромки воды, боком к морю. Мокрая нижняя рубашка облепила ее тело и стало видно насколько худоба была острой, болезненной. Все линии тела стали такими резкими, полностью утратили свои привычные мягкие очертания.

На этот раз Рэтар решился устроиться рядом с ней — сев лицом к воде, он обнял её за талию и Хэла, к его неизмеримой радости, позволила сделать это и даже устало положила ему голову на плечо.

Нить на её руке была яркой и резала ему глаза. Он был полон сил. Даже дурман не смог сломить его здоровья.

— Хэла, — позвал он.

— Ммм? — едва различимо отозвалась она.

— Расскажи мне, — вот это было страшно, но Рэтар должен был спросить. Он давно должен был сделать это, просто тут он тоже трусил, убеждая себя, что этого ему знать не надо, что у неё есть право это от него скрывать.

— Что рассказать?

— Про свою жизнь, Хэла.

Она дёрнулась, но он прижал сильнее.

— Пожалуйста, родная, — ему нужно было понять. — Я должен знать.

— Зачем? — глухо, словно опустела, спросила ведьма. — Жизнь, как у всех.

— Мне плевать на всех, — возразил Рэтар. — Мне нужна только твоя. Я хочу понять. Прощу тебя. Поделись со мной.

Хэла мотнула головой и он понял, что не скажет, снова закроется. Не получится это из неё вытащить.

— Правда, — вдруг тихо ответила она, ковыряя пальцами песок. — Ничего особенного. Я родилась поздней весной. Просто семья — папа, мама, бабушка и дедушка, папины родители. Папа пожарный, мама в прошлом балерина. Бабушка была продавцом, а дедушка ветеринаром, работал с лошадьми. Родители мамы — дедушка умер, когда мама была маленькой, а бабушка, когда я была ребёнком и я плохо её помню, только то, что она красиво пела. С самого детства я была в разных кружках — рисование, танцы эти проклятые, пение. И лошади. Но это из-за дедушки. У нас даже конь был. И конечно ещё музыка...

Она помолчала. Рэтар так боялся спугнуть, что даже дышать перестал.

— Сначала было фортепьяно, понятно. Как у всех. Но я его не любила. Учитель, мамина подруга, говорила, что это не моё и предложила скрипку. Мама и бабушка согласились, —

Хэла недовольно фыркнула. — А я её тоже не любила, она меня бесила страшно. Да меня всё бесило тогда. Хотя с танцами не сравниться ничего — они были разные, но больше всего ненавидела народные... кокошники, юбки, сапоги, причёски эти, от которых чешется голова, а всё равно улыбка должна быть во всё лицо, хотя хочется рыдать.

И ведьма очень горестно вздохнула:

— А скрипка — она... она скрипит. Понимаешь? — она глянула на него, потом снова устремила взгляд в никуда. — Как-то я поняла, что скрипка маму бесит и стала так усердно заниматься, чтобы маму достать. Такой слабый протест семилетки.

Рэтар слабо улыбнулся. Вспомнил, как Хэла рассказывала, что высыпала песок на голову девочки, которая сказала обидные слова про её отца.

— Но потом я к ней прикипела, — заметила женщина. — Она стала моей отдушиной. Я была бойкой, упрямой, вредной, но потом что-то сломалось... дедушка умер, потом конь... Атос. Знаешь какой это был конь? Он всё понимал. Красивый был... не представляешь. А как он танцевал. И он спас мне жизнь. Тогда... — она тронула свой шрам на плече. — Так было плохо, помню сидела в него уткнувшись и рыдала, рыдала. А папа меня всё успокаивал и никак не мог от мёртвого Атоса забрать...

Хэла всхлипнула, Рэтар непроизвольно прижал её к себе, но она мотнула головой.

— А к шестнадцати я всё бросила. Прикрылась травмой. Осталась только скрипка. И я как умолишённая готовилась, хотела поступать в высшее музыкальное. Но появился Олег.

И она произнесла это имя с таким пустым надломом.

— Мама потом сказала мне, что я этим своим Олегом разбила сердце папе. И он умер. На деле... — она говорила спокойно, слёзы от воспоминания про отца текли по щекам, но лицо было смиренным. — Папа болел давно, а Олег его очень уважал. У него не было отца, было трудное детство. Мама его была хорошей, но по молодости гуляла очень. Всё хотела найти мужчину. И все они строили Олега. Кто словами, кто криком, а кто просто бил... В общем злой он был, зубастый. Мы с ним были странной парой. Он на спор со мной познакомился.

Хэла ухмыльнулась. Так привычно, но почему-то так было не по себе от этой её ухмылки. Потому что обычно Рэтар знал, что происходит, он понимал, а сейчас словно это было чем-то совсем иным.

— А я была дура, — закивала Хэла. — У меня не было отношений, потому что времени порой на сон не хватало. Школа, рисование, музыкалка, чтение... я очень любила читать. Олег был жёстким, но я была влюблённой дурочкой, и мне казалось, что это ерунда. Со мной же он нормальный.

И она повела плечом.

— Я забеременела. Родился Максим. Мы жили у Олега. Квартира, как три этих хижин. В одной комнате мы с сыном, в другой мама Олега. А потом я забеременела снова и мама моя меня просто... она столько всего наговорила. Перестала с нами общаться. Она была права — я похерила свои мечты.

И она просто отрезала события, словно давала отчёт, как обычно давали ферану командиры.

— Было плохо. А потом уже в конце беременности я попала в больницу. Все вокруг, ну доктора, лекари в смысле, стали бегать, суетиться... ребёнок умер, — и Рэтар непроизвольно сжал её, она на это повела головой, словно “не переживай” ему сказала. — почему-то... я рожала мёртвого.

И она запнулась на мгновение, а он обнимал и словно в этом мгновении тишины не было ничего.

У Хэлы болело, болело до сих пор, а мог ли Рэтар что-то с этим сделать?

— Время в роддоме было просто кошмаром. От меня как от прокажённой все шугались, а я сначала рыдала, а потом стала их всех ненавидеть. Их и их детей. И это страшно, — и это она прошептала, ошутимо сжалась. — Я разбила окно в палате, хотела осколками убиться.

И на этот раз она провела по предплечью, там были шрамы, несколько. Он тогда, когда спрашивал о её шрамах, эту руку не трогал, про неё не спросил. И стало не по себе. Рэтар смог бы уже тогда узнать, что случилось? Она бы призналась?

— Меня остановили, — проговорила ведьма и это было так смиренно, словно она расстроена этим фактом. — Олег замял всё, забрал меня домой. Но становилось хуже. А он не умел быть терпеливым. У меня начались панические атаки. Это когда задыхаешься и страшно ни с чего. И я стала рыдать постоянно и... Олег меня спровоцировал, сказал что-то очень болезненное. Я схватила нож, порезала его, но на деле он просто позволил мне это сделать. Его мама вызвала ментов и скорую. Меня забрали, отвезли в психушку. Это...

Хэла нахмурилась, словно очнулась и Рэтару казалось, что хочет положить ему голову на плечо, но он застыл, утопая в её горе и понимая, что это ещё не всё.

— Это конец для человека. Такие больницы ставят на тебе крест. Навсегда. Я была там совсем немного, но и того довольно, чтобы стереть в глазах общества человеческий образ, — тихо произнесла она. — Олег, когда забирал меня домой, спросил у врача, что ему со мной делать. А тот может серьёзно, а может в шутку сказал: “ребёнка ей сделай”.

И снова усмешка, а у Рэтара заледенело всё.

— И Олег стал делать, — смиренно сказала Хэла. — А я... я просто терпела. Он обвинял меня в холодности, а у меня... словно я умерла. Но Олег был хорошим, нет, просто не понимал, что делать, как быть. У него по-другому не получалось. Он меня любил.

И как же хотелось её остановить. Она оправдывала этого своего супруга? Оправдывала в насилии над ней? Рэтар уже так хотел, чтобы она ничего не говорила. Он хотел встать и уйти. И забрать Хэлу с собой. От горя и боли, если бы можно было просто забрать.

— И я забеременела. Но я была в таком состоянии плачевном. Постоянно на взводе из-за страха, что этот ребёнок тоже умрёт. И моё тело отказало. Я чуть не умерла. Ребёнок родился раньше срока. Был очень болен. Он выжил, но я была навсегда с ним, — и она повела головой, стёрла слёзы. — Мама со мной помирилась. Бабушка потом умерла. И у нас появилось отдельное жильё. Я старалась, старалась для семьи. Но...

И снова виновато пожала плечами.

— Как-то было лето, Олег собрал вещи и ушёл к другой. Дети были с бабушками за городом. А я впала в ступор. Очнулась бродящей по улицам города. В парке играла группа. Белого я знала по музыкалке. Он меня узнал, попросил с ними спеть. Так я попала в группу, — и Хэла улыбнулась. — Олегу не нравилось, как я пою и его безумно раздражала скрипка. Поэтому, получив возможность играть, я была счастлива. А ещё им нравился мой голос. И они заставили меня петь. Было офигенно.

Потом Хэла задумалась, Рэтару даже показалось, что она не будет продолжать.

— Олег был в ярости, — как само собой разумеющееся сказала ведьма. — Обрывал мне телефон, ругался. Я перестала с ним говорить. И вот как-то вернулась после концерта, хотела лечь спать, а тут пришёл Олег. Пьяный и с бутылкой водки. Сказал — иди пить. И я смотрела на него и была уверена, что он меня пришёл убить. Я бы не вышла с кухни тогда. У

него на лице это было, знаешь...

И Хэла вздохнула.

— И я убежала. Сказала, что с собакой надо погулять и сбежала. Прямо в ночнушке, тренч сверху, собака на поводке, за угол дома, чтобы из окон не было видно и рванула. Хорошо хоть было тепло более менее, — и она улыбнулась. — Мне позвонил Ллойд. Сказать, что моя джинсовка у него, я после концерта забыла. Понял по голосу, что что-то не так. Предложил помочь. Я попросила денег в долг. Он сказал, что даст и я поехала к нему забрать. Он меня увидел и не отпустил.

Хэла втянула в себя воздух, глянула вдаль, поджала пальцы ног, склонила голову. И Рэтар знал, что это... это было смущение.

— Ллойд жил один, у него была однушка, комната в изоляции, чтобы играть можно было когда хочешь, вместо кровати матрас. Инструменты. Полпачки макарон и один чайный пакетик, — женщина прикусила губу. — Я не собиралась изменять Олегу. Ну, типа он мне, а я ему — нет. Но мне нужно было человеческое тепло, чтобы это пережить, понимаешь?

И Хэла посмотрела на Рэтара, словно ждала осуждения. Потом резко отвернулась и снова повела плечом.

— Я прожила у Ллойда почти десять дней. И это были очень счастливые дни.

Она нервно теребила подол рубашки. Стесняясь своего поступка.

— Потом я вынуждена была встретиться с Олегом, мы ездили к детям. И он меня изводил всю дорогу. Просил, плакал, угрожал. Он с самого начала сказал, что развод мне не даст, не позволит чужому мужику воспитывать своих детей. А я... я понимала его. Со мной тяжело. Да...

И он слышал это, и всё это её смущение от подарков, вся эта на деле необъятная скромность, прощение. Хэла вечно прикрывалась деланной весёлостью, шуткам, а сама внутри была вот такой. На деле всегда такой. Оправдывающей и прощающей.

— И вот на концерте Белый был не в себе, под кайфом. Джокер вырубил его почти на сцене, потому что Тоху несло. И мы играли без него и это было так классно. ты не представляешь, — ведьма улыбнулась. — А после Белый, когда ребята ушли и ждали на улице нас, затащил меня в кладовую и обвинил, что я со всеми в группе трахаюсь. На деле злился, что типа со всеми кроме него. Я ему влепила по роже и ушла через другой вход, чтобы ребят не видеть. У меня случилась истерика. Так паршиво стало. Я утопила свою скрипку и решила, что всё, баста, завязала... да и не могло это длиться долго.

И она снова всхлипнула.

— Меня нашёл Ллойд. Когда была на набережной. И это... я была благодарна, — закивала ведьма. — А потом он спросил правда ли, что я с Белым спала. Этот урод так сказал.

И Рэтар едва удержался, чтобы не взвыть, остаться сидеть так, как сидел, прижимая Хэлу одной рукой, потому что — её уже так предавали, так же как он.

— И больше я Ллойда живым не видела.

И не нужно было дальше говорить, чтобы он понял, что конечно же она вернулась к супругу и продолжила жить, как раньше.

Ведьма усмехнулась, качнула обречённо головой:

— Я вернулась домой. Олег вернулся домой. С радостью заделал нам ещё ребёнка, — и теперь Хэла рассмеялась с болью. — Я как дебил в этой истории. Правда? Такая дура! Я старалась быть хорошей женой. Матерью. Димка, мой второй сын, он был тяжело болен, но

такой был очаровательный, трепетный. Расстраивался по пустякам, любил меня очень. Всех нас.

И от воспоминаний о сыне она улыбнулась. Невероятно светлой улыбкой и ему стало стыдно, что он забрал её у него... или... Рэтар почему-то не видел в ней тревоги, а она должна была быть — он же видел какой была Хэла, когда Шера обидела Найту. А тут её собственный сын.

И кольнуло с силой, стало не по себе.

— С Егором, младшим, всё было хорошо. Он родился крепким, шустрым. Мы его на плавание отдали, — продолжила Хэла. — А Олег изменял. У него были женщины в каждом городе, куда он ездил в командировки.

А Рэтар так завидовал этому её супругу, так завидовал. И вот эта невероятная женщина, перевернувшая его жизнь сидит рядом и смущённо говорит, что у супруга были другие, и видно, что винит себя. Винит...

— А потом погиб Ллойд, — проговорила Хэла и нахмурилась. — На похороны прилетел Джокер. Я встретила его в аэропорту. И мы сидели у Сатаны дома, Лизка приехала. Набухались в кашу, пели, вспоминали. А на следующий день поехали на похороны. Олег был в командировке, а я хотела после похорон снять номер в отеле и просто побыть в тишине. Но Джокер мне не дал.

И снова смущённое теребление подола рубашки.

— Сначала он чуть не пришиб Белого и пришлось его останавливать, словно кроме меня никто не мог, но так и оказалось, — и Хэла слегка улыбнулась. — Потом пьяный потащил нас после поминок гулять по городу. Потом мы попали в кинотеатр, потом в клуб...

И она рассмеялась воспоминаниям вроде открыто, но весь её вид говорил о горечи.

— Мне с Джокером, ещё когда играли в группе, было очень хорошо. А тут... нас в этой потере просто втянуло во что-то странное. Мы с ним трахались и говорили... чудили... много-много. Гуляли, — Хэла фыркнула, прикусила губу, положила голову Рэтару на руку. — И он хотел меня забрать. С детьми. Злился, что я не развожусь, поминал Ллойда всеми словами за то, что по его мнению смалодушничал, тогда когда я ушла. Из-за Белого.

И ведьма горестно вздохнула.

— Но ему нужно было лететь обратно, — проговорила она. — И я проводила его. Вернулась домой. Впервые спросила о разводе. И мне прилетело. Пока я пыталась осознать слышу я или нет, так в ушах звенело, Олег мне сказал, что я не увижу детей, если разведусь с ним. И он мог так сделать. Я это знала и до того, как заговорила про развод.

И Рэтару так хотелось этого её Олега удушить, разделал бы, глазом не моргнул, но держал себя в руках, потому что злость прижала бы Хэлу, сделала бы ей больно. А феран не мог позволить, чтобы такое случилось.

— Я кажется хотела уйти, но не смогла, потому что Дима без меня не смог бы, — и она нахмурилась, снова уставилась в песок, слова невыносимо сейчас сухие худые пальцы стали рисовать что-то на песке. Рэтар видел, что Хэла уходила в себя.

— А потом... за год до того, как мне сюда попасть, Димка упал на площадке, где мы гуляли и ударился виском, — и пальцы ведьмы хватанули песок, сжали в кулак. — Смерть была мгновенной. А я... я смотрела на него и первое о чём подумала — как хорошо, что раньше, чем я.

И леденящий шёпот его маленькой хрупкой Хэлы, девочки, которая так сильно страдала, потому что Рэтар понимал — она и трети своей боли не рассказала.

— Я кажется потом попала в какое-то Зазеркалье, — заметила ведьма. — Странно, что не в психушку снова. Мне было невыносимо плохо. Всё происходило, как без моего участия — за это время Олег развёлся со мной. Максим уже был большой, жил своей жизнью, помогал мне, но... — и она снова пожала плечами. — А Егора оставили с отцом. Я не могла видеться с сыном без надзора Олега, а он никогда не мог, был занят. У него сразу же появилась новая жена. Правда Егор мог жить у моей мамы и она его очень любила. И пока Егор был у неё, я тайно говорила с ним по телефону. И тайно приходила на соревнования по плаванию. А потом Олег узнал. И... накануне, как я сюда попала, я получила письмо из суда и результаты анализов — у меня нашли неизлечимую болезнь. Я больше не могла.

И Рэтар видел, что это конец. Вот почему она была так скорбно спокойна.

— Я усыпила свою собаку, — тихо проговорила Хэла то, что Рэтар уже слышал там, у мага. — Ту самую мою детку, которая меня спасла от той фатальной пьянки с Олегом на кухне. Собака уже была очень старенькой, ходить перестала. И я приняла решение — усыпила её, а потом решила усыпить себя...

Говорить было физически больно. Рэтар не просто обнимал Хэлу, из глаз которой текли неконтролируемые слёзы, он держался за неё. Держался, словно это ему пришлось пройти через весь этот кошмар, а потом...

— Но я не успела. Я выпила. Потом закрыла глаза, у меня схватило всё внутри... и...

Рэтар выдернул Хэлу, выдернул из смерти и он знал, что не жалел об этом, хотя вот это время без неё, время, когда он знал, что она попала в этот мир, умерев, он никак не мог понять почему она попыталась.

И теперь понимал. И понимание это не приносило ему облегчения, оно приносило только панику и безумие. Бессилие, которое он испытывал перед её невообразимо печальными глазами, теперь стало невыносимо удушливым, неподъемным грузом, что выдавливал из него жизнь.

Она столько горя прожила, а он вытащил и добавил... а она просила прощения.

— Хэла, но это... родная, ты... посмотри на меня, — он встретился с её заплаканными глазами. — Отпусти это, Хэла. Зачем ты тащишь это?

— Я пожелала смерти своему сыну... Такое нельзя забыть... выкинуть, — зашептала она, сглатывая слёзы, — и я больна, головой. Оно никуда не делось. Я опасна...

— Ты не желала ему смерти, ты любила его, ты была с ним, — убеждал её Рэтар, потому что так хотелось успокоить, но слов найти не мог. — Уставала, но не оставляла. Когда он погиб, ты подумала о том, что его смерть была облегчением. Это не... ты... Хэла. Ты... Горе не болезнь, родная.

— Ты не понимаешь! — упрямо сопротивлялась она.

— Хэла... я очень хорошо понимаю, — он втянул в себя воздух, прижался губами к её лбу. — Я убил своего брата, Хэла.

— Шерга? — спросила женщина очевидное и хотела возразить, но Рэтар мотнул головой.

— Ривана.

— Но Риван утонул, — нахмурилась ведьма, всхлипывая.

— Да, — подтвердил он её слова. — И я тот, кто в этом виноват.

— Рэтар, — она заплаканная, полная только что разворошенного горя, пыталась его успокоить.

Он горько усмехнулся.

— Нет, родная, нет, — возразил Рэтар. — Я его убил. Он был мальчишкой, злым юнцом, который мне завидовал. А я был взрослым, но я тоже завидовал ему. Он в очередной раз что-то натворил. Вот не поверишь, я помню тот момент в мельчайших деталях, но причину того, что так случилось, не помню. Она стёрлась из моей головы. Видимо, потому что была не важна. Несоразмерна тому, что произошло в результате.

Рэтар повёл головой.

— Он прятался на реке, как всегда. Я его нашёл, он меня очень боялся. Он знал, что если я решу его наказать, то ни отец, ни мать, не вступятся за него. А я с ним был очень жесток, — и это была правда, с младшим братом Рэтар был так же беспощаден, как со всеми ними был беспощаден Эарган. — Тогда начиналась пора цветения. С гор сходили снега. В это время Нрава становится очень бурной, особенно возле Зарны. Мы ругались. Я что-то сказал, он ответил, потом ещё что-то сказал и я ответил. И он заявил мне, что перейдёт реку. Это можно сделать, в пору сбора урожая, даже в сами холода, но только не после прихода тепла. И я, вместо того, чтобы остановить его, поймать и оттащить домой... я его подначил. И он полез в воду.

Рэтар уставился на морскую гладь. Спокойно на воду он смотреть смог только спустя несколько тиров после произошедшего.

— Он перешёл. И подначил меня перейти, — он ещё раз усмехнулся, в глазах были слёзы и из-за Хэлы, и теперь из-за этого воспоминания. — Я перешёл, со злобой и, когда ступил на тот берег, Риван дернулся обратно, чтобы я его не поймал. И упал. Я кинулся за ним. Поток был очень сильным, жестоким, течением меня сносило и кидало во все стороны, от берега к берегу. В какой-то момент я поймал Ривана за руку. И он... у него было такое странное лицо. Удивлённое, а потом он так, не знаю...

Лицо брата и сейчас было перед глазами.

— И нас начало тащить на дно. Я захлебывался. Меня било о камни, я держал его. Держал. Всплывал на поверхность. Раз за разом. А потом начал тонуть вместе с ним. И я его отпустил, когда понял, что он тянет вниз, а мне надо вверх... я разжал руку. Я выплыл. Риван уже не всплывал, — и Рэтар тяжело вздохнул. — Я вернулся домой. Отец отправил людей искать брата. Его нашли намного дальше Зарны, почти возле сцепившихся скал. Те, по дороге из Зарны в Трит, помнишь?

Хэла закивала.

— Я так и просидел на ступенях, в мокрой одежде. Меня била дрожь, потом я слёг с горячкой. Но этот плач мамы, когда тело Ривана принесли, я не забуду никогда. И этот его взгляд, когда поймал его руку в воде. Он словно был уверен, что я не буду его спасать. А я...

я хотел, чтобы его не было.

И это не было внезапным осознанием, Рэтар жил с этим, жил, смирился, потом закопал. Забыл.

— Потом меня выворачивало от запаха и вкуса воды. Я не подходил к реке. Ты была права, когда заметила это в Зарне — сколько времени прошло, а реку в том месте я избегаю, — Хэла понимающе повела головой, всхлипывая и уже непонятно было почему она плачет. Из-за своего горя, или из-за горя Рэтара. — Началась война, отец забрал меня. И в бою всё стало не важно. Но я виноват в его смерти, Хэла. Этого не изменить.

И ему так хотелось дать ей понять, что такое действительно желать кому-то смерти.

— И я хотел его смерти, я хотел, чтобы его не было. Я хотел быть таким, как он. Иметь то, что имеет он. Мне хотелось той свободы, которая у него была. И, боги свидетели, я знал, что он хотел на моё место. А мне было от этого тошно. Знаешь, я испытывал какой-то безумный триумф от того, что он не может получить то, что есть у меня. В целом я мог, как он, а он как я — нет. И я знал, что Риван не струсит лезть в воду. По сути я его толкнул в реку. Потом пожалел об этом. Но в конечном итоге — оставил под водой.

— Не было бы хорошо, — возразила ведьма, — если бы ты умер вместе с ним, Рэтар. И каждый из нас сам в ответе за свои решения.

— Решение мальчишки? Вздорного и упрямого, — ответил он на это. — Глупого мальчишки, который всё делал назло! Я знал его, я знал, и не остановил. Наоборот. Он не получил урок, Хэла. Не всего лишь испугался, или поранился... он умер!

Она с сожалением повела головой.

— Прощаешь мне его смерть? — спросил он, а ведьма удивилась вопросу, потерялась от него.

— Рэтар... ты... я не могу... я...

— Ты не виновата, Хэла. Родная моя, не виновата в том, что случилось с твоим сыном, — он сжал её пальцы, погладил щёку. — Ты потерялась в своей скорби. Но скорбеть не стыдно. Тебе не за что себя наказывать...

Хэла всхлипнула, мотнула головой, её обрезанные волосы уже высохли на солнце и сейчас торчали во все стороны белыми локонами. Потом привычно повела плечом, но вдруг вскинулась и ужасом посмотрела куда-то за спину Рэтара.

Вода пошла рябью, потом задрожала земля. Он обернулся, Хэла с трудом поднялась, вокруг неё вставал песочный вихрь.

Рэтар больше ничего не успел сделать, как по ним ударило магией.

— Беги, — услышал он шёпот Хэлы и её откинуло от него на десяток шагов, прямо в воду. Порывом было ринуться к ней, но его внезапно скрутило болью и откинуло в другую сторону, ближе к рыбацкой хижине. Рэтар упал, успев сжаться, оберегая голову, ударился о землю и понял, что его ещё и оглушило.

Сквозь поднявшийся песок, он видел мужчину в одежде драта, наёмного убийцы из корты в Фаре. Он творил заклинание.

Рэтар глянул на Хэлу — она была в воде, встала на колени, потом с трудом поднялась на ноги и начала поднимать стену воды. Осмотревшись, Рэтар понял, что недалеко от него его вещи — мешок, плащ. Он оставил их снаружи, когда нашёл ведьму. Рядом лежал меч.

Из последних сил, превозмогая гул в голове и стараясь прийти в себя, Рэтар добрался почти ползком до меча, вытащил его из ножен, снова глянул на ведьму. Но его движения заметил драт.

Убийца повёл рукой в сторону Рэтара, однако получилось, что отвлекся от Хэлы, переставая сдерживать её силу, и она накрыла песчаный вихрь стеной воды, словно смещая песчаную завесу далеко за спину наёмника. И в этот момент тот снова посмотрел на женщину, видимо принимая решение, что человек намного безопаснее, чем ведьма и первой надо убрать именно её, но это было ошибкой, потому что Рэтар был не простым человеком.

Он метнул меч и тот точным и сильным ударом воткнулся в бок драгу. Наёмник удивлённо повернул голову в сторону Рэтара, но тут же безжизненно осел на песок. И была непоколебимая уверенность, что это уже была работа Хэлы.

Ведьма упала вместе с ним, где стояла, прямо в воду.

— Хэла, — гаркнул Рэтар, понимая, что почти не слышит себя. Подбежал к ней, вытащил из воды.

Страх, что слишком слаба, что не справится, сдавил Рэтара не хуже применённой драгом магической силы. Какое-то время она не дышала, но потом закашлялась, сжалась.

— Боги, Хэла, — он старался говорить тише, но получалось плохо. — Что ты сделала драгам корты Фары?

"Нашёл, что спросить? Рваш!" — ругнулся про себя Рэтар.

— Что? — выдохнула ведьма с трудом. — Может он за тобой пришёл, достопочтенный феран.

— Ты не удивлена, Хэла, — заметил он. — Он не первый?

Она мотнула головой, легла на живот и уткнулась в сложенные руки лбом. Пыталась снова начать нормально дышать.

— Хэла?

— Нет, не первый, — ответила со злостью ведьма. — Третий.

— Третий? — кажется Рэтар сейчас начнёт выть. Внутри пробуждался ураган.

— Первый был два луня назад. Я не знала о них ничего. Он меня ранил, — Хэла показала руку. И ураган внутри Рэтара обрушился на него самого. — Я испугалась очень. Я перепрыгнула в Зарну...

“Нет-нет-нет, не продолжай... Хэла, боги... Рэтар, как ты мог так её подвести?”

— Ты был в дурманном сне, — словно прирезала его словами. — Я побыла с тобой, но ты не пришёл в себя.

— Ты могла меня разбудить, Хэла? — возразил он и понял, что обвинил её. Схватившись за голову, Рэтар с трудом встал на ноги.

— Я, — она пожала плечами и села. — Я ушла. Потом пришёл второй, лунь назад. Но у меня не было больше сил на прыжок. И я боялась. За вас...

Рэтару хотелось рыдать, как ребёнку. Он подавил в себе эти чувства вины и презрения к себе. Подошёл к телу наёмника, уперевшись ногой в него, вытащил меч.

— Ты знаешь, как он сюда попал? — спросил Рэтар.

— Там типа грифон, — глухо отозвалась Хэла. — Он за холмом.

— Грифон? — не понял Рэтар слово.

— Ну, такая птица, — нахмурилась ведьма, — с четырьмя ногами.

— Ферган? — уточнил он.

— Не знаю, — ответила ведьма, — я в твоей книге таких не видела.

— Рваш, — простонал Рэтар. Да конечно не видела, чтоб ему...

— Что?

— Нет, всё хорошо. Но нам надо его подкормить.

Хэла встала и с трудом подошла к нему.

— Подкормить? Что они едят? Не представляю, что может есть такая здоровенная штука.

— Они всеядны, — ответил Рэтар. — Но подкармливать, чтобы не улетел, надо свежим мясом.

— А если улетит? — ведьма нахмурилась. — Может...

— Нет, Хэла, нельзя, — он прервал её с сожалением. — Скорее всего это один и тот же ферган. Он улетит, попадёт в Фару, и снова приведёт сюда драта.

— Свежее мясо только в селении, — сказала на это Хэла. — В смысле эти их местные шабки, коянги?

— Коянсы, — поправил её Рэтар.

— Да, точно. Надо будет просить, чтобы убили для нас, — она прикусила губу. — Или самим.

— Не обязательно, — он уставился на труп наёмника.

— Что? — и Хэла нахмурилась, потом проследила за его взглядом. — Нет, перестань. Ты серьёзно?

— Его нога подойдёт, — заметил Рэтар.

Ведьма издала какой-то совершенно странный звук, потом мотнула головой.

— Хэла...

— Ох, а я их хоронила, — она сделала указательный жест рукой куда-то за спину Рэтара. — А надо было птичку покормить! Вот я глупая!

— Хэла, — он обернулся. — А почему там три могилы?

— Наёмники и Фред, — ответила она, словно это было очевидно. Но в целом так и было.

— Вещи их ты, надеюсь, не хоронила?

Ведьма фыркнула, зыркнула на него невообразимой презрительной злостью.

— В доме лежат, — ответила резко.

— Хорошо, — кивнул он, не сдержавшись от лёгкой улыбки. Потом осмотрелся. — И...

— И не вздумай меня в это втягивать, ясно? — с угрозой прошипела Хэла.

— Я сам, — успокоил её Рэтар.

— Хрень эта летающая там, — она указала направление, откуда судя по едва различимым следам пришёл драт.

Рэтар кивнул, а Хэла фыркнула, потом резко развернулась и отправилась в сторону хижины. Но не успел Рэтар присесть у тела, и достать принадлежавший наёмному убийце кинжал, как ведьма обернулась:

— И знаешь, мы действительно идеально подходим друг другу — хладнокровный убийца и психопатка! Шикарная пара. Аминь, — и она показала руку с рисунком нити на ней, потом развернулась и пошла прочь.

Дойдя до дома, Хэла вдруг схватилась за дверной косяк и осела на песок. Рэтар бросился к ней. Она как и всегда была ледяной — сила ушла из неё, забрала тепло и сознание.

Прихватив свои вещи с улицы, он взял ведьму на руки и отнёс в дом. Устроил там на тропе, укутав в тот плащ, который был у неё, и накрыв тем, что был у него с собой. Убедившись, что дыхание Хэлы ровное, несмотря на то, что его почти не слышно, он вернулся к своей неприятной работе.

Ферган был невероятно большим. Сильный, взрослый зверь, хотя было видно, что за ним не очень хорошо ухаживали. На Рэтара животное посмотрело с недоверием, но когда учуяло запах свежей крови взбодрилось.

Кормить человечинной было конечно диковато — Хэла была права. Но война учит вообще не обращать внимание на подобные вещи, если они продиктованы необходимостью. А сейчас очень нужно было, чтобы ферган никуда не делся.

О них Рэтар знал всё. Любовь к птицам ему привила мама, а что до ферганов — первый раз летал на таком, когда было два тира всего.

Мясо ферган принял и, пока ел, позволил Рэтару подойти к себе и даже снять снаряжение для полётов, а потом и погладить шею. Это был успех. Теперь осталось только это закрепить и мужчина вспомнил о сетях, которые просила снять Хэла. Лучше и придумать было нельзя. Если всё получится, то ферган не просто останется, но и даст на себя сесть.

Но это всё Рэтар решил сделать не сегодня, а завтра. Оставив зверя, он вернулся к Хэле. Ведьма была привычно ледяной.

Он взял её руку и размотал перевязь — на ладони была глубокая рана. Два луня, боги, два луня и не прошло до сих пор... Рэтар перевязал рану, потом склонился над ведьмой и, сдаваясь, заплакал.

Два луня назад он в очередной раз очнулся от дурмана. Голова нещадно болела, свет резал глаза и хотелось просто выпить ещё дурмана и снова провалиться в сон, где мог быть с Хэлой. Но оказалось, что Рэтар не дома, а в незнакомом месте — добротнo сколоченный дом из цельного бревна ярыны, такие обычно были у зрителей предлесья Изарии.

Что за проклятье?

— Какого? — застонал он, попытался поднять голову, но не вышло.

— Смотри-ка очнулся? — прогремыхал над ним голос старшего брата.

— Тёрк, чтоб тебе! — гул в голове стал невыносимым.

— Плохо? Отлично! Подожди, ещё хуже сейчас станет, — и с этими словами брат вылил ему на голову ведро ледяной воды.

— Твою, — взвыл Рэтар, падая на пол и откашливаясь, искренне жалея, что не может полноценно ответить Тёрку.

— Жаль, что холод закончился и снег сошёл, — прогремыхал брат.

Феран наконец-то смог нормально открыть глаза. Взгляд старшего был просто непередаваемым — в нём была какая-то смесь разочарования, презрения и тем не менее сочувствия. Ничего более мерзкого и придумать сложно.

— Какого ты творишь, Тёрк? — зло рыкнул Рэтар и это было единственным на что он сейчас был способен.

Дурман забирал силы, забирал способность правильно понимать, достойно реагировать. Рэтар слишком долго его принимал. Слишком. Он бы ответил на выпад, только тогда, когда меч бы его пронзил насквозь. А скорее не ответил бы вовсе. Лёжа на полу, под лавкой, он не мог нормально пошевелить ни ногой, ни рукой, глаза-то с трудом открыл. В голове всё ещё нестерпимо гудело.

— Это мой вопрос, Рэтар, — гаркнул Тёрк. — Что ты творишь?

Но феран лишь зло фыркнул.

Что ему ещё оставалось? И как вообще брат сейчас у него что-то спрашивать? Хэла выбрала Тёрка. Его Хэла...

— Где она? — выдавил из себя Рэтар.

— Кто? — спросил брат.

— Хэла, — с болью произнёс феран, злясь, что вообще внутри так сильно болело, что сам себя потерял. Всего лишь женщина. А так сильно перепахало его чувством к ней. Ушла и ушла, рваши с ней.

— Ты совсем одурел с этой жижи? — спросил Тёрк, опираясь на скамью и нависая над Рэтаром. — Хотя не удивлён, отец таким же был.

— Где она? — он и сам не знал зачем спрашивает, зачем по сути просит её увидеть. Просто тоска по ней настоящей скручивала намертво.

— Да с чего, Рэтар? — взвился брат — Откуда ей быть здесь?

— Что?

А вот это было намного страшнее, чем если бы Тёрк его ударил. Если бы даже убил.

Рэтар нахмурился на мгновение, потом преодолевая страшную боль во всём теле, схватился за лоскут рубашки Хэлы, которую разодрал в клочья, когда в гневе вернулся один без неё в Зарну.

Он перемотал им своё запястье, где была в теле её нить, чтобы не видеть, забылся и так и не смотрел на неё всё это время, пока сходил с ума и отдавал себя во власть забирающего разум зелья.

Под лоскутом была побледневшая в два раза нить. Дрожь прошла по телу, ужас остановил кровь, а яростные клыки его звериной сущности вцепились в хребет.

— Что? — выдавил из себя Тёрк, понимая, что видит. — Ах ты, засранец... ты...

Он лёгким движением, полным ярости, откинул скамью в сторону, придавив Рэтара коленом, взял за ворот рубахи.

— Ты с ней обвязался? — взгляд старшего брата был полон смертельного гнева. — И ты не знаешь, где она?

— Я думал она с тобой, — почти не слыша себя проговорил Рэтар. В голове стучало так, что кажется смерть от рук Тёрка была бы сейчас самым прекрасным, что могло бы случиться в его жизни.

Это было то, что он заслужил. Нежность, мягкость, тепло, любовь... нет... только яростная, уничтожающая боль, несущая с собой смерть.

— Да с чего, дурень? — взвился Тёрк.

— Она была с тобой, чтобы провести обряд повязи кровью, — в Рэтаре снова проснулась злость. — Я видел, я это видел...

— Что? — брат уже не рычал, он выл, отчаянно и злобно. — Что?

А дальше феран просто получил несколько беспощадных ударов в лицо.

— Ты за кого меня принимаешь? А? И ты, ты... рваш! — яростно хрипел в него брат. — Ты не знаешь, что этот обряд на деле не имеет ничего общего с близостью? Ты не знаешь закон? Нужна кровь ведьмы и семя хозяина. Всё. Нет? Ах, ты, Рэтар...

Тёрк отпустил ворот рубахи и приложил младшего брата головой об пол.

Но Рэтару было всё равно. Внутри было столько всего. Он захлебывался кровью, но боли не чувствовал. Жгучая пустота. Он увидел сон и поверил в него. Он обвинил Хэлу и Тёрка. Он потерял Хэлу. Её лицо, полное горечи, когда он у мага упомянул Тёрка, теперь стояло перед глазами.

Родная, прости, боги... нить побледнела... Хэла ушла совсем. Она была далеко от Горанов и она умирала.

— Какой должна быть нить? — спросил Тёрк.

Рэтар с трудом потянулся ко внутреннему карману куртки. Но достать нить не смог. Старший брат снова рыкнул, подошёл и грубо достал нить. Перевёл взгляд с мотка на руку ферана и обратно, взвыл как раненый зверь.

— Если бы ты не был ей так нужен, то я бы убил тебя прямо сейчас, Рэтар, — склонившись, прохрипел ему в лицо Тёрк. — Смотри, видишь пятно? Это кровь.

Он указал на след на рубахе.

— Это её кровь. Она была рядом с тобой. Она была ранена. И ушла, — в глазах старшего брата были слёзы. — Я обещал тебе, что за неё перегрызу тебе глотку. Если ты будешь здесь и нить окончательно потеряет цвет, если ты не успеешь её найти до того, как она умрёт... молись, Рэтар, потому что смерть твоя не будет быстрой.

И феран принял бы эту смерть... принял.

Превозмогая себя, Рэтар встал и, ещё до конца не придя в себя, отправился в Налут искать Хэлу. Ждать более точного местоположения, от искавшего её Верлеаса, он не стал. Время не щадило цвет нити и феран действительно думал, что свою ведьму живой не найдёт.

Теперь он был сломлен под натиском рассказа о её жизни. Как ему быть с ней. Как вымолить прощения, да и вообще может ли он заикнуться о нём? Рассчитывать, что сможет сделать так, чтобы она забыла?

Рэтар не мог отделаться от воспоминания про их разговор о том, что пройдёт чувство, что его отпустит и что она всё ждёт этого. О том, что она не верит в “никогда” и “всегда”. Хэла была тогда такая хрупкая, уязвимая и она могла бы всё это рассказать уже тогда, и как же он винил себя, что не настоял, что не упросил...

И ведь Рэтар не вспоминал тот разговор больше, просто очень сильно цеплялся за Хэлу, надеясь, что она поймёт, как нужна ему. Она боялась боли от потери и предательства, боялась, что чувства пройдут, что она останется одна. А он? Он тоже боялся, что она исчезнет из его жизни, что он не сможет ей доказать, что он останется один. Снова.

Её боль отзывалась в нём. Он знал уже давно, что своё вынесет, а вот её нет.

И вот Рэтар тонет в бессильном опустошающем гневе на себя и на тех вот людей из её мира... в гневе на её супруга. Он в гневе, а она нет.

"Он хороший... мы все сложные", — это её убеждение... он хороший, а она? Плохая?

Хэла такая порой до невообразимости трепетная, вечно прикрывающая свои чувства этими шутками и попытками показать, что сильная, что со всем справится.

Рэтар не мог понять, не мог. А главное, сейчас осознал — что бы он сам ей не сделал, она его тоже оправдает. И потому было ещё больнее. Ещё сильнее скручивало.

— Сколько я спала?

Она пришла в себя на закате Тэраф. Рэтар сидел возле костра и готовил рыбу. Хэла вышла на улицу и села по другую сторону от огня.

— Две мирты, — ответил он.

— Ты перевязал мне руку? — она посмотрела на ладонь.

— Да.

— Спасибо.

— Хочешь есть?

— Хочу, — кивнула она и слабо улыбнулась.

Рэтар положил на тарелку кусок рыбы и протянул ей.

— Знаешь, сколько я не ела горячую еду? — грея руки о дно тарелки, спросила,

жмурясь, Хэла.

— Почему? — удивился он.

Ведьма склонила голову на бок:

— Я ненавижу разделять рыбу, ещё я приготовила её однажды, но отравилась, — ответила она. — Я в рыбе своего мира никогда не разбиралась, а тут и подавно. В общем, я помогла маме Элинки, а она меня подкармливала, но это была такая рыба, которую можно есть холодной. И овощи. Да и с огнём проблемы. Хорошо, что кипяток умею делать.

— Ты не умеешь разводить огонь? — уточнил Рэтар.

— Ну, прости, не походный я человек, — съязвила она.

Он рассмеялся.

— Никак не могу привыкнуть к тому, что она синяя, — проговорила Хэла, отправляя кусок рыбы в рот.

— А какого цвета рыба в твоём мире?

— Белая, розовая, — пожалала она плечами, потом поняла, что он названия цвета не понимает. — Это как... как бледно-бледно-бледно красный, точнее красцовый.

— Ага, — кивнул он и они оба рассмеялись.

— А грифон? — вспомнила Хэла и нахмурилась.

— Вон он, — и Рэтар указал вперёд по направлению к морю, там на берегу, сливаясь с песком лежал ферган.

— Ой, — удивилась ведьма, не заметив в наступающей темноте огромное животное. — Что он делает?

— Ест.

— Ест? — она приподняла вопросительно бровь и стала просто невыносимо желанной. Он знал, что она сейчас пошутит. — Доедает труп наёмника?

— Нет, Хэла, — улыбнулся Рэтар, отгоняя от себя тяжёлые мысли, что возможно уже никогда не сможет быть с ней. — Драта я похоронил. А ещё снял и почистил сети. Одну оставил, чтобы было, что есть. А испорченную рыбу отдал фергану.

— Он ест тухлую рыбу? — скривилась Хэла. — Фуу!

— Для них это, как очень дорогая и редкая еда.

— Деликатес? — спросила ведьма.

— А? — Рэтар нахмурился новому слову.

— Ну, дорогая и редкая еда, — пояснила Хэла. — Деликатес.

— Да. Деликатес.

— И он не улетит теперь?

— Скорее всего нет, — ответил Рэтар. — Я ему понравился.

— Кто бы сомневался, — покачала головой ведьма.

— Что это значит? — поинтересовался он, усмехаясь.

— Ничего, — улыбнулась она. — Ты разбираешься в птицах. Так?

Рэтар на это лишь пожал плечами.

— Скромный какой, — ответила на это Хэла. — А ферган и феран просто так звучат одинаково?

— Нет. “Фер” на древнем языке так называемого начала мира означает большой. Но большое животное, и большой, в значении важный... человек.

— Их не было в книге. И ты привык с ними, ну не знаю... обращаться? — спросила ведьма, хмурясь.

— Да. Раньше ферганы жили в Кармии. Их было много, — пояснил Рэтар. — Самые лучшие были в фернате моей матери. Они их разводили. Всё, что я знаю и умею — меня этому мама научила. В Изарии было десять ферганов. И это много. Больше только в фернате Артины. Но потом, во время одной войны, маги со стороны врага что-то наколдовали и ферганы стали хворать. А потом умирать. Только на нашей стороне Сцирцы. Сейчас ферганы есть только на стороне оборота Ваясты. Когда умирал последний, мама была безутешна. Помню отец её обнял и это был единственный раз, когда он прилюдно проявил чувства. А потом, Риван маленький увидел ферганов в книге, спросил у мамы. В комнате был отец, мама, не знаю, расстроилась. А отец забрал книгу и когда вернул страниц про ферганов уже не было.

Рэтар усмехнулся, вспоминая это.

— Твой отец очень любил твою мать, — сказала Хэла, глядя на огонь.

— Только её одну и любил, — согласился Рэтар.

— Нет, — ведьма подтянула колени к себе, положила на них голову, обняла ноги руками. — Он тебя очень любил.

— Хэла, — он недоверчиво покачал головой.

— Помнишь, — тихо спросила она, — я обещала тебе, что если узнаю, как так вышло, что чёрная ведьма наложила на тебя заговор, то я расскажу?

— Да.

— Супругой твоего отца должна была стать сестра твоей матери, а не она.

— Я знаю, да, — подтвердил Рэтар. — Но она умерла от горячки и он взял в супруги мою мать.

— Сестра твоей матери ему не нравилась, — повела головой Хэла. — Точнее, он не видел смысла в жене, супруге, которая ничем не отличается от его наложниц. А вот твоя мать его цепляла. Она была другой. А потом, отец твоей матери сказал, что она не его дочь. Он вообще был со странностями и твоему отцу он определённо не нравился. Хотя интересы в районе постели у них были схожи. В общем он поделился с твоим отцом, что когда она пройдёт обряд Анат, он сделает её своей наложницей. И это было слишком даже для такого, как твой отец.

Рэтар уставился на неё пытаясь понять сказанное.

— И тут началась война. И твой отец подсуетился и сделал так, что будущего тестя, или как там у вас это называется, тоже заставили отправиться воевать. Но он не погиб, однако вернувшись, твой отец узнал, что будущая супруга, её мать и сестра гостили в Изарии и все трое слегли с горячкой. Более, того невеста очень кстати умерла, — повела бровью Хэла. — И это предполагало расторжение договора на брак. Но твой отец сказал типа я согласен на вторую сестру. И даже отправился и забрал её силой.

— Подожди, что? — Рэтар никак не мог понять, что слышит.

— Ну, точнее, твоя мать не сопротивлялась. Её отец сопротивлялся. Грозил жалобой великому. А уже тогда угрожать Эргану Горану было нельзя, — и ведьма улыбнулась так, словно отец Рэтара ей невероятно нравился. — Короче он провернул дельце через свою чёрную ведьму и папашу твоей матери завалил. Но ведьма у вас всё делала баш-на-баш, то есть ты мне, а я тебя. И попросила за работёнку жизнь первенца.

— Мою? — выдавил Рэтар.

— Да, — подтвердила его догадку ведьма. — Эрган был жёстким, на компромиссы идти не умел. И не понимал любовь, не умел в ней. Но это не значит, что не любил. Пока ты

был просто ребёнком в утробе любимой женщины, всё было просто. Но он вернулся с войны, когда ты уже шевелился. И почувствовав это, он пошёл и заклеил ведьму.

Хэла помолчала, потом оживилась:

— А ещё он принимал роды у твоей матери, знал?

— Что?

— Да, он чуть не перебил всех повитух и лекарей. Их была толпа, но он никому не доверял, и в итоге был только маг, тот что был таном твоей матери, — и Рэтар кивнул. — И твой отец. Ты родился в его руки. Он тебя обожал. Сидел с тобой ночами, забирал от матери, чтобы она могла выспаться. И он всё считал, что недостаточно тебя оберегает.

— Так, — он попытался её остановить, но это же Хэла. Она хихикнула.

— Не верится? Пока не узнала причину, по которой он утащил тебя ребёнком на войну, прям прибить его хотелось, но он не мог по-другому. Конечно это не оправдание, но причины у него были веские, — и Рэтар хотел спросить какие, но ведьма ответила без вопроса. — Он забрал тебя сразу после обряда наречения, потому что сила защиты твоей матери иссякла. До пяти тиров дети не подвластны злым заговорам — матери оберегают их. А потом должен оберегать бог. Но твой отец не верил в единого бога, не верил вообще ни в каких богов. Он верил только в себя. Он забрал тебя, чтобы видеть, чтобы ты был под его защитой. Всю жизнь жалел о том своём слове ведьме. И всю свою жизнь он хранил тебя.

— Он меня пытался сломать, — всё никак не мог уложить в голове услышанное Рэтар. — Он ненавидел меня, Хэла.

— Думаю, что так оно и выглядело. Но он пытался сделать тебя сильным. Спорно, да. Но и... у тебя был Тёрк. Твой отец очень ценил его мать. Она была наверное единственным человеком вне семьи, кому он доверял безоговорочно, — улыбнулась ведьма. — И лучшего телохранителя для тебя, чем Тёрк было не найти. Не ошибся же?

И Рэтар повёл головой, нахмурился.

— Так, Хэла, — он вскинул руку в останавливающем её жесте. — Откуда ты это всё взяла?

— Я была в рабочей комнате первого мага в башне, — призналась она.

— Что? — выдохнул он.

— Не важно, — отмахнулась она. — Я была там с Айяном, сыном эла. И этот идиот уронил типа такой кубик с полки, а шуметь было нельзя и, хотя я знаю, что магические предметы трогать опасно, но я поймала кубик, а он оказался полон предсмертных воспоминаний твоего отца. Повезло!

— Что? — и Рэтар чувствовал себя слабоумным.

— Божечки, не заставляй меня шутить про влияние дурмана на твою голову, — хихикнула на это ведьма. — Если бы Эрган умирал спокойно, в старости, то воспоминания были бы ровными и вполне возможно в них была бы вся его жизнь от и до. И это было бы сурово. Но он умер внезапно, и очень в большом сожалении. Поэтому у него были очень рваные воспоминания. Но из них я узнала о бумаге, и то, что рассказала у Зеура. И вот то, что тебе сейчас рассказываю. И поверь, он был иногда просто невообразимо несчастен. Особенно перед тобой. С тобой он был беспомощным.

Рэтар с трудом удержался, чтобы снова не произнести “что?” Он лишь вздохнул и попытался вспомнить, когда его отец был... каким? Беспомощным?

Если бы ему сказал это кто-то другой, то он бы просто рассмеялся, так это было нелепо, но Хэла. И воспоминания отца? А ведь маги тогда так спешно забрали его — ничего не

сделали для спасения, но тело после смерти было у них.

— И я... мне так жаль, — проговорила ведьма с грустью едва слышно. — Прости меня, Рэтар.

— А? — он очнулся, уставился на неё.

— Прости, я так тебе навредила. Я не должна была попадать сюда, точнее маги не должны были меня спасать. Я испортила магический баланс этого мира. И я так сильно навредила тебе.

— Хэла, нет, подожди, что ты такое говоришь?

— Без меня всё было хорошо, но я появилась и всё сломала, — в глазах у неё стояли слёзы. — Ты был спокоен, был в мире с собой. А я, со своим беспорядком... И не смей мне говорить, что тебе от него хорошо. Нет, Рэтар. Не было хорошо. Я испортила твою размеренную жизнь, испортила жизни столько людей, пошатнула... и я так сильно не хотела... и близость... мне нужно было... уйти тогда... и я... осталась, потому что хотела быть с тобой... а надо было...

— Хэла, — выдавил он, подался корпусом к ней, хотя её отделял костёр.

Но Хэла внезапно мотнула головой, запнулась, вскочила на ноги, дёрнулась за дом, споткнулась там, упала и её вырвало. Она закашлялась, расплакалась.

— Родная, — Рэтар присел рядом.

— Это, — оправдалась ведьма, — просто давно не ела, надо было понемногу, но... всегда я так.

Он погладил её спину, потянул на себя, помогая встать. Молча отвёл в хижину и уложил на трын, укутав в плащ.

— Я бы не отпустил тебя, Хэла. Тогда, когда освободил от слова. Если бы ты не обернулась и не наговорила всего того... не осталась сама. Я бы остановил тебя, — проговорил он, сидя рядом на полу. — Когда увидел твою спину, услышал твои слова про то, что тебе ничего от меня не надо... Я понял, что не смогу без тебя, если отпущу. Сойду с ума. Кровь не обманешь, родная.

Она всхлипнула, задрожала и Рэтар притянул её к себе. Хотя бы так почувствовать свою Хэлу.

Тогда Хэла не собиралась возвращаться.

Тени пожирали её, рвали на части, она не могла с ними справиться. Было больно и казалось, будто яд струится у неё по венам. И эти взгляды — Роара, Милены... Рэтара. Полные непонимания, вопросов, страха и боли.

А потом он сказал про её связь с Тёрком и прощение... и Хэлу ударило такими яркими воспоминаниями. Казалось столько лет прошло, а оно такое живое... эти полные сожаления глаза Ллойда. Боль, ясная и яркая. А потом злость Джокера, когда, спустя годы, узнал об этом. И вот...

Ей казалось, что она никогда не любила так сильно, как любила Рэтара. Почему-то это чувство было настолько острым, словно это первый мужчина в её жизни, первый и единственный. И оттого эта горечь, что была в его взгляде, была такой невыносимой.

Хэла не хотела возвращаться — решила для себя ещё до того, как попала в эту столичную тюрьму, чтобы вытащить их троих, спасти от смерти.

Но когда увидела Рэтара, когда всё это волшебство, колдовство, хрен знает что, ослабили, сделали пустой, уязвимой, так захотелось, чтобы он её обнял. Эти его объятия, которые она так любила, была самой счастливой и убеждена была, что не заслуживает.

Она всегда в этом была убеждена — безграничное, непостижимое счастье, как в книжках, это у других, а у неё то, что есть. Каждому то, что заслужил. Её так воспитали.

Но попала в другой мир и всё понеслось кувыркком, и этот любимый мужик, такой с одной стороны жёсткий, но при этом столько в нём было этой мягкости и нежности к ней, что не верилось в то, что это всё для неё. Хэла была уверена, что это не её жизнь, что она что-то украла, что-то позаимствовала... и стояла тогда, смотрела в его глаза, полные скорби по ней и понимала — что-то важное и очень хрупкое сломала.

Милка пришла к ней сразу, когда Рэтар и Роар ушли в портал. Хэла толком уснуть даже не успела, как девчонка аккуратно просочилась в дверь и робко потрясла её плечо.

— Ну, и? — недовольно фыркнула чёрная ведьма. Открыла глаза и увидела знакомое до колик зарёванное светлое личико.

— Они не вернуться, — проговорила Милена. — Хэла, они не вернуться.

— Да с чего ты взяла? — спросила женщина, но сама внутри никак не могла совладать с тревогой.

Белая ведьма не ответила, она только расплакалась ещё сильнее. Хэла вздохнула, встала. Успокоила девочку и уложила на диван спать — было видно, что Милка ночь вообще не спала. Ох уж этот Роар... у него же тоже истерика была и это чувствовалось через весь дом.

Одевшись, чёрная ведьма отправилась вниз, искать Тёрка и нашла его в чистой.

— Тёрк? — позвала она мужчину, который блаженно отмокал в кадке с горячей водой. Он подскочил от неожиданности и, Хэла могла поклясться в смущении уставился на неё.

— Хэла? — возмущённо рыкнул он через силу, пытаясь как-то прийти в себя.

— Мне нужно спросить, — она сделала шаг в его сторону.

— Так, ведьмочка, — он в отчаянии выставил руку, чтобы остановить её.

Ведьма могла бы пошутить, и ситуация к этому располагала, но на шутки не было времени.

— Что я мужика голого не видела, что ли? — подбоченилась она.

— Ну, знаешь? — недовольно нахмурился Тёрк.

Хэла всё стояла и испытывающе смотрела и мужчина сдался.

— Что? — выдохнул он, обречённо.

— Ты ходил с Рэтаром к магу, к Верлеасу твоему, так? — она подошла и присела возле кадки.

— Не мой он, но ходил, — ответил Тёрк, всё ещё смущаясь.

“Милашка, ты моя!” — подумала Хэла и почти улыбнулась, но сдержалась.

— Говорили они конечно при тебе, — поинтересовалась она и мужчина согласно кивнул. — Маг хотел со мной поговорить?

— Да.

— О чём?

Тёрк нахмурился, стал серьёзным.

— А Рэтар не сказал?

— Нет, — качнула она головой. — Только что маг хочет поговорить, а я не хотела говорить с магом. И Рэтар ответил, что не хочу и не надо. Не страшно.

— Хм, — ещё больше нахмурился Тёрк.

— И что это должно означать? — спросила женщина.

— Хэла, — брат Рэтара сражался с собой.

— Тёрк, — Хэла положила ладонь на его руку. — Это важно.

Мужчина рыкнул.

— И вот ведь, прижала и не деться никуда от тебя, дочь хотры, — ругнулся он. — Поговорить маг с тобой хотел, наедине. Вопросы какие-то задать, чтобы понять про твою силу. А Рэтар упёрся и разозлился. Маг сказал, что хорошо, пусть не наедине.

Она нахмурилась, прикусила губу.

— Я думал он тебе всё рассказал, и ты отказалась идти к магу, зная это, — сказал Тёрк.

— Угу, — кивнула Хэла и встала.

— Ведьмочка, — позвал мужчина, когда она в задумчивости почти дошла до дверей.

— А?

— Если пойдёшь к магу, скажи мне, хорошо? — попросил он.

— А ты меняпустишь к нему? — повела бровью ведьма.

— Нет, — честно ответил Тёрк. — Но что-то мне говорит, что разрешения ты спрашивать не будешь. Поэтому и говорю — я бы хотел знать.

Хэла улыбнулась и кивнула.

— И магам, — начал он.

— Знаю, — отозвалась ведьма, — магам доверять нельзя.

— Угу, — подтвердил мужчина и, тяжело вздохнув, отвернулся.

Ведьма усмехнулась, потом вернулась назад и обняла его со спины, намочив рукава платья, поцеловала в щёку.

— Я люблю тебя, Тёрк!

— Так, ведьма моя, не доводи меня до греха, а? — громыхнул он.

Хэла лишь фыркнула смехом в его голову и побежала вверх.

Переодев платье, написала записку для Милены, сладко спящей на диване — хорошо хоть белая ведьма поймёт, что написано. В коридоре была смена стражи, поэтому никто не помешал ей зайти в портал и подумать о том, что ей очень надо к Верлеасу. И хотя были сомнения, что получится, но переместилась в знакомое помещение со звёздами на потолке.

Она вышла в зал, огляделась и прислушалась. Было тихо, как на кладбище. Хэла нахмурилась и осмотрела всё вокруг на жизненный огонь. Он был один и принадлежал магу. Ведьма вздохнула и пошла на него.

— Не думал, что достопочтенный феран тебя отпустит, — отозвался маг из-за двери комнаты до которой дошла, ещё до того, как Хэла потянулась её открыть.

— Ты хотел поговорить наедине, — ответила она.

— Заходи, ведьма, — сказал ей маг.

— Ну, уж нет, — мотнула головой женщина и сделала несколько шагов назад. Потом осмотрелась в поисках места, где можно было бы поговорить, но при этом не находится в закрытом пространстве.

Недалеко был круглый стол, диван, два кресла. Как часть гостинной знатного дома, только вокруг разруха и куча хлама.

— Не доверяешь мне? — Верлеас стоял оперевшись на дверной косяк и сложив руки на груди.

— Нет, и не должна, — ответила Хэла, поведя плечом.

— Твоя правда, — согласился маг. — Но всё же пришла.

— Если расхотел говорить, то не трать моё время, — отозвалась она, начиная нервничать.

На лице мага заиграла надменная улыбка.

— И не смей лезть ко мне в голову, — угрожающе предупредила женщина, чувствуя на себе слабое применение силы.

— Прости, привычка, — небрежно пожал плечами маг, потом кивнул в сторону кресел и дивана. — Садись. Хэла ведь?

— Да.

Он прошёл вперёд неё и ей, к невероятному счастью, не пришлось поворачиваться к нему спиной.

— Значит, ты пришла одна? — спросил Верлеас, опускаясь на диван. — И никому не сказала, где ты?

— Не надейся, — ухмыльнулась ведьма, подходя к столу. — Давай сразу к делу — что ты от меня хотел?

Верлеас очаровательно улыбнулся. Всё-таки притягательная у него была внешность. Или он магию врубил? Хотя нет — такие обычно просто харизмой всех увлекают.

— Ты спешишь? — повёл бровью маг.

— Это ты спешишь, потому что я ухожу, — и Хэла, несмотря на страх, развернулась, чтобы уйти.

— Ну, ведьма, — позвал её маг. — Тебе ведь тоже хочется получить от нашего разговора выгоду.

— Именно это мне и не понятно, — она развернулась боком.

Верлеас вопросительно приподнял бровь.

— Не верю, что магу может быть дело до ведьмы, просто так, — пояснила Хэла. — Что на самом деле тебе нужно, маг?

— Хм, — он потянул шею, — давай я задам тебе пару вопросов, ты ответишь и тогда...

— Нет, — ответила Хэла.

— Нет? — действительно удивился маг.

— Нет.

Верлеас развёл руками и она приготовилась защищаться.

— Я не понимаю, — нахмурился он. — Ты пришла поговорить, тебе ведь интересно, что я могу рассказать о тебе, но ты не хочешь отвечать на вопросы?

— А ты не говоришь мне про свою выгоду, — заметила Хэла. — И это тебе очень хотелось поговорить, а не мне.

— Но ты пришла, — он цыкнул, вздохнул, потёр глаза пальцами. — Так мы не к чему не придём. Выгода... я не знаю, что можно получить, потому что пока не уверен в том, что ты такое, понимаешь?

Ведьмы склонили голову набок.

— Мне надо, чтобы ты ответила на пару вопросов, точнее даже на один, — пояснил Верлеас.

— И этого будет достаточно?

— Скорее всего, но если ты будешь так настроена против меня, у нас ничего не получится.

— Я отвечу на твой вопрос, — кивнула Хэла, — если ты ответишь на мой. Но ответишь честно.

— Вот как? Хорошо, — согласился маг. — Какой вопрос?

Женщина прищурила глаз:

— Почему ты ушёл из башни?

— А если ответ тебе не понравится? — поинтересовался он.

— Не важно, — отозвалась ведьма.

— Люблю богатство, а в башне ты вечно нищий и голодный. А ещё не люблю войну, — небрежно проговорил маг и одарил её самой своей очаровательной улыбкой. — Теперь мой вопрос.

Хэла покачала головой:

— Я попросила честного ответа, — возразила она.

— А я соврал? — прищурился Верлеас и развёл руками. Но на это ведьма ухмыльнулась и развернулась уходить. — Что? Подожди... хорошо!

— Ещё раз не вернусь, — предупредила Хэла.

— Садись, — маг показал на кресло перед собой. — И не бойся, я ничего тебе не сделаю — не хочу потом иметь дел с Тёрком, и уж тем более с Рэтаром Гораном.

Хэла видела, что Верлеас стал серьёзным, поэтому села в кресло.

— Выпить сделаешь нам? — спросил он и на вопрос в её взгляде, пояснил: — Своё не предлагаю, чтобы ты не подумала чего лишнего.

— Хорошо, — повела головой ведьма и когда маг принёс воды и пару кружек сделала вина.

— Неплохо, — оценил маг, отпивая. — С чего ты взяла, что я соврал?

Она пожалала плечами, потому что объяснить не могла. Просто видела, что Верлеас такой же как она, может быть — прикрывает болезненное шутейками, прикидывается славным или полным сарказма.

— Ты не из бедняков? — спросила Хэла и пофиг, что он там себе подумает.

— Нет, — ответил Верлеас. — Я из семьи книтов ферната Тринасы. Моя семья отвечала, да до сих пор отвечает, за добычу одного минерала. С одной стороны ничего особенного, но этот минерал используют при окрашивании тканей. Добавляют в краску, чтобы при последующих стирках цвет не вымывался из нитей. Вроде пустышка, но без этого

никак. Я получил хорошее образование, я жил в достатке и тепле. А потом во мне проснулась магия.

— И ты попал в башню, — сказала Хэла. — Прослужил десять тиров и ушёл.

— Да, — он вздохнул. — И я перестал служить башне, потому что я был магом в фернате Отой Итэга. Служил Дэялгам. И я предпочёл бы спать в грязи, жрать гнильё, предпочёл бы любую войну, такой мирной жизни, какой жил, прислуживая этим вырождакам. Дэялги призывали ведьм, вязали их кровью, клеймили, пытались найти... не знаю, всесила, что они пытались сделать. Им просто нравилось мучить и пытаться, смотреть на страдания людей.

Верлеас потёр лоб, потом нервно хлебнул вино.

— Отсюда я много знаю о других мирах. Я много знаю о чёрных ведьмах. Я много с ними говорил. Меня звали их исцелять. Порой в прямом смысле делать снова целыми, — он говорил с трудом, осторожно вытягивая это из себя. — Да, я боевой маг, но приходилось лечить и я достиг в этом успеха. Теперь я умею это делать. Хуже всего был Ханга Дэялг, отец Джэлта, военного советника. Ты должна была видеть его.

— Да, — ответила ведьма. — Такой бесцветный мужик.

Маг ухмыльнулся:

— Да, бесцветный. Его отец был мерзким ублюдком. И если Джэлт показался тебе отвратительным, то на фоне отца — он невинная девица. В изуверствах никто с Хангой не сравнится, — мужчина поморщился. — Внутри меня столько раз бурлило желание прибить уродца. И когда я отслужил свой срок, и башня предложила мне выбор, то я выбрал свободу не задумываясь. Только бы не видеть этих несчастных искалеченных женщин, — Верлеас нервно повёл плечами. — Такой ответ тебя устроит, ведьма?

— Да, маг, — ответила Хэла, понимая, что он говорил искренне. Чувствовала это.

— Что случилось с тобой перед тем, как ты сюда попала? — спросил он.

Женщина нахмурилась и пожала плечами.

— Ты умерла? — спросил внезапно Верлеас и она невольно вздрогнула, надеясь, что он не заметит. Но он заметил. — Так ты всё-таки мёртвый призыв.

Взгляд его стал восхищённым, как у хирурга перед неизбежной сложной операцией.

— Мёртвый призыв? — переспросила Хэла.

— Да.

— Что это значит?

— Если бы я знал...

— Что? — ведьма встала. Она прийдёт этого мага, не надо было приходить...

— Сядь, сейчас объясню. Никто не знает, — Хэла села и маг благостно кивнул на это головой. — Точнее...

Он нахмурился, какое-то время думал, потом посмотрел на неё своими малинового цвета глазами:

— Когда магия ушла с исходом богов из нашего мира, — стал объяснять Верлеас, — маги стали искать способы подпитки оставшейся магической материи. Один из них практиковал призыв. И однажды он призвал умирающего человека. Все опыты он записывал. А вот тут — никаких записей в общих учебных книгах по магии нет. Кроме одного чёткого правила — если призыв смертельно болен или умирает, то его нужно уничтожить.

Внутри у Хэлы всё сжалось, она невольно нахмурилась, пальцы заледенели, а нутро скрутило в бараний рог.

— Но я не верю, что тот маг написал только это, — продолжил Верлеас. — Думаю, что есть пара версий книг с полным описанием происходившего и результатами изучения такого призыва.

— Как лабораторная крыска, — проговорила Хэла, не глядя на мага.

— Что? — конечно маг её фразу не понял.

— Ничего, — ответила ведьма. — Почему меня не убили?

— Это интересный вопрос, — хмыкнул Верлеас. — И я могу только предположить. Хэла подняла на него глаза.

— Обычно призывом занимается опытный маг и кто-то из учеников, — объяснил он. — Но в твоём случае это были два ученика, да ещё и очень скудно одарённых. Я видел их, когда приходил в башню смотреть на последствия того переполоха, который ты там учинила. Я был удивлён, ведь тебя призывали Горанам. Но сейчас, исходя из понимания ситуации, которая вокруг них и Изарии происходит, мне понятно, что сделано это было специально. Хотели ослабить Изарию за счёт кое-как призванной чёрной ведьмы.

Верлеас довольно ухмыльнулся и развёл руками.

— Невероятная глупость, — фыркнул он, продолжая, — ослабить Рэтара Горана можно только убив его. При чём несколько раз, несколькими разными способами.

Хэла молчала, ей было плевать на шутки мага, потому что паника, расплывшаяся внутри, как раковая опухоль, пугала до жути.

— В общем, они сделали очень плохой призыв и они это поняли, но, — Верлеас снова стал серьёзным. — Понимаешь, для призыва серых у магов всегда есть кровь дома, которому приывают серых. Но чтобы призвать ведьму, нужна кровь кого-то одного. Чистая. В данном случае кровь distinguished Рэтара Горана. Они сделали призыв, призвали тебя, использовали кровь, а потом — надо было убить тебя, и пойти за новой кровью к ферану Изарии. А это очень и очень страшная история. У такого как он, просто так кровь не попросишь. Да и все знают, как он относиться к призыву. Да и башня ему должна. И не один раз.

Верлеас налил себе ещё вина.

— Поэтому скорее всего маги просто испугались. Хотя может толком и не поняли, что ты умирала. В любом случае, вылечили тебя и подумали, что этого будет достаточно. Отдадут тебя Горанам и ты станешь их проблемой.

— Так моя необычная для чёрных ведьм сила — это следствие того, что я мёртвый призыв? — уточнила Хэла. — И вот это — она лечит, вместо калечит и прочая ерунда...

— Узнать подробности можно было бы в полной версии книги, — ответил маг. — Но на самом деле, вот это "чёрные ведьмы всегда злые" — такие пустые старческие предрассудки. Ведьмы становятся злыми, потому что их за людей не считают, а сила в них есть. Тем более они рожают тени, а тени питаются злобой, раздорами, болезнями, смертью. Конечно ведьма предпочтёт быть в ладу со своими теньями, будет их приумножать, чтобы быть здоровой и сильной, чем вставать с ними в противодействие ради того, чтобы делать хорошее, но при этом всё равно на неё будут смотреть как на грязь, плевать и слать проклятия в спину.

Хэла слегка повела головой, понимая слова мага. Ей действительно тени были намного ближе, чем какой-то эфирный "свет" внутри той же Милены. Тени давали Хэле силу, наговаривая злые заговоры или убивая, она чувствовала себя намного лучше, чем когда приходилось лечить, отгонять смерть или давать жизнь. Последнее так вообще её

выворачивало наизнанку.

— Ты ещё не достигла и трети своей силы, — сказал тихо маг, рассматривая её.

— Что? — эти слова она понять не могла. Ей казалось, что убивать людей пачками всего лишь щёлкая пальцами это уже потолок.

— Да, — кивнул маг. — Расскажи, что необычного ты делаешь? Ну, кроме лечения тех, кто почти умер. Да, я знаю про Роара. И он ведь не единственный?

— Нет.

— Что ещё ты можешь?

— Я, — ведьма насторожилась и осеклась.

— Давай, ну чего ты боишься? — почти простонал Верлеас. — Хочешь, залезь мне в голову и узнай, что я думаю на самом деле.

— Нить, — решила сказать Хэла. — Я могу сплести нить. Но я не знаю, как у меня получается. Мне кажется дело в Рэтаре.

— Ты плетёшь небесную нить? — и он был очень удивлён, нет, поражён, просто силится не показать этого. — Много?

Ведьма слегка качнула головой в бок, давая понять, что не знает, что сказать.

— Вот бы книгу достать, — удручённо фыркнул Верлеас. — Смотри. Маги, работают с тем, чего нет, но могут благодаря силе создать что-то из ничего. Понимаешь? Например, подумай о чём-то небольшом. Дай мне руку.

Женщина нахмурилась, с недоверием глядя на протянутую магом руку.

— Хэла, — закатил глаза мужчина. — Если бы хотел или точнее мог, я бы давно тебя заполучил. Дай мне руку, ведьма. И подумай о чём-нибудь маленьком, что тебе привычно и что хотела бы получить.

Женщина протянула ему руку, вкладывая пальцы в его лежащую на столе ладонь. Верлеас закрыл глаза. Почему-то в голову пришли серёжки гвоздиками, которые папа ей подарил на шестнадцатилетие. И в следующее мгновение смотрела, как маг словно фокусник запустил руку в никуда, а потом вытащил что-то, а потом положил на стол два маленьких гвоздика с фианитами цвета бирюзы.

— О, боже, — ведьме на глаза навернулись слёзы.

— Такие? — поинтересовался он, вглядываясь в два серебряных гвоздика. — Что это?

— Серьги, в уши, — она невольно поднесла руку к мочке уха. — Украшение. Это мои? Или...

— Я не знаю, — честно признался Верлеас. — Так же с призывом. Вполне возможно, что это подобное. Что магия создала это из ничего, опираясь на твои воспоминания, твои мысли. А призыв делает образ основываясь на крови.

— Постой, в смысле? — Хэле показалось, что она сейчас словит паническую атаку. — Там может быть моя копия осталась, в моём мире?

— Прости, — с сожалением повёл головой маг, а ведьма фыркнула, потом зажмурилась и обняла руками лицо, пытаясь себя унять.

— Так. Стой, — в голове у неё всплывали десятки вопросов. — А при чём здесь мёртвый призыв и моя сила, а точнее её треть? Как то, что ты сейчас сделал, связано? И что вообще мне должно было это сказать?

— Ведьмы, в отличие от магов, работают с тем, что есть, — к удивлению Хэлы Верлеас говорил достаточно спокойно, видимо понимая её состояние. И она была ему благодарна за это. — Часто маги упускают из виду силу, которая имеет совсем иное предназначение.

Вещественные ошибки. Я не знаю, как объяснить, но ты должна меня понять. Наша сила просто разная. Но это не значит, что ты слабее меня изначально. Скорее всего даже совсем нет. Я думаю, что серые и простые люди, в которых просыпается магия — они одинаковы. Просто одни учатся, а другие нет. И маги — только мужчины, а ведьмы — это всегда призыв, всегда женщины. Не бывает мага, с силой ведьмы. Но ты — ты ведьма с силой мага, точнее с силой превосходящей силу мага. Пока маги творят заклинание — ты, как и любая, другая ведьма, способна оборвать его всего лишь словом. Понимаешь? Правильным словом.

— Маги не учат ведьм, потому что бояться их, — заключила ведьма.

— Да, — подтвердил Верлеас. — До безумия.

— Как узнать, что я могу? — спросила Хэла. — Ну, кроме как... или можно прочесть... книгу?

— Одна такая лежит в рабочей комнате первого мага башни Хангыри, — ответил маг. — Я видел её.

— И её нельзя прочесть? — нахмурилась ведьма, и маг мотнул головой. — Запрещено? Или можно же наверняка как-то попасть в кабинет первого мага, прочитать украдкой?

— Маги попадают туда только дважды, — вздохнул Верлеас. — Первый раз, когда из учеников становятся магами и дают слово верности первому магу и крови великого эла. А второй раз, когда решают уйти или остаться. Всё. И нельзя туда никак попасть. Только если ты первый маг, или в тебе, или с тобой, есть кровь правящего элатом дома. В любом другом случае — смерть.

Хэла недовольно фыркнула.

— Что ещё кроме нити? — напомнил маг. — Не подумала?

— Могу валить людей массово, — кажется было уже всё равно, поэтому Хэла стала перечислять всё, что умела. — Могу делать защитные барьеры. Могу ходить через порталы без проводника...

— Подожди, что? — Верлеас уставился на неё в недоумении.

— Что?

— Что? — уточнила ведьма.

— Ты пришла сюда с проводником так? Без? — он задавал вопросы, был шокирован. Неужели это что-то странное и удивительно. Хэле казалось, что все так делают. — И у тебя нет трифа?

И теперь ведьма уставилась на него в недоумении.

— Трифа Изарии? — пояснил маг. — Камень такой для прохода в порталы.

— Нет, — мотнула головой Хэла и сама удивилась, что никогда не спрашивала у Рэтара о том, как вообще работают порталы. — Я просто встала в круг и решила, что мне нужно сюда. Представила место и попала. А однажды меня просто тени утянули.

Верлеас сначала был словно его парализовало, потом он открыл рот, что-то сказать, но закрыл, подставил руку к лицу в сомнении, нахмурился. Потом указал на неё пальцем и снова задумался, махнув рукой.

Хэле стало смешно. Маг глянул в кружку, увидел, что там пусто, как и в кувшине. Слово разочаровался.

— Ты вообще как? Что такого? — улыбнулась она, делая жест рукой и призывая воду из комнаты, откуда маг этот кувшин принёс, на ходу превращая воду в вино, наполнила кувшин снова.

— Это, — и Верлеас уставился на кувшин, потом махнул рукой и налил себе ещё

вина. — Ты знаешь, как делают порталы?

— Нет. Откуда?

— Маги бывают воинами, как я, лекарями, бывают созидателями — они обычно строительством занимаются. А бывают проводники. Они создают порталы. Они входят в связь друг с другом и один находится в одном месте, скажем на входе, а другой на выходе. И они согласовано тянут друг к другу как бы... хм... проход, понимаешь?

Ведьма неуверенно повела головой.

— Это очень сложная работа и очень редкий дар. Поэтому сначала построить, а потом соединить порталы, весьма дорогое удовольствие, — рассказал маг. — Но ещё бывает такое — очень-очень сильные маги умеют перемещать себя с одного места на другое. Это даже не просто дар, это больше умение, основанное на силе. Но оно расходует внутреннюю магию, как никакое другое. Я могу уничтожить сотни людей и не потратить даже одной части той магии, какая нужна, чтобы вот так переместиться без портала. Я знал мага, истинного, как мы называем тех, кто обрёл магию до исхода богов. И он умел это делать. Но он говорил, что порой так увлекаешься, что ты перестаёшь понимать, когда остановиться. Но этим мы маги все страдаем.

— Можно умереть? — уточнила Хэла.

— Да. Он так и умер, — ответил Верлеас. — Даже неизвестно где. Иссушил себя неконтролируемыми переходами.

— И ты думаешь, что я так могу?

— Думаю, что тебе надо попробовать.

— Как? — спросила ведьма и это действительно стоящее умение, чёрт возьми.

— Для начала — иди в ин-хан, в Зарне есть, так? — нахмурился Верлеас прищуриваясь и ведьма согласно кивнула. — Вот. Иди туда, встань в центре силы, около столба, где должен быть сосуд Варха, закрой глаза, соединишься с магией ин-хана и представишь портал в Зарне. Есть сможешь переместиться туда, так же как пришла сюда, ко мне. То попробуй сделать это в любое другое место. Только осторожнее — прыгай недалеко.

Хэла прикусила губу. Она порой ощущала эту тягу, невообразимую тягу куда-то, словно могла быть не здесь и сейчас. И чаще всего такое было с ней именно в ин-хане.

— Что за рисунок на твоём теле? — спросила она, пытаясь утащить себя от мыслей о магии и прочей вот этой запредельной ведьмовской силе, которой она может быть обладала.

— Это знаки соты. Их наносят, чтобы они говорили, когда стоит остановиться во время сотворения магии, — пояснил Верлеас. — Они светятся и причиняют боль, только так можно понять, что пора остановиться, а не то потеряешь сознание, или умрёшь.

Хэла хмыкнула. Надо было идти. Надо было... а что надо было?

Маг ей столько всего наговорил, а тревога не проходила. Ответы на вопросы были получены, но было ли у неё время на все эти эксперименты? Чёрт!

— Я предлагал Рэтару тебя повязать кровью. Но он взвился, чуть меня своей яростью не прибил, — вдруг сказал маг в задумчивости.

— Что такое повязь? — она вспомнила их разговор с фераном об этом. — Рэтар мне не рассказал, когда мы говорили об ограничении ведьм. Знаю только, что повязь делает ведьму сильнее, но она не может быть далеко от крови призвавшего дома.

— Повязавшего дома, — поправил её маг. — Повязь — это кровь и семя. Кровь ведьмы, семя хозяев. Три разных семени одного дома, если быть точным. И насколько я знаю, тебе для завершения, нужен только один мужчина из дома Горан.

— И насколько сильнее становится ведьма? — выдавила из себя Хэла.

— По-разному, но с тобой, — он очень невесело ухмыльнулся, — я даже не представляю результат. Однако, в твоём случае важно не насколько ты станешь сильнее, а насколько быстро ты станешь сильнее.

— Не понимаю.

— Повязь действует сразу.

Ведьма силилась не дрожать, силилась выглядеть спокойной, но получалось не очень, поэтому надо было уходить. Если маг заметит насколько всё это её подкосило, он может воспользоваться этим и тогда она, кто знает, вдруг не сможет сопротивляться.

Хэла встала.

— Если решишься на это, — произнёс Верлеас, никак не останавливая её, — то проси Тёрка. Он очень много знает о магии, много знает об обрядах. Он поймёт тебя. И он сделает, как надо.

— Понятно, — ответила Хэла более невнятно, чем хотела.

— И помни, что без крови дома рядом — повязь тебя убьёт, — предупредил маг.

— Хорошо, — она бы поблагодарила его, но... — Что-то ещё?

Маг явно хотел что-то сказать, но почему-то сдерживался. Впрочем ей было наплевать. Она развернулась уйти.

— Хэла, послушай, — оборачиваться ведьма не стала. — Если тебе удастся добраться до книги. Я бы хотел её получить.

— А вот и выгода... Плата за разговор? — она глянула на него через плечо и ухмыльнулась. — Кто бы сомневался.

— Это не так, — Верлеас встал. — Я не требую, я не призываю к слову. Я просто прошу. Я считаю, что маги имеют право учиться полноценно. Мне нужны знания из неё, потому что всё, что я тебе сказал — это просто предположение. И я не хочу делать, как делают другие — я не хочу учиться на своих ошибках, творить свой собственный опыт, который может стоить жизни других людей, тем более, что то, что там написано, написано кровью. За любое слово в этой книге была принесена в жертву жизнь.

Он запнулся, видимо ожидая реакции Хэлы, или может вопросов. Но она не двигалась и маг решил продолжить:

— Не нужно мне её приносить, чтобы я смог её получить её просто нужно вынести из рабочей комнаты первого мага. Поставить на полку с чёрными книгами в тарисовой зале башни. Всё. Я сам её достану.

Ведьма кивнула и пошла в сторону портала, но не успела сделать и трёх шагов, как маг позвал её:

— Я буду дурак, если отпущу тебя и не предложу, — он запнулся и Хэла снова обернулась. — Если не предложу тебе остаться со мной.

— Остаться с тобой? — она встретилась с ним взглядами.

— Зачем тебе феран Изарии? — открыто спросил маг. — Зачем тебе простой человек, Хэла. Останься со мной.

— Маг и ведьма? — она удивленно повела бровью. — Разве маги не ненавидят ведьм?

— Очередные старческие рассказы, — отозвался Верлеас.

— Тем более, что ты к ведьмам не ровно дышишь, — улыбнулась она.

— Можно и так сказать, но маг и ведьма вместе способны на очень многое, тем более такой не слабый маг, как я, и такая невероятно сильная ведьма, как ты. Ты даже не

представляешь... можно захватить мир, — сказал он улыбнувшись, скорее как озорной мальчишка, чем как взрослый рассудительный маг.

— Мне не нужен мир, — усмехнулась Хэла.

— Он ведь освободил тебя? — спросил внезапно Верлеас. — Рэтар. Снял слово. Ты свободная ведьма.

— Да.

— Но ты не ушла?

— Нет.

— И очень серьёзно думаешь связать себя с ними кровью?

Хэла не ответила, даже головой не повела. Лишь очень внимательно всмотрелась в глаза мага.

— Я понимаю его, — произнёс Верлеас, кивая сам себе. — Понимаю.

Ведьма пожала плечами.

— Если тебе нужна будет моя помощь — ты можешь рассчитывать на неё.

— Аттракцион неслыханной щедрости, — по-доброму усмехнулась Хэла. — Чем же я заслужила эту благодать?

— Ты сама сказала, — прищурился он и стал неотразим, — я равнодушен к чёрным ведьмам.

— Так и запишем. Прощай, Верлеас. И спасибо.

— До встречи, Хэла. И я всё равно буду ждать.

А серьги так и остались лежать на столе.

Вернувшись от мага, первым делом Хэла попробовала прыгнуть из ин-хана в дом. И у неё получилось. Она одурела от ощущения, которое испытала. Что-то невообразимо триумфальное — захотелось проорать что-то про короля, точнее королеву мира, но она сдержалась.

Однако силы потратилось невероятное количество. Маг был прав — надо быть осторожнее.

Хэла провела день в привычных делах, но тревога росла, множилась и изводила. Она была лавиной. И к ночи стала нестерпимой, неуправляемой и злой.

Ведьма с трудом добралась до Тёрка, разбудила его и попросила помочь, вытащив его из комнаты, где спали командиры в верхнюю, гостевую часть дома.

Вообще даже представления не было как можно попросить его завершить обряд повязи, но другого выхода Хэла не видела. Ей нужна была эта сила и ждать, когда она там проснётся и разгуляется, времени не было.

— Ты ошалела, женщина? — взвыл Тёрк, когда Хэла прямо попросила его сделать обряд. Ну, а что ещё оставалось? Просто попросила его с ней вступить в близость и понятно, что реакция была очень однозначной.

— Тёрк, мне это очень надо, — попросила ведьма, сжимаясь под его праведной яростью.

— Это тебя Верлес надоумил? — навис над ней мужчина. — Шею ему сверну.

— Тёрк, — Хэла взяла его за рукав.

— Нет.

— Тёрк, ну...

— Я сказал “нет”! И не потому, что это... — он осёкся и гневно фыркнул. — А потому что ты без нас не сможешь тогда. Тебе от нашей крови ни на шаг. Без нас смерть, Хэла. Нет.

Она была в отчаянии. Потому что боролась со стыдом, потому что внутри было это страшное — ей надо изменить Рэтару. Она с внутренним стыдом от способа спасения Роара едва справилась и смирилась, а тут такое. Кого просить? Миргана? Гира? Боги... Элгора?

— Хорошо, я поняла, — скорбно отозвалась она, повела плечом и головой и развернулась уйти от него.

— Подожди, бедовая моя. Хэла, — Тёрк взял её за плечи развернул к себе лицом, — ты же не уймёшься? Не слышишь меня? Хэла, я тебя прошу...

— Я понимаю, Тёрк, — борясь со слезами выдавила она.

— Аах, ты, — прохрипел старший брат Рэтара и сгрёб ведьму в объятия.

Хэла не смогла сдержаться, разрыдалась ему в грудь, обнимая. Как же не хотелось предавать всё это и как же будет тяжело потом. Но нужно было сейчас, очень нужно было. А потом... она подумает об этом завтра, точнее вот тогда, когда во всём разберётся.

— Я помогу тебе, родная моя, — проговорил ей в макушку Тёрк. — Но только если дашь мне слово.

Хэла подняла на него заплаканные глаза.

— Ты никуда от нас не денешься, — сказал он ей. — Пообещай мне это.

— Тёрк, — всхлипнула она и страшно стало до дрожи.

— Хэла...

— Я постараюсь, я обещаю постараться.

Мужчина тяжело вздохнул. Потом повёл головой в каком-то порыве негодования или нерешительности.

— Жди здесь, — приказал он и оставил Хэлу одну в недоумении.

Вернулся Тёрк совсем не сразу, ей даже показалось, что он передумал.

— Так, — он развёл руками. — Прости, стар уже на быстроту это делать.

Хэла нахмурилась, не понимая о чём он.

— Я польщён, что ты готова была на близость, но, — он ухмыльнулся и сел рядом с ней, потому что пока она ждала она устроилась на полу в коридоре. — Но, я бы хотел, чтобы, если уж нам с тобой и грешить, то не ради обрядов, да?

— Да, — она снова хотела рыдать. — Но ведь повязь же...

— Нет, — остановил её мужчина. — Обряд переиначила глупость, похоть и жестокость. Повязь — это кровь и семя.

Хэла повела головой, всё ещё хмурясь.

— Кровь, — указал на неё Тёрк, а потом показал ткань, что была в его руке. — Семя.

Господи, это же... какой ужас только что сейчас, вот чуть-чуть, не произошёл?

Теперь Хэла была готова рыдать от облегчения и благодарности к нему. Как же невообразимо сильно она любила этого мудрого, сильного и честного мужика. Он был для неё словно вся её семья, которую она потеряла — дед, отец и брат, который мог бы быть таким же понимающим и проницательным, но она его не знала. А Тёрк вот он — лучшего и не найти!

— Тёрк, — Хэла кинулась ему на шею, — Тёрк, миленький!

— Ну, ну, тшш, а то пожалею сейчас, что на грех близости не пошёл, — пробухтел он ей в волосы, прижимая к себе свободной рукой. — Давай кровь тебе пустим.

И он сказал это так зловеще, что она не удержалась и рассмеялась, заставляя и его тоже начать смеяться.

— Давай.

— Кто бы знал, что обряды такие жуткие можно с шутками творить, — фыркнул Тёрк, доставая из-за пояса кинжал и делая небольшой надрез на большом пальце Хэлы.

— Мы с тобой маленькая банда, — улыбнулась она.

— Капай кровь давай, банда, — отозвался мужчина, ухмыляясь.

Она накапала кровь в тряпку, что была у Тёрка в руках и с интересом уставилась на него.

— Что? — спросил он.

— А когда начнёт работать? — поинтересовалась ведьма не чувствуя никаких изменений.

— Откуда мне знать? — возразил на это Тёрк.

Хэла хмыкнула, потом села на своё место, снова хмыкнула.

— Ничего не происходит, — сказала она и...

Описать словами то, что с ней случилось, она наверное никогда не сможет. Это как-то так вот наркотические трипы выглядят?

Будто внутри случился космос, а снаружи прилетело в голову знание бытия. И наверное так чувствуют себя космонавты в открытом космосе. И одновременно это словно ты видишь намного больше, чем хотел бы, слышишь, думаешь, ощущаешь.

Взрыв внутри, оглушающий... куча людей — мысли, надежды, мечты... Сильнее всех был Тёрк и ему было страшно. Он за неё испугался. И Хэла вроде хотела его успокоить, но не получилось, потому что сознание потянуло дальше, потянуло к Рэтару.

Ведьма прям физически ощутила его, спящего. Там же Роар, Брок. Её накрыл эмоциями, слезы потекли по щекам, но не физически, а как-то ментально что ли. Словно не тело плакало, а душа или сознание, чувства. Мозг.

Что?

Потом она осознала эту угрозу, которая была вокруг них. И стало страшно-страшно!

И потом... потом она увидела каждый огонёк в Изарии. Это как лететь на самолёте ночью и видеть внизу вот эти огоньки деревень, маленьких и больших городов. Как эти завораживающие картинки из космоса с пульсирующими светлыми пятнами. Но если там были огоньки домов, улиц, то у Хэлы это были души, те самые огоньки, которые горели внутри каждого человека.

И сейчас она на мгновение увидела их все. Она увидела всю Изарию, как на карте и все огоньки всех людей, которые в ней жили. И это захлестнуло её, завернуло тревогу и тёплое уютное одеяло, а потом пришло холодное понимание, что всех этих людей надо спасать.

И Хэла отчаянно потянулась к огоньку, горящему внутри Тёрка, потому что он был тем, кто сейчас мог вернуть её обратно туда, где ей надо было быть.

— Хэла? — уже почти переходя на хриплый рык звал мужчина.

А она вспомнила сцену из “Криминального чтива”, когда герой Траволты ударял в тело Турман шприцом с адреналином. Вот почти так же Хэла сначала пришла в себя, увидев себя со стороны, а потом оказалась снова собой.

— Хотры меня сожрите, Хэла, напугала, ну, — прохрипел в неё Тёрк, хватая и прижимая к себе со всей силы.

— Всё хорошо, — выдавила Хэла, тяжело дыша.

У неё даже получилось что-то сказать, ух-ты! А она была уверена, что эту способность она потеряла.

— Тёрк, тебе надо в Горш, — сказала с трудом ведьма.

— Что? — он отодвинул её от себя, посмотрел, как на полоумную.

— Тебе надо в Горщ, — повторила ведьма. — Сейчас. Это важно. Возьми отряд и спеши.

— Хэла, — он хотел возразить, но потом понял, что не надо, что просто — встань и сделай как она говорит.

Тёрк кивнул.

Хэла даже не совсем поняла, как умудрилась натворить столько всего в столь короткий период времени. С утра она добралась до Элгора и приказала забрать Милену, свалить вместе с ней подальше. И хотя бронар согласился с недоверием и ворчанием, но в Кэроме было так беспокойно и тяжело, что пререкался не очень активно.

Но радовалась она недолго, потому что Элгор нарвался на засаду и Хэла почувствовала её, так мерзко и ясно, словно была там вместе с ними.

В итоге пришлось спасать бронара и белую ведьму.

Но на тот момент, когда добралась, Милку уже утащили, а какой-то мерзкий малец отдавал указание убрать Элгора и отправляться в Зарну за чёрной ведьмой.

И вот столкнувшись с ним, а это оказался аж сын великого эла, её понесло. Она была так зла, такое бешенство начало её распирает.

Нападавших было человек пятьдесят — и это чтобы завалить одного мужика и похитить девчонку. Тьфу-ты! И Хэла плюнула на свою совесть, она отдалась своей сущности чёрной ведьмы. Она распустила свои тени и оказалось, что силёнок у неё столько, что можно и армию завалить, глазом не моргнув.

Остался только сынок великого. Остальные полегли и чтобы не сильно морочится с их тушками, она просто отдала их всех земле. Кажись тогда царский сынок стал немного овощем, хотя конечно она его сознание хорошо распотрошила и сама.

Даже немного совестно стало в какой-то момент, правда очень недолгий — принц был тем ещё куском дерьма.

Хорошо хоть у Элгора нервишки были прочнее — он смотрел как за её спиной тела погружаются в землю и она могла поклясться, что на его лице сквозь боль проявилась весьма циничная и полная яда улыбка.

Тело бронара из было в стрелах.

“Ёжик, блин!”

Самая опасная стрела была у него в глазу.

— Такую красоту попортили, изуверы! — ругнулась ведьма.

Была надежда, что маги это могут поправить. Хэла извлекла все стрелы, залечила раны.

Внутри всё верещало, что надо спешить — раз пустили одного из Горанов в расход, то значит и остальных пустят.

Она заговорила тоору, приказала сыну эла помочь Элгору на неё забраться, и отправила бронара в Зарну, очень надеясь, что как доберётся, придёт в себя.

Принц оказался очень кстати — пустив ему кровушку она попала в кабинет первого мага. До того как убрать книгу на полку с черными книжками, как просил Верлеас, она изучила то, что там написано про мёртвый призыв. Приятного было мало, а главное — она была опасна. Очень. И в какой-то момент скорее всего случится так, что она действительно всех мором похреначит.

Ей стало страшно, а тут этот идиот опрокинул кубик с полки... неуклюжая задница, твою ж налево!

Кубик-то она поймала, но даже выругаться не успела, как шандарахнуло воспоминаниями... отца Рэтара?

Ох, не зря боялись его все подряд, но Хэла с ним бы побухала, определённо. А ещё накрыло чувствами Эаргана к сыну, прям свело.

Мало того, что сама Хэла в этом мужике души не чаяла, любила кажется, до смерти, если такое вообще бывает, чтобы ещё и в здравом уме остаться, так теперь и папкины эмоции приехали к ней в голову.

И они — словно посмотрела съемки домашнего видеоархива: вот Рэтар маленький, вот Рэтар постарше, вот совсем взрослый.

И Хэла видела эти перемены в нём, когда из открытого очаровательного мальчишки с бирюзовыми глазами, он становился матёрым зубастым мужиком. И ведь всего-то двадцать было, когда Эарган умер, но это его лицо — серьёзное, вдумчивое лицо, глаза полные невообразимой бездонной скорби по всему кажется миру.

И вот эта бумажка... Хэла смогла её найти. Это было просто чудо какое-то. Захотела найти и нашла. Правда воспользовалась порталом на этот раз — попала в Зарну и нос к носу столкнулась с полным беспокойства Броком. Сунула бумагу в руки без лишних пояснений сказала “прочитай”, поняв, что готовится нападение от старого приятеля Ворга, попросила мальчишку быть готовым и снова свалила, оставив сына Рэтара в шоке, но надеясь, что он с собой совладает.

И, когда спасала Рэтара, всё ещё находилась под эмоциями его отца, поэтому и хреначила так жестоко. И даже мальчишку, младшего сына эла, забрала по этой же причине. Потому что Эарган вцепился в сознание и словно призрак отца принца Гамлета висел над ней и призывал к праведному возмездию — никого не щадить!

На деле ей это помогло, но всё равно остался отравляющий осадок.

А потом Рэтар сказал ей, что готов простить близость с Тёрком. Близость, которой не было. И да, она устыдилась даже того, что готова была на это пойти. И уже было жутко от того, что он просто это подумал, что он решил, что это правда. И Хэла сразу поняла, что не сможет, что не даст ему себя обнять, хотя хотелось до воя. Потому что только он её мог унять, успокоить. Только у него в руках ей было мирно и тихо.

Вся эта буря теней жрала её, гудела и Хэла поняла, что надо уйти, как и хотела. Несмотря на то, что обещала Тёрку, несмотря на то, что любила Рэтара и не могла без него.

В голове всё зудела песня и слова “я знаю мне нужно уйти, чтобы спасти. Я сделаю это”.

И действительно “больше нет смысла, нет сил. Нарушены все запреты...”

И Хэла ушла. Подумала о море, подумала о тепле, подумала о Налуте, про который говорил Рэтар.

И у неё получилось.

Но разбитая, разваливающаяся, она валялась в горячке после перехода, со скелетом рядом, даже понятия не имея сколько времени.

А в голове, в воспалённом сознании Хэла всё пела песню, с ней были Ллойд, Сатана, Лизка... мертвецы-музыканты из её жизни. И так было отрадно, что Джокера с ними нет — значит с ним всё хорошо. Так она хотела в это верить.

А она всё пела, пела и каждое слово заставляло рыдать и выть её душу.

— Только не говори, что ты боишься фергана, — сказал Рэтар подходя к ней, когда она сидела на берегу, на достаточно приличном расстоянии от фергана, и смотрела, как он поедает рыбу.

Они с Рэтаром были вместе уже какое-то время и Хэла почти восстановила силы. Феран держался от неё на расстоянии, словно был её тенью и боялся прикоснуться лишний раз.

Ведьма чувствовала его вину, чувствовала как он себя изводит, но вытащить его на разговор у неё не получалось, а ещё просто не было сил.

Эмоционально Хэла была близка к полному опустошению. Особенно после того, как рассказала ему всю свою жизнь, а он выдал признание о вине в смерти младшего брата.

И Хэла так и не поняла, что же всё это в итоге для них обоих значило.

— Ну, знаешь ли, — фыркнула она. — Он размером с маленький самолёт. Я вообще не понимаю, как такое может быть живым, и боги, летать. У меня такого размера животные только в воде живут и я их никогда вживую не видела. А тут — здрасте.

— Хараг ты не боишься, а фергана боишься? — улыбнулся он, садясь на песок на расстоянии вытянутой руки от неё.

— Хараги маленькие, по сравнению с этим, — резонно заметила ведьма.

— Да, — согласился Рэтар, — но они намного опаснее. И ферганы очень давно живут рядом с людьми, а вот хараг никто никогда не приручал. До тебя.

Хэла пожала плечами. Они посидели некоторое время в тишине.

Потом она почувствовала, как Рэтар собрался и решился заговорить.

— Я хотел кое-что сделать, — начал он. — Ты ведь уже можешь переместиться в Зарну, если что?

— Да, — Хэла нахмурилась, внутри стало беспокойно.

— Я хочу взять фергана и отправится в Фару, — проговорил Рэтар. — И если я не вернусь через пять, самое большее через десять дней, то я очень тебя прошу — отправляйся в Зарну. Прошу тебя Хэла, пожалуйста.

— Зачем тебе в Фару? — “беспокойно” переросло в волнение.

— Я хочу выкупить у корты драгов Фары договор на твою жизнь, — ответил феран.

— Что? — выдохнула ведьма.

— Они не останятся, — пояснил Рэтар. — Сколько бы неудачных попыток не предприняли, или не предпримут. Они могут напасть и через тир, а может через десять. Понимаешь? Пока у них есть договор на твою жизнь, они будут вынуждены пытаться его исполнить.

Она нахмурилась ещё сильнее и беспокойство стало тревогой.

— Я выкуплю договор и они оставят тебя в покое, — добавил он, видимо чувствуя состояние Хэлы. Этот мужик же всегда так хорошо чувствовал её...

— С чего ты взял, что они... что ты сможешь выкупить договор? — спросила ведьма. — Это же... я не понимаю.

— Потому что я дам больше, чем они получают по нему от заказчика, а убытки уже очень велики, — ответил Рэтар. — Они потеряли троих драгов. Это много, Хэла. Драги не простые вояки-наёмники.

— Я понимаю, что наёмный убийца отличается от простого наёмного воина. Но,

хорошо, почему ты думаешь, что не вернёшься?

— Потому что мой договор стоил им намного дороже, чем заплатил мой отец, выкупая его у корты, — повёл головой Рэтар. — Помнишь, я говорил тебе, как в пятнадцать на меня напали с целью убить?

— Да, — и тревога взвыла паникой.

— Это были драты из корты в Фаре. И те, которые ушли, отступили, среди них был сегодняшних глава их корты. И я не собираюсь умирать, Хэла, но и не строю пустых надежд на то, что они после того, как я выкуплю твой договор, не попытаются меня достать и устранить. В попытке отомстить, — сказал Рэтар, и ведьма видела, что приготовился умирать.

— Почему ты не берёшь меня с собой? — спросила Хэла очевидное.

— Нет, — отрезал он, упрямо, слишком резко, слишком нервно. — Я не буду просить тебя о таком. Я не могу. Не имею права, Хэла. Только о том, чтобы ты вернулась в Зарну, чтобы ты не губила себя. Если я вернусь, то я попрошу у тебя прощения, но до того. Просто...

Рэтар запнулся, сглотнул. Хэла встала.

— Почему не попросить сейчас? — спросила ведьма. И вправду, хватит уже себя рвать на части день изо дня и её давить.

— Потому что я не, — Рэтар не встал, глянул на неё этим своим полным вселенской скорби взглядом и она разозлилась.

— Не достоин моего прощения? — поинтересовалась Хэла гневно. — Не достоин попытаться его получить? Что? Нужно умереть? Знаешь, я считаю до пяти, или ты начинаешь говорить со мной, или я сваливаю, а ты отправляйся в Фару, выкупай мою голову, сражайся с ордами наёмных убийц, страдай по полной, ясно?

— Хэла, — он рыкнул, повёл угрожающе головой.

Она сделала несколько шагов от него, чтобы не успел поймать, хотя как-то слабо верилось.

— Два, три, четыре, — отчеканила ведьма и была действительно готова прыгнуть, но уж понятно, что не успела. Куда ей с ним тягаться, даже если способна перемещаться с места в горизонт в секунду.

— Не смей, — рыкнул ей в лицо Рэтар, когда поймал, вцепившись так, что все её несчастные косточки взвыли от богатырской силищи. Так и сломаться недолго. Хэла и забыла, что худой и костлявой быть намного больше, чем мягонькой и пухленькой.

— Не отпустишь, — проговорила она с угрозой, теряя равновесие вместе с ним, и садясь на его колени, — будешь таскаться со мной.

— Буду, — ответил Рэтар и кажется был готов, а это надо сказать тот ещё вертолёт. Прынца выворачивало после каждого перемещения.

— Это в сотню раз отвратительнее порталов, — прошептала Хэла.

— Плевать...

— Это готов терпеть, а прощения попросить не можешь? — хотела сказать всё ещё злясь, но получилось, что голос пропал и прям прохрипела, под стать ему.

— Я, — ему кажется физически тяжело говорить. Хэла чувствовала невообразимое горе, боль, тяжесть, но понимала, если сейчас он не расковыряет это, то так тут и останется. — Ты... просто...

Да Хэла уже сотню и тысячу раз всё ему простила, она ему всё что угодно была готова

простить.

— Рэтар, — она обняла ладонями его лицо.

— Нет, — упрямо повёл головой, будто пытаясь скинуть её руки, по которым она точно знала очень тосковал. — Пока я ходил, я старался не отдыхать, потому что пока идёшь, пока есть цель — легче. И я не мог спать, из-за остатков дурмана в крови и из-за того, что без тебя не могу. А когда приходилось останавливаться, то меня уничтожало, потому что не могу понять, как так? Как я... как я всё потерял, как испортил, как предал тебя.

Хэла повела головой, но Рэтар прервать его не дал. Он говорил очень сбивчиво, через силу.

— Понимаешь, когда человек голодает, он потом не может наестся, когда почти умирает от жажды, а потом добирается до воды, не может эту жажду утолить. И страх снова испытать то же самое, он доводит до безумия. Я просто... я... забыл, каково это — ласка, нежность, тепло рядом, любовь. Может и не знал никогда... Понимаешь? И я никогда не считал себя достойным, а в итоге просто запретил себе думать об этом. Мне это было не нужно. Мне не хотелось этого, когда спокойно, когда уютно, когда дома. И когда ты дала мне это, я просто не смог отпустить, мне страшно было отпустить, потерять это. Я вцепился в это мёртвой хваткой, и у меня бы это забрали только если бы я умер, Хэла.

— Родной, — как же она его понимала.

— Я был готов разорвать любого, — Рэтар упрямо повёл головой, продолжая говорить, словно нужно было, как дышать, — любого кто намекал или открыто говорил, что ты моя вещь, что я просто очень удачно тебя приобрёл, что купил тебя...

Из глаз его всё же потекли слёзы. А Хэла не могла на них смотреть — потому что он плакал, а у неё сердце умирало.

— Но я сам... — сглотнул Рэтар, — я сам обращался с тобой, как с вещью. Бесценной, нужной, как воздух, как жизнь, но вещь. Ты не виновата, что я сходил с ума по тебе, ты не виновата, что была для меня всем, что без тебя не могу дышать, не могу жить теперь. Это не твоя вина, ты не должна оборачиваться на это, не должна жить так, как мне надо. Это не правильно. И ребенок... боги, я не заметил, я так...

— Нет, это я виновата, — всхлипнула она.

— Нет, Хэла, нет! — оборвал феран её оправдания. — Я не мальчишка, Хэла. Я не впервые познал женщину! Я не знаю о последствиях близости?

— Я просто, — она попыталась оправдаться, за свою беззаботность и откровенную неосмотрительность, — я думала, что бесплодна. Так было, дома, мне сказали после Егора, что больше у меня не будет детей. А потом моя болезнь... просто эта ваша белая комната...

— Она тебя вылечила, — договорил он за неё, а Хэла отчаянно закивала.

— И всё равно, не смей снимать с меня это. Я виноват. Потому что голову потерял, потому что стал безумен с тобой. И это моё, Хэла. Не твоё.

И она поверить не могла, что он действительно чувствует эту вину.

— И обряд... Я ведь доверяю тебе, доверяю, и на деле никогда не сомневался. И в Тёрке. И я знаю про повязь, про то, что близость не нужна. Но я просто увидел сон — тебя и Тёрка. И всё... Тогда в благословение Тэраф. Ты и Тёрк. Я так завидовал ему. До ненависти к себе. Что он может тебя трогать, обнимать, смеяться заставляет. Что ты с ним такая открытая. Такая... я когда увидел, что он за тобой в дом пошёл...

— Нет, ничего не было же, Рэтар, — и ведьма осознала, что если бы было, то она сама бы натворила эту их повязь, просто не зная. Но промолчала и не озвучила догадку.

— Я знаю, — кивнул Рэтар. — Я утром следующего дня увидел его и понял. И это злосчастие, Хэла. Внутри была эта жуткая ревность и она меня вывернула.

Он запнулся, нахмурился.

— Но и это не твоя вина. И я так хотел бы, чтобы ты меня простила. Потому что я утопил себя в дурмане, оказавшись слабым. Мне надо было тебя искать, а я подумал, что раз ты ушла, Тёрк ушёл — значит вы вместе. И всё. Сдался. Я даже на нить не смотрел. А ведь я обманул тебя, чтобы обвязаться, потому что боялся потерять.

Усмехнувшись, Рэтар повёл головой, всё ещё держа Хэлу одной рукой, вытер лицо рукавом второй руки.

— И мне надо было делать дело, потому что слова ничего не значат. Слова лишь слова. Но я оказался слабым и трусливым. И я не могу этого исправить. Себя и то, как я поступил. Я хотел просить о ещё одной возможности сделать иначе. Начать снова. Потому что ты моя родная. Ты часть меня. И я никогда не прощу себе того, что натворил. Но я просто прошу тебя позволить мне быть рядом.

Хэла мотнула головой, поцеловала его и это было так нужно. Всё это время она так по нему тосковала — её сушила сила магии, убивала повязь, но и невыносимая тоска по Рэтару. Она без него тоже не могла. А ещё так боялась возвращения в безумие, которое было с ней столько лет, с которым она столько времени как ей кажется боролась. А в этом мире отпустило, тут стало так спокойно, словно она бесконечность искала своё место и нашла. Нашла рядом с этим человеком, что он там сказал — кровь не обманешь?

— Это “да”? — тихо выдохнул Рэтар ей в губы, потому что его тоже выворачивала тоска по их близости, а сейчас от одного поцелуя стало совсем неважно.

— Разве я могу сказать тебе “нет”? — улыбнулась Хэла.

— Можешь. Можешь, Хэла. Должна. Вот что угодно мне не должна, а это говори. Когда надо.

— Сейчас надо? — нахмурилась она, улыбаясь.

— Нет, — ответил Рэтар, поддаваясь, — давай потом.

— Потом, — кивнула Хэла и... ох, проснулись её черти.

Снова до дрожи во всём теле, потому что не чувствовали друг друга слишком долго.

Она не тревожила своё безумие, а он изводил себя сначала потерей, а потом виной.

И им ещё очень долго это исправлять. Безумно долго. Но вот сейчас, как в первый раз.

Но Хэла привыкла, что он всегда был голоден, она привыкла, что он всегда был с ней на острие в близости и это отзывалось в ней бурей, накрывало с головой и всегда без возможности спастись.

Уж сколько времени она ждала, что от прикосновений и от поцелуев перестанет пробивать нещадно, но каждый раз било, каждый, чтоб её, раз. А сейчас вообще на мгновение показалось, что они умерли оба, потому что на истерике и он и она, потому что изголодались друг по другу, потому что очень близко были к тому, чтобы похерить жизни друг друга.

Но и любили ведь действительно очень сильно...

— Я на нём не полечу, — упрямылась Хэла, через два дня, стоя возле фергана. — Давай, я перепрыгну, а ты полетишь?

— Хэла, не трать силу, что ты, как ребёнок, это не страшно, правда, — возразил Рэтар. — Ты не боишься животных, они тебя любят и поверь ферганы намного смирнее тоор.

— Серьёзно? — фыркнула она. — Только проблема в том, что с тооры лететь до земли

не так далеко, как с этой штуки!

— Ты же мне доверяешь? — спросил он.

— Тебе да, ему нет, — кивнула ведьма на фергана.

Рэтар обречённо качнул головой. Хэла вздохнула.

— Если мне будет очень не по себе, то я нас с неё телепортирую, ясно?

— Что?

— Перемещу, — пояснила ведьма.

— Хорошо, — согласился Рэтар.

И да, лететь ей не понравилось, потому что холодно, потому что стрёмно, потому что она самолётам не доверяла, а тут — самолёты были прекрасны.

Но вот у Рэтара прям в жопе заиграло детство. Он радовался как детё малое, она таким видела его в воспоминаниях его отца и, ладно, была готова терпеть эту жесть, лишь бы мальчику было хорошо.

Фара была огромна и потрясала невероятным многообразием людей, животных и разноплановых зданий. А рынок!

Он был посередине города, словно с него всё началось — типа везде с крепостей, а тут с базара. На нём была просто тьма всего и наверное, если бы Хэла не была девочкой из девяностых, то её можно было бы этим рынком поразить до глубины души.

Но ладно-ладно — он был офигенный. Можно представить как в одном месте продают еду, потом оружие, потом одежду, потом зверьё всякое, потом обувь, дальше зелья, порошки, магические предметы, украшения. Просто глаза разбегались.

Они оставили птицу далеко за городом и она переместила себя и Рэтара поближе к Фаре. Его, кстати, не пробрало — ну кто бы сомневался в том, что желудок у него стальной, как и нервы, да и всё остальное. Не поддеть ничем, ну, ничем, кроме вот Хэлы.

— Вон, смотри, башня виднеется, с крышей цвета ранры, — показал мужчина на самую высокую постройку. Красивую и действительно внушительно высокую для этих мест. — Это корта тёмных магов Фары. Таких корт совсем немного, но эта сейчас самая сильная. Ещё тут есть корты ведьм, между прочим.

— Правда? — Хэла повела бровью. — Может кинуть тебя и к ним пойти работать?

— Я не могу...

— О, нет, не начинай, прошу тебя, — взмолилась ведьма, понимая, что он сейчас начнёт снова говорить о праве выбора и так далее и тому подобное. — Просто скажи “нет, женщина, никуда ты не пойдёшь!” Всё! Хорошо?

Рэтар смотрел на неё с пару секунд озадаченно, потом рассмеялся.

— Хорошо, — согласился он.

— А где драты?

— Вон, — он показал на массивное тёмно-зелёное здание, видневшееся впереди.

— Мы туда идём? — спросила ведьма.

— Нет. Они нас сами найдут. Думаю хватит самое большее пары дней. Но скорее всего мы будем в окружении уже к вечеру.

— Что делаем до вечера? — оживилась Хэла.

— Для начала купим тебе одежду, — ответил Рэтар.

— А чем тебе не нравится моё платье? — одета ведьма была в платье, которое ей подарила мать Элинки в благодарность за то, что вылечила её ноги.

Серое платье, сшитое специально для чёрной в Зарне, было слишком жарким для

Налуга, да и для Фары. Пришлось его отложить. Да и сам феран говорил ей, что серое платье надевать не стоит.

У себя на берегу ведьма ходила в нижней сорочке цвета ранры. Но если выбиралась в город надевала подаренное платье. Простое, обычное, скромное. Она-то считала это платье просто замечательным — лёгкое, цвета миндаля, длиной выше щиколоток, рукава свободные. Единственно — было сейчас ей велико, потому что она жутко похудела, но широкий пояс спасал дело.

Однако понятно, что Рэтара это платье раздражало. С одной стороны феран очень старался не командовать, но оно было старым, дешёвым платьем жены рыбака. И когда Хэла его надела, он так горестно вздохнул, что прям было слышно, как ему срочно захотелось её переодеть. И это при том, что материалистом он не был.

— Хэла... это не платье, это, — Рэтар силился держаться. — Просто найди себе такое же, если хочешь, но новое. Хорошо?

— Очень деликатно, — фыркнула она.

Но, попав на площадь, в ней проснулась женщина, попавшая в бутик. И, боги, она была богатой женщиной! Одежды здесь было очень много — любой. Она даже могла бы спокойно найти себе рубаху и штаны, вот было бы офигенно! Но так травмировать Рэтара она не станет, конечно. Хотя...

Внимание привлёк зверёк в клетке. Он был маленьким, фиолетовым сверху, а брюшко голубым, похож на дракона, но только размером с её ладонь и с перьями на внешней стороне крыла и на крохотной головке.

— Ой, ти, божечки, — пискнула ведьма, подходя поближе. — Постой, это ханг?

Рэтар рассмеялся её реакции и подтвердил догадку.

— Ты говорил, что они размером от локтя до среднего пальца руки, а тут, — ведьма озадачилась, — он же на ладони у меня уместится.

— Потому что он совсем маленький. Он вырастет.

К ним вышел торговец и что-то произнёс на неизвестном Хэле языке. Но Рэтар ответил потом посмотрел на ведьму.

— Он говорит, что нужно быть осторожными...

Но договорить не успел, потому что ханг, растопырил свои пёрышки на голове, надулся и чихнул... огнём. Как зажигалка.

— Ой, — удивлённо воскликнула Хэла.

— Они продали всех, кроме него, — пояснил Рэтар, — потому что он хворый.

— Он такой маленький, ребёнок, — ведьма подставила палец и ханг вцепившись своей миниатюрной лапкой, похожей на лапу ящерицы, но с когтями как у птиц, положил ей на палец голову и потеревшись заурчал, даже запел. — Крошка.

Рэтар усмехнулся за её спиной, потом спросил что-то у торговца. Тот ответил. Рэтар ещё что-то сказал. Торговец пожал плечами и махнул рукой. Феран Изарии кинул ему что-то, камень конечно:

— Забирай его, — сказал он Хэле.

— Ты его купил? — удивилась ведьма.

— Да.

— Но...

— Только короба для него у них нет, — предупредил Рэтар.

— А без короба нельзя? — нахмурилась Хэла, открывая клетку.

— Он улетит.

— Ну и пусть, — буркнула ведьма. — Ты много за него заплатил?

— Дело не в этом, — пояснил феран. — Он просто может не выжить. Тем более хворый.

— Я его вылечу, — сказала на это Хэла и протянула руку, чтобы забрать ханга, но зверёк учуяв свободу, выскользнул из клетки по её пальцам, потом ловко перебирая четырьмя лапками пробежал по руке до плеча. Взмахнул крылышками и завис перед её лицом, ловко ими работая.

— Улетишь? — спросила его ведьма, склоняя голову набок. Зверёк подражая ей, сначала склонил голову так же набок, потом фыркнул и перекувырнулся в воздухе через себя.

— Если он ещё раз... чихнёт, — проговорил Рэтар, которого явно очень забавляло происходящее, — то у тебя будет ожог на лице.

Хэла закатила глаза и наслаждаясь своей способностью быть со всякими зверушками на одной волне подставила раскрытую ладонь. И к её невообразимому счастью ханг приземлился на руку, потом несколько раз обернулся по кругу, потом снова чихнул, выдувая огонь и когда Рэтар прокомментировал это цыканием, испугался и снова пробежав по Хэле и забравшись под платье, спрятался у неё где-то в районе груди.

Ведьма хихикнула щекотке и непередаваемому выражению лица ферана.

— Они же прячутся в складках крыльев родителя? — вспомнила она описание зверька из книги.

— Да, — с сомнением произнёс феран. — Но ты не его родитель.

— Перестань, он всего лишь испуганный ребёнок, — ответила ведьма.

— Хэла, — кажется если бы Рэтар мог, то завыл бы от обречённости своего положения.

Она развела руками и они отправились дальше. К её счастью пригревшись ханг больше не чихал, а только иногда начинал довольно урчать, чем вызывал на лицах окружающих недоумение.

— А можно я куплю себе одежду сама? — спросила ведьма, когда они оказались в месте рынка, где были только вещи.

Вот это было испытание для Рэтара. Хэла прям видела, как внутри у него всё паникует и готово впасть в истерику.

— Да, — выдавил из себя феран. Как умер, прям.

— Тогда на тебе малыша, — и ведьма отдала Рэтару недовольно фыркнувшего ханга. — Я постараюсь недолго.

Видеть этот взгляд потерянного ребёнка, на суровом мужицком лице, бородатом, с этим жутким шрамом, было невыносимо, но Рэтар же ей обещал и Хэла понимала, что нужно делать именно так, потому что ещё немного и они друг в друге совершенно потеряются. А тогда будет совсем плохо.

Одно дело любить друг друга, а другое не понимать, где кто из них кончается и начинается другой.

— Важен цвет? — уточнила Хэла. — Или что-то ещё?

— Нет, — ответил Рэтар. — Всё, что хочешь.

Хэла улыбнулась и оставила его с хангом.

Всё время она следила за всеми огоньками, что были вокруг них. Она сама не могла объяснить как так получалось и почему одни не вызывали в ней совершенно никакие

эмоции, другие напрягали, а какие-то откровенно заставляли включить режим защиты. Но она точно знала, что её просто так не взять, что она сможет справиться почти со всем чем угодно.

И знала и чувствовала ферана на расстоянии. Была на него настроена, что ли.

А вот Рэтар мучился, потому что ему было необходимо чувствовать её, держать в поле видимости, а лучше вообще, чтобы дальше, чем на шаг, от него не отходила.

Одежды на продажу было просто невообразимое количество. И Хэла решила, что удобнее всего будет выбрать юбку и рубашу. Что собственно и сделала.

Рубашки здесь были разные — как простые, одевались через голову. Та и с разрезом, привычные блузы, на завязках или крючках. Но Хэла выбрала вариант проще — цвета сирени, с запахом, на манер кимоно и широкими рукавами, которые можно было при желании стянуть лентами вокруг запястья, или выше, чтобы не мешались. Под длинную юбку, с широким поясом было прям отлично.

И видя восторженный взгляд миловидной тётки, которая всё это продавала, было понятно, что получилось прям очень хорошо.

— Госпожа выглядит прекрасно, — сказала женщина видимо на общем, но с явным акцентом.

— Блага вам, — добродушно улыбнулась Хэла.

Расплатившись нитью, чем вызвала у торговки ещё больше восторга, ведьма отправилась обратно к страдающему Рэтару.

— Ты думаешь получится у тебя её найти? — горестно вопрошал феран Изарии у ханга, опираясь на столб одного из зданий, что выходили фасадами на рынок.

— Не надо меня найти, — фыркнула Хэла.

Он поднял на неё взгляд полный такого невообразимого беспокойства, словно она в бою была, а не юбку с блузкой покупала.

— Ну, как? — спросила она, протягивая руку к хангу. Пока шла до еле пережившего получасовую разлуку ферана, нашла лавку, где продавались всякие сумки и кisetы. Было несколько привычных, таких, которые надевались через плечо. Хэла с такими сумками а-ля хиппи полжизни проходила, поэтому выбрав нужный размер, радостно купила и сейчас устроила внутри своего хворого “дракона”.

— Ну всё, я теперь Бурерождённая и мне море по колено, — торжественно возвестила она, а Рэтар нахмурился. — Но я не стала травмировать тебя и покупать штаны, хотя кажись с этим тут проблем нет, да?

Он не ответил, просто притянул её к себе и поцеловал. И кажется это было впервые, когда такое случилось при таком скоплении народа. Понятно, что всем было искренне на них наплевать, но всё равно, она почувствовала себя на мгновение скованно и неудобно.

— Что? — внимательно глядя в глаза, спросил у неё Рэтар.

— Нельзя же, ну? — буркнула она, дуясь и кажется покраснев.

— С чего вдруг? — спросил он, улыбаясь.

— Я же, — и она хотела сказать “ведьма”, хотя по ней сейчас это было не понятно совсем.

— Хэла, ты моя супруга вообще-то, — напомнил он, взяв за запястье и погладив рисунок нити на коже.

— Я чёрная ведьма, а ты феран, и вот это незаконно, — спрятав лицо у него в груди проворчала Хэла.

— Плевал я на это, — ответил Рэтар. — Тем более, что как вернёмся, я отдам титул Роару.

— Что? — она задрала голову, уставилась на него с непониманием. Что ещё за новости такие?

— Да. И я собирался сделать это ещё, когда отправился в Йерот, — пояснил феран. — Я стал бы тэяром Горанов. И тэяры не вступают в брак, но наш брак был бы неприемлем для элата, но и хотры с ними. Мне бы не было до этого никакого дела. А сейчас и подавно нет. Мне только, как ферану, надо успеть сделать одно дело.

Хэла нахмурилась с вопросом. А Рэтар улыбнулся:

— Мне надо успеть обвязать Роара и Милену до того, как у неё родится ребёнок. Чтобы он родился в законном браке и значит имел полные права наследника. Потому что это право не зависит от того входим мы в элат или нет.

Уже после слов о том, что девчонка беременна Хэла выпала в осадок и перестала понимать остальные сказанные им слова. В голове было столько вопросов, что прям криком кричи, чтобы всё это унять. Но один был просто невыносимым и конечно именно он из неё и вывалился. Ну, собственно как всегда — не умела никогда молчать, с чего добравшись до четвёртого десятка, учиться?

— От кого она беременна? — выпалила ведьма и сказать, что у Рэтара вытянулось в изумлении лицо, это ничего не сказать. Приехали.

— Что? — спросил он ошарашенно.

— Что? — спросил феран ошарашенно.

— О, боги, — Хэла отскочила от него на добрых три шага, потому что Рэтар был в таком шоке от её вопроса, что руки расслабил и даже не пытался удержать. А ведьма истерично схватилась за голову, поворачиваясь к нему спиной. Вот это она сейчас выдала.

— Хэла! — позвал феран сначала спокойно, а потом уже с нажимом приказал. — Хэла?

Ведьма упрямо мотнула головой. Её заговор был хорошим, сильным. Почему не получилось? Что пошло не так? Или всё хорошо? Нет, Милка не могла. Да и кроме Элгора к ней не лез никто, а на нём тоже заговор. Брок? Боже, Хэла, как тебе не стыдно?

Рэтар сделал шаг и насильно развернул её к себе лицом.

— Хэла? — рыкнул он, а лицо его было странным, суровым, таким не сулившим ничего хорошего. — Почему ты реагируешь так же, как Роар?

— Потому что я наложила на него заговор бесплодия, — выпалила ведьма и прикусила губу. Да блин!

— Что? — и сказать, что это её заявление шокировало ферана больше, чем предыдущее, было нельзя.

— Он попросил, — ответила Хэла. — Я сделала.

И теперь суровость с примесью удивления, сменились каким-то разочарованием, впрочем это женщина понимала.

— Только если Милка сама сняла заговор с него, боги...

Рэтар сжал её руку.

— Как у вас хватило на такое, — прохрипел феран, запнулся, и её приложило сдерживаемой им злостью.

— Что? — Хэла выдернула руку из его хватки. — Он по-твоему неразумное дитя? Он попросил, он понимал, что это значит. Я сделала, потому что уважаю его просьбу и его выбор. И я делала не навсегда!

И ведьма психанула, развернулась и пошла прочь.

С чего ей вообще всё это случилось? Было жаль Милку, потому что, если она сняла заговор, то сделала это сама того не зная — у Хэлы хорошие заговоры, сильные, стройные. Их нельзя было просто так сломать.

А тут, мелкая дурочка, надо же было так себе самой поднасрать. Как она теперь родит? Боже, да она не выживет, потому что она была в два раза меньше Роара, серьёзно, там ребенок будет в половину её самой.

Что делать, что же ей делать?

И Хэла развернулась спросить, какого хрена Рэтар не сказал ей об этом раньше, чего сидел и ждал? Сколько она приходила в себя? Дней пятнадцать? А может и весь лунь? Она же столько времени пробыла без сознания.

Сомнения в том, что достопочтенный через пять минут не феран, идёт следом и из вида её не потеряет, не было. Но Хэла ошиблась. Потерял.

Ведьма огляделась по сторонам и офигела. Вокруг была улица, заполненная людьми, но всё было не так, как на других улицах или рынке.

— Твою ж налево, это типа улица красных фонарей? — пробурчала она себе под нос, разворачиваясь.

Всё было не просто откровенно, а очень откровенно. И да, удивить её было сложно, но на свингерских вечеринках она никогда не была, до сего момента кажется.

Они по самой серьёзке занимались сексом на улице? А ещё здесь шла бойкая торговля. И торговали здесь ведьмы. Зелья, порошки, травы. Прямо нарко-порно-притон.

Пройдя дальше, она вышла на что-то вроде площади и ох, порнография приобретает совсем другие очертания, когда находишься внутри неё. И всё было как надо.

Она осмотрелась, очень стараясь не выглядеть полнейшей идиоткой и тут её внимание привлекло нечто, что в мозгах было сложно уложить.

Вот, если она и любила пошлые возбуждающие рисунки, которые с завистью оценивала и наверное, имея же навык рисования, могла бы такие воплотить в жизнь, просто кишка была тонка — перед ней был огромный мужик и наверное штук шесть баб, которые прямо таки слюной захлёбывались облепив его.

— Хэла, — Рэтар её всё-таки нашёл.

— Это орт? — спросила она, даже не желая глядеть на мужчину, который сейчас очень жёстко утаскивал её прочь из этого невероятного места греха и разврата. Хэла же упиралась.

— Да, — он остановился и развернул её к себе лицом, тряхнул. И она всё-таки посмотрела в его лицо.

Уух, пристегните ремни, сейчас стартанём! Но было не страшно, а смешно.

— Что это такое? — спросила она, не ведаясь на его перекошенное гневом лицо.

И кажется Рэтар себе сейчас зубы сотрёт, так у него со злости нижняя челюсть ходила. Он выдержал паузу, но Хэла была упряма. Упряма как и он.

— Это улица греха, — процедил он. — И надо уйти. Здесь можно потерять разум. Здесь воздух такой. Здесь храм сестёр богини Анат. И они отвечают за всё, что связано с плотскими удовольствиями — похоть, грех. Здесь невозможно совладать с собой и любой, кто сюда попадает, через какое-то время становится подвластен тому, что тут творится. И этот орт уже никогда оружие в руки не возьмёт, потому что останется здесь и будет делать то, что делает. Пока не умрёт.

— Несчастливым он не выглядит, — ответила Хэла, снова возвращаясь глазами к

нереально огромному мужику. И такого смог завалить Рэтар? Восхищение из неё пощёло, как лава из проснувшегося вулкана. Или тут и вправду воздух был таким особенным? — И ты такого убил?

— Что? — возмущённо выдавил феран, снова разворачивая её так, чтобы она не пялилась на великана и совокупающихся с ним девок.

— Ты такого убил? — повторила Хэла вопрос, понимая, что Рэтар слышал и в первый раз, просто...

— Да, — рыкнул он. — Пошли.

— Ты приуменьшил его размер. Он больше тебя в два с половиной раза, серьёзно. Просто... Я хочу поближе посмотреть, — и с упёртостью козы, ведьма попыталась вывернуться из его рук. Но не получилось.

— Хэла, — уже клацал зубами ей в голову Рэтар. — Не доводи меня.

— Ты здесь не впервые? — догадалась Хэла и улыбнулась.

— Боги, ведьма, — а ему было не до улыбок, — ты что творишь?

— Что ты здесь делал? — не унималась она, прям несло на копыа.

— Отца вытаскивал, — произнёс феран, видимо понимая, что лучше ответить, чем пытаться взывать к разуму, который из неё напрочь выветрился.

— Он твою жизнь выкупал у корты драгов, — вспомнила ведьма. — И тебе было пятнадцать, когда ты сюда попал?

— Да. Пошли.

— И ты просто зашёл и вышел?

— Хэла, — кажется он готов пожалеть, что она выжила.

— Красавице нужна помощь? — спросил мужской голос за её спиной и по лицу Рэтара она поняла, что красавица она, а спросили почти мертвецы. А ещё только сильно задураманенные головы могли решить, что могут потягаться с таким как феран Изарии.

Хэла обернулась. Их было двое. Ну, так себе история. Она уже видела их разделанные тушки, если конечно даст ему размяться, а не ужокошит их сама.

— У нас прелюдия к близости такая, — ответила ведьма заступникам, улыбаясь. — Мы с ним обновляем брачные клятвы, так что гуляйте, дружочки. Лишних нам не надо. Мы вдвоём справимся.

Мужики внимательно её изучили, явно положительно оценили, а потом уже подняли глаза на Рэтара. И тут кажется протрезвели, потому что исчезли так быстро, словно умели перемещаться в пространстве, как и она.

Хэла не успела увидеть его лицо, потому что он развернулся и потащил её за собой. Где-то в пустынном проулке с силой впечатал в стену.

— Ещё раз такое устроишь и, — навис над ней Рэтар, если бы был драконом наверное дым и пламя из всех щелей валили бы. Прямо реально дымился от бешенства.

А Хэлу впервые не задевало. Её тащило такое возбуждение, что наверное окунуть в ледяную прорубь и легче не станет. И она пошла в наступление.

— И я тебя очень хочу, — прошептала она, обнимая и целуя в шею, потому что дотянуться до губ не могла, он сейчас прям как гора был негибачаемым и каменным.

И её соблазнение было таким каким-то комичным, кажется, потому что ни одна мышца не дрогнула у него на лице. Как был статуей так и остался. Но улица греха была вот она рядом, выйди и твори, что в голову взбредёт. И остановить Рэтар её не мог, потому что пообещал, потому что слово дал.

И это было так болезненно важно, что казалось можно в руки взять.

— И ты хочешь меня. А ещё удушить меня хочешь, — прошептала Хэла и укусила его. И сорвала с петель.

Так яростно они сексом ещё ни разу не занимались. И вот сейчас было так как было раньше, до того как он натворил всё это, до того, как она потерялась, до того, как всё стало так сложно, хотя на самом деле проще некуда.

Сумка с сонным хангом была оставлена где-то на полу под пустыми бочками, которых тут было с десятков, если не больше. И Хэла была уверена, что дальше было место куда все ходили с определёнными намерениями, но вот было так наплевать сейчас.

Рэтар отпустил себя. Как тогда в башне, как тогда в лесу. Как тогда, когда она довела его игрой с завязанными глазами, когда из-за её заговора пришлось справляться без близости. И Хэла понимала, что таким она его и любила, вот этот невыносимо жгучий огонь, пожар, уничтожающий всё вокруг. Со всеми последствиями. Но плевать на последствия, которые будут синяками на теле, теперь костлявом, и впервые кажется она действительно желала бы быть помягче. Но этот его взгляд, полный обожания, полный честной любви. Жгучей, но казалось такой, которая никогда не остынет. Какой бы сама Хэла не стала.

Жестоко и страстно, и она сама себе завидовала.

— Прости меня, — прохрипела она ему в шею, когда он держал её в руках, пытаюсь прийти в себя.

— Больше так не делай, — ответил Рэтар глухо, пытаюсь отдышаться.

— Уверен? — выдохнула Хэла.

— Нет, — честно ответил он.

— Я постараюсь не слишком часто, — уверила его ведьма и получила такой уничтожающий поцелуй, словно он съесть её хотел.

— Просто молчи, несносная ведьма, — прохрипел Рэтар ей в губы.

Она хихикнула и согласно повела головой.

Приведя себя в порядок, они вышли на торговую площадь.

— Есть хочу, — буркнула ведьма ему в руку.

— Хорошо, — ответил феран.

— И... — да, они их нашли. — Нас нашли.

— Я знаю, — ответил Рэтар. И как учуял раньше неё?

Площадь стала пустой мимолетно. Люди в одеждах наёмных убийц, что приходили за ней, окружили эту часть рынка и перекрыли ближайшие улицы, ведущие с торговой площади. Их было очень много, но для Хэлы они были всего лишь огоньками, любой из которых она могла преспокойно затушить навсегда. Всего-то делов... если уж целый город в глубокий сон отправила, то тут и напрягаться смысла нет.

— Неужели это достопочтенный Рэтар Горан? — поинтересовался рослый одноглазый мужик, на вид ему было под полтинник. — Смотрю жизнь тебя не пожалела. Красавец стал, как я.

Хэла стояла лицом к Рэтару, он прижимал её к себе правой рукой, а левую держал на мече, готовый пустить его в ход. Хотя конечно скорее всего это вообще не надо будет, потому что на убийство у него есть ведьма. Но привычка видимо неискоренима.

Хэла положила руку поверх его, напоминая о себе и своей силе.

— Меня красавцем сделал орт, который поплатился за это жизнью, — произнёс феран. — А тебя красавцем сделал мальчишка, который жив до сих пор.

Ведьма видела, как взвилось яростью пламя внутри одноглазого. Рэтар его задел. Задел, когда ему было пятнадцать, задел сейчас. И да, был прав, когда предположил, что корта его просто так не отпустит.

— Ты безумен, если решился сюда прийти, достопочтенный Горан, — рыкнул глава корты дратов и они оцетинились обнажёнными мечами.

— Я пришёл по делу, — ответил Рэтар спокойно.

— Неужели?

— Хочу выкупить у корты договор. Или, если не согласитесь, уничтожить её.

А вот это уже ей нравилось. И да, она перестала страдать из-за убийств, потому что кажется здесь иначе никак. Ей-то, увы, точно.

Изнутри пощёрли тени. И Хэла видела, что среди дратов немало магов, но все они были очень посредственными в силе и с ней тягаться не могли, особенно сейчас, когда она не просто стояла рядом с Гораном, а ещё и могла тянуть из него силу.

— Я не помню, — произнёс одноглазый, — чтобы у корты был договор на кого-то с именем Горан или кого-то принадлежащим вашему фернату.

— Плохая память или ты не внимательно изучаешь то, что берёшься выполнять? — съязвил Рэтар. — У вас есть договор на мою чёрную ведьму.

— Ты пришёл сюда из-за ведьмы? Этой? — глава этих их ассасинов презрительно фыркнул в её сторону. — Не на что призвать другую, Горан?

— Для начала договор на эту ведьму стоил тебе жизнью уже троих твоих людей, — возразил феран. — А ещё, не могу допустить, чтобы у дратов был договор на жизнь моей супруги.

— Ведьма твоя супруга? — кажется этот одноглазый засранец подавился.

— Подравняешь их ряды, родная? — спросил Рэтар, глядя на неё.

— Конечно, родной, — и с этим вырубил ровно половину наёмников, которые через одного попадали без сознания на песок площади.

— Какого? — выдавил из себя глава корты.

— Если решишься поговорить, чтобы спасти свою корту, то мы будем ждать тебя в твоей рабочей комнате, — проговорил Рэтар и кивнул Хэле. Она закрыла глаза, обняла его и перепрыгнула, как оказалось без происшествий, в кабинет главы корты дратов Фары.

— Вау, я не думала, что получится с первого раза, — выдохнула она. В сумке зафыркал ханг, про которого она напрочь забыла. — Малыш, прости, дружок.

Хэла вытащила очень недовольного перемещением зверька, который нахохлился своими пёрышками и часто моргал, мотая при этом головой.

— Они чувствительны к магии, как и хараги, — пояснил Рэтар и осмотрелся. — Был бы отлично найти все ловушки, которые нам могут навредить до того, как глава корты до сюда доберётся.

— А он быстро это сделает?

— Можешь не сомневаться.

Конечно одноглазый добрался достаточно шустро, конечно попытался с ними поиграть и конечно получил от Хэлы по полной.

Кажется при тех раскладах, в которые главы дратов вляпался, он был готов отдать договор просто так, бесплатно. Но Рэтар заплатил. Отдал три мотка её небесной нити. И как же горели глазёнки, точнее один глаз, у этого мужика. Ведьме прям захотелось и второй глаз ему выщарапать.

Но напоследок Рэтар погладив ханга, куда-то тыкнул на теле зверька, после чего тот покраснел, а потом выплюнул такой здоровенный огненный шар, что Хэла прям поверить не могла, что такая кроха на такое способна.

Пока одноглазый пытался понять, что делать, и за что хвататься, Хэла быстренько переместила их обратно к фергану.

— Так и не поели, — грустно вздохнула она, глядя на город вдаль. Но внутри всё плясало от того, что натворили — знатная движуха!

— Держи, ведьма моя, — и Рэтар сунул ей в руки сладкую булку и что-то похожее на бурдюк с настоем из трав.

— Когда ты успел?

— Ешь, давай. И ещё я тебе купил семян шиффты. Из них варят напиток такой, горький. И его можно разбавить молоком шабок. Пьют его сладким до невозможности, но судя по тому как ты свой кофе описывала мне когда-то...

— Ты не шутишь? — у неё челюсть отвисла от удивления.

— Нет. А что?

— Ничего, — улыбнулась Хэла. — Люблю тебя просто очень-очень.

Узнать, кто её заказал она не смогла. Рэтар не ответил, точнее сказал, что ему надо над этим подумать, а ведьма увидела в нём такую непреодолимую жажду мести, что решила — а и ладно, пусть развлекается, если ему легче станет.

Изария с высоты полёта была невообразимо красива. Они зашли со стороны моря, пролетели вдоль реки. Всё было цветным и ярким. Весна кажется уже сменилась летом.

Прилетев в Зарну на фергане, они устроили в городе и замке невероятный переполох. Дети были просто счастливо поражены, взрослые были в шоке, а вот те кто постарше помнили ферганов и были приятно удивлены увидеть животное снова после стольких лет.

Сейчас Хэла заметила, что от одной стороны крыши крыла в Зарне на другую были перекинута толстенные балки. И если раньше она не обращала на них вниманием, то теперь поняла, зачем они — это были насесты для ферганов.

— Они же будут срать людям на голову, — с сомнением проговорила в спину мужчины, когда зверь удобно устроился на одной из балок, словно кошка.

Рэтар рассмеялся, потом помог Хэле спуститься на площадку башни, что была над его комнатами. Спустилась она в ставшие ещё более необъятными объятия Тёрка.

— Хэла, ведьмочка моя, милая, девочка, чтоб меня хотры утащили, живая! — он причитал, как бабка прям, чем вызвал у неё смех.

— Перестань, Тёрк, не померла я. Не дождёшься, — ведьма обняла его и поцеловала в щеку.

Мужчина поставил её перед собой и осмотрел и кажется на глаза ему слёзы навернулись. Вот это уже лишнее. Рыдающий Рэтар — ладно, она пережила, но рыдающий Тёрк было уже излишеством.

— Ты сошла вся, боги, — потом он глянул на Рэтара, стоявшего за её спиной и кажется этим взглядом можно было испепелить. — Совсем нет тебя, Хэла? Родная, ну, как так можно?

— А вот у меня в мире я была бы сейчас огонь, — ответила она.

— Да у тебя там в мире все шальные, с головами не дружат, хворые им там нравятся, правда, — заворчал он. — Одни кости остались, ведьмочка моя. Ты же обещала мне, Хэла...

И он снова сгрёб её в объятия и ведьма была уверена, что над её головой слал

безмолвные проклятия в сторону брата.

— Я тоже очень люблю тебя, братец, — рассмеялась она, обнимая его в ответ. — А теперь отпусти меня посмотреть, что там у нас с нашей беляночкой происходит.

Старший брат Рэтара глянул на ведьму полным сомнения взглядом.

— Так плохо всё, — спросила Хэла.

— Она... очень большая, — проговорил Тёрк. — Эка и Мита с неё глаз не спускают. А Роар уже через меня трёх магов нашёл и своих ещё пару человек.

Она хотела усмехнуться и пошутить, но потом вспомнила с какой болью митар просил её сделать его бесплодным и прикусила язык. Покачала головой и отправилась в дом, но дойдя до башни обернулась:

— Тёрк, дорогой, — проворковала Хэла, — будь любезен, не прибеи достопочтенного ферана, пожалуйста. Во-первых, у него тут дело важное, а во-вторых, он мне обещал много всего, хотелось бы, чтобы на всё это здоровьица у него хватило.

Оба мужчины усмехнулись, она сделала реверанс и сбежала вниз по лестнице.

Кажется все, кого чёрная ведьма встречала были готовы рыдать, видя её. От счастья и от того насколько она плохо, по их мнению, выглядела.

Эка, столкнувшись с ней, не сдерживалась:

— Боги, Хэла, милая, — плача, покачала женщина головой, протягивая Хэле руки, чтобы обнять. — Тебя и нет будто. Нельзя же так, родненькая наша. Но мы поправим это, ты главное не бросай нас больше, прошу тебя.

И это тепло и открытость были такими искренними, что Хэла была готова сесть и рыдать не переставая.

Милена была в комнате Роара. Сидела в кресле и вязала. Она была действительно огромна. Кажется Хэла была такой месяце на девятом, а у этой сколько? Четыре, пять?

— Господи, — проговорила чёрная ведьма, останавливаясь в дверях.

— Хэла, — воскликнула Мила, роняя вязание на пол. На глаза ей навернулись слёзы — хоть что-то неизменно.

— Как ты так умудрилась? — недовольно покачала головой женщина. — Серьёзно? Ты когда так глубоко залететь успела?

— Хэла, — белая ведьма обняла свой живот и видимо хотела встать.

— Ой, не надо, не утруждай себя, золотце, — помахала рукой Хэла и зашла внутрь.

— Я не знаю, я не знаю, господи, — запричитала Милена. — И я не вижу кто там, у всех вижу, а тут нет. И не могу вспомнить, когда у меня были кровавые дни последний раз. Мне так страшно, Хэла. Я такая огромная...

Чёрная ведьма подошла к ней и обняла. Девушка вцепилась в неё и взывала горестно и обречённо.

— Ну-ну, всё, — Хэла погладила её по спине.

— Светок? — Роар не заставил себя ждать, влетел в комнату, наткнулся на чёрную ведьму и замер. — Хэла?

Он её не узнал.

— Да, восстала из мёртвых и вернулась посмотреть, что бывает, когда медведь решил замутить с белкой.

— Что? — нахмурился митар, а Милена сквозь слёзы подавилась нервным смехом.

В дверях возник не менее озабоченный и озадаченный Элгор.

— Что? — фыркнула Хэла. — Лопнет она, как Тузик, прокусивший грелку, накаченную

до пяти атмосфер.

— Я думал на мне заговор, — прорычал митар, хоть и не понимая её, но найдясь в своём ужасе и разозлившись.

— А чтобы заговоры работали надо не с ведьмами спать, дружок, — Хэла встала и подбоченилась, принимая удар. — А если без экстирима не можешь, то надо работать так, чтобы в голове у девки не было мыслей никаких, а то небось “а на кого будут похожи наши детки, на меня или на него?”

И она фыркнула, а Милена издала такой странный звук, что Роар и Хэла, да и Элгор уставились на неё. Вид у белой ведьмы был невероятно виноватый, она застыла, прикрыв рот рукой, и хлопая своими огромными глазами.

— Что и требовалось доказать, — заключила чёрная ведьма, закатив глаза.

— Прости меня, Роар, — всхлипнула Милена и зарыдала с новой силой.

Он сел перед ней на колени, обнял.

— Всё будет хорошо, тише, всё.

— Да, только рожать ей самой придётся всё равно, — заметила женщина, — а не магам твоим, которых ты нашёл — пять или сколько там штук.

— Хэла, — рыкнул на неё Роар.

Чёрная ведьма вздохнула и направилась к двери.

— Ладно, зайду попозже, — буркнула и проходя мимо Милены глянула ещё раз на её живот. Огонь был таким ярким, сильным.

— Хэла, — всхлипнула девушка. — Кто там? Я не вижу, я даже огонь не вижу. Не понимаю, как это так. Я только чувствую, как он шевелиться. Везде.

Чёрная ведьма покачала головой, потому что, когда беременность случилась с ней — так же не видела ничего в себе. Толком осознала лишь по симптомам токсикоза, а потом ещё белая ведьма подтвердила.

Хэла присмотрелась получше, нахмурилась.

— Ого, — усмехнулась она, не понимая кто там на самом деле девочка или мальчик.

— Что? — взволнованно спросила белая ведьма и кажется резко перестала плакать. А вот Роар сейчас Хэлу прибьёт к чертям.

— Ничего. Всё хорошо, — улыбнулась она насколько смогла приободряюще, но судя по виду Милки и её обожаемого Аполлона, получилось как всегда ехидно и с подтекстом.

Женщина всплеснула руками, обернулась на Элгора:

— Ты что-то хотел, достопочтенный бронар? — вцепилась в него, словно он спасательных круг.

— Да, — нахмурился юноша.

— Так пошли, дорогой, — и она вышла, оставив Роара и Милену наедине с их размножившейся любовью.

— Маги не смогли починить глаз? — спросила Хэла, утаскивая за собой Элгора.

— Я не знаю могли или нет, — ответил он. — Я у магов не был.

— Что так? — Хэла приподняла бровь и посмотрела на него с нескрываемым интересом. Парень лишь пожал плечами. — Повзрослел? — ехидно спросила ведьма.

Элгор фыркнул пренебрежительно, став собой.

— Вероятно, — ответил скривившись. Она по нему скучала. Да.

— Глаз-то жалко, — заметила Хэла..

— Не велика потеря, — действительно без эмоций прокомментировал Элгор и это было

странно. И вправду повзрослел.

— Хэла, — это уже был Брок, налетел на неё, когда они оказались в главной зале замка. Она расставила руки и дала себя обнять.

— Боги, Хэла, ты, Хэла, как тебя не хватало, — ещё одна искренняя радость. И чуть-чуть и она сама разрыдается, посильнее Милки.

— Спасибо тебе, солнышко! Роднуля моя, — выдохнула ведьма, стараясь не расклеится. — Завтракал уже?

— Лихты? — по-мальчишечьи очаровательно поинтересовался Брок.

— И булки сладкой с ягодным отваром, — улыбнулась Хэла.

— Сейчас будет, — и сын ферана убежал на площадь.

— Так что у тебя случилось? — обернулась она на ухмыляющегося за её спиной Элгора.

— Мне твоя помощь нужна, — нахмурился он, настроение сменилось моментально. —

Как ведьмы.

— Давай, рассказывай.

— Пойдём, — и они пошли в сторону рабочей части дома, туда где были жилые комнаты семьи Эки.

— Понимаешь, это мой сын. Эрин, — начал бронар и Хэла заметила, что говорил парень с трудом. — Думаю на нём заговор. Я показывал его магу, показывал эйолу, но они говорят, что нет ничего. А я не верю, понимаешь? Вот...

Он запнулся.

— А если и я скажу, что нет? — спросила Хэла.

— Тебе поверю, — открыто и очень честно ответил Элгор.

Дойдя до дверей комнат Эки, бронар зашёл внутрь. Там был настоящий детский сад — дети носились туда сюда, визжали, играли и над всем этим возвышалась фигура Миргана. На лице брата Рэтара была такая созерцательная маска вселенского покоя, что смешно стало.

— Мирган? — позвала ведьма и мужчина, очнувшись уставился на неё, как будто призрака увидел.

— Хэла? — потом он улыбнулся. — Ты вернулась. Блага, тебе, хорошая. Хворает?

— У меня была магическая диета, вынужденная. Но я завязала, — она улыбнулась его реакции. — Вот Брок побежал за завтраком моим. Буду кушать, честное слово. И помирать не собираюсь, пока.

— Нам тебя не хватало, — улыбнувшись произнёс мужчина.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась она, потому что не нянькой же тут работать начал, пока она на югах отдыхала.

— Шеята убежала им за едой к Мите, а я вот остался присмотреть, чтобы они не убили друг друга, — ответил брат Рэтара, но Хэла, конечно не об этом спрашивала. Пошутить на эту тему она не успела, потому что к ней подползла девочка, схватила за юбку.

— Любава? — ведьма присела и протянула ей руки. Малышка вцепилась в пальцы женщины и встала на ноги.

— Давай, всё наверх ей охота, — Мирган нагнулся и подхватил девочку на руки. Та невероятно оживилась. — Нравится на всех сверху вниз смотреть.

Хэла просияла. Надо будет спросить у Эки как так вышло, что Мирган теперь тут с ней, впрочем — так намного лучше. Они друг друга и вправду очень любили. Были такими удивительно гармоничными. Малышка вцепилась в него и было видно, что очень привязана к нему и сильно любит.

Элгор взял на руки маленького годовалого малыша, который радостно подбежал к нему, когда увидел в дверях.

— Эрин? — повернулась к ним Хэла и, кивнув Миргану, они оставили его наедине с бушующими в ожидании завтрака детьми.

Мальчишка был улыбочивым и очаровательным, таким же тёмным, как отец. Смуглая кожа, тёмные глаза, но Хэла присмотрелась и поняла, что они не карие, а какие-то тёмно-синие.

Они вышли на улицу и устроились на скамье.

— Он беспокойный, плачет, ночью просыпается и так кричит, — начал объяснять свои подозрения Элгор, — не могу его успокоить, он словно чего-то боится, прижимается ко мне, а всё равно рыдает и отпустить меня не хочет. Он с Миленой спокойнее, но ей тяжело сейчас с ним, он активный, да и это мой ребёнок, а не её.

Мальчик протянул ручонки к чёрной ведьме и радостно переполз к ней на колени. Хэла улыбалась ему, а внутри терзало сомнение, потому что было понимание, что заговор на ребёнка влиял, но на нём самом его не было. И понятно, что маг и эйол ничего не видели. А ещё почему-то материнская защита не работала. Может заговор на матери или на Элгоре.

Она ведьминой силой осмотрела бронара, но на нём были её заговоры, которые хранили от зла, и вот такой как на Роаре отвалился, но тут работали, были не тронуты.

— А где Эрона? — спросила Хэла.

— Умерла, — прошептал Элгор и кольнуло болью.

Женщина посмотрела на него — лицо младшего Горана было скорбным, печальным. Он тяжело переживал потерю — всё-таки наложница ему была очень дорога.

— Когда? — шёпотом спросила Хэла.

— Лушь назад, — ответил он. — Она Эрина утром кормила, а тут я проснулся оттого, что он плачет, а Эрона словно не слышит. Я к ней прикоснулся, а она ледяная.

Бронар сглотнул, собрался, чтобы не показать как его это подкосило, как больно внутри от потери. И Хэла вздохнула с сожалением, потому что была бы здесь — помогла бы.

— Нет на нём ничего, да? — спросил Элгор, глядя на сына.

— Достопочтенный бронар, — позвала его одна из дочек Эки. Он обернулся и девочка отдала ему что-то, потом поклонилась и убежала обратно.

— Что это? — спросила Хэла, когда мальчишка увидел у отца в руках вещь и потянулся забрать. — Игрушка?

— Это такие, их называют у нас светцы, — объяснил бронар. — Их матери делают детям, но Эрона потеряла свой перед тем, как я их сюда забрал. А этот я не знаю откуда. Может просто новый сделала, но Эрин без него никак не может.

— Все дети одинаковые, — улыбнулась ведьма.

И на этой игрушке, которая была сделана из сшитых вместе кусочков разной ткани, с головой, с узелками на уголках — ручками и ножками какого-то странного животного, а может это был человек, был заговор. Злой, чернящий, смертельный. Вот поэтому Эрона и умерла, и поэтому мальчик плакал ночами. Заговор действовал на Эрина, когда он был уязвимее всего — во сне.

— А у тебя есть горушка от Эроны? — спросила Хэла.

— А? Да. Но, — кажется Элгору было жаль её отдавать.

— Давай, будет сына защищать, а тебе новую невеста подарит, — улыбнулась ведьма.

— Элгор? — к ним подошёл Рэтар.

— Достопочтенный феран, — поприветствовал его младший тан.

Потом достал из внутреннего кармана куртки ленточку и отдал Хэле.

— Смотри какая, — улыбнулась она мальчику, показывая горошку. — Давай-ка сделаем сейчас гадость кому-то?

— Что? — нахмурился Рэтар, перевёл взгляд с ведьмы на мальчика, потом на своего тана.

— Знаешь, дружок, сколько Хэла умеет вязать узелков разных? — не обращая внимания на замешательство ферана, спросила у Эрина ведьма. — Ого-го! Вырастишь и я тебя научу. А названия у них — закачаешься. Восьмёрка, проводник, стремя, булинь, грейпвайн. Как ругань или заклинания, да? Но мы сейчас особо выпендриваться не будем, главное, чтобы ты, детка, развязать не мог. И, поехали.

Женщина взяла ленточку и завязала вокруг того, что у игрушки видимо было головой. На втором узле озорно глянула на Рэтара.

— А не дадите ли имя новое сыну тана своего, достопочтенный феран?

Он вопросительно приподнял бровь, впрочем как и Элгор.

— А как тут называется племянник? — вдруг спросила Хэла. — Ни разу не слышала.

— Племянник? — переспросил бронар новое слово.

— Ну, отец достопочтенного ферана тебе танар, а ты ему кто? — пояснила она.

— А, — понял её Элгор, — тиин.

— Что? Боже... фантазии у вас, хотя так лучше, чем племянник. Тиин, — и ей стало смешно. — Ладно, не могу с вами, давай имя Рэтар, а то колдовство мне сломаете.

— Трой, — выдал феран, не задумываясь.

— Неплохо, — одобрила Хэла. — У тебя там список?

— Да, на десятирех детей, — ответил Рэтар.

Хэла прыснула, потом глянула на его серьёзное лицо.

— Окей, я поняла, — фыркнула ведьма. — Хорошо. Трой. Тебя, Элгор, устроит?

— Да, это значит “стойкий”, но я не понимаю, — нахмурился сильнее бронар, хотя и так был суров, куда уж дальше.

Хэла не ответила, только многозначительно посмотрела на любимого мужика. Потом завязала ещё один узел и улыбнулась.

— А сейчас кого-то приложило ух, как хорошо, — на это мальчик рассмеялся таким заливистым смехом, что она слышала, как за спиной усмехнулись и Рэтар и Элгор.

— Так был заговор? — спросил у неё бронар осознавая её действия.

— Был, — подтвердила Хэла. — Только деток до пяти тиров защищает мать, поэтому Эрона на себя заговор перетасила. Ослабила.

— Кто, Хэла, — сурово спросил Рэтар.

— Не переживайте, — успокоила она мужчин, — он вернётся теперь и, ох, не завидую я этому... человеку. Называй его новым именем, Элгор, только наедине, никому нового имени не говори.

Она протянула руку в сторону ферана:

— А дай мне нить, пожалуйста, — и Рэтар протянул ей моток. Хэла завязала на запястье мальчика нитку. — А это вместо маминой защиты. Элгор, когда он пройдёт обряд наречения, то дай ему то имя, которое Рэтар ему дал. А нить срежешь, хорошо? Хотя она сама скорее всего лопнет и потеряется.

— Хэла, — бронар был преисполнен такой благодарности, что ей стало не по себе.

— А плакать он всё равно будет, — улыбнулась ведьма, передавая ему сына, — у него зубки лезут.

Элгор хотел что-то сказать, но она не дала, положив руку на плечо, нагнулась и поцеловала в висок.

— А у меня завтрак, — повела она головой и отправилась в сторону вернувшегося Брока. — И хараг надо проведать. Да?

Встретилась с невыносимо мягким взглядом Рэтара.

— И ещё если ты хотел что-то делать с Миленой, то делай это сейчас. Не тяни.

Феран кивнул, ухмыльнулся, поймал её за руку, сжал пальцы.

А дальше начался бедлам — серые, вернувшиеся со стиркой с реки, Мита, потом хараги, которые кажется рыдали вместе с ведьмой.

Добравшись в закат Тэраф до команат Рэтара Хэла подумала, что на утро не встанет. Она была такой уставшей морально, и одновременно с тем счастливой. Она и вправду вернулась домой. Как же хорошо, боги!

— Держи, — Рэтар надел на неё цепочку к ирнитом.

И это сейчас тоже было так привычно, что она даже не попыталась сопротивляться. Поцеловала его руку и была смята безудержной, как стихия, любовью.

Вереница событий, случившиеся после того, как они вернулись из Йерота, Роара утянула в трясины, из которой было не выбраться. Даже вздохнуть у него не получалось. Он тонул, понимал, что надо выплывать, но не получалось, ему казалось, что хуже уже быть не может...

Но Рэтар отдался спасительному для него опьянению дурманом, а Роар видел, что феран погибает, но сделать ничего не мог. Как ребёнок надеялся на непоколебимость своего тана, он всегда видел перед собой его спину, такую крепкую, нестигаемую... верил в неё. А когда увидел сломанного и прижатого болью потери, то понял, что неспособен даже осознать происходящее.

И Роар струсил... оставил всё, чтобы само как-нибудь прошло. Отдавшись работе, веря в то, что если всё сделает правильно, то Рэтар, придя в себя не разочаруется в нём. Скажет, что Роар справился.

А справляться было с чем. Изария была частью Кармии и подчинялась общим законам элата не одну сотню тиров. И вот они свободны. И Роар знал точно, что Рэтар знал бы, что с этой свободой делать, как поступить. Но митар в этом ничего не смыслил. Если бы не Элгор, то Роар бы всё испортил.

Но младший брат был в этом хорош, управление фернатом в отсутствие ферины как таковой ему давалось. Без лёгкости, но всё же лучше, чем Роару. И когда они оба немного во всём разобрались, перестали ругаться из-за того, что куда когда и в первую очередь надо делать... новая тревога, а для Роара так вообще беда.

Милена сказала, что она в бремени. И он, идиот, не нашёл ничего лучше, чем спросить от кого у неё ребёнок. Это было таким помутнением — спросил и пожалел, но понятно, что слова назад не вернуть, и лицо Милены при этом... Роару умереть захотелось в этот момент.

Конечно эту обиду она простила, но он себя простить не мог, мучился, сходил с ума. Сам тонул в работе, только бы не думать о том, что натворил и не пытаться осознать последствия.

А потом вернулся Тёрк. Точнее сначала вернулся Брок. Увидел отца, понял, что нет Хэлы и таким злым Роар не видел парня никогда. Сын Рэтара в тот момент стал абсолютным отцом в моменты этой неконтролируемой всё разрушающей ярости, что находила на него так редко, но несла только смерть.

Брок было видно стиснул себя, ничего Роару и Элгору не сказал, только зыркнул на них так, словно взглядом прибил, и ушёл.

И вот через несколько дней в портале возник Тёрк. Брок был с ним. Они вдвоём без лишних слов пошли к Рэтару. Тот был в дурманном сне, и в таком состоянии Тёрк взвалил ферана себе на плечо и отправился в портал.

— Тёрк, — рыкнул Роар, преграждая тану путь. Митара искренне раздражали эти молчаливые хождения. Будто ни его, ни Элгора тут нет и давать какие-то пояснения происходящему хозяевам дома просто нет необходимости.

— Не зли меня, мальчик, — рыкнул Тёрк.

— Какого происходит? — постарался не обращать внимания на угрозу, исходящую от тана, спросил Роар. Правда получить тоже был готов.

— Какого происходит? — навис над ним старший брат Рэтара. — У тебя феран

поддыхает, а ты у меня спрашиваешь, какого происходит? Это мой вопрос, засранец, — какого рваша, Роар, происходит?

— Я не мог с ним справиться, никто из нас не мог, — возразил Роар и глянул на стоящего тут же в коридоре Элгора.

— О, то есть вот в таком состоянии он тебе голову оторвёт? — поинтересовался Тёрк с присущим ему ядом в голосе.

— И что я с ним должен был бы сделать? Под башни посадить? За решётку? — и митар правда не понимал, что он мог поделаться с этим состоянием Рэтара.

— Ну, теперь я разберусь, — ответил на это брат ферана. — А ты тут не расслабляйся — или вернётся, или станешь фераном уже по праву наследия.

И Роар хотел возразить, но запнулся. А Тёрк фыркнул презрительно, поправил тело Рэтара на плече и ушёл в портал. За ним почему-то с простынями ушёл Брок.

Ожидание было недолгим. Тёрк вернулся мирт через десять и как бы Роар не злился на него, но помощь старшего брата Рэтара была невероятно дельной и просто благословенной.

Тёрк разбирался во всём — он на деле был полноценным фераном. Если бы у Роара спросили кого вместо Рэтара можно сделать правителем Изарии, то митар чётко и без сомнения сказал бы, что Тёрка.

От тана они все так же узнали, что Рэтар отправился искать Хэлу, потому что предположение, что чёрная ведьма с Тёрком или Брокком было страшно ошибочным. И теперь Роар, понимающий опасность обряда повязи, стал тонуть в тревоге за жизнь такой любимой им женщины.

До этого он отстранялся от мысли, где Хэла и как она, но теперь отрицать очевидную беду было невозможно. Без Хэлы было плохо. Её действительно не хватало. И мысль, что она не вернётся, погибнет, была невыносимо болезненной. Понимание, что она может умереть, пока Рэтар найдёт её, было для Роара не менее страшным, чем страх перед родами Милены.

Прошла кажется вечность, до того, как над ним, спящим в библиотеке, нависла фигура Рэтара Горана. Роар подскочил, всмотрелся в лицо вернувшегося тана. Митар словно пытался прочесть вернулся он с Хэлой или один, впрочем Роар знал — один бы он не вернулся.

И Роар даже понять не успел, что испытывает от всего этого вихрем налетевшего безумия, но точно стало легче...

— Что ты тут делаешь? — поинтересовалась Хэла. — Утопиться решил с радости? Или расстроен?

Женщина нахмурилась и села рядом с ним на ствол поваленного дерева, что был на берегу Нравы. Вокруг очумелые бегали её хараги, ставшие уже невероятно огромными — ему спины зверей были выше пояса, а Хэле они могли просто положить голову на плечо.

И Роар не переставал удивляться, как такие опасные страшные чудовища, ведут себя с Хэлой, словно они домашние курнаты. Но... и теперь у неё ещё был ханг.

— Нет, — ответил Роар, кажется сам не понял на какой вопрос. Ведьма тоже озадаченно нахмурилась. — Я просто сажу, — пояснил митар.

— Устал? — спросила она ласково и конечно имела в виду общую усталость.

— Да. Но всё хорошо, да, — кивнул Роар. — Теперь.

— Хотела сказать “спасибо”, — повела она головой.

— А? — не понял митар и с вопросом уставился на Хэлу.

— Это же тебе мы обязаны тем, что теперь можно рыбку кушать? — пояснила

ведьма. — Ты с Ринтой договорился.

— А, да. Но не я, Войр. Он там счастлив, что можно опять в море выходить. Да и в Ринте... Рэтару надо будет туда попасть в ближайшее время. Я не мог — феран он.

— Угу... — согласно повела головой женщина.

Они помолчали какое-то время глядя на воду. Рядом с Хэлой Роару было спокойно. С её возвращением стало намного легче. Да и то, что Рэтар вернулся, тем более собой прежним...

— Прости меня, — тихо проговорила ведьма, погладив его по плечу.

— За что, Хэла? — оторвался от своих мыслей митар. — Перестань.

— Нет, — заупрямилась она. — Я бросила вас и тем самым сломала вам ферана.

— Это...

— Моя вина.

— Нет, перестань, — и Роар действительно не винил Хэлу ни в чём, он понимал, что что-то серьёзное произошло, да и как-то чувствовалось, что после того, что случилось в Йероте, ей будет сложно вернуться.

— Поферанил за него, — ухмыльнулась она своей привычной тёплой кривой улыбкой.

— Поферанил? — переспросил он странное слово, потом тоже ухмыльнулся. — Хм... да... Это было тяжело. Не знаю, как он, как у него выходит. День суда был вообще каким-то ужасом.

— Что случилось? — спросила Хэла.

— Мальчишка забил отца из — за того, что тот на нем издевался, — нахмурился Роар, вспоминая весьма болезненную для него ситуацию. — У него не было матери, а отец... уродом был. И надо было этого паренька судить. И...

— Что ты сделал?

— Хм, я готовился. Заранее же всё знаешь. И я сон из-за этого мальчишки потерял. Думал, что... да понятия не имел, что делать, Хэла. А потом посмотрел на него. Они дети ферната, дети ферана. Мальчик как бы его сын. А в тот момент мой сын. И я... я бы сам его отца порвал, но раз так.

И Роар повёл плечами, шеей. До сих пор чувствовал себя странно.

— Не наказал? — прозорливо предположила ведьма.

— Нет, — подтвердил митар. — К Цэре его отправил. И теперь не знаю, насколько правильно поступил. А Рэтар мне вообще ничего на это не сказал.

— Он тебе и не скажет. Ты знаешь — он верит в тебя, дурачок, — улыбнулась ведьма.

Роар усмехнулся.

— Ещё за разговор прости, — добавила она.

— Хэла...

— Ты был уверен, что он работает, — отозвалась ведьма. — Я сама и подумать не могла, что Милка снять сможет. У меня хорошие заговоры, но видно уж очень ей приспичило подумать о маленьких Роарах, во время близости можно, что хошь сломать.

— Маленьких Роарах? — и он впервые кажется за всё то время пока знал о бремени белой ведьмы, воспринял это с весельем. — Почему ты не сказала, кто у неё внутри — сын или дочь?

— А тебе важно?

— Нет, — ответил митар. — Вообще не важно.

— Боишься? — она склонила голову и заглянула ему в лицо.

— Безумно, — Роар встретился с ней взглядами.

— Вместо того, чтобы сидеть здесь, — заметила ведьма, — возьми её и пойдёшь погуляй.

— Она... — митар нахмурился и вздохнул. хотел сказать, что Милене тяжело. Впрочем ему самому было невообразимо тяжело.

— Она беременна, а не больна, — ответила на его сомнения Хэла.

— Просто я... понимаешь... это... я прихожу к ней, вижу и меня топят с головой, — и Роар никому этого не говорил ещё. — Предчувствие беды, и я так люблю её, и я расстроен, зол, она это чувствует и начинает плакать, а слёзы её выворачивают ещё сильнее и беспощаднее, и я не могу себя найти и... снова сначала. Проще быть от неё, как можно дальше.

— Ты её уже похоронил? — спросила Хэла и вопрос это ударил его так, что воздух вышибло.

— Что? — внутри взвился гнев.

— Ты себя так ведешь, словно она уже точно умерла, — спокойно ответила женщина, прямо смотря в его глаза. — Заранее.

— Хэла, — рыкнул митар с угрозой, но на деле от бессилия.

— Не рычи на меня, я тоже умею рычать, знаешь ли, — фыркнула ведьма. — И даже подзатыльников отвесить могу.

— Отвесь, Хэла, — ответил Роар. — Но ты не понимаешь...

— Понимаю, — перебила его она, — мне Рэтар всё рассказал. И я говорю тебе, что с ней всё будет хорошо, веришь мне?

— Верю...

— Хотя с тем количеством магов, что ты подтянул, можно и трём девицами родить, — фыркнула ведьма.

— Просто, — взвился митар в очередной вспышке отчаянного негодования.

— Хватит, солнышко, — отрезала Хэла, — ты такой просто ужасен! Что у вас за манера такая трагедию строить на пустом месте? А? Серьёзно. Иди пожаткой уже её и уймись. Родит, как миленькая, уж я разберусь. И маги тебе не нужны будут.

Роар глянул на неё, всмотрелся в открытый и такой невероятно любимый, сейчас осуждающий, взгляд. Он верил. Видел сейчас такую худую, хрупкую, седую.

Он не узнал её, когда увидел вчера рядом с Миленой. Сердце защемило — повязь высушила её и Роар даже представить не мог, какой её нашёл Рэтар, потому что упомянул, что с момента как отыскал в Налуте прошёл почти лунь.

— Я не поблагодарил тебя за то, что спасла нас, — проговорил он.

— Это моя работа, солнышко, — ответила Хэла, став снова озорной и привычно поведя плечом.

— Нет, Хэла... нет... — замотал головой Роар и притянул её к себе, обняв. — Я очень люблю тебя Хэла, без тебя было очень плохо.

— Я тоже люблю тебя, горюшко моё, — рассмеялась ведьма, потом заглянула ему в лицо. — Хочешь совет?

— Да, — слегка нахмурился митар.

— Ты же умеешь на войне себя в руках держать, — проговорила женщина, а Роар, непонимая к чему она ведёт, но кивнул. — Считай, что беременность это боевые действия.

Он фыркнул, а потом рассмеялся.

— Что? А Миленка мой враг?

— Нет, — возразила Хэла. — Она твой маленький отряд в беде. Ты его должен спасти.

Без твоего мудрого командования отрядец пропадёт.

— Хэла-Хэла, — и Роар обнял её, так сильно насколько мог себе позволить.

— Рэтар, — митар зашёл в библиотеку и действительно был рад видеть тана на привычном ему месте.

— Да, — Рэтар кивнул, разрешая войти.

— Я хотел... — он нахмурился, пытаясь понять, как начать разговор. Вчера он передал часть дел, думал, что сегодня с самого утра феран захочет заняться всем остальным, но вот уже Тэраф взошла, а митара так никто не позвал.

— Роар, — отозвался Рэтар. — Успокойся. Всё хорошо.

И ещё митару нужно было поговорить с таном о судьбе Милены. Надо было. Потому что ребёнок должен был родиться уже скоро, а решения, что делать, у него не было.

Если бы она была простой серой, то вопроса бы не возникало — Роар бы просто выкупил её, точнее Рэтар и так позволил бы Милену забрать. Митар надел бы на неё платье наложницы, поселил бы где-нибудь в Изарии, был бы с ней, потому что феран позволил бы ему не жить при доме, пошёл бы ему на встречу. Да Роар бы просто мог снять с себя регалии в пользу Элгора и не пожалел бы ни разу. Но Милена была белой ведьмой. Белой ведьмой Изарии, призванной людьми.

— Слушай, — вздохнул он. — Я ведь... ты вернулся и мне теперь не нужно быть фераном. Вынужденность нашего положения теперь отпала, я понимаю, что в нынешних условиях, я как митар просто необходим, но в дальнейшем...

— Роар, — нахмурился феран. — Ты прекрасно справился. Во всём. И я же говорил тебе в Ирнэ-Халаяс, что ты стал бы отличным фераном. И дело не в том, что тогда я поставил тебя перед фактом из-за безвыходности своего положения. Нет. Просто... до появления Хэлы, я не переложил бы на тебя свои обязанности не потому, что не доверяю, тан! А потому что хотел бы, чтобы ты как можно дольше сохранил бы свою свободу. Не был ограничен, прижат обязанностями и долгом перед фернатом и его людьми.

Роар нахмурился. Накатил стыд.

— Но на деле ты хороший феран.

— Мне Элгор помогал, а потом Тёрк...

— Так в этом и дело, — ухмыльнулся Рэтар. — Именно это я говорил тебе. Будь как... во время боя.

И Роар усмехнулся, вспоминая утренний разговор с Хэлой.

— Что? — спросил феран.

— Просто... ты и Хэла. Она сказала мне то же самое с утра, только это касалось Милены, — пояснил митар. — Сказала, что Милена мой маленький отряд в беде.

— Она права, для тебя это выход, — согласился Рэтар.

— Ты правда обвязался с Хэлой до Йерота? — спросил Роар.

— Да.

И Роара этот поступок, когда узнал о нём поразил до глубины души. Потому что истинный брак, связанный небесной нитью, был чем-то очень сокровенным. И на деле — мысль, что могло бы не получиться, вдруг чувства одного не такие глубокие и открытые, как мысли другого?

Он бы так не смог.

— Роар, — нахмурился Рэтар, — чего именно ты хочешь?

— Чего я хочу? — удивился внезапному вопросу митар. — Простоты...

— К сожалению этого не будет, — ответил феран. — Точнее усложняем мы всё сами, разве нет?

— Наверное, ты прав...

— Прав, Роар, — отозвался тан. — Посмотри на меня и не делай так. Всё просто. Я безумно люблю женщину и всё просто до тех пор, пока я не начинаю загонять себя в угол.

— Да... да, — согласился митар, вздыхая и так и не находя в себе сил сейчас говорить об уходе. Потому что Роар поддержка Рэтара. — Пойду спасти свой отряд. Хэла приказала гулять.

Рэтар рассмеялся а Роар встал, усмехаясь. Он почти дошёл до дверей, когда Рэтар окликнул его.

— Роар, я сделаю, чтобы было проще, чем есть, — произнёс феран. — Согласен?

— Да, — повёл головой митар, согласился, но понятия не имел на что именно.

С каждым новым днём беременности, жить становилось всё тяжелее и тяжелее. Переживать и смиряться со своим состоянием было трудно, а размер живота так вообще повергал в ужас.

Милена чувствовала себя невообразимо огромной, словно кит на берегу. И эмоции — она была чувствительной до беременности, сейчас же обострение всех чувств стало просто невообразимым. Оголённые провода. А уж эти ведьмовские штуки... она рыдала по любому поводу, вот вообще по любому — радость, печаль, злость, любовь.

Даже эти простые слова Роара, что любит её, вызывали в ней такой шторм истерики, что он вообще перестал говорить это. Но думал и, божечки, скоро перестанет даже думать, потому что от его внутренних невысказанных чувств её тоже распирало и она начинала рыдать, как казалось окружающему на пустом месте и все отчаянно пытались найти причину, но в итоге делали только хуже.

В конечном итоге, Милене стало тяжело передвигаться и она просто закрылась в комнате Роара и сидела безвылазно, радуясь, что штормит её теперь только от любимого мужчины. Но он очень много времени был где-то там в доме, работал за ферана и за себя, поэтому добирался до неё порой уже в глубокой темени, когда она спала. Хотя иногда ей казалось, что делает это специально. Но и тут она думала, рыдала, а потом понимала, что пусть так, чем иначе.

А ещё душил воспоминаниями тот ужас, который пришлось пережить, когда Роар и феран ушли, когда Элгор забрал её, когда сражался, её спасая, и был ранен. А она даже верила, что убит. И потом подземелья этой царской тюрьмы. Жуткие люди вокруг. Злые, мерзкие, похотливые.

Её не тронули, только потому что было особое распоряжение от этого их короля. Но смотрели очень неоднозначно. И девушка тогда забила в самый тёмный угол камеры и очень хотела просто перестать быть здесь и сейчас.

А дальше этот... что это было? Суд? Милена даже понять не смогла, как у неё внутри проснулось столько смелости и злости в тот момент. Но она чувствовала, что их жизни закончатся здесь и сейчас, и было очень страшно, что Роара убьют, что почтенного ферана убьют, а её саму оставят и предстоящие мучения так ярко разлились красками у неё в сознании, что ей показалось самым логичным сделать так, чтобы её тоже убили.

Но Хэла их спасла.

Хэла была такая страшная, беспощадная. Милена смотрела на неё во все глаза, исподтишка, прижимаемая Роаром, который защищал её, хотя сам едва на ногах стоял. И несмотря на то, что девушка видела женщину разной, и в гневе в том числе, но тогда в чёрной ведьме была какая-то невообразимая обречённость. Будто она сжигала мосты, и было ужасно не по себе — а вдруг Хэла не вернётся?

И она не вернулась. Почтенный феран вернулся один.

Сначала Милена не обратила на это внимания. Потому что было совсем не до того.

При попытке захватить Зарну погибла Томика. Девушка во время нападения глупо решила воззвать к честности и совести всё-таки любимого ею Ворга, но была им жестоко и совершенно беспощадно убита.

Увидев тело серой на площади, перед главными воротами в замок Милена разрыдалась

и успокоится сама уже не смогла.

Видимо эта смерть стала последней каплей, хотя до того Милена изо всех сил старалась быть храброй и смелой, держала себя в руках, потому что и без её слёз было тяжело и сложно.

С площади её утащил Роар, а потом ей даже привели лекаря или мага, она так и не поняла, который дал ей какой-то травяной настой, чтобы она уснула.

И вроде бы успокоение пришло со временем, но кошмарные сны никак не оставляли. Её стала мучить бессонница, а Роар так уставал, выполняя работу почтенного ферана, что проваливался в глубокий сон, почти сразу, как ложился в постель, и не знал, что ночами она просто тихо лежит рядом, глядя в потолок.

По началу то, что митар делал работу ферана было ей понятно, но потом она стала замечать, что с таном Роара что-то не так. Да и все в доме кидали озабоченные, полные тревоги взгляды в сторону ферана — выглядел мужчина просто жутко.

Поначалу он исправно по-утрам выгуливал хараг Хэлы, но потом пропадал на весь день... Но постепенно вообще перестал выходить, а потом и пускать к себе кого-либо.

Милену задевало его состояние. Она сначала не понимала причин этого, но потом осознала — внутри этого мужчины, который всегда был таким основательным и непоколебимым, дарил ей уверенность и ощущения присутствия рядом покровителя и даже отца, была такая пропасть отчаяния и беды, он сломлен, подавлен, словно перестал жить. И никто, в особенности никто из окружавших его родных, ничего не делал с этим.

— Почему никто не хочет помочь ему? — спросила как-то раз Милена у Роара не выдержав этой гнетущей атмосферы.

— Светок, — устало повёл головой митар, тяжело вздохнув.

— Он же губит себя, он словно умирает, — не унималась белая ведьма. — Словно болеет, но...

— Как ты представляешь себе, я должен его спасти? — взвился Роар. — Он прийдёт меня ещё до того, как я до него дойду. Он даже в дурмане опасен. Особенно в дурмане.

— Почему бы не найти Хэлу. Разве нельзя? Или Тёрка? Они ведь... ну не знаю влияют друг на друга.

— Хэлу не найти, потому что он разорвал слово связывающее её призыв с фернатом. Она свободная ведьма теперь. А Тёрк... ума не приложу, где он может быть. Он при том, что так вроде бы заметен, умеет пропадать с концами.

Милена ещё хотела что-то сказать, но Роар её жёстко прервал. А потом запретил подходить к комнатам ферана и даже в библиотеку её не пускал.

И вот её стало тошнить утром, сны стали просто невыносимыми, такими, что о сне она даже думать боялась. Накатывала безумная слабость. И в один из дней Милена столкнулась с Лораной. Внутри серой было два огонька, как и у Хэлы тогда, когда был этот двор, когда она, как теперь понимала девушка, мучилась токсикозом.

— Лора, — шепнула Мила. — Ты беременна, Лора!

— Знаю, — ответила серая. — Как и ты, девочка.

Этот факт произвёл на белую ведьму такое неизгладимое впечатление, что она не могла прийти в себя несколько дней и в конечном итоге её озадаченность, паническое настроение и хворое состояние заметил Роар. Сказать ему оказалось очень тяжело. Она думала о разных реакциях. И даже о гневе, но тут...

Митар спросил от кого у неё ребёнок. Как ударил. Ей даже дышать стало тяжело,

думала, что сейчас умрёт.

Психанула, ушла от него. Не говорила с ним несколько дней, жила в комнате с Лорой. А ещё страх запрета на эту беременность угнетал, давил, делал безумной. И так было тяжело без Хэлы, без поддержки и мудрости. Чёрная ведьма уж знала бы, что вообще происходит и как с этим быть. А ещё Милена даже подумала — вот бы женщина забрала у неё этого ребёнка.

Эта мысль была такой пугающе пронзительной, что конечно привела к истерике.

И в этом бреду она почему-то поплелась к тому человеку, которому в этом доме было сейчас хуже всех.

Была пересменка стражи и поэтому Милене никто не помешал попасть внутрь комнат ферана. Тут было мрачно, тихо и холодно, несмотря на то, что на улице уже вовсю царствовала весна.

— Ты не слышала, что я запретил заходить ко мне? — спросил он хрипло.

— Простите меня, — прошептала девушка.

Она аккуратно заглянула через проём, туда, где была спальня. В этой комнате был просто невообразимый беспорядок. Феран сидел на полу, прислонившись спиной к кровати. Всегда выглядящий негибаво, прямо, опрятно, с безупречной военной выправкой, вокруг него всегда был порядок, но сейчас всего этого не было и в помине.

Здесь валялись листки бумаги и ткани, какие-то были разодраны в куски, какие-то смяты. Сам он был заросшим, диковатым, волосы и борода в беспорядке, шрам делал отталкивающе грубым, жутким.

Мила сделала осторожный шаг в его сторону, но наступила на что-то. Присев, увидела под ногами кулон Хэлы, рядом валялся листок бумаги, на нем были нарисованы хараги. Это всё были рисунки чёрной ведьмы. Какие-то из них девушка видела, какие-то нет.

— Давайте я приберусь? — она хотела собрать их.

— Не надо, — остановил её мужчина. — Не трогай.

Так же на полу было очень много мелких склянок в тёмном стекле. Они были пустые и в так же валялись везде среди творящегося беспорядка.

— Это тоже? — спросила Милена, показывая на кулон.

Он протянул руку и девушка, стараясь никуда не наступить, отдала ему драгоценность. Феран вздохнул, сжал кулон в кулаке.

Белая ведьма развернулась и уставилась на лежащий под ногами рисунок, на котором был Роар. Она очень силилась не подать виду, что её кольнуло обидой, но кажется от достоинства ферана действительно ничего нельзя было скрыть.

— Что он натворил? — спросил он у девушки.

Милена мотнула головой.

— Садись, если так хочется, — сказал феран и она обрадовалась, тем более, что голова как назло начала кружиться, видимо из-за того, что она нагибалась.

Милена села на пол, облокотившись спиной на сундук с вещами и подтянула под себя ноги.

— Похоже? — спросил феран, кивнув на помятый рисунок у неё под ногами. На нём был сам Рэтар Горан.

— Да, — ответила она. Действительно очень похож. И самое главное, что было видно, что рисовала Хэла с большой любовью, хотя конечно разбиралась в этом Милена очень плохо, это было скорее чувство.

— Что там написано?

— А? — нахмурилась Милена.

— На обратной стороне, — пояснил феран. — Полагаю ты можешь понять.

Девушка взяла в руки рисунок, разгладила его, перевернула.

— Это стихи песни, — ответила она, прочитав первые строки знакомой ей песни. —

Они на всех листках?

— В основном. Есть просто листки с записями. Где-то такие же, а где-то исписан весь листок, — и он указал на один, лежащий недалеко от Милы. — А где-то вот такие значки. Что это?

Феран показал листок разлинованный на манер нотной тетради.

— Это ноты, — ответила ведьма. — Это музыка. Она так записывается в моём мире.

Как бы знаки для обозначения звука.

— Звук можно обозначить? — нахмурился мужчина, а девушка кивнула.

Милена потянулась к ещё одному из листков, лежащего рядом. Это было что-то вроде дневника Хэлы. На том листке были мысли о том, что хочется яблочного пирога, а потом написан его рецепт. Девушка перестала читать дальше, на глаза навернулись слёзы. Это было так тепло, так удивительно нежно. Такой чёрную ведьму Милена кажется не видела, точнее видела, но не думала, что всё так глубоко и невыносимо мило.

Рядом с ней был ещё один листок. На нём не было рисунка, была только песня.

“Дайте мне белые крылья, — я утопаю в омуте,

Через тернии, провода, — в небо, только б не мучаться.

Тучкой маленькой обернись и над твоим крохотным домиком

Разрыдаюсь косым дождем; знаешь, я так соскучился!”

— Можешь прочитать ту, что на рисунке? — попросил феран.

Она кивнула и начала читать стихи:

— Я рисую жёлтых ящериц, розовых змей,

Безумные облака, в них поющих сирен.

За окном становится небо темней,

Но небо в моих руках, на гладкой поверхности стен.

Эти горы, эти реки, покрытые льдом,

Я их назвала в твою честь, небо закрыла метель.

Раскалённое выйдет солнце потом,

Здесь будут цветы и лес, скоро начнётся апрель...

Но Милена запнулась на припеве, не могла прочитать дальше, потому что по сути это было объяснение в любви, и ей самой было так больно от этих стихов и этой песни, а если она скажет это ему? Добить человека?

— А можно я не буду дальше читать? — спросила она, всхлипывая.

Достопочтенный феран сидел неподвижно, пока она читала. Когда спросила лишь едва заметно кивнул, прикрыв глаза.

— Ты болеешь? — спросил он у неё после непродолжительного молчания.

— Нет.

— Но выглядишь ты хворой. Хотя конечно не мне об этом говорить, — ухмыльнулся он горестно.

— Вам надо перестать пить эту... это... — Милена нахмурилась. — Это зелье.

— Без него я не могу спать.

Что она могла ответить? Ей было больно — его огонь был сейчас тусклым, не то что раньше, и Рэтар Горан страдал. Страдал физически и морально, а она так хотела ему помочь, но как? Он и вправду словно сдался.

— Но вы пьёте очень много.

— Потому что иначе становится невыносимо больно.

“Почему вы вернулись без Хэлы?” — хотела спросить она, но вовремя осеклась, сжалась, прикусила губу. Какое она имеет право лезть к ним в чувства.

Если бы она понимала, как работает её сила, если бы могла найти Хэлу, узнать, где ведьма. Но Милена так и не поняла ничего про себя, она была беспомощной, глупой девчонкой, ни на что не годной.

— Ты беременна? — спросил феран и она невольно вздрогнула от вопроса, сжалась, спрятала глаза.

Мужчина внимательно на неё посмотрел этими своими невообразимо красивыми глазами, как всегда смотрящими прямо в душу.

— Что тебе сказал Роар?

— Почему вы...

— Милена, — перебил он её, немного повышая голос и возвращая себе ту стойкость в манере общения, которая была ему свойственна. Тон, который не принимал возражения. — Я вырастил его, я знаю его как никто другой. Что он тебе сказал, когда узнал?

Белая ведьма всхлипнула, зажмурилась:

— Он спросил, чей это ребёнок, — и её снова полоснуло обидой.

— О, боги, Роар... — обреченно покачал головой достопочтенный феран.

Милена расплакалась, обняла живот, ей было так плохо и так горько, а сейчас как плотину прорвало. Может потому что это в ней откликалось состояние Рэтара, или может потому что она рядом с ним всегда чувствовала себя под защитой, несмотря на то, что боялась его, или нет, скорее просто очень сильно уважала, восхищалась.

Феран вздохнул.

— Я тебя освобождаю от слова, связывающего твою жизнь с фернатом.

— А? — она подняла на него заплаканное лицо, не понимая о чём он.

— Ты можешь уйти отсюда и никто тебя не найдёт. Если хочешь.

— Вы так Хэлу освободили? — и Милена не хотела говорить о чёрной ведьме, но вот сейчас сорвалась, не удержалась, пытаюсь понять.

Мужчина спокойно кивнул.

— Да, — тем не менее ответил он. — Я не прогоняю тебя, я просто даю тебе возможность выбора своей судьбы. Но помни, что детей Горанов очень сложно родить.

Белая ведьма закусила губу, а феран ещё сильнее нахмурился:

— Я знаю, что тебе очень обидно было услышать эти слова от Роара. Но перед тем, как ты решишь, что с этим делать, я тебе кое-что расскажу. Роар не умеет держать себя в руках, ты это знаешь. Он бывает отчаянно вспыльчив, натворит дел, а потом хлебает по полной. Я не собираюсь его оправдывать и если бы мог, то врезал бы ему хорошенько за такие слова. Но он сказал это от гнева на себя и на своё бессилие.

Милена кивнула, потому что понимала, хотя легче не становилось. Феран тяжело вздохнул:

— Её звали Яза. Она была из домашних. Росла вместе с нами, точнее с Роаром. Она была на тир его старше, — он улыбнулся. — Когда была маленькой, была настоящим

мальчишкой. Она всё умела делать, что делают мальчишки, а как бегала — быстрее Роара, а он самый быстрый здесь. Они были дружны, по-настоящему, знаешь. Она была именно другом, хорошим, надёжным.

Милена замерла, внутри было ожидание несчастья.

— С возрастом она перестала быть угловатым ребёнком, стала красивой девушкой. Но они с Роаром всё равно оставались именно друзьями. И близость между ними была не по любви, они были просто глупыми детьми, которые решили узнать, что это. И так как доверяли друг другу полностью, — он развёл руками. — Но конечно просто так это не прошло.

— Она забеременела?

— Да. И отец Роара о браке и слышать не хотел, хотя сам ещё в меньшем возрасте натворил подобное. И Рейнар в той ситуации требовал брака. Роар же сговорился с отцом Язы на то, чтобы выкупить её, как наложницу. Отец согласился. Назвал цену. И у Роара была возможность её заплатить. Но потом отец Язы передумал и стал просить в два раза больше. Я и Тёрк ходили к нему, договорились на то, что я плачу разницу, а он говорит Роару прежнюю цену.

— Он согласился? — немного не по себе было от этих отношений “люди, как товар”.

— Ну, Тёрк умеет быть очень убедительным, — ответил феран и Милена хихикнула. — Тёрк очень любил Язу, называл её сестричкой, а когда была маленькая — прям нянькался с ней. Роар устроил её в Кэроме, отдельно от всех остальных наложниц. За ней присматривала мать Тёрка. Мы переживали за роды. Но Яза была изарийкой, сильная, выносливая и всё прошло хорошо. Она родила крепкого и здорового мальчика. Роар любил их. Он дома не был почти, хотя был бронаром, но всё свободное время проводил в Кэроме с Язой и сыном.

Мужчина вздохнул.

— А потом началась война, долгая, затяжная, мы растянулись фронтом. Было тяжело. А Яза снова была в бремени. И она рожала хворой — горячка. Основные войска были в окружении, Роара я тогда из-за одного происшествия отправил с Тёрком в Зарну, поэтому они в окружение не попали, и поэтому, когда она рожала, он был с ней. Но помочь ей не мог. Магов не было, да и лекари все хорошие были с войском. Она родила очень слабую девочку, которая не прожила и двух дней. Да и сама Яза... — он нахмурился, было видно, что девушка была ему небезразлична. — Она протянула на день дольше. Роар был раздавлен. Похоронные обряды устраивал Тёрк. Роар хотел сына забрать в Зарну, но мальчик тоже заболел.

— Умер? — прошептала Милена утопая в горе.

— Да. Тогда я был очень благодарен Тёрку и его матери, что они не оставили Роара. А ещё было хорошо, что на войну они попасть не смогли, потому что Роар в первом же сражении полез бы на мечи и ничего хорошего из этого не получилось бы.

Слёзы текли по щекам девушки. Кажется, что всё что она умеет это только плакать, но она так и не научилась не пропускать через себя чужие беды, быть отчуждённой, смотреть со стороны. Она погружалась с головой, особенно теперь, когда стала белой ведьмой, а сейчас беременной белой ведьмой. И рассказ был про Роара, которого она безумно любила, несмотря ни на что.

— Ему страшно тебя потерять, потому что любит тебя очень сильно. И ты не изарийка — крепкая, сильная и выносливая. А его преследует страх этой потери всю жизнь. И ты даже не представляешь, как ты похожа на его мать.

— Мать Роара?

Феран прикрыл глаза:

— Я очень хорошо её помню. И когда увидел тебя в первый раз, был поражён этому сходству. Да и характером ты с ней похожа. Анэза была очень тихой, милой, со всеми приветливой и благостной. Её любили все в доме. И она была такой же маленькой, как ты.

— Но никто никогда не говорил...

— Они и не скажут, — отрицательно покачал головой мужчина.

Она почти уняла слёзы.

— Если сильно плохо от бремени — тошнит, качает, слабость, — проговорил он и Милена кивнула в знак подтверждения. — Сходи к Эке. Скажи ей, у неё есть травы или она сходит к лекарям.

— Но я... я думала, что это надо скрывать, — она наконец справилась с собой и своими мыслями. — Я же белая ведьма, серая, в смысле, мне нельзя иметь детей.

Он вздохнул.

— Если бы мы всё ещё принадлежали элату Кармии, — произнёс феран, — то Роар просто забрал бы тебя и спрятал где-то, где ты могла бы спокойно жить и растить вашего ребёнка.

— Я думала, что беременность — это смертный приговор, — возразила поражённая девушка. — Разве серые рожают?

— Милена, — глава дома посмотрел на неё очень мягким взглядом. — Да, такой закон есть. Но неужели ты думаешь, что в таком огромном мире, при таком частом явлении, как призыв, ни одна серая девушка ни разу не разрешилась от бремени под покровительством мужчины, отца ребёнка?

Она нахмурилась и мотнула головой.

— Девочка, — улыбнулся феран. — Таких детей много. Просто они живут там, где серые не считаются бездушными существами, несущими лишь беды и смерть.

— А я думала о том, чтобы найти чёрную ведьму и...

— Не вздумай, — оторвал он её резко и жёстко.

Милена притихла, постаралась унять себя.

— Сходи к Эке. Скажи, что я сказал, — она закивала. — А теперь беги.

Девушка встала и пошла к выходу.

— Милена, — позвал достопочтенный феран, — если не сможешь простить Роара и решишь уйти, то обязательно мне скажи. Я тебе помогу.

— Спасибо, — прошептала она.

— Иди, девочка.

— А можно я просто так ещё приду? — решила Милена задать вопрос.

— Не стоит, но можешь прийти.

Она улыбнулась с благодарностью, потом нахмурилась и прикусила губу.

— Знаете, — решила сказать она то, что очень сильно мучило её. — Я хотела... не знаю... думаю, что вам плохо и... Хэла... Хэла потеряла ребёнка до наказания. Вы не виноваты.

И её скрутило его сожалением и болью, которое разрослось мгновенно и заполнило собой всё пространство. Милена не знала правильно ли она поступила, сказав ему это, но ей почему-то казалось, что надо, очень надо было рассказать.

Рэтар Горан замер, опустив голову, потом повёл ею, поднял на неё взгляд полный слёз.

— Блага тебе моя хорошая, блага, — очень тихо поблагодарил феран.

Милена склонила голову и ушла.

Дошла до Эки и призналась в беременности, попросив о помощи. Экономка помогла, а ещё обняла по-матерински, и с того момента глаз с белой ведьмы не спускала.

А Роара Милена конечно же простила...

Эрона умерла внезапно и её смерть подкосила Элгора, который пока наложница с ребёнком были с ним, по замечанию Милены был совершенно другим. Не то, чтобы он перестал быть колким и дерзким, но он стал мягче.

Эрин плакал ночами и Милена, которая мучилась бессонницей, страдала вместе с малышом, слушая его плач.

— Давай я с ним побуду, — как-то, не выдержав, она пришла к Элгору в комнату и предложила помощь.

— Иди спать, — буркнул бронар.

— Я не могу, — покачала головой белая ведьма.

Элгор покосился на её живот и фыркнул:

— Тебе нужно отдыхать.

— Это тебе нужно отдыхать, — заупрямилась она, сама не понимая откуда набиралась порой вот этого безрассудства. — Я могу спать, когда хочется, а тебе можно только сейчас, потому что днём ты занят.

И это было правдой — из-за того, что феран отошёл от дел, а фернат вышел из состава элата у Изарии появилось очень много проблем и бронар уставал так же сильно, как и митар.

— Пожалуйста, Элгор. Мне не трудно. Я за ним присмотрю, попробую ему помочь, может хоть тут от меня польза будет.

Он ещё раз фыркнул, Милена видела, что убедила его и поэтому осмелилась дойти до них и протянула руки к мальчику. Тот хоть и плакал, вцепившись с отца мёртвой хваткой, но на руки к Милене всё же пошёл.

И белая ведьма его унесла. Забрала корзину, в которой обычно мальчик спал, и ушла в главную гостевую залу дома. Поставила корзину на стол и усадила туда Эрина.

— Что ты тут делаешь? — спросила Эка, которая всегда ложилась спать позднее всех и всегда обходила дом перед сном.

Милена как раз рассказывала мальчику, который с ней перестал плакать, сказку про колобка, пытаясь настроить его на сон.

— Да вот, он плачет, а я всё равно не могу спать, — пояснила Милена экономке.

— Ох, бедняга, как же Эрону жаль, — покачала головой женщина. — Блага тебе, деточка, а то Элгор никогда не попросил бы о помощи, уж и не знаю, как у тебя получилось.

— Он совсем разбит, — сказала тихо Милена, замечая, что малыш, взяв её за руку, решил-таки уснуть.

— Они все такие, — тяжело вздохнула Эка, глядя на малыша.

— Они? — нахмурилась девушка, не понимая про кого говорит экономка.

— Гораны, — ответила она. — Они верные. Это у них в крови. Даже у тех, которые вроде и виду не показывают, вот как Элгор. Рейнар всю жизнь любил первую супругу свою, мать Роара. Риван меня так сильно изводил, что продыху не давал и я знаю, что любил. Просто больно делал, по-другому не умел. Достопочтенный Эрган был такой же. Он ведь как и феран сейчас, дурманом горе заливал, когда ферина наша любимая умерла. Я уверена, что дурман этот у Рэтара как раз от отца ещё остался. Они с Тёрком у достопочтенного

Эаргана эту ящиками ящиками забирали. А он всё равно пил. У него на один ящик было ещё три.

— Стой, отец достопочтенного ферана тоже пил это зелье? Почему? Я думала, что он был жестокий и никого кроме себя не любил, — удивилась Милена.

— Не, он очень свою Вассу любил, — возразила Эка и грустно улыбнулась. — Мы все её любили.

— Васса? — Милена не слышала ни разу имени матери достопочтенного ферана.

— Её звали Клисса, достопочтенная ферина Изарии Клисса Горан, — пояснила женщина. — Но достопочтенный Эарган Горан называл её Васса. Это цветок такой, очень красивый, в горах растёт. Цветёт, как снег сходит и почти до того момента, как снова выпадает. А пахнет как, мmmm...

И экономка повела головой и улыбка стала такой нежной, очаровательной. Милена в очередной раз залюбовалась красотой женщины.

— Он её очень любил, — утвердительно качала головой Эка. — Когда она умерла, он сломался. Вот как и достопочтенный Рэтар, точно такой же был. Мы все это уже видели тогда. Он пил дурман, был злым, вечно не в себе, спал много, а когда не спал был, как цнелный. Он и так характером был тяжёлый, а тогда вообще невыносимый стал. От него весь дом прятался, если бы не Рэтар и Тёрк, то спасу бы нам не было никакого, потому что брат, достопочтенный Рейнар, он против него не шёл никогда.

— Он умер из-за дурмана? Эарган Горан? — стало очень страшно, потому что Милене очень хотелось, чтобы феран выкарабкался из этого, пережил горе или чтобы Хэла вернулась. Она так хотела верить в это, как в сказку.

— Нет, на войне погиб, но дурман конечно его подкосил, — ответила Эка. — От него очень сложно избавиться, его практически невозможно перестать пить. А Рэтар не перестанет. Если Хэла не вернётся — не перестанет.

— Неужели, но...

— Я же говорю — верные они, смерть какие, — добавила Эка. — Вот смотришь — сильные, вояки все, суровые, смерть в лицо знают, и кажется, что ну что там, девка или бабонька какая-то, что такого-то? А вот если в душу вросла, по-настоящему, то всё, до самой смерти будут в ней. Хэла в него вросла, он никого в душу к себе не пускал, ни на кого так не смотрел как на неё.

— Я думала, что он любил супругу, — Милена вспомнила рассказ о супруге ферана.

— Тейту? — сказала Эка громче, чем нужно и уснувший Эрин, беспокойно заворочался.

Обе они тшикнули и переглянулись.

— Боги с тобой, девочка, Тейту он не любил никогда, с чего ты взяла? Они друг с другом за несколько тиров брака парой слов обмолвились и всё. Более чужих людей не найти. Тейта боялась достопочтенного Рэтара до обморока. Дура, — Эка фыркнула и выругалась кажется про себя. — Не, он только на Хэлу так смотрел, с таким обожанием, что прям внутри всё переворачивалось. Эх...

— Почему она ушла? Она ведь любила его, я знаю, — спросила Милена, хотя откуда было знать об этом Эке.

— Это им только двоим известно, — ответила экономка. — Он не подарок, у него характер тяжёлый, как у отца. Хороший мужик, но... да они все бывают такие твердолобые, что слов нет. Вон митар, простила его? А надо было не прощать. А то ишь чего удумал, наговорить такого.

И она снова выругалась.

— Ты чего ругаешься в ночи, Эка? — с рабочей стороны дома вышел Мирган, но потом притих, увидев ребёнка. — Спать чего не идёшь, женщина? Уже скоро вставать, а ты никак уняться не можешь, а?

Эка улыбнулась:

— Иди, горемычный. Сейчас приду.

— Давай, шустрой, а то утащу тебя — через плечо и вперёд, — пригрозил Мирган, глянул сурово, но смешно, потом ушёл.

Эка тихо рассмеялась, и Милена поклясться могла, что экономка покраснела.

— Пойду, а то ведь утащит, — покачала она головой, потом поцеловала девушку в лоб и ушла.

Мирган перебрался к Эке почти сразу после того, как муж женщины, в очередной раз учинив скандал, ударил её и приложил старшего сына, попытавшегося заступиться за мать. Тогда брат почтенного ферана взвился до смертного возмездия.

Все думали, что муж экономки встречу с командиром не переживёт, но на деле его выпроводили из города и запретили возвращаться. Детям, как и положено, предложили пойти с отцом, если хотят. Но, даже если и были среди них те, кто отца любили, то после рождения младшей дочери, он стал настолько невыносим, пил не просыхая, грубил всем и распускал руки, что рассорился даже с ними. Поэтому все они остались с матерью.

А вскоре она разрешила быть рядом Миргану и всё у неё стало тихо и мирно. Чувства у них были потрясающе ладные и такие искренние, что смотреть не насмотреться.

Брок вернулся спустя почти лунь, после нападения на Зарну. До того он был на границе и поэтому, как вернулся и увидел отца в том состоянии, что был, сразу же сказал Роару, что уходит, чем митара вывел из себя. Тот отправил парня на все четыре стороны, но на деле оказалось, что Брок знал, где искать Тёрка, и привёл его в один день, через портал. Старший брат ферана долго церемониться с почтенным братом не стал, просто взвалил его себе на плечо и утащил из Зарны прочь. Потом вернулся, но один.

Роара всё это раздражало, но с возвращением Тёрка стало намного легче, потому что в работе ферана старший мужчина смыслил намного лучше митара. И это тоже последнего бесило.

Добавкой к нервам Роара была Милена, которая стала расти вширь, как на дрожжах, впадала в истерику на ровном месте и вообще кажется была создана только из слёз. А ещё ребёнок начал пинаться и жизнь девушки превратилась в ад.

А потом вернулся феран. Вернулся с Хэлой.

Чёрная ведьма была худой до невозможности, волосы были острижены достаточно коротко, как там вроде пикси, хотя вились озорными завитками в разные стороны, и были все в серебре седины, от неё остались только её глаза — живые, красивые, такие озорные. Мила, как её увидела, рыдать стала не столько от радости, сколько от страха за здоровье женщины. В голову влезла мысль о раке и не отпустила, пока белая ведьма не узнала о сущности кровной повязи.

Но всё же Хэла была собой — шум, шутки, песни, хаос.

Чёрная ведьма всех построила и всех привела в чувство. Потом даже легонько подзатыльник Милене дала, что белая ведьма не заметила заговор на игрушке Эрина, отчего сын бронара так сильно плакал ночами.

Через три дня после возвращения в комнату митара заглянул феран. И вот он был в полном порядке. Хотя было немного непривычно, что теперь не скрывал связи с Хэлой. Как узнала Милена, они вообще стали супругами ещё до того, как попали в эту переделку в столице.

Девушка с таким нескрываемым интересом рассматривала потрясающе красивый рисунок небесной нити, который впечатался в запястье Хэлы, словно татуировка — четыре нитки и узелок. И когда феран пришёл к ней, то у него на запястье она увидела точно такой же рисунок нити, только немного светлее, чем у Хэлы. Но может это было из-за того, что кожа у ферана была смуглее, чем у чёрной ведьмы.

— Достопочтенный феран, — она хотела встать, чтобы поздороваться, но он её остановил.

— Не надо, сиди, — она с благодарностью кивнула и села назад. — Как ты?

— Ничего, ну, точнее хорошо, я думаю, — но тут ребёнок пнул её со всей силы и хорошо быть перестало. Милена сморщилась от боли.

— Пинается?

— Да, очень, — выдавила она, пытаясь восстановить дыхание.

Он кивнул.

— А вы как? — спросила девушка, потому что хотела спросить, потому что благодарна была безгранично.

— Я определённо хорошо, — ответил ей феран, — только осталось, чтобы Хэла окончательно пришла в себя и будет отлично.

— Кажется с неё теперь никто глаз не спустит, чтобы не пропала снова, — заметила Милена. — Но она не пропадёт, ей хорошо здесь.

— Правда? — мужчина склонил голову набок и посмотрел с надеждой.

— Я вижу, — ответила Милена, точно зная, что говорит правду.

— Хорошо. А теперь вот что, — он присел возле неё. — У меня к тебе дело.

— Ко мне? — удивилась Милена, очень надеясь, что это не дело к белой ведьме, потому что она кажется никогда не поймёт, как работает её сила.

— Да, — мимолётно улыбнулся феран, видя её замешательство. — Мне нужно задать тебе вопрос.

— Я слушаю, — это напрягло очень-очень сильно, потому что лицо его стало более чем серьёзным.

— В моём мире принято, — начал Рэтар Горан, — если мужчина хочет обвязаться с девушкой, то он просит старшего мужчину своего рода пойти к ней и спросить согласия.

— Ага, — кивнула Милена, не понимая к чему он это, точнее, ну, как сказать, понимала, но не верила. Но... что?

Лицо у неё видимо было совершенно идиотское, потому что достопочтенный Рэтар Горан рассмеялся. А она очень редко видела его смеющимся.

— Девочка, — он погладил ей по руке. — Милена. Ты согласна стать супругой моего тана, достопочтенного митара Изарии Роара Горана?

— А разве я могу? — задала она дурацкий вопрос.

— Ты согласна? — спросил феран кажется так мягко, как только мог. Хотя наверное у любого другого бы уже сдали от неё нервы.

“Милка, хорош, а!” — заговорило сознание голосом Хэлы.

— Да, — выдала белая ведьма и так хотела не реветь.

— Уверена? — уточнил феран, оставаясь спокойным. — Мой тан очень... он обидел тебя, и он сделает это ещё не раз, потому что кажется держать себя в руках не научится уже никогда.

— Я люблю его таким какой он есть, — ответила она, понимая, что сейчас всё же разрыдается. Новость, блин. — И я знаю, почему он так сказал.

— Хорошо, — согласился феран. — Тогда следующее. Получив согласие девушки, представитель будущего супруга идёт к её родне. Но, с тобой небольшая проблема — твои родные очень далеко, и увы, мы не можем у них спросить разрешения. Однако, ты призыв, призыв принадлежит дому, который призвал. Но я тебя освободил. И поэтому я предлагаю тебе стать частью одной из семей ферната — Онаров или Таарганов.

— О, — Милена немного непонимающе нахмурилась.

— Это сложно, — ответил глава дома, — я понимаю, что отказаться от родной семьи и принять новую, очень тяжело.

— Нет, нет, достопочтенный феран, нет, — девушка поняла, причину его сожаления и это было невообразимо удивительно. — Я на самом деле очень много нашла здесь, нашла людей, которые очень добры ко мне, которые принимают меня такой, какая я есть, со всеми моими недостатками, со всеми этими моими слезами и истериками. Я так благодарна. Я никогда не чувствовала столько тепла и поддержки, правда.

Глава дома улыбнулся.

— Я рад. Тогда тебе нужно выбрать.

— А это важно? — спросила Мила, — Ккакая будет фамилия, в смысле семья?

— Нет, — ответил феран. — Не важно. Любить тебя от этого не перестанут.

Она задумалась, но ответить не успела. В комнату завалилось куча народа — это были Хэла, Тёрк, Мирган, Брок, Гир, Эка, Мита, и кажется ещё толпа народа была в коридоре.

— Ты начал без нас? — с укором бухнул Тёрк, а Хэла хихикнула и устроилась на сундуке с вещами Роара.

— Я ещё не начал, — возразил на это феран. — Милена выбирает дом.

Он перевёл на неё взгляд.

— Выбрала?

Белая ведьма с сомнением оглядела толпу людей, потом посмотрела на ферана.

— Онар? Можно? Нет?

— Ну, вот, — с сожалением фыркнул Тёрк, — у меня не будет белой деточки в семье.

— Возьми меня, — хихикнула Хэла. — На белую правда только головой тяну.

— Да, ведьмочка моя, ты и без всего этого часть моей семьи! — ответил ей Тёрк сгребая одной рукой. — И ты знаешь почему достопочтенный феран украдкой тебя обвязал? А?

Хэла вопросительно повела бровью.

— Потому что ты бы выбрала Таагран, я знаю, а я бы запросил от него бой за тебя, сестрёнка.

— Бой? — переспросила она и глянула на ферана.

— А то, — ухмыльнулся старший мужчина, — это когда помимо прикупа, мужики, отец или брат, будущему супругу морду чистят. Ого, знаешь, как у нас такое любят. Потому что лучше сначала набить и обозначить ценность девки, а не потом разгребать.

— А жених что не сопротивляется? — поинтересовалась чёрная ведьма.

— Нет, он не может. В том-то всё дело.

— Ох, — и Хэла и снова глянула на ферана. — Хорошо, что украдкой обвязал.

— Ну, зато мне пришлось потом разгребать, — пожал плечами Тёрк.

— Так, — отозвался Брок, прерывая их. — Про прикуп потом. Сначала дом.

— Давай, мальчик, — ободряюще кивнул старший брат ферана.

— Брок и Гир здесь, как представители дома Онар, — пояснил Милене Рэтар.

— Глава дома Войр, — присел возле неё Брок. — Но мы с Гиром имеем больше всего регалий, после него. Поэтому сегодня мы с Гиром старшие. И я хотел бы сказать тебе, что мы даём слово о том, что будем защищать тебя, как свою родную сестру. Что бы ни случилось, ты всегда можешь положиться на нас. Всегда можешь рассчитывать на нашу помощь. Вне зависимости ни от чего, мы всегда твоя семья. И мы с Гиром даём сейчас обязательство быть твоими старшими братьями, и твоими представителями в доме Онар и доме Горан. Понимаешь?

— Да, — она кивнула, глянув на Гира, потом перевела взгляд обратно на Брока.

— Мы очень рады тебе, Милена.

— Спасибо, — прошептала она с невероятным трудом, потому что силилась не рыдать.

Гир пожал её пальцы и поцеловал её в лоб.

— Держи, — Брок протянул ей что-то вроде броши, сделанной из белого металла, как будто из серебра. — Это гракт Онаров.

В круге была птица с зажатым в когтях драгоценным камнем. Сын ферана аккуратно прикрепил брошь к рукаву её платья.

— Это...

— Это гвирга, — улыбнулся Брок, подтверждая не озвученную догадку. — Это твой гракт, хотя если у Роара получится тебя выкупить, то будешь носить гракт Горанов.

— Если? — нахмурилась Милена, а Тёрк с Хэлой усмехнулись. Белая ведьма перевела взгляд на ферана.

— Но можно носить оба, — повёл головой и плечами Рэтар Горан и выпрямился.

В комнату зашёл Элгор, а с ним весьма озабоченный происходящим Роар. Было такое чувство, что его о чём-то подобном вообще не предупредили. Он осмотрелся и лицо его стало вообще невообразимо озадаченным.

— Давай, Элгор, — сказал младшему тану феран.

Тот кивнул и повернулся к Броку.

— Уважаемый первый командир отряда достопочтенного ферана Изарии Брок Онар, я, достопочтенный бронар Изарии Элгор Горан, а так же младший брат и официальный представитель достопочтенного митара Изарии Роара Горана, прошу у вас позволить моему брату вступить в брак с вашей сестрой, дочерью дома Онаров, Миленой Онар, — и Элгор посмотрел на неё, и в его взгляде было столько всего странного, что у неё перехватило дыхание, хотя у неё вообще было сейчас совсем сложно не только с дыханием, но и с соображалкой.

Милена посмотрела на Роара и там в нём столько всего было. Не понятно — рыдать он собирался или орать на всех. Он глянул на Элгора, потом Милену, потом посмотрел на ферана, изумился, понимая, что всё реально, всё так как происходит, потом уставился на Брока, который ухмыльнулся, повёл головой и развёл руками.

— Вообще, по-хорошему, в данном случае, — он указал на Милену, а точнее на то, что она в положении, и говорил невероятно серьёзно, — мы могли бы отказать, или запросить к прикупу не просто бой. Тем более, что наша сестра бесценна.

— Брок, — угрожающе рыкнул Роар.

— Жми его, мальчик мой, — поддержал Брока Тёрк и получил в свою сторону настолько уничтожающий взгляд митара, что любому бы стало не по себе, но понятно, что не старшему брату ферана.

Они с Хэлой были как фанаты на стадионе, это было так смешно, но у неё внутри было столько всего, что смеяться Милена просто не могла.

— Бой мы просить не будем, потому что не хотелось бы расстраивать нашу любимую сестру весьма помятым видом её супруга, — продолжил Брок. — Но, я хотел донести до вас, достопочтенный бронар Изарии Элгор Горан, а также до вашего брата, достопочтенного митара Изарии Роара Горана, что обижать свою сестру не позволим и в присутствии свидетелей, а также самого достопочтенного ферана Изарии Рэтара Горана, даём слово, что если наша сестра будет обижена, обвязь будет порвала, прикуп возвращён, а сестру мы заберём, призывая на свою сторону высший суд Изарии и суд богов.

— Справедливо, уважаемый Брок Онар, — спокойно проговорил Элгор, кажется останавливая тем самым очередной рык старшего брата. — Могу ли я узнать каков будет прикуп и лога?

— Мы хотим циярист и кэнарт, — ответил Брок и в коридоре пошёл гул.

Тёрк же хохотнул:

— Слышь, Элгор, подумай, дружок, засранец хочет твоё наследство. Может ну его, а? — и старший брат ферана уставился на бронара. Отец Брока лишь повёл головой. — Брок, красавчик, не зря возился с тобой. Далеко пойдёт, да?

— Решать не мне, а моему брату, — ответил Элгор и обернулся на Роара.

Милена понятия не имела о чём просил Брок, но было понятно, что это что-то очень ценное и важное.

— Ты знаешь, что цияриста здесь нет, — ответил митар. — Но он твой. Достопочтенный феран тебе его отдаст, как только запросишь. И все эти люди свидетели моего слова. Что до кэнарта...

И Роар вышел из комнаты.

— Так, объясняйте, что за хрень такая бесценная и дорохая? — спросила Хэла. — А то у меня в мире обычно сервиз бабки наполовину разбитый на свадьбу достаётся. Да бельишка постельного комплект.

Милена не удержалась и рассмеялась, вспоминая эту неотъемлемую часть любой свадьбы.

— Думаю, что циярист тебе достопочтенный феран покажет, — ответил Тёрк. — Камень такой. А вот кэнарт — это меч. Его делают каждому ферану свой. Соответственно Роару в наследство от отца достался кэнарт, который делали для Рейнара, когда тот стал фераном.

— Меч? — повела бровью Хэла.

— Ну, это не для боя меч, для церемонии, — пояснил старший мужчина. — И он дорогуций. Некоторым фернатам такой — как вся казна.

— Кто бы сомневался, что вы тут выпендриваться будете, — фыркнула Хэла, потом посмотрел на ферана. — У тебя тоже есть?

— Да, — улыбнулся Рэтар Горан. — Если хочешь его покажу тоже.

— А то, — озорно заметила чёрная ведьма. — Само собой хочу.

— Мирган, посмотри Лаар и эйол пришли? — попросил брата феран, после того, как склонился в согласном поклоне в сторону Хэлы.

Мирган вышел. Разминувшись с Роаром, который принёс огромный двуручный меч и уж не надо было быть вообще специалистом, чтобы понять, что это было очень дорого — по крайней мере ножны меча были усыпаны драгоценными камнями.

— Да, — присвистнула Хэла, — это тебе не бабкин сервиз без крышки к сахарнице, треснутой чашкой, и похереным в прошлом столетии блюдцем. И не вот это — рыбу когда ловят или полотенца вяжут.

— Что? — уставился на неё Терк, да и все, кажется.

Милена тоже вообще не поняла о чём говорила чёрная ведьма, точнее понятно, что о конкурсах этих на выкуп невесты перед ЗАГСом, но сама девушка в этом вообще ничего не понимала.

— Ну... короче, — вздохнула чёрная ведьма, понимая, что надо объясниться. — Набивается в комнату куча тёток — невеста, потом подружки её, бабушки, тётки там, кто есть и чем больше тем лучше. Каждой на палец вяжут нитку или верёвочку и протягивают под дверь. Жених тянет и если выбрал невесту, то красавчик, а если нет, то ему говорят “бери эту или откупайся” и поверьте мне — бабки знают себе цену!

И она повела головой, а люди начали усмехаться шутке.

— Или полотенце, ну ткань типа мокрая — дают жениху и говорят завяжи так сильно, как любить будешь жену, а он дурак старается, — Хэла развела руками, — а потом такие — а теперь развяжи так быстро, как будешь мириться после ссор. Вот подстава, да? А что не так — сразу плати. И вообще все эти обряды кажется везде, чтобы мужика развести, да? Хотя ох, Роар, если бы дело мне в руки дали остался бы ты с женой в одних партках.

Все рассмеялись, Роар фыркнул и отдал меч Броку.

— Блага, достопочтенный митар, — взял меч юноша, а митар поклонился ему.

И это было так странно, так непривычно. Мила видела невероятное смирение на лице Роара, какого не видела никогда.

В комнату зашел Мирган, а с ним эйол и ещё один человек, которого Милена кажется ещё ни разу не видела, но он стоял рядом с братьями ферана и было понятно, что видимо это ещё один сын достопочтенного Эаргана Горана.

— Всё, можете идти, — кивнул всем присутствующим феран.

И все покорно вышли, оставляя в комнате только Милену, Роара, самого ферана и двух пришедших мужчин.

Рэтар снова сел возле неё.

— Это тебе от меня, — протянул он ей красивое кольцо с большим зелёным камнем в тонкой, изумительно красивой огранке. — Должен был отдать Роар, потому что я обещал ему привести из Горша тебе тарис. Но... отдаю я. И с этим, я принимаю тебя в нашу семью, я даю согласие на ваш с Роаром брак, и в свою очередь, как и Брок, хочу, чтобы ты помнила, что в моём лице ты всегда найдёшь защитника и опекуна.

Милена отчаянно и с благодарностью закивала, прикусывая губу, чтобы не разреветься.

— Блага тебе, девочка, — улыбнулся ей феран и она не удержалась от того, чтобы не обнять его. Он был отцом, настоящим. И ей так хотелось верить, что её родной папа понимает её, где бы его душа не была.

— Спасибо, — прошептала она, и феран поцеловал её в лоб, потом выпрямился.

— Уважаемый эйол проведёт обряд, уважаемый Лаар Таагран внесёт запись в книги Зарны, а я или Тёрк внесём запись о браке в книгу Горанов. И ещё, Лаар. После записи с браке, внеси запись, что достопочтенный Роар Горан стал фераном Изарии, а

достопочтенный Элгор Горан стал митаром.

— Что? — кажется все трое мужчин спросили это одновременно. Только священник совсем тихо, как выдохнул.

Феран кивнул.

— А я с сего дня — тэяр Изарии, — добавил он и посмотрел на Роара. — Будь мудрым, сильным и благоразумным. Хотя бы перед тем, как всё разнести или сказать что-то в чувствах, для начала вдохни и выдохни. И так раз десять, а лучше больше. А лучше просто молчи.

И феран протянул митару руку. Роар словно завис в нерешительности, но потом протянул свою в ответ и они пожали друг другу локти, как это было здесь принято.

После того как феран ушёл, эйол повязал на запястье Роара и Милены разные концы одной синей нити. Милена не слушала, что говорил эйол, словно это был какой-то совершенно немыслимый бред.

Кажется она смирилась, что не сможет быть Роару никем кроме любовницы, она смирилась с тем, что у него может быть официальная жена, которая нужна, чтобы родить наследника. Милена даже смирилась, что когда-нибудь он полюбит эту свою жену, а белая ведьма станет не нужна. А после разговора с достопочтенным фераном приняла то, что родит, если выживет, Роару ребёнка и станет жить где-то отдельно, как вот Яза... другая женщина из его прошлого. Грустного и печального. Милена даже смирилась с тем, что тоже не выживет. Только осознание всего этого смирения и принятия пришло к ней сейчас, когда держала Роара за руку, когда становилась его женой, по-настоящему, навсегда.

Словно во сне.

Она пришла в себя только, когда закрылась дверь за вышедшими из комнаты эйолом и Лааром Тааграном, который как она теперь вспомнила, был судьёй Зарны.

— Роар? — позвала Милена так и оставшегося сидеть перед ней без движения митара.

— Мм, — откликнулся он, потом поднял на неё совершенно потерянный взгляд.

— Почему мне кажется, что тебе заставили это сделать, — она потерела нить, что была завязана на её запястье.

— Что? — он нахмурился, уставился на неё, словно не понимал ни слова.

— Ты этого не хотел, — сказала Мила и сейчас снова начнёт реветь.

Боги, как она ещё не заработала обезвоживание и сколько вообще слёз может воспроизводить её организм?

— Что? Нет, светок, — а вот теперь у него в глазах появились слёзы. Он всё-таки понял о чём она. — Нет, маленькая. Просто, когда Рэтар спросил у меня о моих намерениях, когда спросил, чего я хочу — я не думал, что так можно. Я думал, что он спрашивает о другом. О помощи тебе в родах, о том, куда я хочу отправить тебя и ребёнка... я с ума сходил думая об этом. Потому что не хочу, чтобы ты где-то была, светок. Я тебя рядом хочу.

Он взял её за запястье, где была нить, поцеловал и уткнулся лицом в её колени.

— Я люблю тебя, Роар.

Он не ответил, он лишь обнял её ноги. А она ощутила себя самой счастливой на свете.

— Милена? — улыбнулся ей теперь уже достопочтенный тэяр.

Она выбралась из комнаты, потому что Хэла ругала, что девушка проросла в кресло и что несмотря на все эти её слёзы и эмоциональные качели, всё равно надо ходить, гулять и вообще плевать на то, что там о ней окружающие думают, потому что она теперь вообще хозяйка всего этого, так что поэтому наплевать вдвойне.

Рэтар Горана она нашла в комнате, которая раньше была кабинетом Элгора, точнее бронара.

— Хэла заставляет меня ходить. И Роар, — улыбнулась ему Милена. — И я хотела кое о чём спросить у вас. А ещё счастлива, что не пришлось подниматься на второй этаж.

Он ухмыльнулся и сделал жест рукой в сторону стула, что здесь был.

— Садись. Что ты хотела спросить?

— Я просто переживаю, — девушка села. — Я же ведьма, и я теперь... эम्म...

— Ферина Изарии, — проговорил глава дома.

— Да. И разве люди не будут против? Против ведьмы супруги ферана? — она смутилась и уставилась на колени.

— Девочка, — он покачал головой и протянул ей руку через стол. Милена дала ему руку, Рэтар Горан сжал её пальцы. — Не бери в голову. Люди на самом деле, если и знают об этом что-то, то забудут очень скоро. А ещё — ты белая ведьма. Твоя сила не такая, как у Хэлы. Ты будешь влиять на погоду, на урожай, на приплод скота, на здоровье окружающих людей, на покой в доме и фернате. Ты будешь приносить благодать в эту землю, Милена.

— И я должна буду во всём этом разбираться? — она кивнула на книгу, которая лежала на столе перед мужчиной. — Я должна признаться, что плохой экономист. В смысле, я ничего в этом не понимаю.

— Не переживай, я и Элгор тебе поможем, — успокоил её мужчина. — А потом ты сама всему научишься.

— Спасибо.

— Ты не заказала себе платья? — поинтересовался Рэтар Горан.

— Нет, зачем? — смутилась Милена. — Я ведь рожу, а потом уже можно будет...

— Видишь? Уже начала хозяйственно подходить к делу, — улыбнулся он и девушка засмутилась ещё сильнее. — Но правильного цвета всё же закажи. Хотя бы одно.

— Милка моя, — крикнула Хэла откуда-то из главной залы. — Завтракать пошли!

— Иди, — усмехнулся мужчина.

Милена с улыбкой кивнула, с трудом поднялась и пошла к чёрной ведьме.

В середине местного лета случился праздник Тэраф.

Очередное безумие из выпивки, песен, костров, веселья. Когда все вокруг становятся равными друг другу и всё превращается в настоящий балаган. Судя по всему таким должен был быть и праздник Изара, но из-за напряжённой тогда обстановки, он прошёл намного скромнее и пристойнее. Но вот в честь Тэраф все оторвались.

Милена была уже такой большой, что забыла как выглядят её ноги, забыла какого это садиться, или ложиться, а потом вставать без посторонней помощи. Вот теперь она была настоящим китом на суше — тем самым, которому срочно требуется помощь, чтобы вернуться в свою стихию.

Только Милене было не помочь возвращением в океан.

Она вздохнула, попросила Роара проводить её в комнату, чтобы она могла пописать, а этим она занималась с тем же постоянством, что и кажется дышала. Дойти она не смогла. Только ойкнула и под ней разлилась страшного вида необъятная лужа.

— Что? — спросил Роар и видя недоумение Милены, а также масштаб мокрой катастрофы, резко сорвался от неё прочь.

— А? — выдавила она ему вслед, оставаясь так же нелепо стоять посередине комнаты внутри сделанной ею лужи.

Роар вернулся достаточно скоро, но с его возвращением, началось невообразимое безумие. Прибежала Мита с ведрами и кадками, в коридоре стояли кажется все мужчины дома.

— Как ты, деточка? — спросила Мита, вытирая лужу.

— Я... что? — было стыдно и накатила паника.

— Ну что, поехали уже, или можно ещё побухать? — спросила Хэла, заходя в комнату.

— Вода только пока, — сказала ей кухарка.

За Хэлой в комнату зашла Эка:

— Мила, хватает сильно? — спросила женщина, помогая Мите.

— Что? — девушка в недоумении осмотрела всех, кто был вокруг. Роар в панике, Мита с тряпкой, Хэла руки в боки и Эка озадаченная.

Она рожает?

— Ой. Нет, — ответила она, чувствуя себя странно и как-то нелепо.

— Так, походи-ка с ней, — пренебрежительно фыркнула Хэла, отдавая приказ Роару. Тот беспрекословно помог Милене встать, сделали пару шагов по комнате, как Милена поняла, что хочет в туалет.

— Хэла? — позвала она, краснея.

— Тебе плохо? — спросил Роар видя, что девушка стала пунцовой.

— Конечно не здорово, — отозвалась чёрная ведьма, подходя ближе. — Попробуй сам тут выродить. Что, детка?

— Я хочу, — Милена запнулась и стушевалась, понимая, что кажется сейчас весь дом слушает и смотрит.

— Что? — вплотную нагнулась к ней Хэла.

— В туалет, — ответила девушка одними губами, и была готова умереть и вообще всё это ужасно, чудовишно и стыдно, тысячу раз стыдно.

Чёрная ведьма приподняла бровь.

— Клади её, — скомандовала она. И Роар снова беспрекословно выполнил указание.

И вот тут накатила истерическая паника. Милена испугалась так сильно, что у неё кажется резко все слёзы высохли, да и стыд отвалился.

— Дай, посмотрю, — попросила чёрная ведьма очень мягко.

Это такое унижительное мероприятие, боже...

— Ого, — не скрывая эмоций воскликнула Эка, глядя через плечо Хэлы. — Это как вообще? Она сказала, что не хватает!

И экономка глянула сначала на одну ведьму, потом на другую.

— Думаю это "эффект белой ведьмы", — с сомнением пробурчала Хэла. — И будете мне тут мешаться, комментарии откидывать — выгоню всех.

— Хэла? — пискнула Мила, которая едва была жива от страха.

— Всё хорошо, у нас с тобой стремительные роды и как бы мне не хотелось, чтобы ты ничего не чувствовала, но придётся всё-таки твою анестезию выключить, а боль запустить, — недовольно покачала головой Хэла.

— Что такое стремительные роды? — спросила девушка в ужасе. Но сказать, что отсутствие какой-то боли не пугало её, было нельзя.

— Это значит, что я вижу голову ребёнка, — был ответ. — И сейчас будет оочень больно.

— Хэла, — тихо позвал из дверей Тёрк, хотя всё равно получилось громогласно, —

магов надо наготове держать?

— Нет, — ответила она и недовольно фыркнула. — И подите уже отсюда, ну! Всё, Милка, поехали. Если совсем не вмоготу — вот тебе муж, оторвись на нём по полной.

Белая ведьма кивнула, хотя не поняла чему именно, но в следующее мгновение её пронзила такая жуткая боль, что храбриться и терпеть, как она изначально настраивала себя и планировала, сил не было. Милена взвыла, вцепилась в Роара, что было мочи.

— Надо же какой голосина, — ухмыльнулась на вой девушки Хэла, а потом приказала: — Толкай!

Что и куда было вообще непонятно, тяжесть была дикой и совершенно невообразимой. Так не может быть, почему вообще так. Правда. Она умрёт. Точно. Вот сейчас и всё. Она зажмурилась до белых кругов в глазах.

И на всю комнату заорал ребёнок.

Милена открыла глаза.

Эка была озадачена, Мита была озадачена. Хэла ухмылялась.

— А может правда не Горан? — спросила она глядя на Роара.

— Что? — выдавил он из себя и привстал, чтобы видеть ребёнка. Милене же обзор закрывала юбка необъятного свободного платья, которое она носила последние дни беременности. Смотря на него всегда думала про парашют.

— Да шучу я, — рыкнула чёрная ведьма на Роара, который был бледным, как полотно, и тоже озадаченно уставился на ребёнка. А Милене показалось, что у неё сейчас случится нервный срыв. — Шучу. Ещё один Роар Горан вам в копилку, ну, папка вылитый. И потом даже не повернётся язык сказать, что тебя тут не ходило.

Она аккуратно завернула ребёнка в кусок чистой ткани и выложила на живот Милены. И девушка поняла почему у всех были такие лица. Это был обычный ребёнок, ну в смысле он не был большим, не был таким, чтобы всех пугать. Страшенький, перебирал ручками и был категорически недоволен тем, что его окружает. И чего такой огромный живот был?..

— Хэла, — выдавила из себя Милена.

— Это ещё не всё, — озорно закатывая глаза возразила чёрная ведьма.

— Что? — кажется Роара сейчас паралич пробьёт и тут белая ведьма осознала, почему была такая огромная.

— Это близнецы? — прошептала девушка, осознавая, что начинается новая схватка.

— Опт, — кивнула весело Хэла, — два Горана по цене одного.

— Что? — снова выдал супруг Милы.

— Ты задолбал чтокать, феран достопочтенный, ну, — закатила глаза чёрная ведьма. — Шесть обычных горановских кило пополам — это успех, я считаю! Особенно при её размере. Сектор приз на барабане! Пойди богам спасибо за бабоньку такую престранную скажи, — она ухмыльнулась и глянула на Милену. — А теперь ещё раз.

И снова стало жутко больно. Из глаз полились слёзы, а ещё внутри разросся страх, потому что Милена была одной из близнецов, и она выжила, а её близнец нет. А если у неё будет так же?

Она потужилась ещё, потом ещё.

Ребёнок родился, но не плакал. Он не плакал какое-то невообразимо долгое количество времени, по крайней мере Миле показалось, что эта тишина длится вечность.

А главное она видела тени, видела, только сейчас поняла, что они их окружают, они везде, во всех углах комнаты, вьются по стенам, тянутся к ним. Они пришли забрать её

ребёнка и с ней случилась бы истерика, если бы Хэла не цыкнула, а ребёнок, что был у неё в руках, не закричал ещё сильнее, чем первый.

— Врёшь, — проговорила чёрная ведьма, — ты у меня будешь всеми командовать, солнышко. И с таким голосом петть будешь обязательно.

— Это дочка? — выдавил из себя Роар, который напрочь потерялся и перестал соображать.

— Дочка, папочка, — и Хэла что-то там сделала, потом отдала ему ребенка в чистой тряпке. — Грей давай, а то она поменьше брата будет.

Девочка оказалась у Роара за пазухой и лицо его стало таким невероятно обезумевшим и тем не менее счастливым, что Милена не смогла больше сдерживаться и разрыдалась.

Всё что было потом, она уже помнила с трудом. Женщины ещё суетились вокруг, помогали закончить роды, были ещё схватки, ещё крутило и мутило.

Хэла как-то смогла приложить обоих детей к груди Милены, как то умудрилась вымыть их, запеленать.

И это счастье, такое невообразимое и такое нереальное, накрыло до обморока. Она разрешилась от бремени, она жива, живы её дети!

Милена больше не смогла бороться с собой и своей усталостью. Последнее, что она видела, это что над горами, в окне взошёл светок — утренняя звезда. Потом сон забрал её и проспала белая ведьма почти целые сутки.

— Как назовёте? — спросила Хэла, когда пришла проведать их после пробуждения Милены.

— Мы думали, что будет сын, — отозвался Роар, который не отходил от жены всё время пока она спала — к нему сон не шёл. Он сидел и смотрел на двоих детей в корзине и лицо было таким удивлённым, что смешно становилось.

— Рейм, — ответила Милена, потому что это они обсуждали.

— А дочь не ждали? — недовольно покачала головой чёрная ведьма.

Роар и Милена переглянулись.

— Как тебя на самом деле зовут? — спросила девушка у Хэлы.

— Э, нет, — категорически заупрямилась она, понимая к чему идёт дело. — Не скажу, да и не подойдёт. В нём буквы горановской нет.

— Дай ей имя, Хэла, — попросил Роар.

Женщина тяжело вздохнула, но он дал ей на руки девочку.

— Хэла, дай, — присоединилась к просьбе Милена.

— А если не понравится? — поинтересовалась женщина.

— А ты предложи, — возразил Роар.

— Рада, — сказала Хэла.

— Рада? — переспросил он.

— Рада — это радость, — улыбнулась Милена.

— Ну вот, а ты упрямилась, — сказал Роар и обнял Хэлу. — Блага тебе, родная.

— Да ну вас, — фыркнула Хэла и Милена видела, что её пробрало до слёз.

Она отдала девочку отцу и, покачав головой, пошла к дверям. Там стоял улыбающийся Рэтар Горан, он переглянулся с ними, повёл головой, и обняв Хэлу, уткнувшись в него вышел. И Хэла, видимо так и не сумев совладать с эмоциями, расплакалась.

— Ты чего? — спросил у Милы Роар.

— Всё хорошо, — ответила она, обнимая его, когда он сел рядом и поцеловал её в

голову.

И действительно было невообразимо хорошо и она даже подумать не могла о таком в самом начале.

Эпилог I. Рэтар и Хэла

Хэла сдалась, взяла на руки Рейма и вышла с ним из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Милена спала, рядом с ней спала и Рада, а вот мальчик спать ни в какую не хотел.

Женщина прошла с ним в библиотеку, где сейчас был Рэтар. Он поднял на неё глаза и, увидев мальчика, вздохнул.

— Не спит?

— Он как вы, достопочтенный тэяр, — улыбнулась Хэла и подошла к мужчине, который изучал карту Изарии.

— А Рада?

— Она спит без задних ног, — ответила чёрная ведьма. — Просто пока сестра всех достаёт днём, кто-то спокойно тусуется сам с собой, а потом ночью активная барышня спит, а молодой человек решает, что теперь можно и пообщаться с окружающими.

— Просто днём Рада перетягивает на себя всё внимание, — согласно ухмыльнулся тэяр.

— Что ты делаешь? — спросила его супруга, нахмурившись на весьма подробную карту Изарии, точнее на одну её часть.

— Пытаюсь сделать так, чтобы Милене было легче разобраться в делах, — пояснил глава дома. — Это одна третья карты Изарии. Здесь обозначено всё, что у нас есть.

— Видал, Рейм? Это всё будет твоим, дружок, — смешным тоном произнесла Хэла, чем вызвала радость на лице мальчика.

Прошло пять луней с момента рождения детей. Рейм был спокойным и тихим, разве что ночами спал не очень хорошо. Часто просыпался, если был один. Хэла даже настояла, чтобы спали они вместе с Радой, после чего стало легче, но засыпал сын Роара и Милены всё равно дольше сестры. Его приходилось укачивать на руках и уже потом подкладывать под бок к Раде.

Сестра Рейма в свою очередь была капризной и неугомонной. Ей нравилось, что все с ней носятся, с рук она в течении дня не слезала, эксплуатируя всех подряд — мать, отца, Хэлу и всех танаров по очереди, начиная с Рэтара и Элгора, заканчивая Гиром. А ещё конечно были Брок, который её просто обожал, Эка, Мита, серые. В общем нянек была тьма, а маленькая феринина была просто счастлива от такого количества обращённого на неё внимания. И засыпала, в отличии от брата, сразу как только голова её касалась постели.

— Давай его мне, — и Рэтар забрал у Хэлы мальчика.

— Это Зарна? — указала женщина на обозначенный на карте замок, тэяр кивнул. — А это что?

В горах, окруженное лесом, было какое-то строение, рядом водопад, недалеко небольшое селение.

Мужчина нахмурился, склонил голову, потом кивнул:

— Это Халовкино гнездо.

— Халовка — это птичка, что весной всех доставала? — вспомнила чёрная ведьма.

— Да, всё верно, — усмехнулся тэяр. — Я и забыл про этот дом.

— Как можно забыть про дом? — Хэла в свойственной ей манере, подбоченилась и приподняла бровь, чем очень позабавила Рейма.

— Это маленький охотничий дом, его запечатали при Рейнаре, потому что он охоту не

любил, я тоже не люблю, — и Рэтар развёл в стороны руками, точнее одной рукой, потому что во второй был мальчик.

— Запечатали? — уточнила Хэла.

— Магическая печать, — пояснил он, — чтобы никто не попал внутрь, кроме Горанов, или магов. Внутри должно быть так же как и в тот момент, когда на дом наложили печать.

— Хм, — хмыкнула ведьма и нахмурилась.

— Хочешь завтра посмотреть? — предложил тэяр.

— Правда?

— Да.

— Хочу, — оживилась Хэла и повела плечом, чем в очередной раз вывела Рэтара из равновесия.

С утра они вдвоём вошли в портал и вышли, оказавшись в круглом основании башни, на уровне второго этажа. Открытый пролёт вёл в широкий коридор, с дверьми, заканчивался массивной лестницей, ведущей вниз, а ещё была небольшая добротная лестница посередине, и вела наверх.

Выйдя из помещения портала Хэла фыркнула и обернулась на Рэтара.

— Маленький охотничий домик? — спросила она с сарказмом.

— Да, — ответил ей супруг, но уже понял, что очень зря.

— Нет, достопочтенный тэяр, охотничий домик — это изба, собранная из брёвен, раза в три больше этого вот помещения, — проговорила ведьма и показала рукой в сторону портала.

И ему сразу захотелось оправдаться, как это обычно бывало, когда она вот так начинала выдавать какие-то одной ей ведомые непреложные истины.

— Раньше он был меньше, — попытался сделать это мужчина.

— Во сколько раз? — уточнила Хэла и стало понятно, что оправдываться не имеет никакого смысла.

Рэтар рассмеялся и открыл ближайшую к ним дверь.

Это была комната чем-то похожая на ту, которую занимал он, точнее теперь уже они вдвоём, живя в Зарне. Спальня, небольшая рабочая часть, со столом, диваном, креслами, дальше дверь в чистую, а в стене, ближней к двери, пролёт и лестница вниз.

— Одна эта комната, как моя квартира, — буркнула себе под нос Хэла.

— Пошли, — Рэтар, усмехаясь над ней, протянул руку и помог спуститься по винтовой лестнице вниз.

Тут была полноценная рабочая комната — стол огромный, стулья, книги на полках стеллажей, карта Изарии во всю стену, кушетка, шкуры на полу.

— Твою ж, — фыркнула ведьма.

— Хэла, — примирительно сжал её пальцы мужчина.

Потом потянул в дверь, что вела из рабочей комнаты. Там была гостевая зала.

— Это было с самого начала, — пояснил тэяр. — И вот та часть, — он указал в пролёт, где был длинный обеденный стол, стулья, а дальше стряпная. — Больше не было ничего. Этот дом строили очень давно, и раньше охотники спали в этой комнате прямо на полу. А потом отец моего данэ этот дом перестроил. Он был не воином, а строителем. И его увлекали разные решения, которые делали жизнь удобнее. Надстроил второй этаж, сделал лестницу, — и он указал в сторону кухни, где Хэла видела основную лестницу, — подводы с горячей водой.

— Что с горячей водой? — пока Рэтар говорил, Хэла осматривалась. Вид у неё был такой странный, мужчина никак не мог понять, какие эмоции она испытывает, оказавшись здесь. Кроме недовольства тем, что домик оказался не маленьким и вообще, как можно было о таком забыть.

— Да, тут можно набрать из подвод горячую воду, которая идёт из земли, — ответил ведьме тэяр. — И они же обогревают дом.

— Подводы — это трубы?

— Трубы?

— Да, — Хэла прошла в стряпную. — Это — кран. Это — труба.

Она указала на выходящие из стен подводы, точнее трубы, которые заканчивались перекидами.

— Хорошо, трубы так трубы, — согласился Рэтар. — Пойдём?

И под бухтение Хэлы, которая правда ворчала, как мужчина уже понял, вперемешку с восхищением, они вышли на улицу и отправились в сторону водопада.

Тут уже её проняло, впрочем самому Рэтару тоже стало странно, что он забыл об этом прекрасном месте. Последний раз он был здесь, когда ему было тиров шестнадцать.

— Она тёплая? — воскликнула женщина радостно.

— Да, — подтвердил тэяр.

— А там глубоко? — поинтересовалась Хэла.

— Хм, — нахмурился Рэтар, пытаюсь вспомнить, но тут же был толчком отправлен в воду.

— Хэла, — шуточно рыкнул он, выныривая.

— Так глубоко? — уточнила ведьма снова.

— Проверишь? — спросил тэяр и подтянувшись, ухватил её за ногу и тоже скинул в воду.

— Рэтар, — в негодовании фыркнула она, пытаюсь вынырнуть, но с этим он ей помог.

— Нахлебалась? — спросил мужчина, к сожалению хоть Хэла и научилась плавать, используя своё умение управления водой, но всё равно одна в воду старалась не лезть, а попадая в неё всё равно хваталась за всё подряд, боясь утонуть. — Зато теперь не только я мокрый.

— Это вообще не было проблемой, — ответила она, всё же не злясь на него и давая себя обнять. Хэла теперь в совершенстве могла высушить всё, что угодно, всего лишь приказывая воде отделиться от, в данном случае, ткани.

Потому несмотря на уже глубокую местную осень, купание в одежде было славным детским озорством. А вода была просто прекрасной, впрочем как и погода.

Хэла была в невероятном восторге от места, её накрыло чистой радостью, словно ребёнка. Лес, водопад, озерцо это! Водопад был всего метра три высотой, но горячий. Вода выходила и остывала до комфортной для купания температуры. Было тихо и мирно. Дно было каменистым, но не болезненно острым, уровень воды ей был по шею, Рэтару по грудь.

— Тут что нет людей? — поинтересовалась ведьма.

— Там дальше, как и было на карте, поселение лесорубов, и дом смотрителя предгорья, — ответил Рэтар и поцеловал её.

Их, несмотря на время проведённое вместе, всё ещё каждый раз уносило от проявления нежности друг к другу, словно они смогли прикоснуться к друг другу впервые только вчера. И оба они наслаждались этими эмоциями, не останавливали себя, растворялись друг в друге.

Так случилось и сейчас.

Дом был красивым и снаружи. Башня, в которой был портал, делала его асимметричным, но это придавало ему очарования. С двух сторон стены заросли местным видом плюща, делая дом таким невероятно уютным и милым.

— А зачем в охотничьем домике кабинет? — поинтересовалась Хэла, когда они вернулись в дом и, поднявшись по основной лестнице, попали в коридор.

Рэтар стал показывать остальные комнаты, которые были достаточно однотипны, меньше той первой и различались лишь цветом внутренней отделки — в основном синий и его оттенки, как главные цвета дома Горанов.

— Потому что башню, портал, кабинет, — пояснил Рэтар, когда они почти дошли до той самой первой комнаты, самой большой в доме, — строил мой данэ. Во время строительства Трита, он жил здесь. И для себя же сделал портал.

— Дай угадаю, — хихикнула Хэла, заходя в комнату. — Он прятался здесь от своей супруги? Твоей матэ?

Мужчина рассмеялся, подтверждая её догадку.

— Из воспоминаний твоего отца знаю, что она была совершенно жуткой тёткой, — улыбнулась ведьма, подходя к окну. — Ого, тут окна как в главной зале Зарны. И я её вижу отсюда. А оттуда этого дома не видно.

— Потому и Халовкино гнездо, — Рэтар подошёл к ней и обнял, целуя в макушку, — потому что незаметное.

— Мы его снова запечатаем? — спросила женщина, и он мог поклясться, что в голосе было сожаление.

— Хочешь, можем остаться здесь жить, — проговорил тэяр в волосы супруги, улыбаясь совершенно очевидному, как он чувствовал, решению.

— Надолго? — поинтересовалась Хэла.

— Навсегда, — ответил Рэтар.

— Навсегда? — ведьма повернулась и положила руку ему на грудь.

— Точнее, когда будем в Изарии, потому что я хотел показать тебе Сцирцу, и собирался предложить отправиться в Соёлт, когда станет холодно, — Рэтар накрыл её руку своей. — Если тебе этот дом нравится, то мы можем здесь жить. Можешь изменить его, как тебе хочется. Надо будет взять кого-то из домашних, или если хочешь, даже лучше, кого-то из серых. А ещё можно предложить Генту и Лоране, чтобы они жили здесь. Я знаю, что ему трудно в предлесье, и я не говорю о Лоране, она там одна с ребёнком, пока Гента нет, а тут ей будет лучше, и тебе. А ещё харагам тут будет хорошо, лес их дом, и хангу твоему.

Хэла, пока он это говорил, смотрела на его руку, поэтому её лица он не видел. Но, когда он договорил, ведьма всхлипнула и Рэтар понял, что она плачет.

— Что? Хэла? — он нагнулся и, взяв её за подбородок, поднял голову так, чтобы видеть лицо и глаза. — Что я сказал не так, родная?

Но она не ответила, лишь мотнула головой. А Рэтар горестно вздохнул:

— Это опять там в этой любимой моей голове мысли всякие ползают? — догадался он о причине её слёз. Дарить ей подарки было так же сложно, практически нереально. Платья серые с боем заставил сменить, а тут дом...

— Прости, — выдавила Хэла и уткнулась в его грудь, рыдая уже по-настоящему.

Рэтар рассмеялся, нежно прижимая к себе супругу.

— Простоты не понимаешь, — проплакала она в него. — Не понимаешь, что сейчас

делаешь.

— Что? — спросил он, всё понимая.

— Я очень тебя люблю, очень-очень, — ответила на его вопрос Хэла.

И ей было отчаянно хорошо, она не верила, что так бывает, постоянно говорила себе, что вот оно, смотри, но всё равно не верила.

Боги, он ей дом предлагал, он не забыл даже хараг!..

И у Хэлы сил не было всё это ему сказать. Только чистейшая эмоция.

— Несносная ты моя ведьма, — рассмеялся ей в макушку Рэтар.

Его наполняло хрупкое очарование, когда она была такой. Но это было, как поток воды, от которого не спастись. Потому что её такие скромные чувства, делали его беспомощным, обезоруживали. Но он уже знал, что можно было с этим сделать, знал, как вернуть Хэлу обратно, чтобы она не погрузилась вот в это копание в себе, чтобы не думала о том, чего на самом деле достойна, и что то, что он делает для неё — это слишком.

Рэтар был упрямым, он был уверен, что это он в ней исправит или, по крайней мере, сделает так, чтобы она научилась принимать это как должное, потому что он мог подарить ей мир, и сделал бы, но ей нужен только он сам.

И тут Рэтар себя каждый раз колол нещадно, потому что у него было так же как у неё — он тоже копался в себе, пытаясь найти, чем её такую невероятную и удивительную для себя заслужил. Однако это понимание, что делает её счастливой, грело невероятно.

— Для начала надо проверить, насколько хорошо сохранилась мебель, — проговорил он в неё и тут же пробудил интерес и недоумение, а когда она подняла на него озадаченный взгляд, поцеловал, и запустил возбуждение.

Взяв на руки, бросил на кровать и накрыл сверху.

— Рэтар, — попыталась возразить Хэла, но уж этого он ей не дал сделать. По крайней мере сейчас, потом можно будет поговорить, когда её отпустит и она станет мягкой и податливой после близости.

Конечно Хэла была в восторге от предложения Рэтара. Дом был её мечтой, а такой как этот, огромный и добротный, тёплый и уютный, с людьми, которые дороги — несбыточной, далёкой и нереальной.

И она знала, что если бы захотела, как настаивал Роар, остаться в Зарне или отправится жить в Трит, то получила бы то, что попросила. Но ей нравился охотничий дом и в семье его очень быстро в шутку стали называть Хэловкино гнездо.

Гент и Лорана перебрались к ним. Ещё до рождения детей Милены и Роара, почтенный Рэтар Горан отпустил серую и воина, и они обосновались в предлесье, но конечно, когда тэяр предложил жить с ним и супругой в Халовкином гнезде, Гент отказывать не стал. И ему и Лоране было намного лучше в обществе близких людей, чем одним в лесу, тем более, что даже если и были там люди, серой они всё же сторонились.

Глерн, сын Гента и Лоры, рос тихим, серьёзным и вдумчивым мальчиком. Очень похожим на отца и помимо его, явно старающийся соответствовать главному мужчине дома — почтенному тэяру Рэтару Горану.

Ещё Хэла забрала из Зарны Солу. Девушка была счастлива быть с чёрной ведьмой, которую обожала.

Правда из-за того, что все женщины в доме были призывом, готовить по-началу пришлось Генту и Рэтару, но потом к ним перебралась старшая дочка Эки, Шеята, которая прекрасно готовила и была счастлива, что ей дали возможность самостоятельно царствовать

на кухне, да и не просто какой-нибудь, а кухне обожаемого всеми достопочтенного тэяра Горанов.

Конечно, когда Рэтара и Хэлы не было она появлялась в Халовкино гнезде реже и совершенствовала своё мастерство поварихи, помогая готовить Мите.

Тэяр Горанов и его супруга, к неудобству Роара, который вероятно очень хотел рассчитывать на помощь своего тана, дома не сидели. Они постоянно где-то пропадали — Соёлт, Ринта, остров Гор-Эят, и так далее.

Хэла была в восторге от их путешествий. Оказалось, что ей не так уж и нравится сидеть дома, точнее если рядом тот кого безумно любишь и с кем невероятно комфортно и спокойно, то дом можно найти, где угодно.

Они даже в Налут пару раз сбегали и жили дикарями на берегу моря в той самой "хижине Фреда".

Безусловно они сталкивались друг с другом. Чаще всего из-за воспитания, из-за разного восприятия трат, из-за разного менталитета и воспитания, но всегда говорили и находили компромиссы, и несмотря на то, что ссоры частенько были весьма мощной прелюдией к сексу, но ни Хэла, ни Рэтар не считали близость решением проблемы, поэтому если и бывало, что проблема зацикливалась, то они всегда находили решение. К н и г о е д . н е т

А ещё каждый из них был занят своим делом — Рэтар переводил труды по стратегии и военному делу, а в итоге Хэла решила, что ему просто необходимо написать что-то самому, потому что он был невероятно талантливым тактиком, стратегом и конечно мечником. Нечего было добру пропадать, считала супруга и даже рисовала для книги схемы и иллюстрации.

Ещё тэяр занимался восстановлением популяции ферганов. Вскоре купил трёх зверей на другой стороне оборота, как тут назывались основные части мира, для того, которого они с Хэлой по сути украли у драгов Фары. И один из ферганов всё же должен был принести потомство.

Сама она посвятила себя обучению детей рисованию, пению, езде верхом. В том числе очень сдружилась с Цэрой Таагран и помогала ей с детьми, оставшимися без попечения родителей.

Так же Хэла занималась приручением алагана, планируя в дальнейшем всё-таки развести их, чтобы выпустить на волю, дабы вернуть этого красивого зверя обратно в Изарию.

А ещё много рисовала, создавая прекрасные альбомы по растениям и цветам Изарии, а так же экспериментировала с красками и даже мастера тонкого дела учились у неё делать эскизы своих будущих работ.

* * *

— Что? — спросил Рэтар, когда Хэла подорвалась в кровати уже на рассвете Изара и уставилась ведьмовским взглядом в закрытую дверь.

— Ох, — вздохнула она, приходя в себя и падая обратно на подушку. — Рада, я знаю, что это ты. Иди сюда, детка.

Тэяр тоже вздохнул.

Дверь тихо отворилась и в темноте проёма показалось светловолосая головка Рады. Детям Роара и Милены скоро должно было исполниться по пять тиров и они должны были пройти обряд имянаречения. Они были очень похожи друг на друга внешне, но характеры

были совершенно разные.

Уже в один тир стало понятно, что Рада ведьма, и все вокруг очень старались сделать так, чтобы ведьмовские способности не мешали ей жить. Девочку магически запечатывали почти каждый тир, потому что ребёнок, который способен вызвать целый ураган, был проблемой. А ещё Рада, как и Хэла, умела перемещаться в порталах без трифов. И судя по всему в будущем сможет перемещаться без порталов вовсе.

В последнее время она очень часто заявлялась в дом к танарам, проходя через портал и никому об этом не говоря. При чём печать на портале делу никак не помогала — Рада обходила печати стороной.

Безусловно это вызывало у всех тревогу — пропавший в неизвестном направлении ребёнок это ужасно, особенно, если пропадает он среди ночи. Бывало, что приходили они вдвоём с братом. Но сейчас она была одна.

— Рада, — покачал головой Рэтар, когда девочка зашла внутрь.

— Прости, танар, не ругай меня, — зашептал девочка.

— Я не ругаю, милая моя, — он протянул к ней руку и она радостно подбежала, забираясь к ним в постель. — Я расстроен, потому что тебя будут искать. Будут переживать.

— Твои мама и папа будут очень опечалены, — проговорила Хэла, когда Рада уткнулась ей в плечо.

— Мне приснился очень страшный сон, а Рейм спал, простите... — стала оправдываться девочка.

Рэтар и Хэла одновременно вздохнули и переглянулись, улыбаясь этому.

Конечно спать они уже не смогли, конечно утро, которое было для них двоих временем, чтобы побыть вдвоём, поговорить, погрешить... было сегодня под властью маленькой неугомонной ведьмочки.

Рэтар встал и оделся, поцеловал Хэлу:

— Пойду, испеку лепёшек, — проговорил он шепотом.

— Угу, — отозвалась супруга.

— А можно я с тобой? — спросила Рада, которая до этого момента тихо лежала в постели с закрытыми глазами.

— Можно, — тихо рассмеялся тэяр и протянул обрадованной девочке руки.

За Радой в завтрак пришёл Эрт, потому что Хэла отправила весть в Зарну, что дочь ферана в Халовкином гнезде. Девочка с неохотой, но отправилась домой, и перед уходом ещё раз попросила у всех прощения за вторжение.

Лорана, глубоко беременная уже третьим ребёнком, с сожалением покачала головой.

— Что-то не так, — сказала она, но встретившись взглядом со своим супругом, поняла, что лучше больше ничего не говорить.

Впрочем Рэтар и Хэла и сами понимали, что происходит что-то не очень правильное и, как и Лора, тревожились из-за этого.

— Пишешь или рисуешь? — спросил тэяр заходя днём в комнату, где его супруга, что-то делала, сидя за столом.

— Пишу, — ответила Хэла.

Рэтар сел рядом со столом в кресло, положив руку на столешницу и подперев кулаком щёку.

Он мог прочитать то, что писала Хэла. Благодаря тому, что Милена прочитала ему строки из песни, написанной на обратной стороне нарисованного ведьмой его портрета, он

смог сопоставить значки, которыми это было написано и язык, который, благодаря магии, остался его языком. Ну, а дальше смог прочесть и всё остальное. Точнее прочёл пару песен и стало так больно, что хоть вой, поэтому больше читать ничего не стал. Да и Хэлу уважал, поэтому не лез в её мысли, изложенные на бумагу.

— Когда пишу, знаю, что я в норме, — ответила ему супруга, словно отвечая на немой вопрос.

Как-то она говорила, что это помогает ей оставаться в себе, потому что несмотря ни на что, она всё ждала, что снова сойдёт с ума.

Поэтому Рэтар вздохнул.

— Хэла, с тобой всё хорошо, родная, — проговорил он.

Она качнула головой, потом тоже положила руку на столешницу и легла на неё так, чтобы лицо её было ближе к Рэтару. Ему было сложно понять, но сама женщина точно знала, что страх однажды снова потерять разум будет с ней теперь до конца дней. И пусть это останется лишь пустой тревогой — она будет в этом случае просто счастлива. Лучше ждать плохого, быть готовым к встрече с ним и не встретится, чем оно неожиданно случится и всё разрушит.

— Знаешь, я как-то ходила на групповую психотерапию. Тогдашний мой доктор считал, что это лучше, чем таблетки. Кому как, но мне нравится толпа, когда в ней можно затеряться, а не когда эта толпа пытается со мной говорить, — тихо начала Хэла. — Чтобы ты понимал — собираются люди с проблемами и об этих проблемах рассказывают. Там был бывший военный. Он на войне маленько скипел. Он из раза в раз рассказывал одни и те же жуткие рассказы из войны, и я вообще не понимаю, как его с этой чернухой пустили к людям с нестабильной психикой. Но дело было не в рассказах. Дело было в том, что он сидел рядом со мной, точнее каждый раз, намеренно садился рядом. И боги с ним, сидел и сидел, но он щёлкал суставами пальцев.

Хэла недовольно сморщила нос.

— Отвратительный звук в принципе, а он делал это постоянно. И меня это не просто злило, во мне просыпалось желание убивать. И как-то у меня от его щелчков, щелкнуло в голове, — Хэла вздохнула. — Я взяла маникюрные ножницы, это такие которыми ногти стричь, и они маленькие и очень острые, и воткнула ему в руку, пригвоздив её к его ноге.

Рэтар невольно прищурился.

— Да, неприятно мягко говоря. Но ему было пофиг, потому что он из-за травмы не чувствовал боли, а так как там все психи, то и мне ничего не было. Врача мне дали другого, а этот дал таблетки, и сказал, чтобы не ходила на групповую психотерапию. Ура! — шёпотом прокричала она. — Но суставами пальцев при мне лишний раз лучше не щёлкать.

Рэтар улыбнулся:

— Понял. Не буду.

— Понимаешь, Рэтар, маникюрные ножницы это фигня, а сейчас я же могу потерять контроль и молнией вдарить, — лицо её стало очень печальным и обеспокоенным. — Я могу убить нечаянно. Поэтому боюсь, что щёлкнет, до того, как я пойму, что вот-вот прорвёт...

Он нагнулся и обняв её одной рукой поцеловал в щёку:

— Я просматриваю за тобой, любимая.

— Хорошо, — улыбнулась Хэла в ответ.

— Ещё я хотел предложить — чтобы Рейм и Рада не бегали к нам, когда им вздумается, можно, при условии хорошего поведения, оставлять их у нас в доме на какое-то время, — он

увидел в глазах Хэлы заинтересованность. — Дней на пять каждый лунь, можно освободить им комнату под крышей. Пусть Роар и Милена отдохнут, а детям так будет лучше.

— Рэтар, ты правда не хочешь ребёнка? — спросила Хэла, хотя как-то один раз он уже оборвал её на начале этого разговора.

— Хэла, — вздохнул Рэтар, хмурясь.

— Мы могли бы попробовать ещё раз, — прошептала ведьма.

— Мы не будем пробовать, родная. Это слишком рискованно и риск этот не оправдан, — он вздохнул и погладил её по волосам, потом провёл пальцем по щеке.

Первая потеря потонула в безумии событий, случившихся после. Но была и вторая... И Рэтар чуть не сошёл с ума тогда.

Хэла однажды просто не спустилась утром, он нашёл её после, привычной для него, тренировки трясущуюся, как в ознобе, в постели. Она сказала, что это кровавые дни, но это были не они... Мужчина отправил за Верлеасом, который был единственным магом, которому доверяла Хэла.

Маг помог ей, но сказал Рэтару, что бремя и рождение вполне возможно для неё недоступно, более того опасно для здоровья и жизни. Дело, по мнению Верлеаса, было в её магической мощи.

Но причины Рэтара не очень волновали, потому что Хэла после потери ребёнка на его глазах погрузилась в такую неподъемную тоску, что невозможно было смотреть на неё без слёз.

Хэла замкнулась в себе и потерялась где-то внутри своего горя. А у него не получалось даже достучаться до неё. Он пытался, так отчаянно пытался что-то сделать, но безуспешно. Рэтар был готов выть.

Из любимой женщины ушла краска и жизнь, она перестала нормально спать, есть, даже говорить...

Когда Рэтар, да и все отчаялись, помог Трой.

Сын Элгора обожал Хэлу. И несмотря на любовь, которую она испытывала к Рейму и Раде, но Трой был словно единственным таким важным и незаменимым. И мальчик чувствовал это, тянулся к Хэле, как ни к какой другой женщине из его окружения. Она стала заменой его матери. И Рэтар знал, что смущалась этому, потому что очень трепетно относилась к чувствам отца мальчика.

Но тан Рэтара был не против. Как-то незаметно для всех эти двое стали невероятно близки. Нет, Элгор и Хэла продолжали ругаться так, что дом сотрясался. Порой казалось, что ещё немного и чёрная ведьма уничтожит ставшего митаром Элгора, но при этом доверие друг к другу у них было безусловным и непоколебимым.

Вот и Трой — он просто пробрался к Хэле как-то в один из её ставших уже такими привычными тягостных, горесных дней, сказал, что соскучился и попросил спеть ему.

И Тёрк с Элгором, искавшие мальчишку, услышали наконец пение Хэлы. Такими замершими у дверей их с супругой комнат, Рэтар мужчин и нашёл.

— Я бы покривил душой, если бы сказал, что не хотел бы, чтобы по этому дому бегала такая, как ты, маленькая озорная девчушка. Но нет, Хэла. Я и подумать не могу, что это может стоить тебе жизни, и я не хочу, чтобы ты прошла через потерю снова, если такое случится. А детей вокруг нас предостаточно. Не думай об этом, девочка моя.

— Милена ненавидит меня за то, что Рада такая, как я, — проговорила женщина. Ей было понятно раздражение белой ведьмы, потому что матери всегда сомневаются в себе, а

когда твой ребёнок привязан, по их мнению к кому-то больше, чем к родной матери, это вообще причиняет боль, и на уверенность в себе точно положительно не действует.

— С чего ты взяла, что она такая, как ты? — спросил Рэтар, улыбаясь.

— Что?

— Она вылитый отец в детстве.

— Роар? — удивилась Хэла.

— Да, — подтвердил Рэтар. — Он был именно таким, как Рада — неугомонный, вредный, упрямый и взбалмошный ребёнок. Он всегда натворит что-то, а потом прятался. Он ненавидел неудачи, бросал дело, если у него не получалось. А как они цеплялись с Риваном.

Мужчина усмехнулся, вспоминая достаточно плачевно заканчивающиеся стычки тана и младшего брата.

— Роар изменился только с рождением Элгора. На него повлияло то, что он стал старшим братом. А до того, — тэяр рассмеялся. — Спроси у любого в доме. Мита, Эка, Тёрк Мирган — они скажут, что Рада похожа на Роара.

Хэла захихикала:

— А на кого похож Рейм? — поинтересовалась ведьма.

— На Милену может, — предположил мужчина.

— Или на тебя.

— Тогда ей надо на меня злиться, а не на тебя.

Рэтар потянулся к ней, чтобы поцеловать, но Хэла качнула головой и показала на дверь.

— Что? — нахмурился тэяр, но ответом ему были ввалившиеся в дверь Рейм и Рада, которых не успела поймать Милена, скромно стоящая в дверях.

— Простите, — улыбнулась она виновато.

— Танар, — воскликнул Рейм, забираясь на колени к Рэтару.

— Блага тебе, мой хороший, — ответил мужчина, обнимая мальчика.

В комнату зашёл Роар.

— Блага, Рэтар, Хэла.

Хозяева поприветствовали гостей.

— Что-то случилось? — спросил тэяр у ферана.

— Я бы хотел кое о чём посоветоваться с тобой, — ответил Роар, подтверждая предположения своего тана о прежде всего деловом характере их визита.

— Хорошо, — кивнул Рэтар и обратился к мальчику. — Рейм, позволишь мне поговорить с достопочтенным фераном?

— С папой? — нахмурился феринин.

— С папой, — ответил мужчина и все взрослые в комнате улыбнулись.

— Хорошо. А потом со мной поговоришь? — спросил Рейм.

— Обязательно, — став серьёзным, пообещал Рэтар и взрослые, пряча смешки, переглянулись.

Когда мужчины ушли, женщины, оправив детей вниз, справится об обеде и сообщить, что у них сегодня гости, остались одни. Хэла видела, что Милена была уставшей и разбитой. Какой-то растерянной, впрочем это кажется было в ней неизменно. Хотя конечно материнство и заботы ферины очень сильно её выматывали.

— Что такое, лапушка? — спросила чёрная ведьма.

— Зачем ты ведёшь дневник? — проигнорировав вопрос, спросила Мила.

— Чтобы привести в порядок мысли, — ответила Хэла. — Тебе тоже не помешало бы.

— Его никто не прочитает, — ответила ферина.

— Дневники пишут для себя, а не для кого-то, — возразила чёрная ведьма. — Однако Рэтар может, Рейм и Рада учатся.

— А? — Милена нахмурилась.

— Рейму и Раде было интересно, так что они попросили выучить значки, а так как язык по сути тот же — они всё понимают, так что будешь похабные словечки писать, знай, что они могут прочитать, — неоднозначно повела бровью Хэла. — А Рэтар может, потому что откуда-то знает, как читать знаки, видимо услышал, как я пела песню и сопоставил знаки в словах. Не знаю...

— О, боже, — воскликнула белая ведьма.

— Каждый раз, когда ты так говоришь, — и Хэла посмотрела на неё взглядом ведьмы, — начинается бедлам.

И теперь видела — да, бедлам должен был начаться, очередной и весьма основательный.

— Я просто прочитала ему слова песни, — ответила Милена, к лицу прилила краска, ей стало стыдно, она в расстроенных чувствах села в кресло, в котором до этого сидел Рэтар.

— Ну вот, — ответила чёрная ведьма. — Так может объяснишь мне, что у вас там такое происходит?

— А? — ферина вообще кажется не слушала её. — Прости. Всё хорошо.

Но хорошо не было. Напряжение висело в воздухе и было практически осязаемым.

— Достопочтенные, — в дверях появилась Сола. — Обед. Позвать достопочтенных тэяра и ферана?

— Нет, Сола, детка, мы сами, — улыбнулась девушке Хэла.

Серая улыбнулась в ответ и убежала по коридору и основной лестнице вниз.

Сначала чёрную ведьму беспокоил вопрос нехватки серых в Зарне, ведь после смерти глупышки Томики, ухода Лораны, а так же того, что Сола ушла в Халовкино гнездо, в замке осталось всего шесть девушек. Но Рэтар уверил её, что скорее всего больше девушек будет не нужно, ведь в доме хозяйка теперь белая ведьма.

И, хотя Милена так и не научилась правильно распоряжаться своими силами, но того, что они в ней есть и влияют на всё, с чем ведьма имеет дело, отрицать было весьма глупо.

До того как супруги ферана и тэяра спустились к ним, чтобы позвать на обед, мужчины обсуждали напряжённую обстановку в Ринте.

— Элгор сообщил мне, что сейчас Ларазан пытается отстранить Элаза от правления, — проговорил Роар, садясь напротив тана, в его рабочей комнате. — Элаза просит нас вмешаться. Но я не знаю точно, стоит ли оно того.

— С Ларазаном у нас дел не будет, Роар, — ответил Рэтар, прекрасно зная младшего брата правителя Ринты. — Сейчас стабильность со стороны Ринты просто необходимость, вынужденная, но без этого никак. При том, что Кергаты и Алнам сейчас готовы вступить с нами в союз на условиях полного нашего превосходства. И если Кергаты нужны нам, из-за водных путей, то Алнам это всего лишь дополнительное усиление границы, и оно будет стоить нам лишних расходов. Но мы с тобой всё просчитали, сошлись, что можем себе это позволить. И тут это? Смена власти в Ринте будет очень болезненной для нас.

— Думаешь Ларазан решит нас прижать? — нахмурился феран.

— Да, Роар, — ответил на это глава Горанов. — Чтобы встать в более выгодную позицию — конечно. Он понимает, что в его власти будет создавать проблемы для нашего

спокойного существования. Но если нам с тобой на это в целом наплевать, то нельзя забывать, что страдать в конечном итоге от этого будут простые люди, при чём с обеих сторон.

Феран согласно кивнул.

— Что делает Элгор? — поинтересовался тэяр.

— Элаза хочет заключить договор, основой которого может быть брак, — отозвался Роар. — Если Элгор согласится.

— Твой брат согласится, — уверил его глава дома.

— Рэтар, — с сомнением нахмурился феран. — Я бы не хотел заставлять своего брата.

— Я не буду удивлён тому, что он уже всё решил, — возразил на это тэяр. — Это очень выгодный брак. У Элаза нет наследников по мужской линии, кроме брата. И если сейчас брат решил пойти в бой, пытаясь раньше времени захватить власть, то при нашей помощи в сопротивлении этому, из наследников его можно списать.

— Брось, тан. Элаза молод, у него могут быть ещё дети, сыновья.

— За двадцать тиров у него родилось шесть дочерей, — возразил Рэтар. — Его супруга устала. Найдёт другую? Что ж... Родится сын, значит так тому и быть. Но предполагаю, что, если Элгор и думает о браке, то только с расчётом на дальнейшую возможность для своих детей получения прав на правление в Ринте.

Роар фыркнул.

— Я не собираюсь ему мешать, — проговорил он. — Но сейчас обстановка весьма шаткая и надо решить кому из нас отправиться туда, чтобы помочь Элгору и разобраться в происходящем на месте.

— Полагаю, — вздохнул Рэтар, — что ты хотел бы, чтобы это был я?

— Да.

— Роар, ты прекрасный феран. Эти четыре тира, ты отлично справляешься.

— С твоей помощью и с помощью Элгора, — упрямо мотнул головой феран.

— В очередной раз всё плохо? — спросила Хэла, спускаясь сверху.

— Не то слово, — ответил ей Рэтар.

— Нас зовут обедать, — проговорила Милена, следуя за хозяйкой.

— Милена, сядь-ка, — попросил тэяр, а чёрная ведьма прошла к столу и села с ним рядом, устроившись на подлокотнике его кресла.

Ферина слегка нахмурилась, но спорить не стала — прошла и села, получилось напротив своего супруга.

Ни от Рэтара, ни от Хэлы не ускользнуло то, что эти двое друг на друга не смотрели.

— В раю плохая погода? — поинтересовалась чёрная ведьма.

— Что? — нахмурился Роар.

— О, боги, — Хэла недовольно фыркнула.

— Мы хотели извиниться за Раду, — подала голос Милена.

— Не надо, я бы сама от вас убежала, — ответила Хэла и тут феран и ферина всё-таки оба устали на неё.

— Мы хотели кое-что предложить вам, — сгладил вопрос в их глазах Рэтар. — Мы можем забирать детей на какое-то время, каждый лунь, но только в расчёте на их хорошее поведение в остальные дни, которые они живут дома.

— Это... вы уверены? — спросил Роар, которому явно это пришлось по душе.

— Рада всё равно будет убегать, — возразила Милена, которая как раз была очень

против, или сомневалась в эффективности этой затеи и её воплощения.

— Уверена? Она не глупа, — ответил на это возражение тэяр. — Она понимает правила игры. Если хотя бы раз проиграет...

— Будет бегать так, — заупрямилась ферина.

— Сейчас мы оставляем её у нас, когда она так делает, — спокойно проговорил Рэтар. — Но, если вы согласитесь, то тогда она будет тут же возвращена обратно.

Милена явно была недовольна.

— Светок, перестань, — взмолился Роар.

— Ты и так позволяешь ей всё, — не выдержала ферина. — За сегодня отругал?

— Я поговорил с ней, — ответил ей супруг.

— Поговорил? — зло отозвалась Мила. — И как — помогло?

— А что он должен был сделать? — спросила Хэла, видя, что Роар не знает, что можно с этим поделать. — Убить её?

— Нет, просто я ругаюсь, я вечно требую от них чего-то — послушания, опрятности, вежливости, — взорвалась ферина. — Чтобы они не вели себя, как дикари...

И чёрная ведьма могла поклясться, что Рэтар был готов усмехнуться, но сдержался, оставаясь серьёзным молчаливым созерцателем.

— А он вечно им всё спускает. Он хороший, а я плохая, — и Мила была готова разрыдаться от обиды и злости.

— Рэтар, кажется нам надо покупать кровать побольше, — беззаботно отозвалась Хэла. — Сейчас двое, а теперь у неё внутри ещё двое. Нам не будет места в нашей постели.

— Что? — вскинулся Роар, а тэяр с вопросом глянул на супругу.

— Хэла! — воскликнула белая ведьма, и на лице была такая досада, словно она вообще не собиралась говорить супругу о том, что снова беременна.

— Боги, ты ему не сказала? — удивилась Хэла, которой надоело наблюдать за их внутренним конфликтом и уж если ей было не по себе, то каково было детям, у которых есть способности к магии? — Ты ждёшь, когда тебя раздует, как воздушный шар?

— Милена, — горестно покачал головой Роар.

— О, ну простите, достопочтенный феран! — ядовито фыркнула в его сторону супруга.

— Хватит, вы оба! — рыкнула на них чёрная ведьма. — Боги, мне хочется выйти, и не из комнаты, из дома, а лучше из ферната прям. С вами невозможно. И вы хотите, чтобы ваши дети это терпели? Они же чувствуют вас, как все обычные дети, но, боги, у вас не обычные дети!

— Рейм обычный, — возразила Мила.

— Рейм пока просто не заявил о себе, — возразила на это Хэла, — но он будет намного сильнее сестры и, если вы не закончите с этим, то добьётесь от него ядерной войны.

Роар нахмурился непонятному словосочетанию.

— Всё будет очень плохо, — пояснила женщина свои слова. Потом встретила с ним взглядами. — Если ты не начнёшь говорить, вместо постоянного применения одной и той же схемы — удовлетворённая близостью женщина равно счастливая и молчаливая женщина. Понятно?

— Хэла! — Мила и Роар воскликнули это в унисон, чем вызвали у чёрной ведьмы усмешку.

— Я не права? — и она перевела взгляд на ферину. — И ты в целом довольна, но только вот как-то проблемы никуда не уходят, странно?

Белая ведьма раздражённо повела головой. Ей было неудобно и стыдно, и кажется только присутствие Рэтара останавливало её от того, чтобы вскочить и выйти вон.

— Мы все, как наши родители, — проговорила Хэла, стараясь быть спокойнее.

— Я не как моя мать, — на этот раз Милена повысила голос и пошла в наступление.

— Неужели, — но было понятно, что с чёрной ведьмой ей не тягаться. В комнате кажется стало тяжелее дышать и это почувствовали и мужчины. Рэтар положил руку на колено супруги, чтобы унять её, но судя по всему это нужно будет пережить, потому что было уже не унять, из неё поперло негодование, останавливать это Хэла не умела. — Ты не такая как твоя матушка? Не жрёшь своего мужа за то, что он слишком хороший папаша? Идеальный до тошноты? Детей он у неё не ругает! А ты не потому ли папу больше любила, что мама была первоклассной стервой? Мешает её слава?

— Я не, — она всхлипнула обидным словом и уже из последних сил держалась, чтобы не расплакаться по-настоящему и во всю силу.

— Светок, — простонал Роар и встал, чтобы успокоить её.

— Сядь, — приказала ему ведьма. — А ты такой же, как твой отец.

— Хэла, — рыкнул феран.

— Не рычи на меня, Роар. Меня этим не пронять, помнишь? — сказала чёрная ведьма вставая. — Сядь! И запомни, если не научишься разговаривать даже переступая через её слёзы, а ревет она постоянно и будет реветь дальше, это вообще в ней неискоренимо, то тыпустишь под откос вашу жизнь. Ясно? Каждый раз, встречаясь с её слезами ты лезешь ей под юбку, а от этого случаются дети.

Он хотел что-то ей ответить, но она была права, и хотя было видно, что он злился, но за то время как был фераном всё же намного лучше получалось держать себя в руках.

— Я понимаю, что сложно смотреть проблемам в глаза, особенно, когда проблемы очаровательно любимые и рыдают так горестно, хоть убейся, но надо учиться. И ты, — Хэла посмотрела на Милену. — Твои дети тебя любят. Ты их мать и этого никто не изменит. И что бы там тебе не думалось, но ты хорошая мать. И мне твои дети не нужны, ясно.

И Милена подняла на женщину глаза, полные этого диковатого удивления, словно в очередной раз Хэла залезла в её голову и понятно, что всё было понятно и без этих ведьмовских умений. Милена безумно ревновала своих детей.

— Нет. Я не испытываю невероятного восторга триумфатора, когда твоя дочь приходит в ночи к нам в постель, вместо того, чтобы прийти в вашу, — продолжила свою тираду Хэла. — Потому что нам в нашей постели третьи не нужны. Мы не испытываем расстройства, когда занимаемся друг другом, понятно? Нам хорошо вдвоём. Мы любим ваших детей, мы и вас, дураков, любим, но в постель к себе не зовём.

Она фыркнула, потом повела головой в раздражении и пытаясь унять себя.

— Я печалюсь, понятно, — сказала она тише. — Мне больно, что вы, взрослые, а ведёте себя хуже своих детей. И предложением оставить ваших детей у нас на несколько дней в лунь, это не предложение стать их родителями на веки вечные! И на этом я пошла есть!

Она обошла стол и отправилась на выход. За ней встал и Рэтар.

— Думаешь они поговорят? — спросил он, когда закрыл за собой дверь, оставляя Роара и Милену наедине и догоняя супругу.

— Нет, — ответила ему супруга уже совершенно становясь собой обычной, — думаю, что они разнесут нам своей страстью кабинет, потому что никто меня не слышал. И они снова будут делать так, как привыкли.

Тэяр поймал её за руку и остановил посреди огромной, как считала Хэла, гостевой залы их дома.

— Они тебя слышали, родная, — сказал он, обнимая её за талию и притягивая к себе.

— Только наш кабинет это не спасёт, — улыбнулась ему ведьма, давая себя поцеловать.

Чуть позднее, когда наконец все уселись за стол, Милена была намного спокойнее, потому что “я же сказала, что эта схема работает”, фыркнула Хэла, когда Роар с супругой добрались до обеденного стола.

Чёрная ведьма сидела рядом с супругом, а на спинке её стула, устроился между ними взрослый ханг.

Феран сидел за столом с дочерью на руках и Рэтар видел это невероятное сходство между ними, которое никогда не упускал.

Рада была вылитый отец. Личико её было мягким и очаровательным, как у матери, но хмурилась она как Роар, так же упрячилась, так же винилась, когда творила что-то и была поймана на этом.

Рейм сидел рядом с ними и тэяра тревожили слова Хэлы о том, что мальчик будет магом. Они никогда не обсуждали это, сосредотачивались на маленькой проказнице, его сестре. А Рейм вечно спокойный и не требующий особого контроля и внимания, оставался предоставлен сам себе. Впрочем Рэтар любил парнишку, а тот тянулся к нему, и с удовольствием учился всему, чему мог обучить его танар.

Весь этот гвалт за столом был сейчас таким обыденным и привычным. Тэяр вспомнил, как они с Хэлой были в Адире, сидели так же за столом в доме Войра и на Рэтара нашло тогда состояние невероятной благодати, совершенно незнакомое в тот момент. Теперь это было постоянным чувством, знакомым, дарящим покой и счастье.

Это был дом. Дети спорящие за столом, люди, близкие и родные, и Хэла рядом, любимая его несносная ведьма.

— Ой, — воскликнула Лорана и покраснела. Все замерли обращая на неё свои взгляды.

— Она с утра говорила, что сегодня просто замечательный день, — заявила Хэла, качая головой. — Я же сказала, что она говорит так тогда, когда залетает и когда рожает?

— Лора? — обеспокоенно посмотрел на покрасневшую супругу Гент.

— Давайте угадаем, что мы сейчас все будем делать? — спросила чёрная ведьма лукаво склоняя голову набок.

— Дети, — Рэтар переглянулся с Роаром.

— Так, пошли на улицу гулять, — феран поднялся с Радой на руках.

— С харагами? — радостно спросила его дочь.

— С харагами, — подтвердил он.

— Веди её наверх, Гент, — скомандовала Хэла.

— Я прекрасно себя чувствую, — возразила Лорана, когда супруг стал помогать ей вставать со стула.

Тэяр забрал на руки младшую дочь Гента и Лоры, которой только недавно исполнилось два тира. За руку взял старшего сына.

Сола побежала готовить комнату к родам, а Милена и Шеята стали собирать со стола.

Вторая дочка Гента и Лораны родилась в тот же день, на заходе Тэраф.

Уже после того как приняла роды, уставшая Хэла сидела в детской комнате, укладывала спать старших детей. Милена предложила забрать их в Зарну на пару дней, но ребята захотели остаться дома с родителями и новорождённой сестрой.

Рэтар прислонившись к стене в коридоре слушал тихое пение супруги. Песню эту она пела и Трою, и Раде с Реймом — дети её очень любили, несмотря на то, что не понимали ни слова. Как-то Милена объяснила, что песня эта про грусть и спящее солнце, которое является светилом в их с Хэлой мире.

“I wish for this night-time
To last for a lifetime
The darkness around me
Shores of a solar sea
Oh how I wish to go down with the sun
Sleeping
Weeping
With you”

И хотя точного перевода он так и не узнал, но каждый раз невозможно щемило сердце, когда она это пела.

Хэла, поцеловав детей и тихо пожелав спокойной ночи Соле, которая спала в этой же комнате, вышла в коридор, прикрыв за собой дверь. Женщина улыбнулась супругу и шагнула в его раскрытые объятия.

— Пойдём отдыхать, — сказал Рэтар ей в макушку.

— Пойдём, — согласно кивнула ведьма и они пошли в сторону своей комнаты.

— Я перегнула палку сегодня? — спросила Хэла, имея ввиду то, как поступила с Роаром и Миленой.

— Нет, родная, они не маленькие, всё с ними будет хорошо, — убеждённый в своих словах ответил тэяр. — И Милена согласилась на наше предложение. Я уже поговорил с Радой и Реймом.

— И как?

— Ну, с Реймом проблем не будет, а Рада пока согласилась, — пожал плечами мужчина открывая дверь и пропуская в комнату супругу.

— Хорошо, — вздохнула Хэла.

— Нужно будет отправится в Ринту, — сказал Рэтар, подойдя к ней сзади и развязывая пояс юбки.

Став тэяррой Хэла практически перестала носить платья, отдавая предпочтения рубашкам и юбкам.

— Оу, — отозвалась женщина, не мешая ему, и получая невообразимое удовольствие от его помощи, отпуская усталость и переставая делать вид, что ей всё по силам. — Когда ты отправляешься?

— Мы, — шепнул ей в голову, потом поднял и прямо как ребёнка вытащил из сползшей на пол юбки, усадил на кровать, стал снимать обувь.

— Хорошо, — улыбнулась Хэла, протягивая руки и снимая с него рубашку. — Когда мы отправляемся?

— Лучше бы поскорее, но посмотрим, как Лорана будет себя чувствовать.

— Надолго?

— Нет, надеюсь управимся быстро, — и Рэтар снял рубашку с Хэлы, ловя её губы, чтобы поцеловать.

Её руки обняли его и ведьма мягко утянула супруга за собой, мурча от удовольствия. Отдаваясь желанию оба они совершенно забыли о том, что за сегодняшний долгий день

смертельно устали.

На утро Лорана уже рвалась в бой, роды прошли мягко и без травм. Она была бодр и всячески протестовала против того, что семья настаивала на её покое и сне. И Хэла решила, что вполне можно оставить её на попечение супруга и Солы, поэтому на следующий день с утра засобирались в Ринту.

— Я буду ждать тебя в Зарне, — полностью собравшийся Рэтар, поцеловал Хэлу в лоб, когда она вышла из чистой. — Надо перед отправлением кое-что обсудить с Роаром.

— Хорошо, я постараюсь побыстрее, — ответила она и тэяр знал, что сделает это, потому что её сборы были всегда по-военному чёткими и скорыми.

— Не торопись, — улыбнулся он и отправился к двери.

— О, Рэтар, — позвала его супруга. — Визит официальный?

— Да, очень, — ответил мужчина.

— Кстати, — Хэла подошла ему, пока он не вышел из комнаты. — Я хотела бы после возвращения забрать Милену куда-нибудь. Ей нужна перезагрузка.

— Что ей нужно? — нахмурился Рэтар.

— Отдых, — пояснила она. — Совсем немного. Дней десять. Без мужа, без детей, без домашних проблем.

— И она согласится? — с сомнением произнёс Рэтар. Идея была хорошей, но в согласии Милены ему верилось с трудом.

— Мне плевать, — возразила в свойственной ей манере Хэла, — я просто её заберу. Но мне нужно, чтобы согласился ты. Согласился помочь Роару с детьми, если будет нужно. И пообещал не изводить себя тревогой по мне в моё отсутствие.

— Это будет сложно. Куда ты хочешь отправиться?

— Не знаю, туда, где тепло. Но чтобы ты поменьше переживал — Соёлт?

— Соёлт опасен для женщин, — прищурился Рэтар, сражаясь с внутренней паникой и невообразимой тревогой за супругу.

— Там же Тёрк и Брок, они за нами присмотрят. И я обещаю, что не буду снимать гракт, — улыбнулась Хэла, показывая на свой браслет с грактом Горанов.

— Хорошо, я подумаю, — произнёс тэяр через силу, — точнее я согласен, но мне просто нужно смириться с этой мыслью.

И ведьма радостно улыбнулась:

— Спасибо! — шепнула Хэла и теперь, даже если и хотел отказать, он просто не сможет сказать ей нет.

Ох, уж эти слабости, с которыми так сложно бороться. У Роара были слёзы Милены, у Рэтара счастливое лицо Хэлы.

Роар был рад тому, что тан согласился помочь с Ринтой. Он мог бы отказать, потому что тэяр такие вопросы мог и не решать. Но понятно было, что Рэтар не будет отказывать.

Они обсудили кое-какие вопросы, основываясь на последних новостях, которые передал из Ринты митар.

— Элгор сказал, что встретит вас. И он договорился о встрече, но думаю, что Элаза и так бы принял тебя, — сказал Роар и перевёл удивлённый взгляд на дверь. Улыбнулся.

Рэтар обернулся. В дверях стояла Хэла.

— Выглядишь просто потрясающе, — проговорил Роар.

— Я старалась, — повела она плечом и перервела озорной взгляд на Рэтара.

Что она точно понимала и чего всегда теперь придерживалась, когда стала смиренно

принимать свой титул, это обязанность выглядеть безукоризненно на вот таких встречах. И конечно она могла себе это позволить. Траты на одежду её раздражали, потому что излишняя пышность ей претила, она предпочитала простоту и удобство. Хотя смирилась с тем, что дорогая ткань лучше, чем дешёвая.

Но тем не менее она обязала себя иметь в гардеробе платья, которые показывали всем статус её супруга. И конечно Хэла подошла к этому делу с присущим ей творчеством. Платьев было немного, но они были заказаны у хороших мастеров, сшиты по её эскизам и её точным меркам. И выглядела в этих нарядах супруга тэяра Изарии просто отлично.

Сегодня на ней было платье с широкими рукавами, нейтрального, не чисто белого, а приятного молочного цвета, но подшитое синим и чёрным кантом, говорящим о принадлежности к Изарии и Горанам. Хэла вернулась в прежнюю мягкую форму своего тела, поэтому была видна её фигура, а круглый вырез открывал половину плеч и проходил прямо над грудью. Лорана помогла Хэле с волосами, которые так и остались седыми, но теперь уже длиной доходили до лопаток, поэтому их удавалось собирать в аккуратные и элегантные причёски. На шее у Хэлы был её кулон с ирнитом.

Рэтар кивнул Роару, и двинулся к ней. Вид у него был такой, что Хэла решила, что переборщила, только не понятно с чем.

Тэяр подошёл к ней и они вместе вышли в коридор из библиотеки, которую нынешний феран использовал так же как и предыдущий.

— Переодеться? — спросила она, видя неоднозначную реакцию Рэтара.

И на ум пришло, как они сцепились из-за платья будучи в вспоминаемом сегодня Соёлте.

Тогда Хэла надела на праздник в честь какой-то там их богини совершенно невообразимо шикарное платье, расшитое блестящей нитью, лёгкое, струящееся и кажущееся прозрачным, хотя это было только впечатление. Она бы в жизни не надела ничего такого, но тут она его вынужденно купила и просто захотелось посмотреть как оно на ней, и к своему удивлению выглядела невообразимо красиво.

Что до Рэтара — то у него включился режим безумного ревнивца, и весь праздник он от неё отойти боялся, а в конечном итоге у них случилась близость прямо в пустынном коридоре дворца, в который они были на это самое празднество приглашены, потому что дотерпеть до комнат, в которых они жили, когда были в Соёлте, он не смог. Да впрочем и добравшись, оторваться от Хэлы не мог почти до самого утра. Но это ли не счастье — быть желанной и любимой?

— Не надо, — ответил Рэтар.

— Уверен? — нахмурилась она. В коридоре и в комнате с порталом стражи не было. — Ты просто...

— Просто подумал, а может ну её эту Ринту? — его руки легли на её талию и он довольно заурчал, прям как их ханг, когда его чесали между крылышками.

— И куда отправимся? — озорно спросила Хэла, понимая, что сделала всё как надо, а у него просто в очередной раз включился режим “моё, никому не отдам!”

— А можно прямо в постель?

— Достопочтенный Рэтар Горан, — повела она головой и осуждающе цыкнула, хотя конечно уже поддалась его желанию.

— Что? — он повёл бровью. — Люблю тебя, ведьма моя. Пойдём Элгору брак устраивать?

— Пойдём, — кивнула она и перенесла их в портал в столице Ринты, где уже ждал Элгор.

Рэтар спустил её с портала, как обычно, и как сделал это в первый раз.

— И я тоже безумно люблю тебя, мой почтенный Рэтар Горан.

Он улыбнулся и поцеловал её вечно холодные пальцы. И больше ничего кажется не надо было для счастья — только вот эти невообразимо красивые ирнитовые глаза, которые смотрели с нежностью и любовью.

Эпилог II. Роар и Милена

В тир пять тысяч восемьсот пятидесятый от сотворения Гор-Эят на праздновании наступления четыреста пятидесятого амирата, который в Сцирце отмечался каждые тринадцать тиров, в огромной зале при дворце хранителей стен Л'ста, отвечающего за соединение двух оборотов Сцирцы — Ваясты и Фэсцины, собрались представители всех самых богатых, влиятельных и значимых домов элатов, фернатов, свободных областей и городов.

В этот вечер негласно прекращались войны и хранители Л'ста могли попробовать призвать враждующие стороны к примирению.

Именно так когда-то был заключён позорный мир между Ринтой и Кармией. Сейчас правда уже не имеющий никакого значения, потому что договор мира был уничтожен, а Ринта вошла в свободный союз с Изарией. Также в этом союзе были фернаты Кергата и Алнама. Элат Росены, вынужденный в очередной раз просить военной помощи у изарийцев. И несколько изначально не входивших в элат Кармии областей и свободных городов — Соёлт, Нэя, Паясца. Таким образом союз этот стал одним из самых внушительных по сторону оборота Фэсцины.

Было ещё много желающих вступить в свободный союз с изарийцами.

Особенно фернаты Кармии. Элат раздирали склоки и споры, фернаты входящие в него были из-за неопределенности и конфликтов внутри правящих семей. В последствии раскол стал настолько очевиден, что все замерли в ожидании новой войны. Или, как очень многие надеялись в глубине души, мирного разделения на союзные области.

Великий эла Кармии так и оставался в ставшем мертвым Йероте. Некогда красивый и огромный город превратился для него в гробницу. Местность вокруг стала пустыней, а он кем-то вроде чудища, только не опасного, а скорее несчастного и мерзкого.

Сказками про него, ставшего безумным хлуном, так называемым ничтожным богом, изгнанным из обители небес, пугали детей. Но маги не теряли надежды снять заговор чёрной ведьмы Изарии, пока правда это у них не получалось.

Надеяться на благосклонность изарийцев в этом вопросе не приходилось — чёрная ведьма была супругой тэяра Изарии, которого боялась и уважала вся Сцирца, сурового и жестокого к своим врагам человека. Многие были убеждены, что один из правящих домов Кармии был уничтожен только из-за мести достопочтенного тэяра, за то, что ими было заказано убийство его супруги у корты драгов Фары. Хотя прямого подтверждения у окружающих в этом не было.

Представители правящего дома Изарии не появлялись на празднованиях хранителей стен Л'ста уже много тиров, поэтому в этот раз многие присутствующие были изумлены тому, что пришли не просто представители дома Горан — они были полным составом, включая все побочные ветви семьи. Это не могло не поразить и не приковать к ним внимание всех, кто сейчас был в огромной, шикарной зале, освещённой сотнями магических огней.

Феран Изарии, достопочтенный Роар Горан был со своей супругой достопочтенной фериней Миленой Горан. Так же были их дети — достопочтенные феринин и феринина Рейм и Рада Гораны, митар Изарии Эмирин Горан и бронар Изарии Тэйрим Горан.

Были и тэяр Изарии Рэтар Горан со своей супругой и чёрной ведьмой Изарии Хэлой

Горан. Элгор Горан, являющийся сонаром Ринты, был с супругой Янсиной Горан и детьми, наследником прав правления Ринты сыном Ярном Гораном, и дочерью Эярой Горан.

Всё это внимание претило Милене.

— Столько времени, а я всё равно, как во сне, — тихо проговорила она, подходя к Хэле, которая как казалось со стороны чувствовала себя, словно рыба в воде.

Все девушки семьи Горан были в радостном возбуждении, когда пришло приглашение на празднование четырёхста пятидесятого амирата, но феран и остальные мужчины отнеслись к приглашению, как обычно пренебрежительно, не придав ему значения, не прокомментировав, а по итогу и вовсе забыв.

Не то, чтобы Милена очень хотела покрасоваться. Но быт пожирал, а в головах у Роара и сыновей было лишь желание воевать, расширяя и укрепляя границы. Такое чувство, что они просто жить не могли без того, чтобы не побряцать оружием.

А ей хотелось смены обстановки, хоть какой-то приятной встряски, пусть и мимолётной. Хоть немного побыть в сказке, словно принцесса, или она-то уже королева... вот бы и принцесса тоже разделяла это желание. Но увы...

С дочерью у Милены были весьма натянутые отношения. Ферине не нравилось, что Рада ведёт развязанный, совершенно безалаберный и мягко выражаясь сумбурный образ жизни.

Девушке было двадцать три, но она и слышать не хотела о браке, не думала о семье и детях. Каждый раз пренебрежительно фыркала, когда Милена пыталась донести до неё своё видение ситуации — то, что она делает неправильно и в конечном итоге вообще что подумают о семье, где такая дочь растёт.

Но Рада не слушала. Она была такой же как братья — она гуляла как они, пила с ними наравне, дралась и воевала вместе с ними, и кажется могла переплюнуть их в беспорядочных связях. Но кажется никого это не волновало, кроме Милены.

Роар дочь обожал, закрывал глаза на любые выходки, и можно было поклясться, что счастлив тому, что она не собирается замуж. Рейм присматривал за ней, любил до беспамятства, но при этом тоже всё позволял, не обращая внимание на тот образ жизни, который вела сестра. Что до Эмира и Тэйрэма, то они любили её совершенно безоглядно и слепо, да и было весело находить в её лице того, кто всегда поддержит любую безумную и шальную идею.

Рэтар и Хэла не лезли.

Глава дома принимал позицию созерцателя, всегда рассудительный и спокойный — дети шли к нему за советами и Милена знала, что получали, при чём проступки были не важны.

Что до позиции Хэлы — Милена получала частенько из-за того, что требовала от дочери благоразумия, степенности, смирения и праведности. Да и кажется самые громкие скандалы между женщинами возникали именно из-за детей, точнее непосредственно Рады.

Какой скандал случился, когда Милена узнала, что Рада лишилась девственности с сыном Лораны и Гента. Она была так зла и расстроена. Но в праведном гневе оказалась одна. С ней не был солидарен никто! И ферина в итоге поругалась с Хэлой в порыве бессильной ярости заявив, что Рада ведёт себя так же разнузданно и распущенно, как и чёрная ведьма. Разве что сдержалась и не брякнула характерное матное слово... но Хэле это и не надо было слышать — она понимала все мысли Милены и конечно по итогу высказала ей столько всего...

Рэтар и Роар, которые были свидетелями этой ссоры, кажется просто молча офигели от

услышанного, а потом очень осуждающе уставились на Милену, которая готова была провалиться сквозь землю, после того, как супруга тэяра Горанов вышла вон из комнаты.

Конечно они с Хэлой помирились, как это бывало всегда, конечно Милена где-то внутри понимала, что тут всем наплевать на девственность и непорочность, но ей так хотелось, чтобы Рада была такой славной, милой, хотелось быть с ней подружками, но нет... они постоянно были в контрах. Постоянно делили шкуру неубитого медведя, споря до хрипоты о том, как на самом деле надо жить.

Точнее Милена спорила до хрипоты, а Рада слушала, потом фыркала в очень присущей ей манере, позаимствованной у Хэлы, говорила уничтожающую мать фразу и уходила, оставляя Милену злиться и ненавидеть себя, потому что не могла найти понимание в общении с единственной дочерью, которую очень любила, и на самом деле восхищалась, потому что Рада умела делать всё то, о чём Милене даже думать было страшно.

В последнюю ссору Милена не сдержалась и сказала, что дочь, ведя себя так непристойно, позорит Горанов. Рада лишь зло кивнула, сказала “спасибо, мама” и ушла. С тех пор с матерью говорила только по делу и больше ни одного лишнего слова.

И ферине было стыдно, потому что в самом деле, да какая разница, если всем наплевать? Но внутри было так грустно и боязно, потому что — почему Милена стала такой? Что с ней случилось?

Ведь даже Элгор, который занимал позицию схожую с позицией Рэтара Горана, сказал Милене, что она в общении с дочерью просто невыносима.

— Пойдём обедать, — позвал её Роар, застыв на пороге кабинета бронара, видимо какое-то время наблюдая за нахмуренной супругой, сидящей над закрытой хозяйственной книгой. — Там Рэтар и Хэла вернулись.

Тэяр с супругой были в очередном своём отдыхе. Хэла шутила, что они весёлые неугомонные пенсионеры. И Милена завидовала им.

Несмотря на то, что прошло столько времени, но казалось, что эти двое вообще не менялись — они были так же безумно друг в друга влюблены, были самой невероятно красивой и гармоничной парой, которую белая ведьма видела в своей жизни.

Хотя Милена с Роаром тоже любили друг друга — он всё так же чувствовал себя потерянным, когда видел её слёзы, так же трепетно относился к ней, ревновал жутко, она всё ещё была “маленькая” и “светок”.

Конечно они ссорились и всё так же мирились через бурный секс, правда после того обескураживающего разговора в Халовкином гнезде, когда Хэла их двоих приложила не по-детски, всё же старались друг с другом говорить. Получалось не всегда. Но Милена была счастлива, она чувствовала любовь и опору, чувствовала поддержку, даже если Роар с ней и не соглашался, но всё равно был рядом. Как вот с Радой — он осуждал Милену за отношения с дочерью, но тем не менее ни слова против ей не говорил.

— Иду, — кивнула ферина супругу и встала из-за стола.

Роар протянул ей руку, сжал её пальцы, когда Милена ответом вложила свою руку в его. Поцеловал в макушку. Он был готов для неё на всё. Вот только бы ещё не эта его тяга всех и вся пустить в расход.

Феран и ферина прошли в главную залу, где за столом уже сидела вся семья. Рэтар и Хэла, рядом с ними Рейм и Рада, напротив младшие сыновья, близнецы Эмрин и Тэй, как их называли дома, сокращая данные очень древние изарийские имена. Оба мальчика уже имели титулы митара и бронара соответственно. В обход Рейма, который предпочёл стать магом.

Как и пророчила Хэла, сила в старшем сыне Роара и Милены проснулась и весьма не банальная. Ему было тиров семь и он играя с хангом Хэлы внезапно повторил за зверьком и выпустил в камин огромный шар огня.

Почти все были этим шокированы и напуганы, да собственно как и сам Рейм. Он расплакался от неожиданности своего поступка, но к счастью с ним тогда была Хэла и Рэтар, которые, как признавала Милена, воспитателями были просто отменными.

У них так и не появились дети, но они очень много дали тем детям, которые их окружали — детям Милены и Роара, детям Гента и Лораны, а потом и детям Элгора, детям Брока. Все ребятишки безумно радовались, когда удавалось пообщаться с тэярами или, что было просто верхом счастья, побыть несколько дней в Халовкином гнезде. Там частенько был безумный детский сад, или детский лагерь.

И ещё у них была Ноэна. Девочка, которую Рейм спас в одной войне — её малышкой призвали в обход всем правилам призыва тёмной кортой магов. Старший сын Милены просто принёс её в дом, оставил на попечение танаров, которые в малышке души не чаяли.

Рейм учился магии у Верлеаса и Хэлы, кортам не принадлежал. Его никто не ограничивал и сила его росла, крепла, и сейчас он уже был одним из сильнейших магов Сцирцы. Ему регулярно приходили приглашения вступить в ту или иную корту, как по этому сторону оборота, так и по другую.

Но Рейм туда не стремился, он оставался дома. Жизнь его была беззаботной и распушенной, хотя он воевал наравне с отцом и братьями, как магией, так и мечом. Мечником Рейм был отличным, таким же хорошим, как Рэтар и Роар Гораны.

Впрочем сестра от него не отставала. Рада в противовес Рейму обладала силой льда и снега, была больше магом погоды, способной остановить ледяной дождь, прекратить снегопад или метель.

А вместе с Реймом они были силой невообразимо жестокой, беспощадной и смертельно опасной.

Ещё Рада так же весьма хорошо управлялась с мечом, а так же была меткой лучницей. И хотя Милена была против того, чтобы девочка училась всему этому, даже находила по началу поддержку у Роара, но в итоге обучение бою стало вынужденной мерой, потому что иначе подвижная и неугомонная Рада, угрожала разнести к рвашам всё вокруг.

Милена заняла своё место напротив Роара, который сидел во главе стола, её место было с противоположной стороны. Рядом с фериной сидел Элгор и Янсина, очаровательная и милая ринтийская элинина, которую Элгор, нет, не любил безумно, но бесконечно уважал и находил в ней прежде всего союзницу и друга. Отношения их были ровными и вполне мягкими, что было странно при характере младшего брата Роара.

Рядом сидели их дети Эяра и Ярн. Дочка Элгора была очаровательной девушкой пятнадцати тиров от роду, а сын, которому недавно исполнилось тринадцать, уже стал рослым, крепким изарийцем, серьёзным и вдумчивым, отчаянно тянулся быть достоин своих танаров и танов.

— Что происходит? — внезапно спросила Хэла, после того, как они приступили к обеду.

— Что? — отозвался Роар, взглянув на женщину с вопросом.

— Рэтар, ты слышишь? — она повела бровью и обратилась к супругу.

Тэяр Горанов глянул на супругу.

— Только ложки стучат, — сказала она. — С каких пор за этим столом стало так тихо?

Феран глянул на другой сторону стола, где сидела Милена, но она глаз на него не подняла.

— Я не знаю, Хэла, — ответил он хмурясь, понимая, что есть подвох. — Я никогда не запрещал никому за этим столом говорить.

— Эяра? — позвала Хэла.

— Да, танара? — почти шёпотом отозвалась девочка.

— Скажи-ка, милая, что такое случилось?

— Я не знаю, — смущённо ответила она, ещё тише, чем отозвалась изначально.

— Рада? — Хэла цыкнула и перевела взгляд на дочь Роара. — А ты расскажешь?

Феран её безумно любил, кажется она могла делать что угодно, но он бы ей всё прощал и он был сказал ей “да” на любое безумство, любая просьба была бы выполнена. В отличии от Милены, которую Роар оберегал, любил так же безумно, как и в самом начале их отношений, Рада была настоящей Горан — сильная, независимая, свободная. Она была похожа на Хэлу, много перенела от чёрной ведьмы. Всегда была очень открытой и честной, всегда говорила то, что думала, но он никогда и не пытался загнать её в рамки, потому что видел, что это угнетает её, делает уязвимой и опустошённой.

Рада повела головой.

— Трагедия заточения, — ответила она Хэле и улыбнулась.

— Что? — спросил Роар, не понимая о чём она.

— Все женщины этого дома хотят по новому платью, — пояснила за ференину чёрная ведьма, — и отправиться на празднование четырёхста какого-то там амирата в стены Л’ста.

Феран в недоумении уставился на Милену, потом на брата и его супругу.

— Эяра? — позвал он свою тиину.

— Очень-очень, — едва слышно ответила девочка смущаясь, а её мать уставилась в тарелку, не поднимая взгляда на Элгора.

— И почему никто ничего не сказал? — спросил Роар, пытаясь понять, где он опять что-то не так сделал.

— Потому что ты хочешь на войну, а не на праздник, — ответила Хэла.

— Я не хочу на войну, — возразил феран.

Хэла фыркнула и закатила глаза. А он перевёл взгляд на тана, пытаясь найти у него спасение или поддержку, но Рэтар лишь склонил голову, давая понять, что согласен с супругой.

И вот они при всём параде были на праздновании в Л’ста.

Роар не заметил, как получилось, что когда попадал на такие мероприятия, становился нервным и ревнивым. Внутри было понимание этого чувства в окружающих мужчинах, которое он знал, потому что сам был таким.

Смыслом присутствующих здесь свободных мужчин было заполучить какую-нибудь красавицу, желательно несвободную, желательно высокого статуса и титула, чтобы трофей был особенным, а связь мимолётной.

И уж Роар прекрасно видел, как Милену в прямом смысле слова пожирают взглядами большинство присутствующих здесь мужчин. И да, была бы его воля, и больше двадцати тиров уже прошло, но всё равно не показывал бы никому, поэтому и на празднование не хотел. Внутри был этот яростный порыв прям схватить Милену и утащить обратно в Зарну.

У них даже было такое. На праздновании в Соёлте, куда были приглашены из-за того, что Брок обвязался с дочерью правительницы свободного города, какой-то неразумный

глупец из Фенжи решил, что из-за вечно восторженного и открытого очаровательного взгляда, Милена достаточно лёгкая добыча. Глупца от смерти спасли Тёрк и Рэтар, которые вовремя остановили Роара, который после пары внушительных калечащих ударов, вполне был готов нанести последний, решающий, что конечно радости бы никому не доставило.

После того раза Милена с ним не говорила несколько дней. Рэтар смеялся, что Хэла теперь тоже требует крови, а то, что-то не чувствует себя достаточно желанной, а Элгор лишь качал головой, приговаривая, что только конфликта с элатом Фенжи им не хватало.

Но у Роара ничего не получалось с собой сделать. Все они его раздражали страшно, и он был готов боем идти, чтобы они в сторону его супруги не только не смотрели, не думали даже.

А Милена была невероятно красивой и очаровательной, всегда, но эти “выходы в свет”, как она их называла... невозможно же было — платья цвета ранры делали её стройнее, мягко оттеняли светлый цвет кожи и волос, а глаза становились темнее и ярче. У него самого сил не было на неё спокойно смотреть, а тут это.

Рада обняла его, когда Милена отошла в сторону Хэлы, которая тоже всё ещё была невообразимо красивой и притягательной женщиной. Роар обнял дочь, пытаясь унять себя, глянул в сторону тана.

Рэтар говорил с Элгором. Тэяр был спокоен, уверен в себе, так же опасен, как и тридцать, двадцать, десять тиров назад — время вообще его не меняло. Хладнокровный и лучший воин, он отошёл от сражений, так же как раньше не принимал участия в турнирах. Да собственно как и Роар. Но лучшим всё равно считался, за ним всегда ставили Брока, хотя сын Рэтара давно уже был намного более лучшим мечником, чем феран Изарии. Не отставал Рейм и Тэй. Правда была уверенность, что если Рэтар возьмётся за меч, то спокойно прижмёт всех четверых вместе взятых.

Казалось, что тан Хэлу не ревновал, ферану Изарии даже показалось, что глава дома Горан на супругу и не смотрит, но потом понял, что это не так. Только вот уловил полный восторга взгляд Рэтара обращённый на Хэлу, впрочем та отвечала таким же взглядом.

— Папа, — позвала Рада, отвлекая его от семьи теяра и Милены. — Там тан с детьми.

Хэла была сегодня в платье такого цвета как и её глаза, с воздушными рукавами длиной три четверти, открывающими запястья с блестящей небесной нитью на одной руке и браслетом с грактом Горанов на другой. На шее неизменный ирнит. Эти два украшения были на ней всегда, стали с ней едины и браслет был невероятно красивым и изящным, обязательным для женщины дома Горан. И украшения всё ещё смущали её, но она смирилась со статусом, смирилась с тем, что иначе просто нельзя и с тем, что хоть так Рэтару спокойнее.

— Пора бы уже привыкнуть, солнышко, — ответила женщина на заявление Милена о чувстве сна.

— Не могу, — качнула головой белая ведьма. — И не понимаю, как тебе это удаётся.

— Не всегда, — возразила Хэла. — Иногда такая счастливая, что щипаю себя, чтобы убедиться, что всё ещё в своём уме и доброй памяти.

— Хэла, — шепнула Милена, окидывая зал глазами и переводя его на чёрную ведьму, — ты не жалеешь, что ты здесь, а не...

— Там? — уточнила супруга тэяра Горанов.

— Да.

— А ты?

— Просто я... у меня другое. А ты... у тебя была семья, — кажется Милена навсегда останется растерянной девочкой.

Хэла улыбнулась:

— Я здесь, — ответила она. — Я верю, что там всё хорошо. А я — моя семья вот она. У меня есть братья, сёстры, дети, племянники, даже внуки, и у меня есть мужчина, который любит меня, и которого я люблю. Всё остальное не важно, золотце. Всё так, как надо.

— Матэ, — пискнула за их спинами девочка шести тиров и уткнулась в Хэлу, обнимая её ноги.

— Кто это тут? — женщина присела на корточки перед девочкой. — Здравствуй, моя птичка!

У неё была очень яркая внешность — чёрные, как смоль волосы, золотого оттенка кожа и невообразимо красивые бирюзовые глаза. Чёрная ведьма подняла девочку на руки, та заключила её в объятиях.

— Я так скучала, матэ, — проговорила малышка с придыханием.

— Рия, Хэле тяжело тебя держать, — к ним подошёл Брок.

Милена тут же была прижата к его груди, после чего он поцеловал ферину Изарии в макушку.

— Я тоже скучала по тебе, птичка моя, — отозвалась Хэла и улыбнулась Броку, который обнял уже её.

— Блага тебе, Хэла, — проговорил в неё мужчина, который стал с возрастом невероятно похож на своего отца.

— И тебе, котик мой, — ответила она. — По тебе я тоже очень скучала.

Брок забрал дочку с рук Хэлы, но тут же малышка оказалась на руках своего деда.

— Данэ, — радостно воскликнула она, обнимая Рэтара.

Сказать, что он счастлив, было бы недостаточно. Достопочтенный тэяр просто светился.

За Броком стояли ещё двое его детей — девочка и мальчик.

— Мои хорошие, — Хэла протянула к ним руки, потом нагнулась и поцеловала мальчика.

Мальчика звали Бьярас. Он тоже был невероятно рад видеть женщину, тоже называл её матэ, то есть бабушкой. Также был очаровательным, смуглым, но вот глаза у него были, как у матери — словно фиолетовыми. После Хэлы он пошёл к Рэтару.

И чёрная ведьма протянула руку старшей девочке.

— Что не так, дорогая? — спросила она, глядя в нахмуренное лицо дочери Брока.

— Мне неудобно, — пробурчала она.

— О, Эбби, я тебя так понимаю, — улыбнулась на это Хэла и расставила руки, предлагая девочке обнять её.

Эбби, старшая дочь Брока и его ныне покойной супруги, одной из наследниц рода Сэнты, правящих в Соёлте, была больше мальчишкой, чем девочкой. Ей нравилось то, что нравилось мальчишкам и Мила часто ловила себя на мысли, что девочка боготворит и во многом берёт пример с Рады.

Ферина даже чувствовала свою вину перед Броком, хотя тому было всё равно, он совершенно спокойно относился к тому, что дочь больше любит одежду мальчишек и предпочитает девичьим играм, оружие и верховую езду. Сейчас на ней было платье, в лучших традициях Соёлта невероятно красивое и очень ей шло, но она явно чувствовала себя

в нём неуютно.

— Но смотри, — Хэла повела рукой вокруг, — это сцена. А ты можешь сейчас быть главным украшением этого праздника, потому что ты красавица. И несколько раз в тир можно позволить себе переродиться и примерить на себя другую роль. Главное, что никто ничего о тебе не знает, и не узнает, ты сейчас звёздочка, мерцай и ослепляй, любимая моя.

Эбби явно засмушалась.

— Правда? — подняла она на женщину такие же как у брата глаза.

— Конечно, — улыбнулась ей Хэла.

Девочка немного неуверенно кивнула и подошла к Рэтару.

— Вот об этом я тебе говорила, — улыбнулась Милене чёрная ведьма.

— Я поняла, — улыбаясь ферина.

Происходящее и вправду напоминало представление. И Гораны стали гвоздём программы. Хотя Милена ощущала это всегда.

Где бы не появлялись, изарийцы всегда притягивали к себе внимание, но при этом им всегда было на это наплевать. Они были поглощены общением друг с другом, их семья была самодостаточной и полной завидной гармонии. Разве что только младшие сыновья могли позволить себе порисоваться, впрочем всегда держались друг за друга и старались блюсти честь своего дома, особенно после того, как получили титулы. Сегодня же вообще обхаживали младших девушек семьи.

Присутствующие здесь с нескрываемым интересом и восхищением смотрели на изарийцев рослых, сильных, суровых мужчин в шрамах, воинов, равных которым в Сцирце не было. На женщин, которые были с ними — мягких и очаровательных. Но многие здесь знали, что кое-кто из этих красавиц был опасен и смертоносен.

Хэла была из них.

О чёрной ведьме Изарии ходили даже не слухи, кажется все здесь смотрели на супругу тэяра Горанов во все глаза. Несколько раз тёмные корты пытались похитить женщину, один раз отбиваясь Хэла остановила дождь и наполнила водой весь внутренний двор Зарны. Второй раз оказалась внутри сосуда Варха и спас её маленький Рейм, с которым у чёрной ведьмы вообще были особые, удивительные отношения.

От Хэлы не отставала Рада. Сейчас девушка стояла рядом с отцом, в невероятном красивом платье цвета ранры, но в отличии от матери могла, как феринина позволить себе на платье голубой кант, открытую спину и руки. Привлекательная, статная, крепкая, светлые глаза, такие как у отца, смотрели открыто и дерзко.

Она разительно отличалась от окружающих её девиц из других знатных домов. Была недоступной и яркой. На внешней стороне её правого предплечья было два глубоких шрама, от меча, а на внутренней красовался выведенный знак соты, рисунок гракта дома Горанов, такой же как и у всех её братьев. Хэла, увидев это, покачала головой, рассмеялась и сказала “потому что вы банда”.

Все дети Роара и Милены были магами, но серьёзно посвятили себя силе только Рейм и Рада. Два младших сына решили, посвятить себя дому и Изарии.

Через какое-то время Рия, которая получила на празднике в полное своё пользование достопочтенного бронара Изарии Тэйрама Горана, на зависть всем окружающим девицам, которые смотрели на него и разве что не исходили слюной, деловито решила, что она уже всё видела и её тоже все видели. Она посмотрела на Тэя и заявила, что теперь она очень хочет в Зарну. Тэй склонился в очень серьёзном поклоне, Хэла повела лукаво бровью и

посмотрела на Рэтара. Тот в свою очередь встретился взглядом с Роаром. Мужчины кивнули друг другу и Гораны покинули праздник.

В Зарне они нашли Тёрка. Старший брат Рэтара Горана жил отдельно, но семья этого не чувствовала. Он много времени посвящал обучению воинов в корте служения, а ещё они с Хэлой были безумными ботаниками. Ковырялись в земле, как очумелые — ягоды, плодовые деревья, овощи... А ещё эти двое делали напиток вроде вина, пытались варить что-то очень похожее на пиво.

Милена не очень понимала зачем они это делают, раз чёрная ведьма и так умеет превращать воду в алкоголь, но старший брат Рэтара Горана был непреклонен — они с супругой тэяра просто обязаны были создать местное вино и сварить добротное пиво, чтобы было что пить кроме привычной изарийцам цнели.

И в конечном итоге прямо после их возвращения из Л'ста уже весь замок праздновал наступление пять тысяч восемьсот пятидесятого тира от сотворения Гор-Эят.

Уж что и умели Тёрк с Хэлой — это всё превращать в беспощадный балаган. Чёрная ведьма обычно задорно кричала “тусуем, братки” и всё срывалось в неугомонную вакханалию конца и края которой не было видно. А Милена никак не могла поверить, что женщине перед ней уже шестьдесят лет, или тиров? Вот в этом она так и не разобралась.

С десятков тиров назад Хэла психанула и с Верлеасом как-то смогла то ли вытащить, то ли сотворить скрипку. Правда струны пришлось делать самим, а точнее женщина нашла какой-то странный струнный инструмент в Соёлте, что-то наподобие арфы, с которыми изображались обычно греческие боги. Сняв струны с этого инструмента, Хэла оживила скрипку, потом смогла научить играть других, а потом и вовсе смогла сделать такой же инструмент с местными мастерами.

И сейчас все не просто горланили песни под дудки, а уже полноценно отплясывали под скрипки, дудки и какие-то бубны. И кажется угомонить Хэлу в её стремлении оживить тишину вокруг было невозможно.

— Что тебя тревожит, котик мой, — спросила Хэла, у стоящего рядом с ними Брока.

— Силтая хочет, чтобы я объявил сына наследником её титула, — ответил сын Рэтара, говоря о правительнице свободного города и матери погибшей супруги Брока.

— Это же был решённый вопрос, — уточнила Милена, сидящая рядом с ними.

— Да, — ответил он, — но в будущем. Ему нет и десяти. А как только она объявит об этом, то начнётся возня вокруг него, и в конечном итоге он потеряет детство.

— Так сильно настаивает? — спросил Рэтар, хмурясь.

— Да, очень. А он ребёнок, — пожал плечами Брок. — Ему нравится бегать по лужам, ковыряться в грязи, купаться в море, есть снег и листья.

Они рассмеялись, глядя как мальчик бегал по залу с другими детьми.

— Попроси Тёрка её унять, — выдала Хэла, а мужчина, услышав её обернулся. Впрочем разговор он слышал.

— Хэла, — покачал головой старший брат Рэтара.

— Что? Ты её помнёшь немного и она станет вся такая покладистая, — ухмыльнулась чёрная ведьма. — В прошлый раз отлично получилось.

— Ведьмочка моя, — возразил Тёрк, фыркая. — В прошлый раз я на двадцать тиров помоложе был.

— Ой, смотри-ка состарился внезапно, — повела головой чёрная ведьма. — Не переживай, я тебе могу помочь, ежели чё.

И Хэла подмигнула ему, мужчина рыкнул, потом под дружный смех поднял её с колен Рэтара, на которых она сидела, обнял, а после посадил обратно, и конечно все они знали, что несмотря на возраст он явно приbedнялся, потому что был ещё здоров и крепок, что молодые позавидуют.

Роар сидел за столом, который по их возвращении сразу же был заставлен невероятным количеством закусок и выпивки.

Его дети были внутри веселья, только Эмрин уже обжимал кого-то из домашних девиц — наложниц в доме Гораном не было. Первым отпустил своих Рэтара, потом и Роар сделал так же. Наложницы Элгора в доме пробыли ровно до того момента, пока он не обвязался с Янсиной. Каждая из девушек получила средства для дальнейшей безбедной жизни, кто-то остался в Зарне, кто-то перебрался в другие места в Изарии, кто-то уехал совсем. Одна так вообще смогла стать супругой митара Алнама.

Элгор конечно не был верен только супруге, но и открыто содержать наложниц не хотел. У него была пара-тройка женщин, Роар знал о них, но брат вёл себя сдержанно и с большим уважением к супруге.

Сам феран не запрещал книтам содержать харны, но самому ему хватало супруги. Сейчас он смотрел как она веселилась со всеми и тут уж было спокойно за неё. Иногда правда подкалывало ревностью к Броку тому же, но Роар нещадно в себе это пытался давить.

— Пап? — Рада обняла его, а потом села на стол перед ним. — Что-то случилось?

— Нет, девочка моя, всё хорошо, — отозвался он. — С мамой не помирилась?

Роара действительно беспокоило то, что Милена никак не могла оставить дочь в покое, и из-за этого возникали конфликты, в которых он просто не понимал на чью сторону ему нужно встать, поэтому старался придерживаться позиции невмешательства. Но всё равно напряжение между любимыми женщинами угнетало.

— Она попросила прощения, — улыбнулась дочь.

— Правда?

— Да.

— А ты? — внимательно всмотрелся в дочь феран.

— Папа, — Рада укоризненно покачала головой. — Всё хорошо. И тебе стоит перестать хмуриться.

К ним подошла Милена и дочка оставила родителей наедине, если это вообще было возможно внутри такой толпы.

Возвращаясь в веселье феринина радостно оторвала от стены нахмуренного и вечно серьёзного Троя, который в этом был похож на отца, но Рада умела тана расшевелить и заставить улыбаться, сейчас утянув в общие гвалт и веселье.

Старший сын Элгора был старшим командиром в отряде митара, жил в доме и был неотъемлемой частью семьи Горанов. А ещё любимым мальчиком Хэлы и относился к ней, как к матери.

— Ты хмурый, — заметила ферина, садясь рядом с супругом. — Там был и сейчас.

— Нет, маленькая, — ответил Роар и поборол в себе желание нахмурить лоб сильнее. Вот ведь — действительно хмурится.

— Причина во мне, — проницательно заметила она.

— Милена, — вздохнул Роар и повёл головой, точно понимая к чему всё идёт.

— Нет, — заупрямилась она. — Ты опять ревнуешь.

— Знаешь сколько взглядов тебя окружали? — взвился феран.

— Нет, — горестно покачала она головой. — Потому что я не вижу этого, мне все эти взгляды не нужны, мне нужен один конкретный, только одного мужчины.

На глаза ей навернулись слёзы.

— И мой взгляд всегда обращен только на него. На тебя, Роар. И если бы ты не смотрел вокруг, если бы смотрел на меня, то заметил бы это.

Она встала и ушла наверх.

Мужчина вздохнул и налил себе выпить — хорошо, что хоть в этот раз супруга не припомнила ему Лету Анпу, которая тиров пятнадцать внезапно образовалась в портале Зарны и отдала ему злосчастный триф, который он дал ей в залог своего слова.

Конечно же Лета, как и полагается по обозначенному чёрной ведьмой “закону подлости”, наткнулась на всех кого только можно и главное нос к носу столкнулась в Миленой. Тогда супруга Роара устроила такой скандал, что из Халовкиного гнезда к ним заявила Хэла, потому что даже туда вдарило силой негодования достопочтенной ферины.

Роар глянул на тана и его супруга. Они были в противоположном углу комнаты. На длинной деревянной лавке сидел Рэтар, на коленях у него сидела Хэла. И Роар не понимал, как у них так получается. Спокойно и гладко. А у него всё не так.

— Где мама? — спросил Рейм, подходя к столу и наливая себе выпить.

— Устала, — ответил Роар, не поднимая глаз на сына.

— Отец, — позвал его старший сын и феран всё-таки встретился с ним взглядами. — Иди, а? Я тут посмотрю.

Рейм был всегда невероятно проницательным. Роар это называл “чутьё Рэтара”, потому что вот на кого был в основном похож его сын. Только за девками волочился так же как отец в его возрасте.

Мужчина ухмыльнулся, поднял кружку с выпивкой в сторону Рейма, выпил, потом кивнул и ушёл следом за супругой.

Миленка как раз хотела снимать платье, когда Роар вошёл в комнату. Они почти сразу, как она родила старших детей, стали жить в той части Зарны, где были те самые роскошные гостевые комнаты, так безумно её восхищавшие. Единственно что, в отличии от всех остальных здешних знатных пар, жили они вместе, а не отдельно.

— Я не хочу ругаться, — сказала она ему сходу, потому что чувствовала в нём кипение.

— Я тоже, — он подошёл и мягко развернул её к себе лицом.

— Роар, — качнула головой Миленка, но договорить он ей не дал, нагнулся и поцеловал. Этот его запах, эти его руки, губы, этот привкус алкоголя...

Миленка на самом деле столько раз думала почему не умеет ему сопротивляться, но сводило с ума даже спустя двадцать с лишнем тиров. Она впитывала его, вращала, становилась частью его уже вот в этот момент, чего уж говорить о бедовой пустой головушке, из которой напрочь уносило все мысли, когда Роар её прижимал к себе, когда его руки гладили её тело, а губы целовали. Когда они были едины в близости.

Это была какая-то магия. А уж как она тосковала по нему, когда он был на войне... боялась потерять и безумно, до помешательства, тосковала.

— Я знаю, что смотришь, светок, я вижу, но не могу ничего с собой поделывать, — прошептал Роар, раздевая её, продолжая целовать. — Не верю, что ты моя. Боюсь потерять, до смерти боюсь.

— Я здесь, Роар, — всхлипнула она, уже очень плохо соображая, плавила от желания и от слов, которые жглись, делали больно, но хотелось ещё и ещё.

— Я знаю, маленькая. Я знаю, прости меня, я так давно тебе этого не говорил, светок мой, — он взял её на руки, она обняла его шею.

И всё...

— Я люблю тебя, — прошептал Роар ей в плечо, когда она взмокшая лежала на кровати, пытаюсь прийти в себя. — Этого тоже давно не говорил.

— Вчера говорил, — шепнула она, жмурясь от горячих счастливых слёз.

— Я же говорю — давно, — и он проложил дорожку поцелуев вдоль её спины.

— Я люблю тебя, Роар, — ответила Милена.

Он фыркнул ей довольно в волосы и снова подмял под себя.

И вера, что так будет до самого их конца была такой осязаемой, что всё переставало иметь хоть какое-то значение. Остальное можно пережить.

Больше книг на сайте - Knigoed.net